

КЛЕЙМЕННЫЕ

БАСА

Чтобы пробудить силу, Клейменные должны выполнить ряд условий.

Необходимо спуститься из прекрасного мира в мрачный, людской. Только в нем раскрывается секрет власти над силой, что плещется в пространстве прямо перед нами. Клейменным надо быть тихими, спокойными и незаметными, как все представители человечества, не выделяться из серой массы.

И самое главное правило пребывания в людском мире — не возбуди интерес Карателя...

Клеймённые

Леона Хард (Баса)

Справка по миру и героям

(лучше читать после окончания первой книги или когда возникают вопросы в тексте)

Место действия: Земля — единая земля, разделенная на четыре округа в зависимости от климатических условий. В каждом из округов разная погода. **Приам** — вечная зима, кроме двух месяцев в году, когда наступает лето. **Питер** — вечное лето, и только месяц в году властвует зима.

Четырех округа находятся на одной земле, со всех сторон эта земля окружена океаном.

Землю делят **человеческая раса** и **раса Карателей**.

Клейменные тысячу лет назад были почти полностью истреблены и изгнаны за пределы человеческого мира. Тогда же переселились на острова (четыре острова). Острова соединены с землей специальными порталами — пространственными дверьми.

Во главе Человеческой расы и расы Карателей стоит **Наместник** (человек) — контролирует все округа. Над каждым округом властвуют три ветви власти.

— Каратели (поскольку сила решает всё, являются негласно главами округов) главный правоохранительный орган.

— Политики

— ученые, медики (занимаются техническими, медицинскими разработками) некоторые медицинские запрещены Карателями, а эти тайком.

Во главе всех Карателей — **начальник Карателей (Ольгердович)** кличка по отчеству. Избирается раз в четыре года, путем голосования четырех замов и начальника. На пост претендует один из пятерых. Должность зама по округу получают в честном или не очень честном бою среди Карателей в округе.

Приам — зам Гектор (предыдущим замом был его отец. Тот умер на задании вместе с матерью)

Питер — зам Еж.

Пронск — Кабан (умер в одной из первых глав. Гектор ему устроил взрыв в машине и поставил на его место в Пронске своего Карателя. "Лис") Это для того чтобы в следующий раз на выборах его избрали Начальником Карателей.

Перрон — Дог.

Клейменные в начале времен считались богами, которые по мановению руки создавали чудеса. Потом стали пользоваться своими силами, поработили человеческие умы, превратили их в рабов. Заставляли приносить им жертвы.

Порабощенные люди возненавидели богов и в этой ненависти однажды родился ребенок — Каратель, с иммунитетом к силе богов и с нечеловеческой силой, способной убить Бога. При трансформации Каратели увеличивают силу или во всем теле или выборочно. В такие моменты их кожа уродуется голубыми венами и максимально раздувается.

Постепенно Карателей становилось все больше и больше. Примерно тысячу лет назад Каратели почти истребили Клейменных, но сжалились и позволили им покинуть человеческий мир. Тогда же Клейменные нашли пристанище на островах.

Пара «Запечатанная-единственный». Официально как муж и жена. После процесса, конечно, необходимо зарегистрировать связь в суде. У единственного может быть сколько угодно официальных запечатанных, правда их необходимо содержать.

Процесс запечатывания происходит, когда сперма попадает в то самое место женщины.

И эти фэнтезийные микробы:))) *во выдумала* проникают соответственно в женщину, распространяются на весь организм и подстраивают под одного единственного мужчину. Женщина будет реагировать только на «своего». На запах, слюну другого мужчины ее организм будет бунтовать, вплоть до смертельных венерических заболеваний.

Клейменные не могут жить без человеческих эмоций, в противном случае медленно начнут «засыхать». У каждого своя эмоция-еда. Как только организм достаточно насыщается «едой» под воздействием сильного эмоционального всплеска сила Клейменного просыпается в первый раз. У Дианы — огонь. У Алины — проклятия, дар словами наносит проклятия. У Артема — состояние берсерка, жажда крови увеличивает силу.

После использования силы у Клейменного остается аура на теле в течение примерно суток. Эту ауру считывают приборы Карателей, те которые подносят к виску потенциального Клейменного.

Клейменные умирают соответственно от ран, от старости и третья болезнь — эмоциональная недоразвитость. Они эмоционально не стабильны. Три обморока — на третий само сжигание, самоуничтожение. Например, от насилия Клейменные само уничтожаются, проходя все три стадии сразу.

Клейменные не могут размножаться друг с другом, между собой они считаются как брат с сестрой, одна кровь течет в их жилах. От подобного союза могут родиться и вполне нормальные дети, а могут больные. Такие пары запрещены официально. С Карателями Клейменные тоже не могут, только с людьми.

Каратели могут «встречаться» и с себе подобными, и с людьми.

У Клейменных стоит блок против Картелей, они подсознательно избегают Картелей и не понимают от чего кто-то не нравится. Некоторые чувствуют Картелей на дальних расстояниях и избегают их. Другим не нравится, например, запах или исходящая аура. Что-то бесит, не нравится в этой особи. Возникает сразу отторжение к этому Карателю. Поэтому друзей или любовников Каратель-Клейменная в истории не было.

Отец Дианы проводил опыты над детьми с целью разбить это стекло и посмотреть, что произойдет при взаимодействии представителей двух рас. Выжила одна Диана. У нее нет отторжения с Карателями.

POV автор

В деревянной колыбели лежал маленький ребенок. Ее ручки забавно мельтешили в воздухе и пытались поймать полоску света, проникавшую в уютную кровать и мешавшую спать. Малышка хмурилась и продолжала пинать воздух, но настырный луч света не исчезал. Девочка кряхтела, отчаянно пыталась произнести известные лишь ей слова.

Возле колыбели на деревянном стуле расположился молодой мужчина. Руку свесил на край маленькой кровати и тихо посапывал в неудобном, сидячем положении ровно до тех пор, пока рядом не протянулась ладонь и не потрясла за плечо.

— Вставай, Захарий! — позвал мужской голос, принадлежавший более взрослому человеку.

Захарий проснулся, покрутил недоуменно головой влево-вправо, прогоняя сонную дымку после сна. Затем посмотрел вниз на кровать. Удостоверился, что малышка недовольно болтала лапками в воздухе.

Но живая! Дышит! И даже не бледная!

Захарий улыбнулся малышке, когда его опять похлопали дружески по плечу:

— Поздравляю! Восемнадцатая по счету выжила! Поразительно, мы травили ее химией восемь дней! Сделали из нее урод, а она улыбается!

Гости наклонились над кроваткой, где лежала малютка четырех месяцев от роду. А девочка и вправду заулыбалась, когда ножками дотянулась до вредного луча света, который мешал ее сну.

— Она не урод. Она моя плоть и кровь, — произнес гордо Захарий и поймал маленькую ножку в воздухе.

Действительно... совсем не урод.

Глава 1

POV Диана

Мы живем на острове, в открытом океане, изолированные от человеческого мира.

Клейменные энергией, при рождении отмечены клеймом на черепе. Но со временем клеймо исчезает и чтобы пробудить энергию мы отправляемся в мир людей.

Сегодня я и две подруги покидали мир острова. Возможно навсегда, возможно нет.

Если оглядеться по сторонам площадки, на которой находились, видно голубое небо, плавно сливающееся с нескончаемым океаном. Ветер на вершине острова очень сильный, но благодаря ему не сильно чувствовалась жара. Воздух легкий, его с удовольствием вдыхаешь и вдыхаешь.

На эту точку острова запрещено подниматься до совершеннолетия. Исключительно под руководством преподавателя разрешалось заниматься тренировками-боями или иногда поиграть в футбол. Эту игру Клейменные позаимствовали из мира людей.

И сейчас, напоследок перед отправкой в людской мир, решили размять ноги.

Я стояла на воротах, а Алина пыталась забить гол. Я — мазила, но хороший вратарь, а Алина наоборот дырявое сито, но меткий стрелок.

— Вы долго будете грудями мериться? — на голос Эли мы обе обернулись.

Эля на половину головы ниже меня, стояла почти на самом краешке земли. При этом подруга держалась за железную сетку забора, словно заключенный, выглядывавший сквозь щель камеры. Рассматривала голубой океан. Волосы у Эли темные, короткие до плеч, челка закрывала половину лица (один голубой глаз) от любопытства посторонних. В детстве Эля упала на палку. И это привело к последствиям — глаз очень сильно косил влево. Свой изъян подруга прятала за челкой.

Вчера Эле, последней из нас исполнилось восемнадцать лет, поэтому сегодня планировалась наша общая отправка в людской мир.

— Де-воч-ки! — громкий зов заставил нервно вздрогнуть, покрыться легкой дрожью. Возникло желание почесать правую руку, с изображенными на ней цветами, но я стойко сдержалась.

Странная реакция у моего организма на Артема: кровоток усилился по венам, сердце активнее заработало, насыщая организм кислородом. От слишком активного дыхания голова начала кружиться.

Клейменные считались, как одна семья. Зазорно... отвратительно... омерзительно — это только начало монолога отца, когда тот застал нас с Артемом два года назад в океане.

В тот день, когда Артем покидал наш мир и готовился к отбытию в людской, я долго за ним наблюдала с берега, скрываясь в тени дерева и не решаясь подойти. Это была его последняя ночь на острове Клейменных, видно он желал побыть в одиночестве.

После длительного наблюдения я сама разделась, сама пришла к Артему в океан.

Я обожала дыхание Артема, его запах. Мужчина ассоциировался с тем, что больше всего любила: свежий океан и теплый воздух.

У всех Клейменных одна кровь, пусть и родители разные. Законом Клейменных запрещено скрещивание двух представителей расы. Но в тот день я была глуха к правилам, лишь одно пугало — могла его больше никогда не увидеть!

Среди тишины ночи и легкого покачивания волн, я тогда сильно вздрогнула от своего

имени, произнесенного громко и яростно отцом:

— ДИАНА!

Страшно. Не думала, что гнев нашего вождя Захария (по совместительству отца), коснется когда-нибудь и меня. Но я рада, что отделалась лишь татуировкой на правой руке, нервной чесоткой и страхом темноты.

За нарушение законов могли навсегда оставить калекой.

— Детектор слежки за Артемом включен! — посмеялась рядом Алина, чем отвлекла от раздумий.

Артем поднимался со стороны дороги наверх острова. Он темноволосый, как почти все Клейменные. У него необычные глаза, как у зверя (у кошки) почти прозрачные, сероватые. Когда их щурил на солнце, казалось будто обдумывал хитрость. Друг слегка оброс, щетина проявилась на лице.

— Артем, как людской мир? Погряз во лжи? — спросила Алина, при этом улыбалась. Сложно понять флиртвала она или нет — вряд ли, манера общения такая, но меня это напрягало между ними.

— Ты там придется по вкусу, красавица! — подмигнул Артем подруге, чем заставил меня только вскипеть.

Разозлиться. Возникло желание рвануть отсюда и оставить этих двоих наслаждаться друг другом. А Артем продолжал изводить нервные клетки тягучим голосом:

— Слышал вас в Приам отправляют?

Артем посмотрел, наконец, на меня, а не на грудь и роскошные темные волосы Алины.

Я кивнула равнодушно на вопрос, но отвернулась, поглядывая себе за плечо, словно зеленая трава под носом важнее, чем Клейменный.

— Я в соседнем округе живу. Всего час-полтора езды, если нужна будет помощь? — предложил он. Никто не отвечал, поэтому сложилось впечатление, что вопрос адресовался мне, поэтому я кивнула на прощание:

— Спасибо, Артем!

А потом направилась к краешку площадки, где валялись рюкзаки, а подругам дала этим жестом приказ — уходить.

— Ну бывай, жеребец! — услышала опять от Алины обращение к другу.

Я опять легонько сдавила челюсть и пальцы сжала в кулаки от раздражения.

Алина... да, шикарная брюнетка, фигуристая, кареглазая, с копной пышных волос, заплетенных часто в косу, и хитрящей улыбкой. Они всегда хорошо общались с Артемом, я же не умела с ним общаться, предпочитала отмалчиваться в его присутствии. Единственный раз проявила эмоции при его отбытии в людской мир — полезла целоваться.

Два года Артем не появлялся на острове, два года не вспоминал обо мне, словно умерла. Исчезла для него.

Пока спускалась по серпантину острова с одной стороны видела высокую, металлическую изгородь, а с другой — под сенью вековых деревьев расположились небольшие деревянные дома, где проживали Клейменные. Тропинка привела к одинокому, стройному дереву, при прикосновении к которому теряешь твердую опору под ногами.

Дерево — это «дверь». Отсюда — туда.

Наше предназначение в жизни — подключиться к силе в новом мире и воспроизвести потомство. Но почему-то ни один из Клейменных не вернулся в наш мир обратно, все предпочитали жить среди людей с опаской быть пойманным Карателем.

Самое главное правило — не попадись на глаза Карателю!

На белоснежном песке возле дерева я приостановилась. Перекинула через плечо поудобнее рюкзак, подождала молчаливых подруг и прислонила ладонь к тонкому, корявому стволу. Пока притяжение сработает, было несколько минут, чтобы поднять взгляд на голубое, чистое небо над островом. Идеальный... мой мир.

Не хотелось бы, чтобы темные, грозовые тучи когда-либо завладели этим голубым небом.

POV Диана

Перемещение длилось всего пару секунд. Когда открыла глаза, то обнаружила, что стояла больше не на песке, а на более твердой поверхности. Так и было. Густая трава под ногами, а повсюду много-много деревьев. Солнце с трудом пробиралось сквозь густую листву.

Я всего один раз пересекала этот мир с отцом в день похорон матери.

Сегодня довольно бодро сумели отыскать выход из леса. У нас была путеводная ниточка в лице Эли, которая вытащила мобильный телефон, любезно подаренный братом.

Путь наш пролегал вдоль трассы к округу «Приам». По дороге пытались словить попутку, но тщетно — помогать никто не собирался.

— Диааааан! — как-то по середине дороги завывала Алина и взяла меня за плечо, препятствуя ровному шагу. — Слушай!

Подруга вышла в одну линию со мной.

— Что? — устало спросила.

Я до сих пор злилась на ее манеру общения с Артемом, поэтому разговаривать не хотелось. Алина очень низкая, отчего ей приходилось смотреть на меня снизу-вверх. Поэтому она жаловалась, что я — дылда.

— А у тебя великолепный шанс появился! — заметила с очень «сверкающей» улыбкой подруга. Это означало, что у нее гениальная мысль. Обычно гениальность ее мыслей (например прыгнуть с верхушки острова и посмотреть разобьемся или нет) мы ставили под сомнения.

— И какой же шанс? — поинтересовалась для вида.

— Артемка! Артемка! — загадочно мелодично пропела подруга. — Вы теперь вдвоем в мире людей. И ни что вам не мешает согрешить против святой земли нашего рода!

Я шла и молчала, но кто бы знал сколько упорства и внутренних сил потребовалось, чтобы сдержаться и не ответить подруге в грубой форме. Очень тяжело сдерживать раздражение, особенно когда давили на слабое место. Артем — единственное, что в жизни беспокоило.

А подруга продолжала словесным орудием вырезать рану в сердце еще сильнее:

— Никто не узнает, Диан! Артемка сильно взглядом испепелял тебя! Одно слово и думаю он пойдет на «это»! — подтолкнула плечом она.

И я не выдержала, процедила сквозь зубы:

— Заткнись, Алин! — заметила тихо, но очень твердо. — Понимаешь, заткнись! Это запретная тема! У нас... ничего быть... не может! Сама это прекрасно знаешь...

— Почему не может? — перебила подруга с поистине удивленным голосом.

И продолжала убивать своей логикой:

— Всё может! Просто детей не может быть!

— Хватит! — в последний раз оборвала ее. — Ничего у нас не будет. Это не правильно.

— Ты стала, как твой папаша, такая же занудная!

— Раз я занудная, то и не разговаривай со мной! — вырвалось. Теперь я остановилась резко, встала кулаки по бокам и наклонила голову к Алине вниз. Той тоже пришлось остановиться, но только в ее излюбленной позе — руки под грудью, чтобы подчеркнуть

объемы.

— И не буду разговаривать! — ответила она надменно.

— Вот и отлично!

— Прекрасно!

Мило поговорили. Я резко вышла на лидирующую позицию, потом Алина, а сзади Эля.

И надутые, маленькие девочки молчали оставшуюся дорогу. Я от досады пнула камешек на дороге и тот полетел по земле и свалился в кювет. Все-таки я мазила, даже ровно по дороге не могла пнуть камешек. И куда деть раздражение. Кого бы пнуть?

— Итак, девочки... — это серьезный голос нашей дорогой Эли прозвучал сзади. Она вышла на передний план, оставив нас надутых смотреть за ее серой футболкой и шортами. Подруга в руках держала включенное средство связи — телефон.

Существовало одно простое правило — при пересечении пространственной двери, вся связь должна быть выключена.

На острове можно включить, например, полный заряженный планшет и посмотреть фильм, скаченный заботливым братом Эли.

— Итак, девочки! — вновь громко сказала она. — Нам еще километр и входим на окружную кольцевую, отсюда заказываем такси и едем до твоей тетушки. И помним святое правило, глупые мои подруги: НЕ ВЫСОВЫВАТЬСЯ!

Эля выразительно обернулась и одним голубым глазом посмотрела сначала на меня, будто приказывала, а потом на Алину.

Вот и "Приам" — звучало на большой табличке с изображенным на ней всадником.

Пока вызывали такси до дома моей тетушки, прятались в тени дерева возле урны и автобусной остановки. Рядом молодые люди выпускали изо рта белую гадость-дым и дико гоготали. По возрасту, наверное, как мы.

Алина с обидой продолжала меня изучать. Еще пара минут и сдастся, первая подойдет. Не умела подруга долго обижаться, а я умела.

Вдруг я почувствовала странную волну ощущений, холодом повеяло. От этого нервно встрепенулась, покрылась гусиной кожей, а потом расслышала истошный крик, нарушивший спокойную атмосферу городских дорог. Женский голос...

За две секунды нашла источник крика. Женщина смотрела на дорогу и истошно вопила чье-то имя.

Еще секунда потребовалась, чтобы перевести взгляд и обнаружить маленькую девочку на зebre дороги. Это от нее исходили странные, темные ощущения, которые привлекли меня изначально.

Что-то словно на ниточке призывно потянуло в ту сторону, я и не думала в тот момент.

Рванула резко вперед, с трудом успеваю пролезть перед машиной, которая отчаянно засигналила.

А я подняла девочку на руки, прижимая к груди, как можно выше от дороги. Думала куда рвануть. Не успела.

Тяжесть надавила на ноги...на пальцы, защищенные только кедами.

«Святая земля...святая земля...» — только молиться успевала, пока ощущала боль в ногах.

Откуда-то набежали люди, малыша вырвали из рук.

А я ни разу глаза не закрыла, не моргнула и не разговаривала. Я хоть и напрягла мышцы, но ощущение, что ногу отдавило. Пальцами могла пошевелить, значит кости целы. Потом

боль слегка отпустила.

— Вы как? — спросил неизвестный мужчина, при этом держал меня за плечи и рассматривал. — Простите, я не успел притормозить. Я вас не задел?

Мама малышки на коленях возле девочки, гладила заботливо дочь по кудряшкам, но с подозрением оглянулась в мою сторону.

— Конечно, не задели! — поспешила уверить я, но губы плохо слушались приказов.

На кроссовке левой ноги увидела черную полоску, видимо, от колес машины.

Броня-мышцы выдержали примерно однотонную, людскую машину. Кто придумал эту технику для убийств?

Я поспешила улыбнуться женщине, будто не мне переехали ногу.

— Диана! — заголосили испуганные подруги, резко развернули за руки, рассматривая на предмет целостности.

А потом возле правого виска я почувствовала ледяное дыхание стали. Моя голова наклонилась влево примерно на сорок пять градусов от давления на висок.

— Стоять на месте одну минуту! — прозвучал твердый, не терпящий возражений голос. — В противном случае заберу в Темный дом и проведу допрос с пристрастием! И руки! Очень! Медленно! Вверх!

Я медленно подняла руки вверх ладонями к девочкам.

Женщина взяла под мышку малышку и отдалилась от нас. Любопытные зеваки смотрели в нашу сторону и шептались, обсуждая улов. Толпа людей медленно отошла, сделав пустой круг между нами и «ими».

Народ с опаской взирал. Мама прижала малышку поближе к себе и закрыла телом. Хотя, я только что спасла ее дочь.

Точно! Забыла... я же нечистая сила для вас... люди... И вы готовы мою голову проткнуть колом. Да, да, я помню, что вы нас ненавидите. Я тоже вас не очень люблю. Вы — изверги!

— А что вы делаете? — Алина показала самую обаятельную улыбку. — Мистер, зачем вы моей подруге в висок прозрачную железку суете? Подскажите, пожалуйста?

— Заткнись, красавица! — вот теперь я могла увидеть и другого человека, прислонившего к виску Алины нечто голубовато-серое, представляющее собой металлический прямоугольник.

В облике незнакомцев почти не было разницы: черные спортивные штаны (и это в жаркую погоду) и толстовки с накинутым на голову капюшоном.

— Может не стоит тыкать девушек сразу при первой встрече, а как насчет познакомиться для начала? — продолжала Алина разговаривать видно с моим мужчиной справа.

— Слушай, дамочка! — рядом с подругой человек поудобнее перехватил штуку в своих руках и надавил предметом посильнее той на висок. Потом нажал округлую кнопку сверху и «штука» в его руках стала ярко сверкать. — Еще слово и скажу, что Клейменные при задержании оказали сопротивление и твои мозги оросят клумбу с цветами!

Я не видела лица мужчины рядом с Алиной, но по интонации голоса четко уловила улыбку. Он наслаждался ощущение пойманной добычи. Вокруг собиралась толпа любопытных шептались, но не вмешивались, а смотрели, как на рыбу выловленную из воды, которая на суше будет задыхаться и скоро умрет.

В мире людей есть Каратели — наша погибель, с невероятно развитой физической

мощью. От их ударов сложно спастись, поэтому с детства Клейменных учили обороняться. Путем длительных изнуряющих тренировок, наши тела стали прочны, как камень, мою кожу не пробьешь. Сколько ни бей, эффекта ноль, не больно, но только если виден удар и я подготовилась к нему заранее.

Я не боюсь смерти, что такое смерть? Разбиться об воду, если упадешь с открытой площадки на острове? Это не страшно. Получить удар, это не страшно, машина переедет — теперь проверено: это не страшно. А попасть в темный дом... руки задрожали. Я нервно зацепилась за материал шорт похолодевшими пальцами.

Из темного дома нет выхода. Родители по ночам пугали детей Клейменных:
«Если не будешь спать, то придет Каратель и заберет тебя».

Из темного дома выносили трупы Клейменных. Это место где нас пытали, чтобы разузнать вход в наш мир. Но никто не сознался, не знаю почему, ходили слухи, что срабатывал какой-то инстинкт и мы само уничтожились.

Если сейчас прибор в руках Карателя признает, что я использовала силу, то я... мертвец. Прикрыла глаза от внимания толпы, и тогда же холод стали покинул висок. А я смогла вернуть голову обратно в вертикальное положение.

— Прошу прощения, — услышала голос моего Карателя справа. — Чисто! Благодарю за общественную сознательность!

Каратель поклонился и медленно стал отходить по дорожке, до сих пор не поднимая головы. Как верный поданный перед великим вождем или, как Клейменные перед отцом. Каратели рядом с Элей и Алиной убрали прибора во внутренние карманы толстовок и точно также вежливо поклонились капюшонами и исчезли.

Толпа начала редеть, когда рыбешек отпустили обратно в водоем.

— Я просила не высовываться! — услышала наставительный голос Эли. Сказано это было почти шепотом, едва приоткрывая губы, а голубой глаз подруги был темнее нашего неба во время шторма.

Я не использовала энергию, у меня нет с ней еще связи. Я использовала физическую силу собственного тела, достигнутую путем длительных тренировок. Такую силу способны развить и обычные люди. Поэтому прибор не сработал.

Мама, спасенной девочки, на секунду повернулась ко мне и в ее взгляде промелькнуло подозрение, потому что глаза были чуть прищурены. Затем женщина зашептала малышке что-то на ушко и взяла ту за ручку.

— Да ладно тебе! — приобняла Алина разгневанную Элю за плечо и прижала к себе, а потом и меня ухватила за шею, приблизив наши лица друг к другу. И жарко зашептала. — Помните Элькин брат скачал фильм на планшет. Там дядька в синем трико и плаще летал вместе с самолетами и спасал народ. Eeee! Я — супермен!

Алина насмешливо оторвала руку от плеча Эли и вытянула ее вверх сжатую в кулак, а вторую вниз по бедру, демонстрируя, как летал герой фильма.

— Тебе смешно... — продолжала тихонько отчитывать Эля.

А я не удержалась, одной рукой обняла себя примерно на уровне талии, а локоть второй поставила на нее и пальцами прикрывала свой смех.

— Диана — супермен! — продолжала насмехаться Алина.

POV Диана

После небольшого приключения вызвали такси и добрались до необходимого адреса.

Это дом тети Кати — родной сестры папы, нам разрешено временно пожить у нее, пока не встанем на ноги и не начнем зарабатывать.

Нажали на звонок в ожидании открытия дверь. Та быстро распахнулась и перед нами высунулось туловище моей тетушки, облаченной в красный фартук в виде сердечка. У Кати красные губы, как у некоторых ярких цветов на нашем острове. Мушка возле ее губ, всегда будто двигалась на коже, когда родственница разговаривала.

— Девочки, привет! — тетушка распахнула руки. — Я бы вас обняла...

Потом показала на свои ладони, а те были словно в саже.

— Проходите, я делами занимаюсь, через минуту буду свободна.

И родственница оставила нас в гордом одиночестве, пока мы снимали кеды и бросали рюкзаки при входе.

Смутно припоминалась в прошлом обстановка, а ведь я здесь прожила три дня на похороны матери. И я совсем не помнила мать. Я вечно на острове, а она в людском мире.

Из кухни доносился грохот посуды, на этот звук мы и пошли. Голубой цвет был во всей кухне и на потолке, и на обоях, и на люстре, шторы закрывали собой окна, поэтому в помещении царил полумрак.

Тетушка располагалась спиной к нам возле плиты и от ее правого плеча струйкой вился дымок.

— Девочки, простите, пару секунд. Мне нужно приготовить одну вещь.

Родственница задрала правую руку и пристально рассматривала в зажатых пальцах что-то, напоминающее корявую веточку.

Я прищурилась, разглядывая:

— Что это? — вырвалось прежде чем, сделала шаг к Кате, чтобы полюбопытствовать.

— Лапка ворона. — четко произнесла почти по слогам тетя и бросила веточку в кипящую кастрюлю.

Я в полушаге вздрогнула и остановилась по середине плитки-пола. Тетушка от внезапного взрыва кипящего варева отпрыгнула, но мерзкая жижа из кастрюли успела достать до красного фартука в виде сердечка.

— Тетя! — вырвалось громкое восклицание после того, как оглушительный звук прошел.

Ощущение, что сейчас небо над островом взорвалось и расщепилось на множество осколков. Вот так в грозу часто громыхало.

Тетя безостановочно кашляла, дым вырывался из ее рта, а кипящее вареву полыхало красивым красно-синим огнем. Потрясающая картина, как горела жидкость.

Я выключила плиту, повернув рычажок в сторону, и огонь погас под кастрюлей, а над пузырящейся грязно-серой массой пока что нет.

Тетя моргала, от дыма, попавшего в глаза, и терла красивые, черные ресницы, от этого разводы обозначились на коже лица в виде больших кругов.

— Что это такое? — спросила не отстающая я.

— Это зелье, — поведала тетушка спокойно.

— Какое еще зелье? — вырвалось раздраженно. — А соседи? А соседи слышали звук?

Вдруг дошла мысль. А если взрыв слышали и сейчас набегут соседи, вызовут Карателей и нам... Мне теперь везде будут мерещиться Каратели после сегодняшней нечаянной встречи с тремя из них.

Тетя поспешила успокоить:

— Успокойся, Диан. У меня просто новый сосед по лестничной клетке появился!

Тетушка перестала тереть глаза, распахнула их на максимум. И теперь белые глазные яблоки, а вокруг черные страшные круги, смотрелось жутко мрачно, как в ужастике.

— И я готовила для него любовное зелье! — поспешила добавить Тетя.

— Любовное зелье? — неверяще спросила я.

У нее такая необычная энергия? Умеет жидкости заговаривать? Никогда не слышала о подобном.

— Не волнуйся. Я что-то типа знахарки, подрабатываю в интернете. Варю травки, а глупые людишки покупают, думают заколдовываю жидкости. Глупые. Это обычный афродизиак, — ткнула тетушка красным ноготком в кастрюлю. — Приглашу нашего нового соседа, подолью в чашечку чая напиток и он — мой!

Тетя мечтательно закатила глаза к потолку и хлопнула в ладоши, как маленькая девочка, которой пообещали что-то приятное сделать родители. Я похоже радовалась, когда папа приносил конфетки из людского мира.

Для того, чтобы жить среди людей, надо быть похожими на людей, не выдающимися и совершенно не примечательными.

Я резко развернулась в сторону открытой двери из кухни, где была Эля. Но привлек внимание не вид подруги, а мелодичный звук по всей квартире. Кто-то звонил в дверь после взрыва? Это странно и настораживало.

Я очень укоризненно обернулась на тетю, пожелала ей много проклятий на голову, на что Катя отреагировала совершенно спокойно: всего лишь поигралась губками, будто пережевывала травинку задумчиво и развела руки ладонями вверх. С намеком, что не виновата.

— Открой дверь, я пока умоюсь, — тихонько шепнула тетя и выпихнула меня с Элей за дверь кухни. Сама осталась внутри, а нам теперь надо было отвечать на звонок.

Распахнула дверь и не успела оценить вошедших, под силой толкания ладонями ввалилась обратно в прихожую. Как будто в скалу врезалась и отскочила обратно, как футбольный мячик.

Меня буквально тараном прошибло два тела — причем высокой плотности и прочности. И началось...

— Такие юные и уже в оргиях погрязли. Пропавшее поколение! Хотя один звук услышим сегодня — Карателей вызовем. Как жизнь не справедлива. Бывают прекрасные существа из Клейменных, а их уничтожает. А есть люди, такие как... — одна из женщин указала ладонью на дверь, где стояли притихшие, как мышки, мы с подругами и там же тетя пряталась на кухне.

— Вот бы вас забрали Каратели в темный дом! — напоследок пожелала вторая женщина, прежде чем вальяжно покинула дом тети.

Надо ли говорить, как долго я срывала зло на тетушке, как долго повышала голос и отчитывала неразумную женщину, у которой мозгов нет в таком-то возрасте. Катя мимо ушей пронесла мои возмущения, спокойно отмывала кухню, терла тряпкой пол, на который

попали брызги от варева, девочки молчали, а я выплескивала эмоции за день.

У меня нет желания сдохнуть в первый же день пребывания в людском мире. Не хочу попасть Карателям в лапы на растерзание, они не гнушаются любых способов наказать ненормальных. Мы опасны для людского народа, наша сила их пугает и они сделают все, чтобы нас полностью истребить.

— Высказалась? — спросила тетушка, когда я чуть замолчала. — Идите вещи распаковывайте. У меня три комнаты: кто-то двое, кто-то одна.

Мы с Алиной взяли одну на двоих.

Поздно вечером лежала в кровати и размышляла о том, зачем полезла спасать девочку, я разве отличалась доброй душой, суперменша, как говорила Алина. Я местами эгоистка, моя шкура мне дороже, но те ощущения от людей были привлекательны. Я чувствовала странный, возбуждающий запах, он наполнял легкие и оседал внутри. Эмоции были очень... красочными. Живыми?

POV Гектор

— Пффууу! — выдавил из себя все неудовольствие и продолжил пяткой кроссовка постукивать по полу. Задолбали. Руки положил на подлокотники, приклеиваясь иногда к черной коже кресла. Как же жарко! — взывал я молча о спасении у белоснежного потолка и вентилятора, стоявшего рядом в углу. Он крутился и гонял, падла, жаркий воздух. Жаркий! Какой толк от верчения вентилятора вокруг оси.

Поправил волосы, налезавшие на глаза и вновь протяжно выдохнул. Во рту аж стало жарко, я предпочитал холодное время года. В джинсах все упрело и белая футболка прилипла к телу.

— Простите... — подошла очень высокая женщина, правда не мой типаж, но ладно. Улыбнуться можно, что я и поспешил сделать.

— Да? — спросил почти шепотом, спину приподнял повыше к креслу. Обслуживающий персонал в виде официантки-секретарши, которая была одета строго в форму: белый верх и черная, обтягивающая юбка. Я впервые в жизни почти не обратил внимание на прекрасный бюст леди передо мной, что та эффективно демонстрировала. Зато представил, как ей жарко между ногами, в обтягивающей юбке, всё должно быть слиплось. Бедная секретарша!

— Чай, кофе? — заискивающе улыбнулась. Вполне мило, как невинная девочка, хотя тетеньке за тридцатку.

Водка, коньяк... кровать?

— Чай зеленый, — ответил с крайне широкой улыбкой на устах, подпер пальцами подбородок. И наблюдал за клоуном перед собой, который развлекал пока скучно сиделось.

Почему женщины думали, что я всегда серьезен?

— Зеленый? — уточнила секретарь и распрямила спину.

— Да! — кивнул головой я и глазами-ресницами дополнительно для пущей убедительности.

Ольга (ударение на последний слог) вечно сидела на чае для похудения, я поэтому в курсе о воздействии зеленого чая.

Рядом с сиськами прочитал надпись на бейдже «Ольга Владимировна», вот и иди готовь, уважаемая «Ольга Владимировна».

Та ушла с озадаченным видом выполнять заказ, а в рекреацию вновь зашла целая толпа. Неприятная мне толпа, поэтому улыбаться перестал и руку убрал от лица. Умеют настроение испортить одним видом.

Итак, первая большая мозоль — сорок лет, аккуратная явно подстриженная в дорогой парикмахерской борода. Жаль ему шею там не перерезали, когда брили. Ёж. Бойкая тварь с проколотой губой и штангами на ушах. Весь из себя серьезный, дипломат, получил несколько высших образований, чтобы умело руководить Карателями округа «Питер». Пусть руководит до поры до времени...

— Добрый день, Гектор! — учтиво ответил гад — Ёж. Даже подошел к моему креслу, протянул руку для пожатия, признавая равным.

— Добрый! — ответил в тон, но не поднялся, чтобы подать руку. Лишнее. Демонстративно держал руки без движения на подлокотниках мебели.

Я тебя не уважаю, Ёж.

— Добрый день. Я не опоздал? — в открытую дверь зашла следующая раздражавшая морда, а Ёж продолжал тянуть руку для приветствия. В такой позе нас и застали.

Вторая морда по кличке Дог — заместитель Карателей по округу «Пронск». Длинный и худой, с зализанными волосами назад, аж гель блестел на них противно или он не мылся? Хотя ничему не удивляюсь, эти главари те еще поборники чистоты.

И буквально через пару секунд явилось четвертое лицо. Кабан — округ Перрон. Только тогда поднялся с кресла, я самый молодой, но самый высокий из всех Карателей.

— Кабан, ты еще жирнее стал? — без обиняков спросил. Беси́ла его морда, ничего поделатъ не мог.

Рядом с Кабаном красивая женщина с пухлыми, кроваво-красными губками, которые просились, чтобы их раскрыли на максимум. Чтобы прекрасную даму нагнули за затылок и опустили очень низко на уровень ширинки. И вот она опускалась на колени перед..... вот этим?

Рвотный рефлекс едва не сработал. Фу! Сморщился, представив этот ужас.

— Фу! — вырвалось у меня. — Фу! Фу! Фу!

Каратели переглянулись между собой, явно не понимали, отчего я скрючился и искал глазами официантку, да хоть с тем зеленым чаем.

Развидь, Гектор! Ослепни!

Умолял себя мысленно, пока дверь в кабинет нашего командующего Карателя не открылась, тогда вернул лицу более или менее нормальное выражение спокойствия.

— Добрый вечер, господа! — наш непосредственный начальник с неизменной улыбкой придерживал дверь. Высокий, с меня ростом, всегда улыбался, как я, даже если был зол. Человек отличного настроения.

Сначала вошли старшие по возрасту замы, потом пробрался последним я. Ольгердович — кличку дали по отчеству — смотрел за моим перемещением. Я ответил ему похожей улыбкой и подмигиванием, когда вошел в кабинет.

Мы расселись вокруг стола, заняли опять кожаные, вертящиеся вокруг своей оси кресла. Кожа! Опять кожа! Но одно хорошо, в кабинете работал кондиционер и спасал мои яйца от превращения их «вкрутую». Развалился на кресле с огромным облегчением напротив кондиционера и протяжно выдохнул, пока остальные спокойно усаживались. Жалюзи прикрывали от яркого солнца. На дворе сентябрь, скоро вновь учеба, а такая отличная погода.

— Господа, мы ненадолго. Обсудим насущные вопросы и поедем провожать лето. Я обещал дочурку встретить из аэропорта.

Опустим момент, что его дочурка — это моя Ольга. Что поделатъ? Не мог же отказать дочке начальника, к тому же техникой минета владела на ура. Причин отказывать не имелось.

— Итак, отчеты по вашим округам я получил. Более или менее, за последний месяц поймано только трое Клейменных, при условии, что теракты по-прежнему продолжаются. Хотелось бы узнать... — Ольгердович уселся во главе стола, весь в костюме, аккуратный семьянин, часы под сотан стоили, внимательно оглядывал нас и, видимо, хотел устыдить взглядом. Я-то не отпустил глаза в стол, как многие, а начал раскачиваться на стуле влево-вправо. Веселое занятие, пока идиоты-замы будут оправдываться.

— Почему так мало Клейменных поймано? Мы обладаем данными, что их по меньшей мере около тысячи по всему миру!

Ольгердович рукой с часами громыхнул по столу, словно объявил приговор плохому поступку. Мы молчали, один я крутился вокруг своей оси. Начальник пытался игнорировать меня, знал, что бесполезно учить уму-разуму.

— Кабан? — спросил первого начальник. — Объяснись?

Это надолго... Я невольно прикрыл рот пальцами, пока зевал. Я очень плохо спал, надо было как-то спастись, пока Ольга отдыхала.

Кабан минут пять нес откровенную ахинею, я еще раз пять зевнул от скуки. Откровенная лесть и триндеж всегда выбешивали. Ольгердович хоть и молчал, но я знал, что его тоже раздражал бесполезный треп и оправдания.

У Кабана в округе десять дней назад произошел взрыв в развлекательном центре, более сотни пострадавших, Клейменные, должно быть, вдоволь насладились этим зрелищем. Паразиты по сути. Я ненавижу этих жалких существ.

Мой отец и мать оба Каратели, пять лет назад умерли при выполнении задания. Их имена выдолблены на камне в центре города, как герои войны с Клейменными. Отец был предыдущим замом по округу Приам. Нет, у меня нет комплекса папочки, я ненавижу Клейменных не потому что меня бедного, несчастного, обидели. Меня никто не может обидеть, для этого надо под кожу залезть паразитом, в противном случае не возможно. Отец и мать знали, чем занимались, и я знаю.

Пять лет я убивал потенциальных претендентов на пост зама по округу «Приам», пять лет, пока Ольгердович не понял, что не позволю никому после отца занять это место. Никому, кроме себя.

Тогда и дали кличку Гектор — лучший воин среди Карателей. Со смехом лучший друг говорит, когда же появится великий воин Ахилес и отомстит за отнятые жизни, протащив мой труп по земле. Хотел бы я посмотреть на этого могучего воина. Любой может вызвать на поединок зама. Любой может изъявить желание побороться и со мной, но пусть попробует.

Пожалуй, одного человека не осилю и это Кабан, несмотря на оплывший вид, он — машина для убийств. Поэтому обычным мордобоем его не скрутишь.

— А почему Гектор помалкивает? — внезапно услышав голос наглого Кабана, я даже перестал вертеться вокруг своей оси, кроссовки поставил резко на пол. Посмотрел на заплывшую рожу Кабана, у которого не приятно вспотело лицо и от этого блестело. Кто на меня рот открыл?

Я взялся крепко за подлокотники, словно готовился к старту, мой взгляд обещал много «приятных минут» коллеге.

— У Гектора, — начал я, изобразив очень длинную улыбку: почти от одного уха до другого. — У Гектора всё прекрасно в округе. Терактов несколько месяцев не было, двое из троих Клейменных были найдены благодаря неустанным стараниям моих людей!

Наши переглядки с Кабаном нарушились резким вопросом Начальника:

— Какие способы получения информации выработал за последнее время?

— Ну как... — руки убрал с подлокотника и положил на прохладный стол, подъехал на стуле поближе. — Стандартная схема. Применяем физическое воздействие, к сожалению, многие успевают убить себя, прежде чем получаем правду. Они не пробиваемые, иногда кажется у них подсознательно стоит в мозгу, какой-то блокатор! — насмешливо покрутил пальцем у виска. — Нет. Ну серьезно, мы прибегаем к таким пыткам, что любой заплачет от страха, а они терпят, правда языки себе иногда откусывают... — засмеялся я.

Почему все подозрительно смотрят на меня? Это действительно весело, ты им только ножик подносишь к гортани, а они...

— Ты урод, Гектор! — заявил вдруг Ёж без обиняков. Я удивленно оглядел коллег и один искренне засмеялся среди напряженной тишины.

Да, господа, бойтесь меня...бойтесь. Я перестал резко смеяться, а улыбке позволил уменьшиться на лице.

— Это лучшая похвала для меня, Ёж! — ответил.

Вскоре собрание завершилось, а я вполне в добром расположении духа спустился по ступенькам с десятого этажа. Бодро перескакивал, улыбался прохожим, кивал знакомым, но не останавливался для того, чтобы поздороваться. В окна холла струился теплый, солнечный свет, люди были в отличном настроении, сверкали, как святые люди. «Святые»

Рассмеялся сам себе. Святых не бывает, мы все полны внутри дерьма, только кто-то признается в этом, а кто-то нет.

Это офис Карателей — мы являемся основным правоохранительным органом в мире, в четырех наших округах, следим за общественным порядком, за надлежащим исполнением законов.

Я по идее являлся начальником этого стеклянного, черного здания, возвышающегося словно черный штырь-пика среди серых, однотонных пятиэтажек. Это центр города, ближе к окраине дома становились более высотными, словно огораживая округ от трех остальных стальным забором. В этом месяце Ольгердович собрал совещание у меня в офисе, в следующем — в другом месте.

Каратели подчинялись только самому высокому званию в стране — Наместнику. Он главенствовал над четырьмя округами, а я обладал официальной неприкосновенностью, никто не мог меня судить, пока я занимал этот пост, если сместят, тогда вероятно отвечу за грехи и то не факт. Мои карательные меры распространялись исключительно на представителей Клейменных или Карателей. Беззащитных людей не трогал — они слабы. Это все равно, что ребенка обижать, наивного, глупого.

И, наконец...

— О...даааааа! — я громко высказал на всю улицу, когда вышел за дверь центра, руки распахнул в разные стороны, готовый всех обнять и расцеловать. Да! Я выжил в очередном дерьмовом сборе! Поднял руки высоко над головой, сцепив пальцы и потянулся, распрямляя спину, слегка позвонки похрустели.

— О, да! — довольно повторил очень вдохновенно с чувством будто испытал как минимум первый за сегодня оргазм. Две девушки, скромно шедшие по асфальтовой дорожке, невольно обернулись, разглядывая меня. Не удержался, подмигнул ближайшей к себе. Та чуть улыбнулась, но неловко отвернулась (еще бы я поймал ее за подглядыванием).

Ладно...опустил руки, не будем смущать невинных девушек. Ну и где этот бесполезный придурак? Посмотрел на часы на руке.

Опаздывал, не люблю опаздывающих, заставлю пешком до Питера бежать.

— Гектор! — а вот и чмо мое. — Я это...пробки! — поведал Андрюха. — Прости, пробки реально зверские!

Голос запыхавшийся и глаза серые, почти серебристые отдавали блеском, дышал часто, как ишак после определенного процесса. Стальная серьга блестела в ухе, как у бабы, и раздражала. Жаль член себе не проколол. Ухо проколол, ноздрю проколол и ходил вечно в черных жилетках и джинсах.

— Слушай, ты реально чмо! — заметил я, разглядывая друга. На пятнадцатилетнего юношу похож, он промелировал волосы. Руку ему жал и даже поддерживал его локоть, но смотрел с кривой улыбкой, давая понять, что не в восторге от него. Словно трогал сейчас протухший помидор, к которому было отвратительно прикасаться.

— Чё это? — взвизгнул друг, как нервная беременная женщина, и вытащил руку. — Я нормально выгляжу и нравлюсь дамам!

Друг поправил волосы на затылке, пару прядок волос. На что я отметил опять:

— Ну да... привлекателен девочкам от десяти до пятнадцати... Забыли! — отмахнулся от дальнейшего разговора. Встал, опершись спиной на зеркальное окно-стену здания.

— Мы разве не торопимся? — поинтересовался Андрюха, также приняв расслабленную позу возле здания.

Вопрос проигнорировал.

Оба молча рассматривали дорожку и жителей округа мелькающих мимо нас, ручеек-муравейник людей. Они нас не замечали, собственно, меня тоже мало интересовали.

Напротив нас оживленная, четырёхполосная дорога, по бокам припаркованы машины, а еще дальше огромная площадь с каруселями для детей.

День в самом разгаре. А на фоне на всю улицу были слышны звуки музыки для поддержания боевого, людского духа среди рабочей недели.

А ничего песенка! Щелкнул пальцами правой руки, а потом левой руки, итак по очереди, одновременно сделал плавную волну плечами справа-налево.

Пропел очень длинно и нудно, прям как чужак из песни что-то про страстный пожар. Бесил собственный голос, но петь девочкам на уши самое то. Скулить умел отлично, спасибо маме в хор в детстве отдавала.

— Гектор! — скривился Андрюха, всплеснул руками и отвернулся, не желая видеть.

Я отсоединил лопатки от стены и отошел чуть вперед, чтобы другу было за меня стыдно. Я еще и танцевать умею. Встал посередине дороги, где мелькали прохожие.

Вновь пропел, медленно, с чувством, будто отдавили яйца, как минимум:

«Мы будем... утопать... в этой... любвииии»

Сделал волну бедром, цепь теперь звякнула по заклепкам джинсов, еще больше привлекая внимание. Рядом кто-то остановился, что я увидел боковым зрением. Поднял глаза на друга, который заслонял лицо рукой, будто бы он не со мной и знать меня не желал.

А я продолжил. Скрестил ноги и сделал резкий поворот вокруг своей оси, цепь вслед за мной закрутила пируэт. Пальцем поманил друга и вновь запел с придыханием:

«Я буду нежным...ко мне иди»

Андрюха чисто физически попытался сплющиться в мокрое пятно на стене позади себя, раза в два уменьшиться по размерам. Не помогало. Я продолжал манить его к себе на радость толпе. Ритм движений отлично чувствовал, очень помогало в сексе. Хороший танцор — хороший любовник.

Дверь из здания приоткрылась и оттуда вышла жирная туша Кабана.

— Гектор! Ты опять балду гоняешь? Я не сомневался, — пренебрежительно окинул меня взглядом: отметил, что я стоял, не приплясывал, только плечами продолжал то влево вправо покачивать и пальцами выбивал ритм ладони. Словно аплодировал.

— А то Кабан! — громко выкрикнул. — Люблю балду гонять!

Руку отсоединил, резко наклонил и элегантно провел рукой по воздуху, сделав низкий поклон прежде всего его красотке, с пухлыми красными губками, которая стояла сзади него

и периодически окидывала мои бедрами заинтересованными взглядами. А еще мужиков озабоченными называли.

Эх, женщины.

Пока гвардия Кабана проходила мимо и рассматривала меня пренебрежительно, будто перед ними щенок валялся на дороге, а они думали пнуть или не пнуть? Заскулит или нет с просьбой о помощи.

А музыка продолжала играть на фоне, эта попсовая позорная песня, а я продолжал легко перетаптываться с ноги на ногу, будто танцевал.

Прошло около тридцати секунд. Песня завершилась с последним звонким аккордом и я руки выставил в разные стороны и пальцами сделал взмах резкий, будто направлял допустим, силу в воздух. Я, к сожалению, такого не умел, как Клейменные.

Зато умел так! Стоял в это позе: ноги перекрещены, руки в разные стороны, возвышался над многими людьми, голову покорно склонил вниз на асфальт, рассматривая неровные камушки под ногами. Громкие аплодисменты, особенно от женщин услышал, видел бабульку с палочкой, которая стояла неподалеку с внучкой и смотрела на концерт в моем исполнении.

Море оваций для нас с другом. С улыбкой обернулся на каждого, молча кивая, что рад одобрению.

Раз...

Кивнул очередной тетеньке на ее загадочный взгляд. Завлекающий.

Два...

Девушка кажется лет двадцати приблизилась с подружкой явно с целью познакомиться.

Три...

Бух! Бах! Шах и мат! Кто последний смеется, Кабан?

Девушки испуганно вскинулись, пригнули голову в ожидании, что сейчас небо взорвалось только что и грянет вниз нам на головы. Ломая и убивая под своей тяжестью. Две девицы успели за меня спрятаться и вцепиться в руки. Толпа вскрикнула после повторного длительного звука сработавших сигнализаций и вновь звука разрывающего пространство.

— Что это? — охнула дружно толпа.

На небо шел небольшой дым, дорога возле нас наполнилась тревожными гудками множества машин. Крик, гул — потрясающий коктейль паники, и я его медленно попивал.

— А вот теперь, Андрюха! — заявил громко. — У нас много работы! Простите, дамы, — вежливо вырвал руки из хваток дам (стальными когтями, наверное, оставили красные борозды).

Пошел вперед, с трудом пробираясь сквозь толпу. Отсоединил цепь от джинсов и медленно стал накручивать на правый кулак звено за звеном. Сантиметров тридцать от цепи оставил висеть вниз обязательно с карабином, который служил как самое действенное средство обороны. Больше я не использовал никакой вид оружия.

Через пару секунд услышал Андрея:

— Я всегда побаиваюсь, когда у тебя отличное настроение, — шепотом сказал он, пока мы просачивались сквозь толпищу людей.

А я, наконец, убрал «пидорский» голос и заговорил спокойным, не таким мягким:

— У нас несколько часов, пока слухи об убийстве Кабана не дошли до его группировок. Придется поработать, Андрюха! — прошли мимо последнего человека и стало немного проще, дорога освободилась.

— Бегом! — скомандовал своему подчиненному.

В кого-то врезался, точнее в меня кто-то врезался. Мощный удар пришелся в плечо и заставил сбиться с быстрого шага. Развернулся вслед за владельцем!?

Владелица? Остановился, оглядев четверых девушек, которые пробирались в гущу толпы. И самая ближайшая, которая прошла рядом, имела почти седые волосы, которые полностью закрывали ее спину и спускались до ее задницы небольшими завитками. А вот там интереснее... шорты джинсовые утягивали вообще-то ничего такую, хорошенькую задницу, а дальше голые ноги...ноги...ноги...ничего себе ноги. Не иксом, не колесом, а ровные, длинные. Я с любопытством повторил обзор женских ног снизу вверх и обратно.

— Гектор! — Андрюха резко выкрикнул на ухо.

— Что?! — реально испугал, поганец, я чуть не подскочил на месте.

Друг пожал плечами, как бы в извиняющем жесте, а я обернулся в сторону незнакомки, а та исчезла, растворилась, как дымка в воздухе, и даже запаха духов не оставила.

Я неудовлетворенно махнул пальцами в сторону пропажи. А потом резко перевел взгляд на друга с пожеланием ему сдохнуть в той гуще толпы, чтобы сотни каблуков его истоптали.

— Гребанный ты Клейменный! — взял его за жилетку двумя руками и в лицо ему выдал. — Я же ее лица не видел?!

— Кого ее? — спросил друг, глазами часто-часто хлопая в непонимании.

А я перешел на бег, пора было по делам. Андрюха скоро догнал, и мы припустили по опустошенным, городским улочкам в поисках темной машины.

— Я только что из-за тебя просрал обладательницу стобальной внешности по крайней мере сзади! — недовольно заметил в его сторону. — Правда, овца, врезалась и не извинилась.

Пренебрежительно указал на него пальцем в плечо, ох, с удовольствием просверлил бы ему тупой его мозг.

— Не девяносто девять? — уточнил Андрюха.

— Нет, сто! Понятно, как я зол?

POV Диана

Каратели имели более развитую физическую силу по сравнению с людьми, поэтому чтобы уравновеситься с ними, мы проводили изматывающие тренировки на острове. Мы умели подчинять силу из воздуха, но Каратели были созданы с иммунитетом к этой силе. Получалось равенство между нами. Но только этим миром правили Каратели, а мы были изгнаны много тысячелетий назад без права пересечения границы.

С этого дня начиналась полноценная жизнь среди людей. Пока завтракали, тетя попивала кофе, и читала лекцию. По сути, конечно, правильная лекция, или скорее советы и предупреждения с высоты прожитой жизни.

Для внедрения в состав людей, нам нужно делать тоже, что делают молодые люди восемнадцати лет. И это прозвучало, как приговор:

— Университет! Будете обучаться на самую женскую профессию.

Мы с Алиной в миг забыли былые разногласия, переглянулись.

— О нет! — подруга наморщила лоб, и надула губы, сделав вид, что готова заплакать. Эдакие губы уточкой, оттопыренные вперед.

А я просто положила руки на стол перед собой, а голову опустила с размаху. Лоб звонко ударился об стол, даже чашка с чаем зазвенела. Мне не больно, а вот столу не понятно.

— О да, девочки, о да! — ехидно закончила тетушка. — Да наполним ваши пустые головушки капелькой ума! — провозгласила громко Катя.

Эля весь завтрак занималась своими делами, а именно изучением техники. Теперь она могла сколько угодно долго пользоваться телефоном (на острове связи нет). И как результат, в интернете нашла социальную молодежную сеть, а в ней обнаружила своего брата Рому, а у того в друзьях некий Артем Твардовский. По фотографии опознали нашего Артема. Значит, ему сделали фамилию Твардовский.

У Клейменных нет фамилий и отчеств. Порядковые номера. Я Диана 676. Цифры — это отметки, которые были при рождении на черепе. Сейчас клеймо пропало.

Артем...Артем...Артем... его имя всегда кричало внутри, буйствовало в крови, заставляло сердце поспешно биться, пугаться чего-то. И каждая, каждая клеточка моего тела пропитана его запахом, я будто сохранила на память те события двух лет назад.

Вода в душе была очень горячей. Обжигающие капли змеями кусали тело, оставляли ощущение после себя, как от яда. Горело всё: и тело, и мысли. И это не от воды. Пар застилал зеркало в душе и частично мое обнаженное тело. Вода била струйками по губам, пробиралась сквозь них, и от этого я чувствовала приятное тепло во рту.

Я бы предпочла, чтобы не вода прикасалась ко мне, а Артем.

Не вода целовала, а его губы.

Не горячие капли попадали через губы, а его язык легко касался моего в некоем возбуждающем танце-ритме.

Я сегодня ведь едва-едва заснула, а подсознание заботливо дало воспоминание о том дне в океане с Артемом. Как нагим телом прикасалось к мужскому, помнила прикосновение грудью к жестковатым волоскам на его. От легкой, приятной боли соски мгновенно напрягались тогда в предвкушении.

И сейчас при одном воспоминании грудь стала тяжелой и очень остро реагировала на капли воды. Жар волной окатил живот, двинулся дальше вниз...ниже...по редким волоскам между ногами и словно стрелой вонзился в горячую плоть.

От одних воспоминаний блаженно прикрыла глаза, в памяти воспроизводя очертания Артема. А он никогда сам не целовал, не смотрел.

Я помню, как Артем учил плавать. Я боялась воды, а ребята смеялись и дергали за хвост. Артем предложил помочь с плаванием и обозвал трусихой. Не могла же ударить в грязь лицом, тем более хорошая возможность побыть с Артемом и папа разрешил. А обычно мальчикам с девочками нельзя быть вдвоем.

Я сохранила в памяти каждый момент, когда Артем поддерживал на воде. Вроде делал всё сухо и безэмоционально, но была согласна и на такие прикосновения. Лишь бы ощущать нашу близость.

Артем никогда на меня не смотрел, как я на него, не прикасался.

Аж плакать захотелось от собственной беспомощности, глаза увлажнились, но не от воды. Сейчас вода не доставала.

Я хочу Артема, хочу быть с ним. И не могу с этим ничего поделать. И не нужен никакой единственный мужчина из людей, и ребенок не нужен. Зачем? Я хочу Артема любить. Я больше не могу терпеть. Всего один день, один взгляд вчера, чтобы это в сотый раз понять для себя.

Вместо того, чтобы обнять его, как оловянная кукла, стояла без движения не могла с ним говорить. И сбежала подальше от него и своих чувств, а теперь больше всего мечтала вернуть тот момент и улыбнуться ему.

Каждый день писала короткие сообщения Артему в социальной сети. И каждый раз в ответ глухая тишина, он словно не слышал меня, по началу предполагала, что смс не доходили, может связь не работала и друг не видел обращений. Но потом Эля успокоила — каждое сообщение доставлено, только если не отсутствовала связь.

Я ничего не требовала от Артема, просто «Привет», разве сложно написать. Или его настолько напрягала моя любовь? Я и не собиралась бросаться на него, как в тот день на острове. Поняла, что иногда необходимо сдерживать эмоции, и не всегда они нужны окружающим.

Просто хочу хоть какой-то связи с ним, пусть и в простом слове «привет». Неужели сложно написать ответ!? Он сам предлагал помощь, по какой причине сейчас молчал? Или предложил для вида, чтобы показаться добреньким?

Что я подумала!? Артем не такой...он честный. Если сказал — значит действительно хотел помочь.

Последнюю неделю перед первым сентября мы провели в активной подготовке к новой жизни. Я теперь являлась гражданкой Приама: «Абрамовой Дианой Вячеславовной». Выросла в интернате, родителей не было, биография скучноватая на события.

С настоящим отцом я не виделась и он не появлялся в доме у тетушки, но, похоже, поддерживал с ней связь. Однажды Катя передала телефон для пользования — подарок от отца. А когда появится время, отец меня навестит.

Отношение папы не обижало, крепкой родственной связи не было. К тому же, прекрасно понимала: Клейменные старались держаться по одиночке. Ведь если одного ловили Каратели, то попадало под подозрения и его ближайшее окружение.

В первый день выхода в университет мы сидели на коричневом диване в зале и слушали наставления Кати. Просила не спешить себя запечатывать, имелось ввиду начинать сексуальную жизнь с женщиной без контрацепции. «Единственного» надо выбрать очень тщательно!

Сдались эти Единственные, не хотела ни о ком больше думать. Только об Артеме, только его рассматривала, как мужчину, остальные не интересовали. Сколько видела в людском мире, да и у нас на острове, никто не вызывал желания, чтобы прикоснулись.

Но нам надо дать потомство...нет уж, лучше до конца жизни оставаться одной.

А я перебила:

— Тетя? — позвала. При этом удобно сидела на подлокотнике дивана и отплясывала ногой от некоего беспокойства. Ощущение будто первый раз поставили на бой и не знаешь выиграешь или нет. Побьют слегка или косточки переломают?

Катя стояла ровно с гордо выпрямленной спиной напротив нас в элегантном бордовом костюме. Идеальная осанка.

— Что насчет силы? Подскажешь?

— Нееее, — весело улыбнулась тетюшка. — Мне никто не рассказывал, сама познавала и вам того же желаю. Это незабываемо! — мечтательно посмотрела родственница на люстру с зелеными листочками-стеклышками. — Кстати, помыть надо... Ладно девочки, собираемся. Сегодня отвезу, потом своим ходом. Скажу лишь одно — следим за эмоциями.

Мы с подругами обменялись не понимающими взглядами, оценили внешний облик друг друга. Эля в джинсах, кедах и толстовке. Я такая же: купила себе джинсы рваные на коленях, зауженные книзу, белые кеды, футболку и голубую с дырами джинсовку, а волосы убрала в высокий хвост. Вещи удобные для бега.

Алина же сверкала в черном платье, красиво обтягивающем фигуру, напоминающую песочные часы, и на каблуках.

Красота одним словом эффектная, решила видно всех убить. Вообще я щучу, конечно, Алина — потрясающая подруга, несмотря на свою одержимость всем нравиться. Ей жизненно необходимо, чтобы ее любили все и вся, может не доставало родительской заботы? Хотя у меня тоже туго было с любовью, но я ее полностью перенесла на Артема едва узнала его. Тогда же появилась цель вставать каждый день на острове — увидеть Артема!

Вот так мы и начали учиться среди людей на специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» среди двадцати пяти человек. Первую неделю не удавалось наладить контакт с одногруппницами.

Сидели на последней парте втроем и смотрели на спины людей. За неделю обучения ни одному бухгалтерскому счету не научились, зато узнали основные интересующие темы юных девушек.

Одногруппницы начинали компоноваться в группы, а мы как белые вороны, тихие и молчаливые. Эля — генератор мыслей искала пути, как бы влиться в студенческую жизнь. И нашла — для начала необходим был шпион в людских рядах. На роль этого человека выбрали одинокую девушку на третьей парте — рыжую в очках, она еще смешно указательным пальцем поправляла очки на носу.

Единогласно отправили Алину на передовую, она самая улыбочивый из нас и обаять способна всех. Справилась она с задачей идеально, как и всегда.

Спустя еще две недели одним солнечным днем расположились на обеде на полянке

возле университета. Захватили у тетушки покрывало из дома и положили на зеленую траву-газон. Я поставила ладони позади себя и направило лицо и шею теплым лучам солнца. Соскучилась по острову и вечной жаре, в Приаме прохладнее.

Люди оказалось в большинстве своем эгоисты, на остальных почти не обращали внимания. И на нас тоже.

— Девушки, закурить не найдется? — услышала обращение.

По газону неподалеку топали несколько кроссовок и мужских туфлей. Небольшая группа мужчин остановилась напротив. Я встретилась взглядом с одним из них, после чего поспешно посмотрела вниз ему на обувь. Парень изучал очень внимательно. Скользящая улыбка, которая слизнем обляпала с ног до головы. Хотелось плечами повести и скинуть с себя неприятную жижу. Зачем так откровенно пялиться? Рефлекторно от нервов почесала руку с татуировкой под джинсовой курткой.

— Не курим, — нашлась Алина-спасительница, которая ответила за нас.

Я не сдержала расслабленного выдоха, когда мужчины исчезли.

— А это были только что... — начала Люда и мы уставились в сторону пятерых парней, которые нас покинули и направились к фонтану. — Виктор Михайлович и компания. Вы только что профукали отличную возможность стать богатенькими чувихами.

Чувихи, чуваки, ну и жаргон у них здесь, безумно напрягали ее фразы при общении.

— Справа от фонтана, — продолжала наставительно Люда. — Располагается компания богатеньких, известных папенькиных и маменькиных сынков. Как вы понимаете, стать запечатанной такого человека очень престижно. А вот слева от фонтана...

Я аккуратно выглянула из-за плеча нашей шпионки и увидела несколько людей. В джинсах и кожанках, и в звенящем металле. Один из этих представителей сделал на месте сальто вперед. А я думала люди все неповоротливые. Неплохо для простого человечки!

— Это... не знаю, как обозвать... Низший класс. — подвела Люда итог шепотом. — Беднота знатная, НО дорогу не переходить, не дерзить и улыбаться. Под руководством... А! — Люда перевела палец в другую сторону по середине газона. — А это три Карателя.

Молодые люди стояли возле урны на тротуаре и разговаривали. А эти почему не скрывали внешность? Рассекретили? В обычной одежде, вполне простые люди и без страшных капюшонов. Голова, две ноги и две руки, на монстров не очень похожи.

Внезапно пришла мысль, которую я, не задумываясь, озвучила:

— Люд, а откуда такие глубокие познания? Ты же тоже первый курс?

Староста отвернулась резко, нервно как-то, вероятно вопросом я ее поставила в неловкое положение, но почему? Потом одгруппница поправила очки пальцем и ответила:

— Я брала академический отпуск в том году. Серая масса, стадо, как нам говорят, не должно выделяться. Третья группа неприкосновенных, сзади нас... по середине — большая свора галдящих девиц.

Мы с подругами синхронно обернулись, чтобы рассмотреть интересующие объекты. А их действительно толпа, очень много красочных девочек: блондинки и брюнетки, и одежда на них пестрых оттенков.

— Не пяльтесь! — повысила Люда голос, но при этом понизила. Как ей это удалось для меня осталось загадкой. Но получилось, что Люда шепотом выкрикнула. Мы машинально вздрогнули от ее внезапного испуганного окрика. Староста прикрыла незаметно лицо прядями волос, будто хотела спрятаться от всего мира и людей. Что ее напугало?

— Это Розы, — добавила Люда.

На вторую половину дня было запланировано Посвящение. Это загадочное слово означало, что собирались в парке за университетом, отмечали знакомство и выпивали алкоголь. Я старалась не выпучивать глаза (как учила тетя) при подобном объеме информации.

После окончившихся занятий небольшой группой прибыли в лесок позади университета, он полукругом будто стеной защищал учебное здание. До полноценного леса не дотягивал, из которого мы путешествовали, когда впервые появились в людском мире, но на понятие «лесок» вполне тянул.

Зелени здесь оказалось очень много, по сравнению со всем городом. В людском мире слишком мало свежего воздуха и зеленых красок, всё серое и блеклое, местами черное, как Каратели.

Прекрасные белые розы по бокам аллеи провожали нас к месту отмечания. Часть пакетов с тяжелым алкоголем дали мне, сказали с виду крепкая. Сунули в руки пакеты с приказом тащить и мнения особо не спрашивали. Мне было не тяжело, поэтому помогла.

А девушка, которая дала пакеты, была красивая по людским меркам — в сиреневых сапогах на огромной шпильке и такого же цвета короткой куртке по пояс, передвигалась впереди группы и указывала направление маршрута.

В девушке я сразу разглядела замашки лидера и внешность порядком запоминающаяся: красивые, белые волосы по плечи. Шла, словно танцевала, при этом были слышны указания.

«Ты сюда... Это туда... Не ори громко.»

Люда шепнула ненароком:

— Это одна из «Роз», про которых я рассказывала сегодня.

Что за странное сборище этих Роз и какова их функция?

Как главнокомандующие армией, только выглядели «кричаще»! Точно. Голубая сумка, розовые покрашенные губы, яркие длинные ресницы.

Но один вопрос оставался без ответа:

— Эй, — тихонько наклонилась к уху Люды. Кусты с цветами завершили и туда по дорожке из камней направилась представительница Роз, рассказывая о чем-то веселым голосом — А что делают Розы?

— Тссс! — зашипела староста. — Потом расскажу, не стоит привлекать...

Вдруг послышался задорный смех от той симпатичной девушки-блондинки в сиреневых сапогах. Она улыбалась, глядя на нас и махала рукой:

— Эй, Франкенштейн, как дела?

Возникло огромное желание обернуться назад и проверить, есть ли кто-то позади. Что я удивленно проделала и обнаружила — пустоту. Весь состав группы благополучно шел впереди по тропинке. Значит, относилось ко мне или Люде...

Новая знакомо понуро опустила голову, очки опять поправляя пальцем.

— Да не бойся, — объявила девушка из Роз, когда приблизились. — Франкенштейн! — взяла Люду, потом обняла за плечи по-дружески и потрясла слегка. — Почти не изменилась. Не бойся — проходи и ты проходи, чего встала? — последнее было сказано четко мне в лицо.

Проходи — так проходи! Конечно, можно было не так грубо, я вроде не глупая и с первого раза поняла и услышала.

А от тяжелых пакетов руки устали...

Я не совсем поняла особенности людского мира. Помнила основные правила — мужчин в разы меньше, их, естественно, больше ценили по этой причине. А для женщины основная цель, конечно, получить себе мужчину, который будет нести тяжкое финансовое бремя на своих плечах и ухаживать за ней и ребенком. Это в идеале, а как обстояли события на самом деле, придется узнавать на собственной шкуре...

Вышли по дорожке на краю леса: напротив было большое озеро, с трех других сторон деревья закрывали обзор на парк. Как в зеленой ловушке от всего мира, чувствовалась некая интимность в этом месте.

Поляна очень большая, поэтому не сразу определила наличие посторонних людей. Наша группа в неловком молчании приросла мысленно к земле подошвой, будто в трясине утопая, я даже проверила на всякий случай — подняла кроссовок. Нет, трясины не было. А почему встали?

Роза вышла с задних рядов и направилась по зеленой траве, взрыхляя каблуками землю.

Возле одного размашистого дерева валялось сваленное бревно, на котором удобно устроилась масса людей. Как их Люда обозначила — низший класс.

А там кто-то пел песню. Прекрасные звуки гитары раздавались громко, и нервно как-то, словно по струнам сильно стучали или били ладонью. Песня сменилась с мелодичной на более живую и грубую.

Волосы чуть не встали дыбом, мурашки, клянусь святой землей, пробежались по голове, когда услышала, как красивый голос с бойким настроением пропел про труп невесты и что он вытворял с ним, и в каких позах. А солисту вторили и смеялись еще несколько голосов.

Ужасно... Хотелось сплюнуть эту мерзость. Я ее почти телом ощутила, на каждой волосинке тела. Отвратительное отношение во-первых, к мертвому человеку, во-вторых, к женщине.

Роза тем временем подошла к Низшему классу, что-то мило сказала, на что гитара и красивый голос прекратили мучить мой неокрепший детский ум.

Один мелированный парень протянул руку и ухватил нашу одноклассницу из Роз за бедра. Нет, не так. Ухватил за правую половинку попы огромной мясистой рукой и придвинул к своему колену. Кто-то засмеялся и прокомментировал этот момент, как веселое событие.

Вероятно, это была его запечатанная, и парочка на людях не стеснялась проявлять эмоций. Что же... очень мило. Хотелось улыбнуться, ведь особо не видела открытого проявления любви между людьми, не считая нескольких фильмов.

Подождите... а почему с другой стороны просунулась рука еще одного и сделала увесистый шлепок по свободной левой половинке попы девушки.

Значит, запечатанной она быть не могла. Как же она принимала ухаживания от другого? Я чего-то не поняла в этой жизни? Надо будет у Люды или тети поинтересоваться.

— А почему мы остановились? — услышала вопрос Алины почти на ушко.

— Без понятия — также шепотом ответила, разглядывая как, весело хихикая, Роза отошла от группы страшных дядей в кожаных куртках. Не такие уж они страшные, просто песенки своеобразные пели и курили сигареты.

Одноклассница продолжила путь вдоль линии берега, и там оказалась очередная группа людей. А это компания богатых, как рассказывала Люда. Розу и там пощупали разные мужчины, кто аккуратно за талию приобнял, кто за бедро погладил.

Как я поняла, одногруппница спрашивала разрешение у местных компаний, можно ли остаться или нет?

Нам разрешили остаться, но мы уселись в противоположном конце поляны, существуя как бы отдельно, незаметно и очень тихонечко.

Расстелили огромный ковер и уселись кругом, слушая прелестную Розу. В основном она рассказывала местные правила, о преподавателях. Одним словом, ничего интересного. Рассказала бы, почему ее мужчины лапали?

Продолжали сидеть под аккомпанемент гитары и прекрасного голоса, хорошо бы еще пел прекрасные песни, а не про Темный дом и семьдесят рыл на нарах.

Вскоре возникла естественная потребность у организма, благо Алина согласилась составить компанию. У Розы узнали местоположение общественного туалета в парке, для этого надо было через всю поляну пройти на выход. Встали с Алиной, подруга копалась в сумке в поисках расчески и влажных салфеток.

Я тем временем подтянула джинсы на бедрах, вечно на костях висели и норовили белье засветить, и на коленях поправила ткань.

— Мать Божья! — услышала голос Алины, которая перестала копаться в сумке и замерла с ней в руках. И с каких пор подруга стала в Бога верить, а как же святая земля Клейменных? И вообще, что произошло? — Заверните в голубую упаковочку и розовым бантиком завяжите, я беру!

И что она собралась взять в свое эгоистичное пользование? Стало жутко любопытно, что это, и оно находилось сбоку? Медленно и крайне осторожно развернулась и обнаружила пустую площадку, как и была. У Алины галлюцинации?

Эту мыслью я явно обозначила в виде приподнятой левой брови, наклонившись к подруге пониже. И даже вопросов не задала, просто объявила:

— Пошли в туалет!

— Не лопнешь, подождешь! — отмахнулась Алина ненавязчиво, украдкой посматривая на объект сбоку. Косоглазие могла заработать. — С гитарой красавчик!

Ну и? Скрестила недовольно руки под грудью, знаете ли, мочевого пузыря не черная дыра, оттуда не исчезало. Настроение стремительно ухудшалось. В половину оборота опять ненавязчиво переместила тело.

Ну с гитарой — это тот мальчик (мужчина скорее) с красивым голосом, но с ужасным репертуаром про кости.

— Сюда идет! — услышала восторженный вопль Алины. Подруга даже воздух задержала в легких, от этого ее грудь приподнялась на тканью футболки и так осталась.

Она выдохнуть собралась?

Тогда я и заметила движение на другом конце поляны. Гитару аккуратно приставили к бревну, а его хозяин начал движение в нашем направлении.

Первым делом мой взгляд упал на мужскую черную футболку с белой надписью, демонстрирующую объемы грудной клетки. Потом я отметила толстую или жилистую шею, и лицо на удивление оказалось острое, черты резкие, как высеченные.

Я не поняла ни цвета глаз, ни в общем, красавчик он или нет. Эффектный беспорядок на голове зато обнаружила, и очень длинные, массивные ноги в черных джинсах. А на его правом бедре была заколота цепь и при ходьбе звенья ее порой сталкивались друг с другом.

Этот звук немного заставил затрепетать, напоминая звон кандалов на узниках.

Мужчина шел действительно в нашем направлении, или в туалет, как и мы.

— Ей! Чего зеваешь? — услышала другой голос.

Я настолько отвлеклась на цепь, что не поднимала глаз.

Теперь этот мужчина с цепью остановился передом к нам, а от него сбоку стоял, кажется Виктор Михайлович (главарь богатеньких) и держал первого за ворот черной футболки.

— Куда прешь? Видишь, я первый шел? — продолжал второй кричать на ухо длинному с цепью.

А мужчина с цепью глаза так и не отнимал пока от нашей стороны. Я постаралась проследить за его взглядом. Похоже на Алину смотрел, не отрываясь, и подруга на него, но дышать вроде продолжила.

Виктор Михайлович явно хотел решить вопрос дракой. В воздухе бурлил кипящий азарт, адреналин, готова поклясться, что в глазах Главы богатых представителей человечества красные капилляры полопались от бешенства. А первому с цепью было скучно. От того что за футболку дергали, его голова покачивалась то влево, то вправо.

— Молчишь!? Извиняйся? — продолжало второе лицо неистово орать, как лев на потенциальную добычу, которая вскоре должна стать куском мяса. Правда добыча была слишком равнодушна, стояла не двигаясь в одной позе, и смотрела на нас, или вероятно этакий взгляд вскользь. А может мужчина с цепью глухой, нет, вряд ли. Пел красиво, а там слух должен быть.

— Ну, тварь... — наконец, выдавил человек с цепью, больше его голос не казался красивым и мелодичным. За секунду разворот корпуса, я-то со своей реакцией отметила скорость. Как ловко мужчина с цепью выпустил свою футболку из плена чужих пальцев.

— Ты мне весь... — на этом слове взял второго за затылок и сделал удар-выпад головой. А потом видимо отпустил Виктора Михайловича, позволяя тому плавно осесть на землю коленями. — Настрой сбил!

Я невольно задержала дыхание и испуганно втянула воздух, когда этот с цепью носком кроссовка подцепил тело на земле и перевалил его кверху животом. А потом каблуком надавил на бок лежащего Виктора Михайловича и толкнул вперед.

На поляне был небольшой склон и по нему послушно скатилось тело. Падающего Виктора Михайловича остановили, кое-как подняли и отряхнули от пылинок. Мужчина держался не очень стойко, приплясывая на месте, при этом закрывая нос.

Неспешно поляна рядом с человеком с цепью наполнялась народом, отличавшимся обязательными атрибутами: джинсы или спортивные штаны и кожаные куртки. Один из группы странных людей медленно натягивал на руку браслет с «иголками» на костяшки кулака.

Сам мужчина с цепью снял железный аксессуар с джинсов и взял его двумя руками за концы, а потом закинул через голову на плечи, от чего его тело стало казаться огромным. Накаченные бицепсы и трицепсы четко увидела с приличного расстояния. Уж я разбиралась в натренированных мышцах тела, человек занимался каким-то видом спорта или боевыми искусствами, хотя с виду и не был похож на крупного.

— Подходим по одному, а можно и все сразу. Будем получать порцию люлей для профилактики, — начал наставительно, почти идеально-спокойным тоном человек с цепью. — Виктор Михайлович, я тебе говорил — ты не трогаешь меня, я — тебя! И все живы здоровы! Не умеешь пить — не мучай задницу. Первый пошел!

Сердце испуганно вскинулось, предчувствуя беду.

Внезапно накрыло чем-то, будто стальной плитой надавило на голову, обхватила ее руками, стараясь избежать давления. Присела на колени, а давление продолжало действовать. Зажмурилась, сцепив зубы, тогда же в глаза стрельнуло, будто тонкая иголочка вошла в зрачок, от этого резко начало пульсировать в глазах. Пришлось веки прикрыть, избегая ощущения проникновения острого предмета. В ушах звенели разные голоса: громкие, жалобные, молящие помочь. И это действительно так.

Но кто плакал и зачем? Кому больно?

Попыталась открыть глаза, но резкий пронзительный укол в глаза вновь заставил их прикрыть. Голоса все сильнее дрожали в черепе, сильнее и сильнее.

Мне показалось до крови прокусила нижнюю губу.

С трудом, но поднялась на слабых ногах. Распахнула веки, претерпевая неизменную пульсацию в глазах, как сквозь воду видела толпу, готовящуюся к удару.

Смутно мелькнула банка с пивом зеленого цвета, стоящая рядом с нашим ковром. К ней и направилась. Мечтала, чтобы исчезла боль, всё о чем молилась, пробираясь решительно к объекту. Последний метр не вытерпела подбежала, сделала наскок и развернула правую ногу боковой частью стопы. Банка оказалась тяжелой, видимо, напиток оставался в нем, и под воздействием удара та полетела в сторону толпы. Брызги тут же вырвались изнутри и мои джинсы немного задела.

В тот момент почувствовала внезапное облегчение, глаза перестали пульсировать, как будто ветерок приятно подул и подарил прохладу.

Я обычно мазила, почти не попадала в цепь.

А сегодня, к моему сожалению или радости, банка стукнулась о голый локоть парня с цепью и в результате напиток разбрызгался, оросив липкой жидкостью чужие вещи и людей поблизости.

Я впервые попала в цель, при условии, что в мужчину не целилась.

Шах сделан...

POV Диана

Две остановки до дома доехали молча, не разговаривая, переваривали случившиеся события. Что совершила глупость поняла почти сразу, как сотворила, но была слишком рада освобождению от головной боли.

Поляна в тот момент замерла, рассматривая то меня, то банку, то мужчину с цепью, всего орошенного в капельках напитка. К моему счастью, к нам пожаловали три человека, и это оказался патрулирующий состав Карателей из парка. Видно на шум и громкие голоса охрана среагировала, как и надо в темных капюшонах, лиц не видно, но на вид шуплые. Как же они могли управиться с целой толпой взбешенных студентов?

Но события развивались очень странно, трое в капюшонах с легкостью управляли оравой мужчин с поляны, а те на удивление не сопротивлялись задержанию. Даже драчун-певун был послушен, только обернулся в мою сторону и тогда я смогла различить его облик: карие глаза, как две черные точки впились настороженно и оценивающе, лицо острое.

Когда прибыли домой и собрались в гостиной, рассказывая о прошедшем дне, Алина сильнее всех кричала, что я неумная и опять подставила их. Эля почти адекватно, без крика ей вторила, но посыл был тот же.

Тетушка помалкивала, рисовала эскизы у себя в альбоме, делая вид беззаботной статуи на диване. Как будто и вовсе не слышала нас. На процесс моей казни не реагировала.

Я со всеми претензиями была согласна. Но проблема в том, что, как и в случае с малышкой, мало соображала, словно посторонний ловко манипулировал телом. И голова очень сильно пульсировала и если бы в руки в тот момент вложили нож, я не задумываясь, отпилила бы по основанию шеи бесполезный череп.

Выбора не было. Зато я остановила зарождающуюся драку. Правда, если бы не вмешались Каратели, меня вероятно задушили той цепью.

— Кать? — когда Алина замолчала, с целью перевести дух, я нагло оборвала словарный ливень подруги и обратилась к тете. — А ты плач слышишь?

— Нет, — ответила тетя, поудобнее усаживаясь на диване и, убирая альбом от лица. А потом с улыбкой добавила. — Я слышу стоны... очень томные стоны людей. Я «ем» похоть. Незабываемые ощущения, правда?

— Ешь!?! — переспросила, глаза все-таки выпучила, а тетя просила так не делать. — Как п. па. паразит!?

— П..па...паразит, — засмеялась, передразнивая тетя. — Диан, ну успокойся, девочка, сядь со мной.

Перед диваном был стеклянный столик, туда Катя швырнула альбом, а сама пододвинулась, освобождая место. Похлопала ладонью по мягкой поверхности, а потом руку подняла вверх, чтобы я нырнула ей в объятия.

Я послушно села на диван, колени прижала друг к другу и посмотрела себе на носки.

Что-то не нравились открывшиеся обстоятельства или скорее подробности нашей сущности.

— Смотри, со мной всё понятно — я реагирую на возбужденных мужиков, иногда правда и женщин... — я обернулась на тетю в бок, рассматривая ее красивое, почти без морщин лицо. — Забудь эту информацию, не будем травмировать неокрепший, детский

мозг! Я — падшая женщина. Рассмотрим твой случай. Ты среагировала на что?

— Думаю... на страх одноклассниц! — ответила и отвернулась опять, смотря на носки, пошевелила пальцами.

Что-то настораживало после случившихся событий, может взгляд парня с гитарой. Слишком притягивающим был, зацепил этим взглядом, и протянул нить от себя ко мне. И пока видно размышлял, что хотел по этой нити передать. Лучше бы эту ниточку перерезал!

— Это же прекрасно. Ты поделила с людьми их эмоции, забрала часть их страха. Доброе дело сделала, опять же. Кстати, мой совет, добряшка, — тетя внезапно ткнула пальцем мне в щеку, причем довольно болезненно, едва до зубов не продырявила. — Эгоизма побольше, а то люди могут ранить! Твоя мама очень сильно обожала твоего папу, а он что сделал? Отобрал тебя у нее и сбежал куда глаза глядят, ничего не объяснив. Это мне ее стало жалко, поэтому поддерживала с ней связь и кое-как объяснила поведение Захария.

Я слушала и переваривала полученную информацию.

Минут двадцать еще провели лекцию на тему моей безответственности и неконтролируемости эмоций. Понятно почему папа учил сдерживать эмоции.

Потом побыстрее сбежала в ванную.

С легким волнением вновь взяла мобильный телефон. Сердце предательски поспешно забилось в предвкушении.

Пусто. Вновь пусто. Сверху на панели инструментов должен был появиться значок, если на сообщение ответили. В сотый раз зашла в сеть, удостоверившись в отсутствии ответа.

А сердце разочарованно успокаивалось, восстанавливая привычный ритм биения.

Набрала:

«Привет. Это Диана. С тобой всё в порядке?»

Сидела на полу в ванной, макушкой касалась плитки и постукивала об нее. Тем самым, отвлекаясь от переживаний на бесполезный звук. Надоело...надоело... кто-нибудь выбейте эмоции из меня.

Но в ту же минуту брала мобильник и проверяла, есть ответ или нет.

Нет. Пока не хочу отказываться от Артема.

POV Артем. Округ Пронск.

После смены возвращался домой, угораздило по дороге встретить не особенно адекватных людей. Нет бы прошел мимо очередной стаи отморожков, но не смог. Это уж слишком. Четверо домогались молодой девушки, а я проходил поблизости. Постыдно сделать вид слепого, немощного уродца, поскольку я очень даже видящий.

Сила давно нашла меня и иногда сама руководила мной.

И в тот момент, автоматически вошел в состояние берсерка, которое длилось не более пяти минут, в противном случае мышцы начинали рваться. Благодаря высокой скорости атак, неконтролируемой агрессии и игнорированию боли, бои заканчивал быстро. Одно неудобство в состоянии берсерка — глаза становились кроваво-красными. Но в тот день понадеялся на ночное время, освещение почти полностью отсутствовало на улице и это должно было спасти от любопытных взоров.

Один из отморожков заметил мои зрачки, когда держал его за шкуру, и на всю улицу заорал не своим голосом:

«Клейменный, Помогите!!!»

Я побежал по темным улицам, не жалея сил. Под ногами хрустели сухие ветви от деревьев, шапка слетела от сильного ветра, но я боялся остановиться. А за спиной раздавались мужские голоса и топот ног.

Хорошо дом был поблизости. Я знал каждую темную подворотню и уголок, по которым бежал. Нырнул в промежуток между домами, в нос сразу ударила жуткая вонь, от которой сморщился. В этом месте часто ночевали бездомные люди, отсюда и запах немых тел.

Сейчас я медленно передвигался, стараясь не наступить на подстеленную картонку и рядом спящего в черном утепленном тулупе бездомного мужчину. Запах я пытался игнорировать, да и мало волновали мелкие неудобства. Моя жизнь висела на волоске.

Чтобы свет от фонаря не падал на лицо, я присел на корточки, опираясь аккуратно ладонью на кирпичную кладку здания.

Тело находилось под постоянными ударами от сердца. Передергивало от нервов, того и гляди замкнет от чрезмерно сильного разряда. Я прислушивался к посторонним звуками, но улавливал только настойчивый шум крови по венам и чувствовал ледяной холод на пальцах.

Каратели пробежали мимо подворотни, хорошо не заглянули в проулок, где прятался, но в любую минуту могли вернуться.

Я работал по ночам, народу в поздние часы мало, и мои шаги будут слышны, если сейчас выйти из прикрытия, поэтому пока мужчина-бомж храпел, я сидел рядом с ним. И покорно молчал.

Через двадцать минут нашел смелости выйти из темного угла и припустил в сторону дома в десять этажей, иногда оглядываясь по сторонам в поисках Карателей.

Если меня запомнил кто-то из отморожков и опишет Карателям...

Проклятье... называется защитил чужую жизнь.

Ключом с трудом удалось трясущимися руками прокрутить механизм в замочной скважине, чтобы открыть дверь. Облегченно зашел в квартиру. С меньшим дрожанием рук захлопнул дверь и привалился затылком к стальной поверхности.

— Доброй ночи, Артём! — произнес хорошо знакомый голос, немного хриплый со сна.

Светильник включился, показав молодую девушку. Дина опиралась плечом о дверь, ведущую в зал, потирала веки, а темные кудряшки спадали крупными завитками на голую шею. В одной сорочке и шелковом халате, грудь немного вывалилась из разреза, чем привлекала внимание. Подруга очень пристально изучила меня, слегка прищуренными от яркого света глазами. — Прости, заснула пока ждала тебя.

Потом улыбка ее погасла, медленно исчезала с лица, разгладилась.

— Что-то случилось? — спросила Дина. Подбежала, руками потянулась, вставая на носочки, и обняла за шею. Совсем маленькая по сравнению со мной, хоть я и не отличался высоким ростом.

— Меня почти словили Каратели, — произнес тихо.

Даже на слух эта фраза звучала страшно!

Отнял женские руки от шеи, и начал ходить по прихожей вдоль ковра, а разуться не успел и потому шагами уничтожал чистоту в помещении.

Была огромная вероятность завтра уже оказаться в розыске по округу Пронск.

Два года назад Захарий выкинул в людской мир, без всяких связей, как глупого, несмышленного котенка и сказал выживать. Вот и выживал, как мог, родителей не было, и подготовить место среди людей входило в обязанности нашего вождя. Но вождь решил наказать за свою дочь! За то, что посмел распускать руки с Дианой.

К радости, в людском мире встретил Романа — брата Эли. Знакомы с детства. Друг предоставил жилье на несколько месяцев, помог с оформлением документов, а я смог тем временем немного заработать. Позднее встретил добрую девушку, которая приютила в Пронске, и по сей день продолжал жить у нее. В тепле и уюте.

Выхода особого не было, а в ответ за жилье платил любовью.

Дина верещала на ухо, мешая нормально соображать, поэтому быстро отправил ее спать. Она добрая, но дотошная. Сейчас нужна была трезвая голова и холодный расчет и главное — без паники.

Шапку потерял, это не столь важная улика, но прибавить мое лицо, которое видели отморозки. А если спасенная девушка запомнила черты лица? И тогда непременно найдут.

Обдумывая ситуацию, я продолжал сидеть на кухне. Заполнял пространство кухни белым туманом от сигарет. Курил одну за одной, не любил баловаться людской дрянью, но сейчас мечтал только о том, чтобы успокоиться.

После состояния берсерка тело становилось ватным. На улице понадобилось около двадцати секунд, чтобы вырубить нападавших, за это время тело подверглось не слишком большим нагрузкам, поэтому я не заснул на кухне, а продолжал сейчас бодрствовать.

Нашего Кабана пару недель назад не стало и до сих в Пронске господствовала Карательская анархия. Каратели не могли решить, кто займет власть. Бои за место зама по округу непрерывно продолжались, потому что Кабан не подготовил преемника.

Можно было этим воспользоваться? Патрули не установлены по земным площадям, как прежде. Есть возможность скользнуть за бугор и отправиться в Приам. Рома приютит. Однажды спас от голодной смерти и в этот раз хоть ненадолго поможет, пока удостоверюсь в том, что в Пронске не ищут.

Быстро покидал необходимые вещи в спортивную сумку. В зале был слышен звук телевизора, но по ощущениям полная тишина. Складывалось впечатление, что заснула, на это и понадеялся. Дина поймет реакцию.

Вышел в прихожую, но уверенный голос остановил:

— Без меня? — спросила она, стоя также, как и встречала с работы, но теперь на ней теплый, зеленый свитер по горло и джинсы. Весь вид кричал о недовольстве.

Я не хотя развернулся, подошел к подруге, успокаивающе погладил по щеке, передавая взглядом успокоение, а улыбкой извинения.

— Это для твоего блага... — начал говорить, но та перебила.

— Нет, Артём, это для твоего блага! Если узнают, что я скрывала Клейменного, что мне светит?

Я не нашел ответа на ее вопрос. Иногда женщины пробивали железную логику. Старался ведь для нее: думал о ее работе, о квартире, о друзьях. А я опять крайний.

— Как пожелаешь... — не нашел что еще сказать, лишь пожал в недоумении плечами.

— Желаю! — ответила подруга. В темноте зала Дина достала спортивную сумку и подняла перед нашими лицами. — Куда ты, туда и я!

В ту ночь и следующий день мы переезжали в Приам, благо анархия в рядах Карателей помогла спокойно пройти границу. Я мысленно благодарен тому, кто прибил Кабана.

POV Гектор

Кто на мне прыгал? Это был первый и единственный вопрос, который занимал мысли после пробуждения. Первой реакцией по идее надо было скинуть этого кого-то со спины на пол и выбить воздух из легких с локтя. Было бы естественно отреагировать так, но поскольку я заснул крепко и не расслышал посторонних шагов, значит находился в месте, в котором мог расслабиться. И крепко поспать. Я спасен! Или скорее кто-то на моей голой спине.

— Гектолллл! — на ухо заорал девичий голос. — Сколько будешь спать? Давай поиграем?

Мне не только спину помассировали коленями, но и пальцами помяли плечи. Почти полноценный бесплатный массаж, только одно колено сильно давило в лопатку, от чего я грудью вжался в кровать и голос стал хриплым.

— Поаккуратнее, а то калеку из меня сделаешь, малявка! — пробурчал я мордой в подушку. Не хотелось просыпаться совсем. Ни сейчас, ни через час, ни завтра. Тело словно засунули под каток и помяли все кости, всё тело скулило болью, молило о пощаде. Удары дубинками вчера были очень сильными. Методично разработали ребра, спину, бедра и грудь.

Приоткрыл один глаз, разглядывая темное помещение. Свет от фонаря на улице немного освещал пол рядом с кроватью.

На щеку упали светлые кудри малявки и меня звонко чмокнули в щеку слюнявые губы.

— Гектоллль! Давай спящую класавицу смотлеть? — пропищал детский голос, а ее хозяйка опять потербила за плечо, как тупую куклу Барби или Кена.

— Давай, — согласился, так и быть. — Я буду спящим красавцем. Всё! Отбой!

Спихнул мелкую с плеча и с головой накрылся одеялом. С удовольствием ощущая темноту и покой. Спать хотелось невероятно, поэтому подложил ладонь под подушку и закрыл блаженно глаза. Я даже секса не хотел сейчас, пусть хоть красотка модельной внешности пройдет, проигнорировал бы и продолжил храпеть.

— Гектор! — сквозь материал одеяла расслышал очередной женский голос. Поднял в темноте веки, разглядывая одеяло изнутри и жестко сцепив зубы. Противный скрип собственных зубов заставил нервно или скорее раздраженно передернуть плечами. Как же бесили всякие противные скрежет, скрип, хруст. Особенно, когда люди ели передо мной.

— Что!? Б... — с трудом сдержался от бранной речи, вылез из-под одеяла, оголившись

по пояс. — Гектор. Гектор! Женщины, вы заткнуться можете? Или это чересчур для вас? Взять и помолчать немного?!

Тогда я смирился с мыслью о невозможности поспать. Обреченно перевернулся спиной на кровати и запустил пальцы в волосы, приводя в порядок мысли и воспоминания. Разбудили, а проснуться не мог. Зевнул, мечтая, чтобы люди все разом померли и Каратели следом.

— Ты с попойки? — спросил второй приставучий голос, который расслышал от двери, освещаемой полоской света из коридора.

— С херойки! — ответил равнодушно потолку над головой.

Внутри всё бурлило, кипело от негодования, сейчас бы что-нибудь пнуть сильно. Люстру над головой? Потом стекло убирать с пола. Убираться не любил. Сонный туман в голове не давал трезво анализировать, глаза блаженно закрывались в предвкушении отдыха.

Прибыл домой сегодня в десять часов утра в это семейное «бомбоубежище», назовем так. Изначально этот дом на окраине округа являлся родовым гнездом, пока мать с отцом не умерли.

Тогда же пришлось брать ответственность на себя и идти добывать пост зама Карателей по округу голыми руками. Когда в честном бою, когда нет.

После того, как стал Гектором, переехал в однокомнатную квартиру, стал пользоваться авто отечественного производства десятилетней давности. Это всё равно, что разъезжать на велосипеде, так же тепло зимой, красиво и комфортно заднице. Я ходил в двух джинсах и пяти футболках и в довершении бухал. Идеальное алиби.

Еще не один тупой человечиска не сопоставил, что я — Гектор и есть Гектор — зам Карателей по округу.

— Мелкую убери! — скомандовал громко. — Или желаешь дочери продемонстрировать особенности мужского пробуждения?

— Анжел, девочка, выйди, пожалуйста! — более мягким голосом попросила родительница.

Я внимательно проследил, как две приставучие особи женского пола покинули комнату и оставили почти полный мрак наедине со мной. Один на один и даже дышать становилось спокойнее, когда находился в полной тьме, скрываясь от всех. Никто не видел моей сущности. Это состояние успокаивало с юности. Я не боялся темноты, всегда был ее частью.

Поднявшись с кровати, в огромные стеклянные окна увидел уличный фонарь, а на асфальтовую дорогу перед домом красиво падал первый снег. Первый снег в сентябре? Удивительно, впервые на памяти. Это тоже неплохое зрелище. Белые пятна на черном смотрелись красиво и не понять, кто кого поглощал? Тьма — белый или белый — тьму?

Извечная загадка, не поддающаяся разгадке.

Это моя комната с детства, но с недавних пор здесь появлялся редко.

Накинул шорты, предварительно выудив из длинного шкафа-купе. Футболку набросил на голое тело и пошел умываться: волосы и лицо намочил с целью взбодриться. В зеркале отчетливо просматривались опухшие веки и красные полопавшиеся капилляры на белках глаз. Я мягко говоря напоминал «красавчика», немудрено, что каждый второй считал алкоголиком или наркоманом.

На кухне нашел своих женщин, одна сидела на стуле в цветастом сарафане и смотрела, склонив белокурую голову к себе на колени. Покаянно. Признавала себя неправой из-за вторжения на частую территорию — комнату.

Обреченно вздохнув, громко произнес:

— Иди, включай красавицу! — махнул на дверь. Анжела, не поверив услышанному, подняла глаза, заулыбалась как будто ей подарили килограмм дорогих, вкусных лакомств. — Я скоро буду, с твоей мамой только поговорю.

Сестра возле плиты жарила что-то вкусное. На запах определилась картошка — это другой разговор. Уселся за стол, локти поставил на поверхность и подпер кулаками щеки.

— Прекрасная Елена, жрать хочу! — а потом спросил, отметив, изменения в сестре — она убрала темные пряди волос в пучок и надела черные, спортивные, теплые штаны, а сверху водолазку. — Куда собралась?

— Смена. Посидишь с Анжелой или вызвать няню? — сестра наморщила свой мышинный нос. Сразу дала понять, что второй вариант ей крайне не подходит, как впрочем и мне.

— Только посторонних не хватало, — буркнул, в сотый раз зевая.

Тогда же мне поставили огромную тарелку с жаренной картошкой и куском сочной говядины с кровью. В процессе еды вилок едва не ткнул себе глаз.

— Поздравь с тридцать первым приводом к Карателям! — засмеялся сам над шуткой. Сестра не разделила оптимизма и юмора, скептически осматривала мое лицо. Обеспокоенно на предмет ушибов или ссадин. Не туда смотрела, радость моя, у меня не лицо, а тело — один сплошной синяк.

Руки убрал от тарелки и сложил под грудью, улыбаться больше не хотелось. Приступил к оценке слабого объекта перед собой.

Жалостливая слишком сестра, такая мягкая... Может, рождение дочери в свое время на нее повлияло и сделало тряпкой? Вот этим созданием — бедной сироткой. Брови хмурила, губы поджимала. Страстно мечтала что-то сказать в мой адрес, но боялась или знала — не послушаю.

Как будет задерживать сегодня на смене Клейменных? Если у нее опять проявилось это ужасное состояние тряпки.

Я начал давить на сестру:

— Задержали за нарушение общественного порядка в парке университета. Отвели целую толпу в Темный дом, там я подрался с одним мажорчиком и нас сопроводили в нижние камеры. Ух! — засмеялся наигранно для сестры. Очень весело улыбался для родственницы, будто мне на самом деле приносило искреннее удовольствие получать дубинками по спине. А ведь она верила...глупая.

Сестра резко встала со стула, и пошла наливать чай, скрывая нервозность за посторонним занятием. Не выдержала психологического напора, а я продолжил дальше:

— Скука смертная, ни один волосок не дернулся. Ольгердович прав, надо что-то посерьезнее придумывать. Во-первых, полная антисанитария, вонь на весь подвал. С этим надо что-то делать. Но вот то, что камеры открытые — это хорошо. Крики и жалобные стоны сводили с ума по-настоящему. Всю ночь мечтал вырваться из оков и пристрелить каждого Клейменного, который мешал спать. Представляешь! В кандалах пытался заснуть! — поднял обе руки вверх над столом, демонстрируя, как это было.

Кандалы представляли собой две цепи с отверстиями для запястий, которые свисали по середине камеры с потолка.

Если присаживался на бетонный пол и пытался заснуть, то руки были вертикальны, от чего очень сильно затекали. Я выбрал — заснуть стоя, опершись о холодную стену, но с

конечностями, опущенными вниз.

У сестры при рассказанных подробностях кружка вывалилась из рук, едва не разбилась о паркет, но благо выдержала удар. Зато заварка вылилась на светло-коричневую поверхность пола. Грязной, коричневой лужей, подтверждая, какая сестра испуганная и нервная.

Елена подхватила тряпку с раковины и присела на пол.

— И это моя двоюродная сестра! — вынес приговор. Рукой провел в воздухе. Показал на склоненную сестру...на полу...коленями на полу...как жалкую Клейменную.

— Гектор! — выкрикнула она и тряпкой хлестнула по полу. Ударила. Выместила злость на поверхности. — Сколько можно!?

Едва сорвалась, сразу опустила испуганный взгляд на пол. За миг до ее выкрика рассмотрел заблестевшие на черных ресницах капли слез.

— Ты презираешь меня!? — озвучила она холодную истину.

Шмыгала носом, пока протирала пол тряпкой, который давно высох.

А я пальцами постукивал по столешнице, отбивал ритм песни и кивал головой под звуки в голове. Басы создавали определенный боевой настрой.

— Rozenrot, O! Rozenrot! — пропел голосом нашумевшего рок-музыканта. У певца очень низкий и мощный голос, утробный. А клип к песне примерно год назад взорвал телевидение. Мужчина пел, пока босыми ногами наступал на холодные, деревянные доски эшафота. Перед оравой беснующейся толпы, с руками, завязанными за спиной, гордо передвигался и тихонько пел перед смертью. Ровно вышагивал, гордо, не склоняя головы к одинокой петле-виселице. Стая воронов летала над его головой в предвкушении, в ожидании момента, когда можно будет сожрать мертвечину. Мужчина изображал Клейменного.

С недавних пор песня считалась гимном Карателей.

Сестра, по-прежнему сидя на полу привалилась, спиной к кухонным шкафчикам, ноги подтянула к себе. Смотрела на фиолетовый стол безжизненным, потухшим взором, как и до разговора.

Я перестал выбивать ритм песни и ладонью хлопнул по столу, словно убивал надоедливую муху.

— Когда я кого-то ненавижу, тот обычно бесследно исчезает. Такое хнычущее, сломанное существо, как ты, еще способно сражаться с Клейменными? Не позорься, уйди из Карателей. Ты не способна выполнять свои непосредственные обязанности.

Сестра посмотрела исподтишка побитой зверушкой, а потом не выдержав слов обвинений, покорно опустила блестящие от невыплаканных слез глаза.

— Глаза опустила! — не удержался от комментария. Неприлично указал пальцем на родственницу, как на прокаженную. — Когда Клейменные опускают глаза, это значит, что они сдались и скоро самоликвидируются. И ты, Елена, сдалась из-за какого-то ушлепка. Где твой Единственный? Где бродит, пока ты растешь одна свою дочь? Развлекается со следующей женщиной? Хочешь освобожу, уберу вашу связь? Убью его?

Сестра неожиданно набралась смелости, поднялась во весь рост и стала пальцем указывать на меня.

Удивительно, едва сидела сопли жевала.

Пять лет назад Елена образовала связь с одним...кхм-кхм-кхм, промолчу, лишний раз не хотелось бы материться. Ее «единственный», сделал ей ребенка и оставил одну, а по закону округа Единственный нес ответственность за свою «запечатанную». Ему мало показалось

одной запечатанной, ушлепок, запечатал еще одну и сделал той ребенка.

С тех пор, как число мужчин в два раза уменьшилось по сравнению с женщинами. Противоположный пол перестал понимать друг друга. Часть женского населения превратилась в: лесбиянок, детоненавистниц, феминисток. Про себя обозначил их в одну группу под названием: «Не встретили нормального мужика, который бы нормально удовлетворял». Искренне им сочувствовал. От всей души. Низкий поклон за их мучения!

А вторая группа женщин — нормальная, не против стать запечатанной и произвести на свет нового члена общества. Нормальные адекватные бабы, которые занимались сексом и не воротили нос от естественного процесса. Среди них есть так называемые Розы — уважаемые, но общественно потребляемые «дамы» — широкого использования прекрасные нимфы. Были, конечно, и обычные девушки, не входившие в данную категорию. Я больше уважал Роз, они прекрасно понимали, что от них требовалось и я знал, что необходимо им: свидание, подарок, потом секс. Стандартная схема.

Я перестал вспоминать особенности общественного устройства, когда сестра завизжала на всю кухню. Могла ведь и малявку испугать:

— Не смей его трогать! — решительно озвучила Елена, стирая не заметно капнувшую слезу на щеку. Процесс пошел. Слеза за слезой жалобно скатывались по щекам разбивались о пол и об женскую форменную одежду.

— Как преданная собачка! — сказал я тихо, по сравнению с выкриком родственницы. — А говорили, любовь делает человека сильнее, ну и где? — выставил ладонь к потолку, спрашивая у Бога. Затем приподнял вопросительно бровь и продолжил с легкой насмешкой. — Он еще одну запечатал, а ты мучаешься одна с Анжелой. Он бросил и даже не обеспечивает тебя...

— Не лезь не в свое дело! — перебила грубо сестра.

Никакой субординации.

Я ее непосредственный начальник, проводил психологический тест. Способна ли сотрудница выполнять обязанности, в противном случае не допустил бы сегодня к работе!

Сестра опять выдала несколько слов. Я даже бровь опустил вниз и перестал насмешливо обращаться с Ленкой, когда меня словно головой под холодную воду опустили. Потом подняли пренебрежительно, и я теперь обтекал каплями огненно-холодной воды после озвученного:

— К тому же, у тебя у самого запечатанная висит...

— А это мое дело, — резко отбрил. Не любил, когда вспоминали. — А если увижу твоего единственного в нашем округе, Еленочка, — я довольно хлопнул в ладоши и заулыбался открывшейся перспективе развлечения. — То будет...Rozenrot! O! Rozenrot! — пропел вновь голосом певца.

Эта песня означала ближайшую казнь.

Поужинали с Еленой в идеальной обстановке тишины. Обожал молчаливых женщин. Пришел смотреть мультфильм ближе к его середине. Малявка была надутая, но ровно до того момента, как позволил полежать у себя на коленях. Потом оттаяла.

Позднее вечером Елена, собранная к рабочей смене, пришла ко мне в комнату. В утепленной куртке с капюшоном, небрежно наброшенным на голову. Глаза были скрыты материалом от любопытства посторонних.

Обязательно всегда через окна моей комнаты выпрыгивать на смену?

Видите ли, окна выходили на каменный забор и пустую асфальтовую дорожку, где

очень редко появлялись прохожие. А через обыкновенную дверь была вероятность встретиться с соседями.

Сидели с Анжелой на полу на ковре-шкуре белого медведя, а на экране тонкого плазменного телевизора наблюдали принца, склонившегося над спящей принцессой с целью примкнуть к устами юной девы.

Пока на планшете осуществлялся процесс загрузки информации, заняться было нечем, поэтому проводил время рассматривая яркие картинки на экране вместе с Анжелой.

— Ты смотри, какой хитрый! — заметил я. — И это принц на белом коне, пока девушка спит, он ее того самого... В смысле сейчас поцелует без ее разрешения.

— Нольмальный плинц! Он холоший, как ти! — заметила Анжела.

Это точно было обо мне сказано? Глупые дети, чернее меня только тьма. Анжела валялась на моем колене, забавно подложив ладошку под щеку и смотрела мультфильм.

Планшет погас, что свидетельствовало о завершении загрузки данных. Пока племянница досматривала сцену воссоединения принца и принцессы, я чувствовал небывалый энтузиазм. Я в нетерпении в очень сильном предвкушении. Целый день потряхивало от желания раздобыть информацию об одном человеке...если это человек.

Какая мразь вчера перешла мне дорогу?

Провел пальцем не спеша по экрану, будто стирал пылинку, нажал на иконку с сохраненными данными. Решил изучить объект воочию.

Открылась фотография во весь экран планшета. Здесь можно разглядеть каждую черточку повнимательнее. Первым делом заострил внимание на полных, женских губах, слишком сильно выделялись на лице. Вердикт выдал сразу, хорошо прикрыл вовремя рот и не произнес громко:

«Возьму в рот бесплатно!»

Большой разрез зеленоватых глаз подтвердил выводы, белокурая копна волос закрепила успех. Невинное очарование, такие обычно оказываются самыми ядовитыми змеями.

Ну и кто ты, милая блондиночка? Очередная шалава Ежа? Ты не из наших Карателей это однозначно, я уже проверил. Карательница из другого округа?

Кто посмел бросить вызов, при том настолько надменно?

Или это оригинальный способ познакомиться? И ты человек?

В любом случае...

Не приятно познакомиться, Абрамова... Диана... Вячеславовна.

POV Диана

На выходных с подругами искали по интернету место работы.

Нельзя вечно сидеть у тетушки на попечении, и скоро деньги на карточке отца закончатся. Хоть не на что было тратить, сбережения все равно медленно пропадали в неизвестном направлении. Катя обещала подыскать более или менее подходящее для молодых девушек место работы.

Я начала различать эту странную эмоцию от людей: проходила по улицам, в маршрутке рядом с мальчиком. У малыша ощущался совсем глупый, детский страх — «мама будет ругаться за разбитую вазу». Неизвестным образом мне удалось понять причину волнения мальчика. Предположение всплыло вместе с приятным вкусом на языке. Клянусь, почувствовала у страха сладкий вкус, похожий на ягоды, я кушала его и наслаждалась. Лучше любой еды (и моей любимой клубники) непередаваемое насыщение организма.

Но когда испытывала слишком много страха, начинался перегруз и голова сильно пульсировала от боли. Я предположительно забирала страхи людей, но складывалось странное впечатление, что на самом деле, как хищник вгрызалась в людей. Ела их. Одна мысль меня настойчиво беспокоила каждый день: «Люди не страдали от кражи страха?»

Однажды среди рабочей недели проходила перед выключенным на осень-зиму фонтаном по направлению к университету. Ненароком изучила толпу людей в черных одеждах, те которые Низший класс по словам Люды. Вероятно меня продолжали преследовать галлюцинации, потому что везде мерещилось внимание.

Несколько людей повернулись вслед за мной. Словно я перед ними волшебством воспользовалась, как Клейменная.

Нет. Не померещились взгляды. Когда вошла по центральной, общей лестнице видела представителей и мужского, и женского пола. А дальше на этажах наши дорожки расходились в разных направлениях. Девочки — налево, мальчики — направо. Студенты шептались и бросали украдкой взгляд.

Неужели из-за моего гола банкой столь пристальное внимание!?! Тот с цепью был кем-то важным для университета? Подождите, почему говорила о нем в прошедшем времени. Я всего лишь его обрызгала, если будут претензии, постираю ему вещи.

Первой парой было намечено обществознание.

Вошла в аудиторию и опять окунулась с головой во внимание: синхронные развороты голов и пристальное, неотпускающее любопытство от народа, как на плахе. Я передернула невольно плечами и зашла внутрь аудитории. Направилась не спеша вдоль рядов, руки держа в карманах штанов.

— Доброе утро! — обыденно произнесла одногруппникам, но в ответ гордая тишина.

На задних партах нашла подруг, махнула им, вытаскивая одну руку из кармана. И в тот же момент, что-то по ноге стукнуло, отчего я завалилась вперед, потеряв равновесие. Рукой, которая была свободна, уцепилась за край парты и повисла. Благодаря этому об пол не стукнулась носом. А на вторую руку, которую поспешно вытащила из кармана, приземлилась локтем. Даже немного больно стало, я не успела напрячь тело.

— Эй, Белобрыся! — услышала девичий зов.

Я отжалась на руках с целью встать на ноги. Возле лица обнаружила грязные сапоги. Их

хозяйка медленно поднимала носок обуви вслед за моим лицом, на расстоянии нескольких сантиметров. С угрозой, что коснется грязью.

Я встала в полный рост, убрала волосы за спину, чтобы не мешали обзору. Одна девушка спереди в проходе, сзади — вторая.

А сбоку еще один голос, его обладательница вытащила ноги в проход и игралась туфелькой на кончике большого пальца. Это Роза, которая училась в нашей группе и проводила Посвящение в парке.

— Эй! Белобрысая! — вновь повторила она и пощелкала пальцами перед собой, сигналивая о внимании. — На меня смотри, когда говорю!

— Что? — поинтересовалась равнодушно.

Весьма не вовремя заявили подружки в проходе.

— Девушки, что происходит? — раздраженно поинтересовалась Алина. — Что происходит?

Я максимально расширила глаза или как любили говорить — выпучила. Мысленно выражением лица передала посыл: «Алина, не надо заступаться.»

Покачала головой очень аккуратно из стороны в сторону, а потом сделала кивок в стену, чтобы обе исчезли.

Когда Алина продолжала гневно и упорно сопротивляться посылу в сторону... парты, то я еще раз кивнула в окно, чтобы немедленно убралась. Сдулась, как пылинка. Растворилась, как дымка. Улетела, как птичка.

Одним словом, мой посыл был ясен с самого начала, а Алина двадцать секунд не хотела понимать. Потом поджала губы и раздраженно, как-то деревянно, неловко развернулась на пятках. Ей лишь бы подраться!

— Я их почти не знаю! — пожалала плечами и не забыла улыбаться, как учил отец. — Я чем-то заслужила ваш гнев?

— Так! — Роза хлопнула ладонями об две парты и встала на высоких каблуках. Наверное, думала будет выше, но я и в кроссовках оказалась повыше на пару сантиметров. Не велика разница, но той не понравилось. — Тебе Франкенштейн не объяснила основы существования в университете?

Собеседница кивнула за спину, где на нашей последней парте сидела Люда. Почувствовав внимание, та скромно опустила взгляд в тетрадку. И промолчала.

— Блондиночка! — произнесла снисходительно Роза и рукой похлопала по плечу. — Не тупи, пожалуйста!

Подозрительно на этой фразе в аудитории раздались смешки. Поначалу я не связала смех и слова, а потом догадалась. У них бытует мнение, что блондинки — глупые.

Гениально! Даже уголок губ предательски дернулся, намереваясь подняться вверх и ознаменовать усмешку. Она же сама блондинка!

Аудитория вдоволь насмеялась над мнимым оскорблением неудачницы, после этого Роза продолжила:

— Ты понимаешь, — девушка сжала пальцами мое плечо, наверное, сильно. Надо было сделать вид, как больно и покорно согнуть спину. Пришлось наклоняться, тогда мой рост стал меньше по сравнению с девушкой. — Не надо высовываться! Живи тихо и спокойно! Тем более не надо лезть к нашим парням. Или тебя кто-то сделал Розой?

Вопрос на повестке дня. Когда я лезла к их парням!? Но я промолчала, согласно кивнула на предупреждение и мое плечо милосердно отпустили, позволив разогнуться.

— Будешь дежурить целую неделю! — приказала Роза. — Свободна!

Окрыленная дарованной свободой, я направилась к последним партам, но автоматически разглядела опять черный ботинок в промежутке между рядами. Это даже становилось скучно. Потом услышала веселый, задорный смех развлекающейся толпы, готовой к новому представлению. Похоже мне вновь требовалось упасть лицом в пол от подножки на радость однокурсникам. Но я не стала.

Резко перепрыгнула через небольшую помеху в виде женской ноги. Мягко приземлилась сначала на правую, а потом на левую.

Смех стих из-за отсутствия зрелища.

Дважды в одну ловушку я не шагаю. К тому же, реакция неплохая, это в первый раз не ожидала подвоха.

На той паре впервые за три недели я с удовольствием прослушала лекцию обществознания. И узнала кого, так сладко называли Розами — девушек, которые ублажали мужчин в свое удовольствие. Поверить не могла есть специальный предмет на эту тему. Как ублажить мужчину? Я бы, наверное, на этом предмете по меньшей мере, если не сгорела, но покрылась красной корочкой от стыда.

Изучение эrogenных зон и как себя лишиться ненужной девственности? Кошмар! Но с другой стороны, можно для Артема и изучить особенности предварительных ласк. Конечно, если я когда-нибудь встречу в этом мире Артема, а то пока отыщу среди ... сколько там? Сегодня изучили — полтора миллиарда людей. Среди них пару миллионов карателей и Клейменных по пальцам пересчитать... несколько тысяч.

Со звонком дверь из аудитории открылась и оттуда вылезла голова мужчины, без туловища. Туловище спряталось за пределами кабинета. У незнакомца странная голова: местами белая, иногда черная, но улыбался тот приветливо и махал призывно рукой:

— А где Абрамова Диана!? Разговор есть!

Я от удивления машинально привстала и указала на себя пальцем.

— Иди-иди, сюда! — помахал опять рукой, чтобы подошла. Мужчина с серьгой в ухе улыбался радостно. — Не бойся! Не съем!

Когда вышла за дверь, незнакомец дружески приобнял за плечо, на что я скептически посмотрела, особенно на конечность-змею, которая сильно мешала и раздражала нервные окончания. Тихонько высвободилась и пошла рядом, но держа дистанцию, как с особо опасным человеком.

— Не бойся, не съем! — продолжил повторять мужчина и посматривать искоса. — Какая же ты дылда! — выдал еще одно замечание.

— Какой разговор? — я остановилась на месте, дав понять, что дальше не двинусь.

С каким-то подозрительным мужчиной в черных джинсах? С серьгами в ушах? И черными обведенными глазами. Он не женщина? Грудь на черном свитере не выделялась, значит мужчина — являлся мужчиной.

— Не со мной. Другой человек хочет поговорить, а я вызвался сопроводить! Я кстати, Андрей! — подал руку. Та оказалась вполне человеческой, не грязной.

Я согласно протянула холодные пальцы его теплым, почти огненным.

— Пройдемте, — галантно протянул руку этот новоявленный Андрей по направлению вереницы девушек, которые двигались в сторону лестницы и меняли этаж обучения.

Я кивнула вместо ответа и поплелась рядом, плечом к плечу с новым знакомым.

Зачем Андрей изуродовал волосы разноцветной краской? Он гомосексуалист или как у них называется? Очень интересно...

Я продолжала любопытствовать и осматривать интересующий объект. Обтягивающая одежда, покрашенный вид, серьга в ухе, вроде бы похож. К тому же, я выше Андрея и понять, мужчина он или женщина, смогла не сразу. Лишь, когда удостоверилась в отсутствии груди.

Дверь на лестницу Андрей приоткрыл и опять хотел пропустить меня вперед, рукой показывая направление дальнейшего движения.

Какой галантный мужчина!

Уже выходя на лестницу, я не сдержалась поинтересовалась:

— Простите, пожалуйста, а вы гомосексуалист?

— Че!? — услышала сзади, но когда вышла на лестницу немного затормозила.

Сейчас перемена — это понятно. Широкая белая лестница вела вниз на небольшую площадку к окну, где от легкого дуновения ветра развевались шторы, а на подоконниках стояли горшки с цветами. Всю линию подоконника занимали люди, много людей. Вели непринужденные беседы. Общались, смеялись.

Но привлек один человек. Когда дверь открылась он на полуслове замолчал, перестал смеяться и развернулся. Рассматривая верхушку лестницы: меня и Андрея гомосек...ой, я не так хотела назвать его...метросексуал.

Андрей, обогнув меня, деловито и громко топя башмаками, начал раздраженно спускаться по лестнице, а я пока не решалась.

Это он? Тот человек, который хотел поговорить. Ступенек тридцать белых, каменных надо было пройти вниз и оказаться напротив необходимого человека. Но невольно возникло желание развернуться и уйти отсюда. Бежать сломя голову.

Но нельзя, покажусь странной. И я сама виновата, вылила алкоголь на человека и не извинилась.

Засунув руки в карманы штанов, пошла не спеша, как по шаткому мостику, будто боялась упасть в речку и утонуть.

Очень не хотелось тонуть во взгляде странного парня, носящего цепь в качестве аксессуара.

На предпоследней ступени я остановилась, рукой придерживая перила. Неожиданно вся компания замолчала, будто увидела циркача и замерла в предвкушении выступления. Человек двадцать из Низов в черных жилетках, цепях, кольцах, напульсниках, а их мрачность разбавляли голубые сумочки и разноцветные платя Роз.

Я все же решила посмотреть на уровень груди парня с цепью. Тогда же он начал пробираться вдоль подоконника, видимо ко мне.

В голове пели разные звуки: цепь на спортивных, черных штанах опять звенела, как колокольчики, необычайно красиво; шорох материала спортивных еще сильнее дразнил, пока мужчина передвигался; шаркающие шаги черных кроссовок или иногда скрип обуви по полу, когда их хозяин совсем лениво поднимал ноги.

Это как мелодия, состоящая из разных звуков. Вместе музыка, по отдельности пустота. Я не поняла, понравилась мелодия или нет, но насторожила однозначно. Мурашки вдоль позвоночника еще больше взволновали, поэтому пальцами сильнее обхватила перила. В поисках поддержки.

Я решительно подняла взгляд на мужчину, отметила его внешний вид: коричневую майку, на лоб налезала темная челка, а глаза, как и помнила были черные-черные и очень

сильно впивались в предмет исследования.

Облик мужчины кричал о том, что у него тоже сегодня физическая культура. Была или будет. Поэтому я мысленно приготовилась зажать нос при приближении мужчины. Всего пару шагов осталось до него. Перестала дышать... а то мало ли умерла бы от запаха.

Мужчина остановился на ступеньку ниже. И все равно я видела его глаза напротив своих. Выше? Дайте я запишу на листочке. Я нашла представителя мужского пола выше меня, причем на целую ступеньку. А это сантиметров пятнадцать.

А потом поняла, что дышала и вдыхала вполне приятный запах... парфюм? Эти Низы оказывается не такие уж и Низы, вполне ухаживали за собой. А нет, запах сигарет неприятно пробрался в нос.

Мы так и будем смотреть друг на друга? Что ему надо?

— Вы хотели со мной поговорить, Андрей сказал. У вас есть разговор? — не выдержала упорного, изучающего взгляда. Сколько можно не мигать и смотреть? Я не полотно на выставке.

— Есть, — мужские губы медленно чуть-чуть удлинились в улыбке и на нижней увидела толстую, белую полоску — шрам.

— И? — подтолкнула я, отрывая взгляд от странной улыбки. Глаза мужчины были все теми же внимательными и будто анализирующими. Интуиция орала о чем-то, дико стенала зверем. — Если вы разозлились по поводу банки, я извиняюсь, — выдавила из себя. — Перенервничала, вот и попала в вас.

А собеседник всё молчал и молчал. И чего ждал? А где принять извинения? Какой-то тормоз этот мужчина с цепью.

Я более уверенно посмотрела в карие глаза и даже руки вытащила из карманов. Интуиция смолкла. Какой-то действительно тормоз. Я экспонат в музее, на меня смотреть? На голове бардак и мало я похожа на красотку, как Розы. Какого рода интерес?

Мужчина сделал вдруг резкий шаг ко мне. Это очень неудобно. Его нос оказался на против моих глаз и всего пять жалких сантиметров между лицами. И его к неожиданности приятное дыхание оевало кожу. Дарило тепло.

Я, как глупая самка в наших джунглях на острове, изучала потенциальный объект мужского пола. Глупости! Артем гораздо красивее и тело шире. Вот при виде кого, автоматически сердце ускоряло темп. А при этом хотелось... отступить.

— Свидание, — услышала вдруг. Это действительно его губы произносили. — Сегодня в девять... кино... домино..

— Не умею, — быстро лягнула. Как загипнотизированная рассматривала его губы, меняющие положение пока выдавали односложные слова. Как приказ. А мне оставалось стоять и запоминать.

— Понял, с юмором не дружишь. Без домино... кино... романтика... а дальше посмотрим. Встретимся возле университетских ворот в девять!

Высказал и развернулся спиной. И легкой, прыгающей походкой направился через ступеньку вниз к друзьям.

И даже мнения не спросил? А почему я должна идти?

И как мужчине отказать? И вообще зачем свидание?

Пару секунд соображала, как бы откреститься от свидания. Вспомнился один момент — Артем был здорово напуган отцом в океане.

— Мне папа не разрешает поздно встречаться с парнями! — выдала в спину

самоуверенному типу.

Пару секунд молчания, пока мужчина с цепью поворачивался. Опять пристально посмотрел на меня, теперь не улыбаясь. Как камень стоял без движения, черты лица четко очерчены, особенно подбородок с ямочкой. А на третью секунду весь подоконник, а точнее люди на нем заржали, как скакуны. Я слышала по телевизору ржание лошадей и сейчас было очень похоже: громко с надрывом, не переставая.

А потом и кавалер с цепью отвернулся от меня, словно скрываясь. Его плечи подрагивали, пока подходил к Андрею, пока клал руку другу на плечо и не разгибался. А мужская спина продолжала то подниматься, то опускаться. Вероятно, он смеялся.

Я кажется что-то не так лягнула — думала, поможет.

— Гектор, смотри, а то посадят к Клейменным за растление!

Гектор!? Я сама с трудом не улыбнулась и не присоединилась к дикому гоготу лошадей.

Гектор!? Убейте меня! Какая тупая кличка. Это ведь не настоящее его имя.

У меня был тушканчик в детстве, которого принес папа на остров, и его звали Гектор. Пусть земля ему будет пухом. Он был миленьким, но тупым, а как по-другому обозвать животное с напрочь лишенным чувством самосохранения. Он любил прыгать и однажды выпрыгнул с верхушки острова. Бедняжку я больше не видела, рыдала по нему несколько дней.

Мужчина с цепью такой же неопрятный, взъерошенный, как тушканчик.

Пока я решала смеяться или нет, Гектор буквально взлетел по ступеням вверх, по-прежнему улыбаясь. У меня возникло ощущение, что он всегда улыбается, даже подозрительно. Нельзя же всегда быть в хорошем настроении?

Сделал резкий выпад телом и две руки поставил на перила, ограничив свободу передвижения. Отчего я сделала шаг назад и вмазалась бедрами в белую перекладину сзади. Очень сильно не хотелось соприкоснуться телами с этим человеком.

Я в капкане голых рук, кажется высунешь нос и прихлопнет. Странная манера общения с людьми, в первые подобное встречала, он будто воздействовал, давил на собеседника, вынуждая отступить. Не только разговором, но и физически наступал телом.

— А мы твоему папочке не скажем! — выдал насмешливо. Я чуть подняв голову, увидела насмешливые морщинки-полоски вокруг его глаз. — Скажешь, была у подруги.

Он действительно мало интересовался мнением девушки, в данном случае меня. От этой простой истины кровь забурлила по венам и, наверное, ударила в голову, потому что озвучила:

— Я не пойду с вами.

Что мог сделать, в конце концов? Право голоса в людском мире никто не отменял? Ну на край собью спесь нокдауном где-нибудь в подворотне.

— Лесбиянка? — неожиданно спросил, но при этом морщинки вокруг глаз разгладились, да и улыбка стала менее сверкающей. Потухшей.

— Что?

— Ты — лесбиянка? — повторил.

— Нет! — в целях самозащиты сложила руки под грудью. Очень хотелось поставить стену какую-нибудь или поднос между нами, чтобы прекратил безотрывно разглядывать. Я все же не экспонат.

— Феминистка? — продолжил.

— Нет! — повторила уже более раздраженно.

Что за допрос?

— Моя морда не нравится? — на этом вопросе я сбилась. Если честно, по меркам красоты, наверное, он симпатичен, но что поделать, если Артем идеал. И не воспринимался этот мужчина, как мужчина. Просто, как человек.

— Вроде бы ничего... — неуверенно начала объяснять. — Просто...не совсем...как бы... — взгляд убрала от черных точек. Очень сложно выдерживать постоянный гипноз от собеседника. — Знаете, это на допрос похоже!

Не выдержала кипения в груди, накала его вопросов, которые бомбили знатно по мозгам, боялась повредят содержимое черепной коробки.

— У меня могут быть свои причины не ходить с вами. Вы не находите? И не всегда хочется озвучивать их. Разрешите? — я посмотрела на его голую руку, держащую в твердом объёме перегородку с права от меня. Мне показалось на ней он усилил хват, да итак, вроде собеседник продолжал улыбаться, но присматриваться стал еще пристальнее. Хотя, куда уж пристальнее?

Мужчина не спешил убирать руки и под ними не возможно подлезть.

— Конечно, — разрешил Гектор, но помеху не убрал. Я говорила тормоз какой-то, говорит одно, а делает другое. — Еще вопрос или скорее утверждение.

Гектор перестал улыбаться и уверенно озвучил:

— Я думал ты сирота?

На этой фразе две точки глаз не только просканировали, но и выпустили дробную очередь, которая пригвоздила мое тело полностью к перилам.

Гребанный я Клейменный. Он прав! Абрамова Диана — сирота, в школе не училась, обучалась в университете, как целевик. Само государство и Каратели в том числе платили за мое обучение. До сих пор не представляла, на какие жертвы пошла тетя, чтобы провести эту аферу.

Глаза постаралась не выпучивать, приоткрыла губы с целью оправдаться, но как назло мысли хаотично разбегались.

— Я... сирота, — выдавила с трудом, дыхание предательски застряло в горле. Сердце бросилось вскачь, чувствовала, как жила на шее взволнованно дергалась. — Отчим...нет... не так...сожитель тети. Не совсем тети, — Гектор опустил глаза мне на шею, не понятно зачем, но так стало проще — не видеть мужчину. Я нашла в себе силы улыбнуться, после чего вновь почувствовала внимание на губах. — Понимаете, добрая женщина приютила на время, я ее тетей называю, вот у нее мужчина появился, и мы подчиняемся его правилам!

Похоже было на правду или нет, не знала и Гектор не реагировал.

Больше всего мечтала, чтобы отпустил из капкана рук, перестал воздействовать.

И хоть пригласил на свидание, но делал это автоматически, безэмоционально, как будто надо. Да и не верилось в его симпатию. Чем я могла привлечь его внимание? Ударом банкой по руке? Если это средство достижения «любви», готова и Артему по голове треснуть лишь бы обратил внимание.

На этой оптимистичной ноте, немного переждав глухую тишину между нами, вновь заговорила:

— Может вы отпустите все же?

— Конечно, — к удивлению, вновь выдал и убрал обе руки одновременно, при этом подарил веселую улыбку. — Значит не пойдешь?

— Куда не пойдешь? — вырвалось, уже мысленно взлетела дротиком по этим ступеням в

аудиторию, куда подальше, сломя голову.

— Свидание имею ввиду, — пояснил для меня особо сообразительной. Я отчаянно замотала головой, отрицательно из стороны в сторону. И так волосы в беспорядке на голове, поэтому было не страшно. — Ну что ж... жаль, — выдохнул разочарованно мужчина. — Не могу же тебя заставить!

Я в последний раз посмотрела на собеседника и развернулась, поднимаясь по ступенькам. Спину держала максимально напряженно и гордо, чтобы человек не понял, как потрясло знакомство с ним. Шла ровно, даже наверное чересчур, шея длинная, плечи развернутые. Я, как каменная, пришло в голову сравнение, но если бы рванула бегом, то навело на подозрения.

С огромнейшим облегчением зашла в аудиторию, в которой были запланированы следующие занятия.

Бухнулась на свободный стул рядом с девочками и наконец, громко выдохнула. Я как будто на операционном столе побывала, где меня сначала разрезали, вытащили несколько органов, ими полюбовались, а затем вновь засунули обратно и кое-как наложили швы. Потряхивало после допроса знатно.

— Ты под гипнозом? — насмешливо спросила Алина и рукой помахала возле глаз снизу вверх пару раз, а я не реагировала. Видимо отходила от наркоза, как в тумане пребывала некоторое время. Боялась сдвинуться и начать действовать

— На свидание приглашали... — дала ответ чуть позднее, но на полуслове замолчала и резко развернулась к Алине.

Та от новости пришла в восторг, заулыбалась радостно и произнесла воодушевленно:

— Вау! Какая ты везучая! А кто хоть? Я тоже хочу! А когда пойдете?

— Кто-то из Низов, — коротко ответила. — И я не пойду.

Очень понадеялась, что информация не доберется до Алины, не хотелось бы ее расстраивать. Это досадное недоразумение, вряд ли мы с Гектором, так уж часто будем встречаться в стенах университета.

Никак не могла успокоиться, поворачивалась по сторонам, было ощущение что кто-то наблюдал, преследовал, поэтому весьма настороженно сидела на следующей паре. Мне не понравилось это знакомство.

По середине пары просигналил телефон с сообщением, я его подняла к лицу и чуть сердце через горло не выскочило, когда увидела надпись.

Это ответ Артема: «Извини, не видел сообщений. Я в Приаме.»

Ему было отправлено сообщений сто не меньше, он вероятно, сейчас всё разом увидел и подумал, что я — влюбленная идиотка.

Прикрыв ладонями лицо, закрылась от стыда. Алина подглядывала сбоку и готовилась к допросу отчего покраснела.

И что написать? Извини за миллион сообщений? Сейчас опять начну чесаться от нервов. Фу! Диана! Брось гадость, не надо руку чесать, а то опять татуировку придется рисовать.

POV Гектор

Пристально следил за ее уходом: покачивание бедер, не шла, а виляла. Неплохое зрелище: длинные ноги, хоть и в спортивных штанах и кроссовках, но оценил их красоту; ровные пряди светлых волос при движении создавали шуршащий звук по одежде.

Что-то смутное возникло в памяти после этой картины. Эффект дежавю, но смех на подоконнике отвлек от девчонки.

— Гектор стареешь! — прокомментировал какой-то урод. Его решили поддержать дружественным смехом, поэтому пришлось резко оборвать клоунов:

— Заткнулись! — улыбаться я тоже перестал, и смеяться в самую последнюю очередь. Непробиваемая девочка. Упертая хуже, чем я.

Андрей подошел поближе к перилам и ко мне. Лучший и единственный друг с песочницы, росли в одном дворе на окраине округа. В детстве всегда защищал от старших пацанов, уйму раз Андрюха вытаскивал с того света. С гонором я всегда был, но навалить раньше не умел, слишком щуплым, худым казался. А старшие охотно пинали мелкого, заносчивого меня.

Друг понаблюдал за мной некоторое время, а потом спросил:

— Гектор, она реально тебе понравилась? У нее что на уме, то и на языке, совсем базар не фильтрует.

Я развернулся, рассматривая объект рядом с собой.

— Понравилась!? — спокойно переспросил у друга. — Знаешь это чувство... как бы тебе сказать... — задумчиво руки под грудь сложил, потом почесал подбородок большим пальцем. Как будто в подбородке мозги, а не в голове.

— Да... определенно я что-то чувствую... — размышлял, разглядывая лестницу и дверь, где пропала Диана.

Люди спускались с лестницы, улыбались новому дню, мило общались с друзьями, но едва узнавали меня, переставали трепаться. В гнетущем молчании спускались, обходя стороной. За метр огибали людской волной. Как будто рядом было опасно находиться, могли заразиться смертельной заразой.

— Знаешь на что похоже это чувство? Сейчас объясню, — начал вполне мирно объяснять другу.

— Это, как апперкотом, меня дезориентировали! — повысил я голос.

— Потом, сука, взяли мою цепь и ею же задушили!

— А потом плюнули на мой бездыханный труп и поглумились напоследок! Как ты думаешь, это значит она мне нравится?

С ядовито-милой улыбкой повернулся в сторону плеча друга, перестав изучать деревянную, то и дело громыхавшую дверь.

— Скорее НЕ нравится. Аж бесит! — гаркнул Андрею на ухо. Развернулся на месте, скрипнув противно кроссовками о пол. Как же раздражал этот скрип, мурашками невольно покрылся от этого звука, как будто по нервам задели.

Кого бы пнуть? Подошел к подоконнику, рассматривая притихшую толпу студентов. Встали, как оловянные, тупые солдаты по стойке смирно, испуганно затихли. Оххх! Кому набить морду? Третьему или пятому с конца?

Мне!? отказать!? С ума спятила!?

Значит это не шалава Ежа в очередной раз, решившая ухватить за яйца? В таком бы случае полетела на свидание быстрее, чем озвучил предложение. Планируя, например, секс, а ночью подсунуть яд или глотку перерезать.

И кто ты, блондинка?

Карательница из другого округа? Пока люди анализируют полученную информацию, состарюсь. Клейменная? Это надо быть совсем тупой, чтобы вести себя так

открыто и обращать внимание людей на себя. Насколько сделали вывод, их место обитания где-то в теплой зоне. Клейменные преимущественно смуглые брюнеты. Но не будем списывать со счетов... этот вариант развития событий.

Курить срочно, а то котелок вскипел.

Подошел к третьему с конца, выхватил пачку у одного из парней. Новую купит, а у меня закончились. Уверенным жестом отправил пачку в карман штанов, сигарету закусил зубами. С нетерпением выудил зажигалку, намереваясь закурить. Жалкие человечки потерпят табачный дым.

И, как обухом по голове ударило, всплыл в памяти недавно виденный кадр. Как блондинка поднималась по ступеням: гордая осанка, покачивала красивой задницей. Не шла, а плыла как на подиуме. Некоторые девушки рождены грациозными, ее жесты насквозь пропитаны нежностью. Вспомнил!

— Твою маму! — вырвалось сквозь зубы, зажавшие сигарету. Ударил ладонью Андрея по груди, проверяя наличие друга. — Андрюха!

— Че!?! — глухо после моего удара спросил друг. Может сильно попал?

— Это же сто баллов сзади! — заявил. Вновь обратил внимание на дверь, где исчезла «гордая осанка».

— Какие сто баллов? — Андрей туда же посмотрел. — Ааааа! Те сто баллов! Уверен?

— Ну... — я задумчиво достал сигарету и кончиком постучал по губам. — Если с нее штаны снять и в трусах оставить! — невольно заулыбался. — Я ее в шортах помню, тогда точно скажу.

POV Диана

Розы успешно оставляли дежурить каждый день после занятий: полы подметать, доску мыть и цветы поливать. А своих девочек я всегда отправляла домой, пусть лучше обед приготовят, чем тратить время на меня. Виноватой в инциденте признавала себя. Это я не вытерпела испуганных криков в голове и, как следствие, окатила мистера Гектора банкой пива, но мужчине полезно принять алкогольный душ. Уж слишком самовлюбленный наглец.

— Свидание в десять! — передразнила громко на всю аудиторию глупый, командный тон. Высунула язык и сделала вид, что сплюнула. А нет, не сделала вид. Я на самом деле плюнула на пол, пришлось взять веник и поспешно размазать по поверхности, понадеявшись, что никто не заметил. Надо было запомнить, в эту точку не падать, когда подножку поставят в следующий раз.

Тоже мне красавец писанный!

Тетушка сделала нечто вновь не вообразимое. Сколько же у нее связей наработано? В субботу пойдем с Алиной оформляться на работу в крутой отель в сорок этажей. Одно плохо: здание находилось неподалеку от центра Карателей, получалось примерно час езды от тети. Отель «Приам» стоял со времен основания города, имел форму квадрата. Внутри этого квадрата ухоженный сквер со статуями, изображающими Карателей — героев войны с Клейменными. Женщина по центру, в правой руке держала горящий факел. Ее рука была полностью изуродована тугими мышцами, которые подобно корням деревьев рвали женскую кожу. Оголенное по пояс тело первого мужчины было страшно-бугристое, у второго — шея и лицо обвиты, как змеями. Корявые вены уродовали Карателей только после трансформации, в обычной жизни их тела не возможно отличить от людских.

В легендах говорилось, что ударом кулака Каратели способны пробить камень, всего один успешный удар и человек — труп. Поэтому Клейменные должны быть в состоянии выдержать удар, для этого на острове мы и тренировали прочность тела.

Красивое здание — отель Приам. Я изучила его на фотографиях в интернете, особенно в ночи строение подсвечивалось десятками огней. Сверху с воздуха отель горел квадратом.

В здании имелись уютные комнаты для отдыхающих, рестораны, боулинг, сауны, магазины. Отель Приам являлся центром самых известных развлечений в округе.

Эля нашла место работы благодаря брату, что-то связанное с интернетом, поэтому работать девочками на побегушках предстояло только Алине и мне.

С Артемом договорились о встрече вечером в пятницу возле здания Карателей в парке развлечений. Я была бы не против покататься на аттракционах, Артем утверждал, что это весело.

В предвкушении свидания я всю неделю ходила с улыбкой на учебу, о встрече с Гектором благополучно забыла, а взглядами с ним предпочитала не встречаться. Была счастлива и спокойна.

В четверг утром бодро маршировала мимо фонтана по направлению к учебному зданию. Ветер сильно завывал над ухом, глаза слезились от жестких порывов. Какие-то движения привлекли внимание: быстрые, хаотичные. После фонтана, над головами людей из Низов обнаружила фонарный, огромный столб. Через небольшое столпотворение любопытных людишек рассмотрела Люду, чья правая рука прикована к железной палке-трубе.

Я невольно остановилась, присматриваясь, подруги единодушно со мной. Эти наручники или кандалы, как их лучше назвать, крепили запястье Люды к железной трубе. Староста сидела на корточках и читала книжку, раскрытую на коленях.

— Не высовываться! — скомандовала Эля, наверное, адресовала приказ мне.

Я послушно передвигалась, изредка окидывала любопытством Люду.

На радость зевакам, среди гула толпы, староста изредка поднималась, когда ноги затекали, иногда присаживалась и не отрывала взгляда от книжки. Словно там существовал весь мир, в буквах, в рассказанной на страницах истории. Гудящая толпа Люду меньше всего интересовала.

А народ громко с надрывом хохотал и обсуждал новоприобретенное зрелище. Ехидные смешки противно скребли уши, а однокласснице безразлично чужие шпильки.

Нас это не касалось! Она мне никто! Это обычный человек! Моя шкура мне дороже! Клейменные сами по себе, люди сами по себе.

Главное правило — жить тихо и не нарываться на неприятности, если хочешь дожить до старости, а не быть подвешенной на столбу. Раньше Клейменных подобным образом убивали. Подвешивали на столбы и вбивали гвоздь в горло. Еще долгое время Клейменный захлебывался в собственной крови, пока висел и наблюдал за ликующей толпой.

Вы — люди всегда смеялись, когда мы умирали!

Зашли с девочками в напряженной тишине в учебное здание, просидели половину пары. Место Люды на последней парте пустовало. Я заняла ее место. Повернув голову по направлению окна, смотрела через стекло на улицу. Отсюда открывался вид на фонтан и «позорный» столб.

И за что Люду опозорили?

На острове тоже применялись различные меры наказания за нарушение правил. Иногда привязывали к столбу, обмазывали нектаром, а насекомые слетались со всего острова полакомиться плотью Клейменной. Но то следовало за нарушение правил.

Я тоже согрешила в свое время и отец наказал.

Темный подвал без единого светлого пятна. Распахиваешь глаза на максимум, всматриваясь в эту темноту, но ничего... пусто... тьма перед глазами... ты как слепая, немощная старуха. И в голове нет мыслей и только этот вопрос беспрерывно крутится надоедливо: «Где? Где я?»

Руками водишь перед собой, но пусто... ничего не чувствуешь и не понимаешь, кто здесь и где. Проходит одна секунда, а кажется много. А сердце бьется. Сильнее. Быстрее, как стремительный поток ускоряется в речушке. И в ушах шумит кровь, и в голове стучит бешенный пульс.

А потом слышишь каплю воды, что скатывается по каменной стене личной тюрьмы. В кромешной тьме этот звук доносится слишком громко. А затем вода падает на бетон, на холодный пол. Этот звук должен быть тихим, всего лишь капля, разбитая о твердую поверхность. Но ощущение что это была не капля, а целый камень ударил по вискам. Зажмуриваешься рефлекторно, хоть тьма итак перед глазами. Дополнительно прикрываешь веки ладонями, чтобы не видеть лишнее.

И от каждой капли воды, разбившейся об поверхность, хочется закричать во все горло, но боишься. Боишься, что никто не услышит или что тьма поглотит твой крик. Заберет себе. Тьма была, как живая плоть, я ее теперь всегда опасаясь.

Думала сойду с ума в тот момент в подвале, но нашла один способ спастись и не сойти с

ума. Отвлекалась на боль в правой руке. Не заметно для себя содрала кожу, расцарапала ногтями. Это отвлекало от сумасшествия. Несколько недель отходила от той ночи. И если бы отец узнал, что опять готова заслужить наказание, встретившись с Артемом, наверное, убил бы. И это не пустое предположение.

Мне все равно, я хочу быть с Артемом!

Интересно, за что Люду наказали? И сколько она просидела привязанная? Ночью тоже была привязанная?

От окна до столба было далеко, но одинокую фигуру на газоне хорошо видно.

Судя по кустам, растущим возле окна, ветер завывал сильный, склонял траву вниз. А Люда присела на газон джинсами, затылком подпирала холодный столб позади себя. На небе темные, грозовые тучи сильнее нарастали с каждой новой минутой. Ветер сгонял их в одно большое темное пятно над головой одногруппницы. Скоро дождь грянет с грозой.

— Абрамова! Абрамова! — от резкого окрика я очнулась. Аудитория обернулась на заднюю парту и преподавательница вслед за всеми. — Вы витаете сегодня в облаках. О чем я рассказывала?

Я подперла лицо ладонью и скучаяще озвучила:

— Что-то про 51 счет...

Женщина поправила очки на переносице, указкой постучала по ладони руки, сережки красиво поблескивали в ее ушах, а мышиный нос морщился недовольно. Студенты преподавательницу величали не иначе, как Морковкой, цвет волос потому что рыжий-рыжий.

— Я это говорила в начале пары! — нахмурилась женщина.

Конечно, замечание преподавателя не оставили без смеха. Видимо, скоро будут слагать легенды о моей тупости. Крайне лениво иногда слушать монотонный тон Морковки, еще и дождь собрался капать на улице. Спать хотелось, а не учиться.

— Могу я выйти? — поинтересовалась, заглушая насмешки-уколы в свой адрес.

— Зачем? — удивилась женщина.

Вместо ответа схватила куртку со спинки стула.

— Голова заболела, — улыбнулась натянуто. — Воздухом подышу.

Подошла к фонарному столбу. Люда не сразу заметила чужое приближение, пристально всматривалась в строчки в книге, поправляла иногда непослушные рыжие кудри, которые развевались от холодного ветра. У одногруппницы светлые брови, не подходили под цвет волос.

Заметив меня, Люда сняла очки и положила аккуратно на колени:

— Зря подошла, тебя запомнят!

Куртку, ранее висевшую на руке, я продемонстрировала девушке, как флаг, и произнесла:

— На! А то придатки отморозишь!

Расстелила верхнюю одежду поудобнее на газон перед фонарным столбом. Сама осталась в одной водолазке, ветер тут же пробрал до груди, отчего тело оцепенело.

Люда пожала плечами и уселась поудобнее на одежду, подпирая столб затылком. Я аккуратно приземлилась рядом.

— Тетя говорит, надо жить так, чтобы не о чем было сожалеть! — ответила я, рассматривая массивные, грозные тучи на небе, обещавшие вскоре пролиться на землю

людей. — Тебя ведь тоже Розы? Что они сделают, чего не успели? — усмехнулась кучерявому, гневному небу, оно тоже гневало на мой поступок. — Ударят? Не страшно. Меня уже заметили: мою полы, доску, ношу постоянно журнал, и чужие сумки таскаю. Роза руководит процессом издевательств, а люди охотно поддерживают, как стервятники. Что еще могут сделать?

— Недооценивай женскую зависть...А вот так? — спросила Люда и указательным пальцем постучала по линии вдоль челюсти от уха до подбородка.

Получше приглядевшись к коже старосты, заметила тонкую полоску шрама сантиметров десять длиной. Девушка опустила волосы на лицо, скрывая дефект, и спросила:

— Почему думаешь Франкенштейн? Лицо пытались заменить. Розы очень изощрены в своей мести. Знаешь, чем удобно быть в их числе? — подняла Люда бровь в вопросе и продолжила, стуча ногтем по книге:

— Тебя не тронут другие. Роза — это как знак защиты между членами общества, но в обмен ты обязуешься не претендовать на одного мужчину. Мужчины общие, как и Розы. А я имела наглость спать с одним мужчиной, надеялась запечатает, а он попользовался и выкинул. Мажор недоделанный! — засмеялась Люда, но показалось как-то раздраженно, потому что ногтем еще сильнее создавала стук по книге. — Надо было презерватив стягивать в нужный момент!

Засмеялась она залиvisto, аж до слез. Но это наигранно, не от смеха, это обыкновенные слезы от любви? У меня такие же отчаянные слезы иногда выступали, когда понимала, всю бесполезность мечтаний об Артеме, но и сдаться не позволяла себе.

— А я всё думала любит, любит. Одну выделяет из всех, мы с ним давние знакомые. Цветочки, улыбочки, а я-то наивная не поняла, почему предпочитал анальные и оральные развлечения? Страховался, козел! Потом надоела ему, выбросил использованную, теперь Розы всю развлекаются, мстят за то время.

Люда вновь рассмеялась мелодично, залиvisto сама над собой или над наивностью, но замолкла, когда молния красиво разрежала зигзагом небо на две части. Поделив пополам, одно сломанное, второе пока целое. Люда как раз выглядела крайне печальной и сломанной, как первая половина, а я целая.

— У нас два любимчика в университете — Виктор Михайлович и Гектор. Один богатый красавчик, другой просто красавчик, но ему и без денег прощают всё за его милую мордашку! — передразнила Люда видно одну из Роз, потому что захлопала глазками, изображая, как это делали прекрасные представительницы необычного общества. — Эти двое — неприкосновенны. За них тебя порвут! И ты посмела запустить пивом в любимчика половины университета, да тебя на дыбу надо! И я удивляюсь, что тебя пожалели! — предупредила Люда напоследок. Последняя фраза прозвучала крайне зловеще и предостерегающе.

POV Диана

После уроков вновь осталась убираться, привычно вытирала не первой свежести тряпкой доску. Хорошо высокая, поэтому дотягивалась до самого верха. Мел противно летал по воздуху и оседал на водолазке. Как раз стирала с груди белый налет, когда дверь в аудиторию открылась.

И почему не удивлена? Я удивлена, что только через три пары.

— Белобрысая! — произнесла девушка, одна из четырех вошедших в кабинет.

По возрасту старше, брюнетка с короткой стрижкой, но внешность кричала, что она из «великих». Голубые ногти. Сапоги такого же цвета прошились по полу и оставили за собой грязный след. Едва подмела, значит придется мыть.

Пока девушки аккуратно стучали каблуками по поверхности пола, (этим звуком отсчитывали секунды до начала возмездия), я положила тряпку рядом с доской и стала отряхивать руки от мела. Хлопнула в ладоши, от чего тут же возник красивый белый туман.

— Эй! Белобрысая! — услышала более громкий окрик другой девушки, что имела более узкий разрез глаз, массивную фигуру и широкие плечи. — Ты видно отупела? Тебя предупреждали не вылезать из норы?

И эта девушка кивнула в сторону другой — нашей Розы из группы, кажется Светланы. Щелчок. Одногруппница повернула защелку на двери, скрывающей нас от ненужных глаз. Я возле доски, полукругом обступили четверо.

Не порежут же действительно?

В такие моменты старалась не думать о страхе, а просчитывать наперед следующий ход. Если заранее подготовить пути отступления, то можно избежать многих проблем. Окно — единственный выход из сложившейся ситуации. Если разбить стекло и убежать, существовала вероятность спастись от Роз с целым лицом, но в этом случае моя конспирация вместе с окном будет разбита на множество осколков.

— Не лезь к нашим парням! — подала голос четвертая девушка. Маленькая на вид, аккуратная брюнетка. Она тоже умела зверствовать?

Женская зависть поистине ужасна, она уродовала безупречные лица прекрасных дев.

Я вроде не лезла больше к их парням.

— Мы пытаемся с тобой говорить, а ты не понимаешь! — я запуталась кто из них говорил. Но было безразлично, кто: понятно, к чему вел разговор.

— Я понимаю. И ни к кому не лезу! — попыталась охладить ревностное пламя в груди каждой девушки пустыми отговорками.

Одна гостья раздраженно постукивала каблуком по парте, а в остальном — дальше прозвучала идеальная тишина.

Десять секунд длилось стойкое молчания, а я, опустив покорные глаза в пол, ждала решения Роз.

— Хорошо, пойдем! — услышала великодушное приглашение от девушки с узкими глазами. — Это было последнее предупреждение.

И таким образом занятия в университете в четверг закончились возле позорного столба. Люду опустили, ключом отомкнув наручники, при этом одногруппница недовольно поджала губы и мимикой лица изобразила послание: «Я же говорила!».

Взамен первой пленницы, теперь мою правую руку закрепили наручниками. Холодная сталь сжала запястье и не разрешала сдвинуться дальше, чем на метр.

— Посиди ночку! — произнесла та же девушка с узкими глазами.

Последняя Роза — Светлана на секунду обернулась, бросив неловкое:

— Я тебя предупреждала!

И зачем это сказала? Прозвучало будто извинялась за поведение подруг.

Наручник свободно можно было опустить или поднять вверх по железной трубе. Моя куртка, подаренная Люде, продолжала валяться на траве. Подняла ее и с огромным облегчением накинула на плечи, пытаюсь согреть замерзшее тело, но бесполезно, от порывов ветра порой задерживала дыхание.

Не представляла, как выжить той ночью?

Последние студенты университета проходили по дороге, провожали удивленными взглядами. Естественно, новое развлечение, попавшее в поле обозрения. Я плечом прислонилась к холодной трубе и смотрела в темное небо. Гадала будет дождь или нет? Интуиция изнутри выкрикивала очевидное «Да».

Я отвернулась от асфальтовой дорожки, чтобы избежать чужого любопытства. Колкого неприятного ощущения насмешки над моей худой персоной возле позорного столба. Новое развлечение для высшего общества университета.

Долго размышляла тем вечером о насущных проблемах, до тех пор пока не позвонила Алина:

— Долго тебя ждать? Не всю доску отмыла? — поинтересовалась с насмешкой. — Ужин с Элькой приготовили, тетушка скоро должна вернуться из ателье, а тебя всё нет и нет.

Я скромно поведала о проблеме, естественно девочки вызвались помочь. Но, по сути, чем помочь — распилить наручник? Даже если у тети Кати есть знакомые способные размягчить металл, но тоже не выход. Весь университет будет знать о нашей сущности Клейменных.

— А может ням-ням принести? — напоследок предложила Алина.

— Нет уж! — гордо отказалась, мысленно представив, как буду употреблять пищу на газоне возле университета. — Лучше сдохнуть от холода и голода!

Несколько раз чихнула в подтверждении сказанных слов и сбросила вызов.

А потом взяла тетрадку и читала под светом от фонаря про 51 счет, ноги правда уставали стоять.

Честно, рассчитывала встретить Карателей, они время от времени патрулировали вокруг университета, но, к сожалению, на территорию за ворота не входили. Улыбнулась удача, когда охранник — старенький Дядя Каратель вышел закрыть входные ворота. Мужчина долго думал подойти или нет. Сначала прошел по тропинке и закрыл стальные ворота на ночь, а потом все-таки по газону ко мне.

— Девочка, ты за что здесь? — дяденька остановился неподалеку, в утепленной шапке и толстой куртке, тяжело дышал от ходьбы, изо рта валил густой пар. Мужчина прятал руки в карманах одежды.

— Не понравилась девочкам, — усмехнулась я, пожав плечами. Скрывая за улыбкой, как на самом обидно и позорно здесь находиться. До слез. Осадок отчаяния ощущался на языке. Оно имело очень неприятный вкус.

— К сожалению, силы в мои немощных руках не те, что были прежде, девочка. Я не

смогу разорвать наручники! — старичок поведал от души. Очень приятный, теплый голос у мужчины. Без ноток лицемерия или возможного пренебрежения над глупой девочкой, попавшей в западню. К подобным особям мужского пола сразу проникаешься доверием.

— Что вы. Всё в порядке! — улыбнулась. — Я не тепличный цветочек.

Вру... я — тепличный цветочек и очень мерзлявый. Пальцы прятала в карманах, нос в куртке. Казалось за время проведенное возле трубы дыхание стало ледяным. Дыхну и заморожу, не важно, животное или человека. Навсегда обездвижу, превращу в статую. Ноги в кроссовках сильно остыли от прохладной земли.

— Можно попытаться распилить! — ожил вдруг старичок, палец указательный выставил вверх на грозное, темное небо над нашими головами. — У меня пила есть в подсобке. Сейчас поищу!

Милый дяденька с огромным вдохновением решил заняться моим спасением, даже отец так не заботился. Милая забота на миг согрела и руки в карманах, и ноги, и тело целиком. Его слова, как теплые лучи света, побившиеся сквозь звездный настил над головами.

Но я отказалась:

— Не стоит. Если убегу, потом каждый день на протяжении пяти лет проведу привязанная к столбу. Лучше один день выдержать.

Мужичок понуро согласился с выводом, но принес теплый тулуп и постелил на газон. Ночью благодаря теплой одежде удалось немного полежать. Надеялась заснуть, но адреналин вибрировал в каждой клеточке тела и отключиться от холодного одиночества не удалось. Слепленные ресницы дрожали от назойливого ветра.

Я привыкла много спать и кушать, а без одного и второго, тело не поддавалось контролю. Когда освободят, то самостоятельно вряд ли встану.

В семь утра открыли ворота, тогда же я окончательно подняла спину с остывшего после ночи тулупа и аккуратно присела. Перед глазами плыло от недосыпа или закладывающего носа. После ночи стала шмыгать носом. Не хватало еще подцепить простуду.

А потом очень сильно захотела в туалет, отчаянно. Ноги даже сжала между собой. Не посередине же газона справлять нужду перед окнами университета. К тому же, появлялись студенты.

Отвратительное утро, но сегодня вечером предстояла долгожданная встреча с Артемом и только мысль об этом немного успокаивала и давала сил не заплакать. Опять хотелось заплакать. Надоело терпеть. В туалет хотелось невероятно, аж живот заболел!

И, когда появилась большая толпа в черных кожаных или пуховых куртках, но главное все в темном, уже не обращала внимания. Чихать на всех! Проигнорировала тот факт, что группа остановилась возле фонтана (неподалеку от позорного столба), а один и вовсе подошел еще ближе. Ближе остальных.

Удивленно обернулась. Примерно на расстоянии пяти метров остановился Гектор в шапке, прикрывавшей темные пряди волос. В теплом пуховике, руки спрятал в карманах спортивных штанов. Изучал таинственный экземпляр перед собой, склонив голову в бок. Наверное, так приходят взрослые дяди на представление в цирк, смотрят на номер клоуна с красным носом и не могут понять, где надо смеяться.

— И за какие заслуги грянула кара с небес? — задал вопрос Гектор, оглядывая мою руку привязанную к столбу.

Позор какой! Сразу и в туалет расхотелось, и не мерзла более. Все тело вспыхнуло от стыда. С собственным голосом не сумела справиться, дрогнула, когда пояснила:

— Говорят, я — вввв...выскачка!

И не понятно то ли от холода зуб на зуб не попадал, то ли от вида взрослого мужчины перенервничала. Неведомым образом приближение Гектора немного напрягало: становилось неуютно под чужим взглядом, хотелось гордо распрямиться. Но мое положение слишком жалкое, поэтому бессмысленно расправлять плечи.

Гектор внимательно рассматривал объект перед собой — меня и не скрывал этого. Серьезно, не насмешливо и не гневно. Как экспонат музея, а он — великий ценитель искусства, делал анализ работы, а потом собирался громко озвучить полученный результат. А результат таков — я очень похожа на бездомного, жалкого человечка без крыши над головой.

Мужчина тяжело вдохнул воздух, словно смертельно устал или без сил, а потом развернулся на пятках. Оставил меня разочарованным взглядом провожать широкую, мужскую спину. И понимать сколь одиноко жить в этом мире без поддержки близких. А Клейменной в особенности.

— Сейчас высвободим птичку из клетки! — расслышала глухое замечание Гектора, приглушенное порывами ветра..

В миг крылышки у птички, точнее у меня распахнулись на спине, плечи распрямились. Пташка едва не взлетела от счастья над уровнем земле и с улыбкой проводила темную фигуру спасителя.

Он освободит? Подарит столь желаемую свободу?

Я физически устала, мечтала оказаться под теплым одеялом уютной кровати. Занятия подождут. Мои мечты сосредоточились исключительно на горизонтальной поверхности и ванне, наполненной теплой водой.

Через десять минут расстроилась, покуда Гектор не возвращался. В точности, как глупый тушканчик, выпрыгнул и навеки сгинул.

Я была обречена замерзнуть насмерть или погибнуть от обезвоживания или голода.

Пританцовывая от холода на газоне, наконец-то увидела Гектора, шагающего по дорожке. От радостной картины не сдержала счастливой улыбки. А когда спаситель насмешливо дернул уголок губ вверх и показал ключ от наручников, я вовсе захотела обнять за крепкую мужскую шею и расцеловать в обе щеки. Стало вновь тепло-тепло, уютно как на любимом острове. Поспешно заморгав, принялась наблюдать за процессом освобождения от наручников.

— Спасибо вам! — голос мой раздался тихонечко и в тоже время немного дрожащим, переполненным нежными словами. — Я вам очень благодарна! Очень! Очень!

Запястье было освобождено от железных оков, но мужские пальцы неожиданно ухватили мои, приостановили бегство. Слишком сильный контраст, у мужчины — кожа невероятно теплая, по девчачьи нежная. Сильные пальцы меня решительно поглаживали, будто бы успокаивающе, доверительно. Я подняла вопросительный взгляд, а Гектор в ответ вновь растянул губы в улыбке.

Неужели среди людей есть нормальные, благородные?

Наши сцепленные руки мужчина поднял на уровень моей груди и продолжал дарить тепло.

— Понимаешь, в чем дело... — начал тихо рассказывать, интимно в лицо, немного нагнув шею, чтобы лучше слышала. — Такой симпатичной мордашке нужна защита, а я могу тебе ее дать.

Странное ощущение всколыхнуло приятной волной тело, мурашки проявились на коже от хриплого тона. Мужской голос воздействовал очень сильно на нервные клетки. Я нашла в себе уверенности максимум посмотреть на полные мужские губы... на полоску шрама, которая привлекала внимание.

— Не стоит. Я большая девочка и вполне сама справлюсь. — ответила гордо.

На последнем слове все-таки подняла на Гектора уставшие, не выспавшиеся веки и приятно улыбнулась. От всего сердца, не потому что надо, а потому что было действительно приятно.

Первое впечатление оказалось обманчиво — мужчина не грозный убийца или преступник. Добрый человек, который помог в трудную минуту.

Я мягко высвободила плененные пальцы, очень аккуратно. Не то, чтобы мне неприятны его прикосновения, просто хотелось поскорее оказаться в уютной квартире.

Привстала на носочки и поцеловала Гектора в левую щеку, от которой исходил приятный запах, возможно крема для бритья.

Мужчина перестал улыбаться.

Карие глаза пристально зацепились за мое лицо и резко «перебегали» то на глаза, то на губы, то на нос. Он показался удивленным моим действиями.

Я что-то не так сделала? Полезла целоваться?

Стало вдруг неловко от собственных действий.

— Извините! — вырвалось. — И спасибо!

Подхватила тулуп сторожа и пошла по газону в сторону университета возвращать доброму старичку одежду. Но взгляд сзади знатно сверлил мои гордо расправленные плечи.

POV Гектор

Я взял наручники за два кольца и развел локти в разные стороны. Потянул металлический аксессуар Роз, одновременно продолжал наблюдать за виляющей задницей впереди.

Мелкая зараза!

— Гектор! — заорал на ухо Андрюха, привлекая внимание. Я был один только что, откуда посторонний объект? Проигнорировав зов, сцепил жестко челюсть и начал тянуть наручники в разные стороны. — Эй... тихо-тихо!

Друг приблизился, закрыв обзор. Телом заслонил как щитом, мои руки и металлические наручники.

— Что ты делаешь? — повторил вопрос Андрей. А я не отвечал, словно оглох, причем на оба уха. Вены на пальцах и руках изуродовались толстыми, корявыми дорожками.

Друг принял странную позу в виде звезды. Спиной загораживал обзор на странное зрелище взбешенного Карателя после трансформации.

— Убери нахрен руки... — прошипел Андрей едва слышно. — К нам идут!

А мне было плевать, продолжал смотрел за задницей, которая скрылась за стенами университета. Милая «девочка» исчезла, но я продолжал испепелять, сжигать крыльцо взглядом.

К нам приблизился неизвестный человек, руку протянул для дружеского пожатия.

— Идите-идите отсюда! — раздраженно приказал Андрей, размахивая руками, как мельница, и видно закрывал мое лицо. Оно тоже могло покрыться толстыми венами, выдавая сущность Карателя.

— Попозже поздоровайтесь, у нас важный базар с Гектором! — после небольшой паузы

опять сквозь зубы процедил Андрей, а потом добавил чуть тише. — Слышь...убери руки... мне как отмазываться? Халка невероятного снимаем или десятую часть Терминатора?

А я с наслаждением, невообразимым экстазом дождался момента, когда лопнуло звено наручника. Прямо по центру разорвалось. Аксессуар разделился на два круга с короткими цепочками. С каким бы превеликим удовольствием сломал девичью шейку, но вместо желаемого со всей силой ударил железками об позорный столб, который сразу зазвенел от удара. Но я не мог применить силу, потому что она человек...

— Ах, ты ж, сучка малолетняя! — прорычал сквозь зубы. — Она издевается надо мной! Просто издевается! Я похож на борца за добро и справедливость? Значит, целку из себя строим? Ну что же... клоунаду в сторону!

Улыбка пропала: и так было паршивое настроение, я со смены, и спать хотел невообразимо. А вместо этого прибыл на занятия с мыслью отлежаться на последней парте.

Я уселся на прохладный бортик фонтана, достал сигарету и зажигалку из куртки. И эта зараза не срабатывала, чиркала и чиркала, но пламя не появлялось. Тогда перехватил зажигалку чуть сильнее, понадеявшись, что не взорвется в руке.

— Гектор! — девичий томный голос пропел рядом со мной на фонтане. Аромат духов ударил в нос и едва не убил цветочным запахом. С другого бока окутал второй запах. Шаловливые пальцы легли на одно плечо, мелко перебежали, как бы моля о внимании или словно игрались на пианино. На второе плечо навалились грудью, скрытой тканью теплого, красного пальто. Затем вцепились в локоть, обхватив твердо, как заслуженный приз, который отдавать обратно явно не собирались.

— А что сегодня вечером делаешь? — это с левого плеча спросила одна из Роз. Их в жизни не запомнишь и как звали, не представлял.

После ночной смены я бы предпочел попить пива под футбол, поспать, чуть не забыл перед этим секс с Ольгой. Она уши надоедливym насекомым прожужжала, когда встретимся. Очень сложно быть в отношениях, стабильный секс с одной девушкой, ну а если не стоит на нее сегодня? Если на другую сегодня засмотрелся, куда деваться?

Ольга предлагала переехать к ним в дом с папочкой. Папочка — это мой начальник Ольгердович и в случае переезда мою конспирацию можно смыть в золотой унитаз. Я не знаю, какие у них туалеты, но предполагаю, что золотые.

Спасибо, но своих денег достаточно, я не жалкий Альфонс.

Но Розам эту информацию не зачем знать.

— Ох, не знаю девочки, — устало выдохнул, показал не прикуренную сигарету. С правого плеча протянулась рука с зажигалкой, чиркнула и я наконец-то прикурил с наслаждением вдыхая дым. Приятная горечь маскировала осадок после отказа малолетки.

Мне отказать? Она ослепла, я ей честь оказывал своим вниманием.

— Не знаю, что со мной? — ладонь прислонил ко лбу, словно проверяя заболел или нет. — Все время думаю и думаю об одной девчонке. Выкинуть из головы не могу. Я заболел, да? — к одной Розе повернулся, словно взывая к помощи, потом к другой собеседнице. — А она не отвечает мне взаимностью! — с легким вздохом закончил, смотря на газон перед собой, а не на Андрюху, боялся увидеть реакцию друга на сказанные слова.

— Втюрился по самые яйца! — добавил я грустно.

— Всё та же? — услышал на ухо равнодушный вопрос, как бы невзначай.

— Да...да... — опять грустно закивал, затаился с силой, лишь бы не засмеяться. Губы дрожали, стремясь растянуться в улыбке. — Уже рассказывал... Диана Абрамова...

влюбился, не могу ни о ком думать!

Встал с фонтана, высвобождая женские пальцы с рук и плеч, подмигнул Андрею, с трудом сдержав улыбку не раскрытой. Указательным пальцем пнул бычок в урну, стоящую в трех метрах от нас. Очко!

Не удержался победно поднял руки вверх, сжатые в кулаки, как я был рад попаданию в урну!

Шах и мат, Диана Абрамова!

Подкинул зажигалку в воздух и поймал. Чиркал и чиркал, стараясь зажечь пламя, а оно не работало, зато создавал веселый звук. Довольно вышагивал по остаткам зеленого газона (к зиме совсем не станет) когда к неожиданности зажигалка сработала. Яркое, красивое пламя загорелось перед лицом, огонек танцевал или дрожал от дуновения ветра, но не погасал.

Как, милая девочка, погаснешь или не погаснешь без меня?

Приползешь молить о помощи? Или справишься одна, как громко заявила?

POV Артем

На левой руке часы с круглым циферблатом подсказали точное время «17:50». С Романом — братом Эли — договорились встретиться на улице Весенняя. В Приаме существовали и Осенняя улица, и Летняя, но на деле жители этого округа мало представляли особенности проживания в данных климатических зонах. Жители знакомы преимущественно с зимними условиями (снегом и температурой приблизительно пятнадцать градусов холода). Целый год в Приаме властвовала зима, за исключением двух месяцев (июль, август), когда погода становилась по-летнему теплой.

В Пронске, откуда я прибыл, почти целый год командовала осень. Голые корявые ветви деревьев, дожди, грязная жижа под ногами и потухшее настроение — это то, что в точности характеризовало округ Пронск и его жителей. А в Приаме красивое покрывало белого снега на земле время от времени поднимало настроение, особенно в тяжелые минуты.

После бегства в Приам, благодаря Дине сняли однокомнатную квартиру. Сейчас оба пытались устроиться на работу. У подруги имелся неплохой запас денежных средств на черный день, на что благополучно проживали в Приаме. Не представляю, как бы выжил без ее помощи.

На улице моросил дождь, своими потоками почти насквозь пропитал джинсы и кроссовки.

Я с накинутым на голову капюшоном ворвался в помещение, принадлежавшее Роману. Сейчас оно работало, как обыкновенное кафе, в котором можно в уединенной обстановке поговорить или пообедать. После девяти вечера заведение превращалось в спорт-бар с подвыпившими мужчинами, рекой алкоголя и гулом возбужденных болельщиков.

В кафе обнаружил несколько знакомых лиц, поэтому сбросил сырой капюшон и махнул постояльцам кафе:

— Здорова! — улыбнулся. Это наши парни с острова. — Как же я рад вас видеть! — подал руку, с удовольствием приветствуя знакомых, сидевших за одним из столов.

Гости старше по годам, но я хорошо запомнил их лица, видно и они моё.

Роман у барной стойки, расположенной вдоль левой стены, отреагировал на приветствие взмахом граненного стакана с бело-синей жидкостью. Затем продолжил наливать алкоголь в бокалы, а я изучил его внешность, изменилось ли что-то с последней встречи. Высокий, худобу подчеркивал бежевый свитер, волосы пшенично-светлые обрамляли угловатое лицо. А Роман постоянно сдувал длинные пряди с глаз и орлиного носа с небольшой горбинкой. Даже усиленные тренировки на острове не сделали друга физически крупнее, зато умственно он развит очень сильно. Клейменный, накопивший за пять лет обучения в университете и одновременно работы в мире людей необходимую сумму денег для покупки кафе, заслужил редчайших даров и похвалы.

Барная стойка истыкана голубыми бокалами с алкоголем, рядом в прозрачной вазе свежие цветы и фарфоровая статуэтка кошки. Всегда задавался вопросом: зачем другу кошки? Он и в квартире завел это глупое, шипящее существо. И только сейчас озарил ответ на вопрос: он — Кошкин Роман в человеческом мире. Видно поддерживал имидж, но, по моему скромному мнению, это перебор.

Роман кивнул на один из столов, предлагая присоединиться к трапезе. Знакомые парни

с острова любезно приняли в теплую компанию. На столе почти съеденные блюда, местами размазанные по тарелкам остатки еды. И целый океан алкоголя, который посетители щедро заливали в глотки.

Я с удовольствием утонул в прохладной коже дивана, а куртку закинул на спинку мебели.

Пока ужинали и согревались горячительной жидкостью, Роман вел беседу, а я предпочитал не влезать в чужие разговоры. Посторонних в кафе не обнаружил — одна официантка, которая приносила теплые блюда, и то вероятнее всего Клейменная. Больше никого в пятницу вечером.

За стеклами барабанил дождь, с каждой секундой набирал мощь, похоже на цунами на святой земле Клейменных. Вода била сплошным потоком на головы людей, некоторые прятались под зонтиками, а кто-то бежал вперед, пытаясь избежать гнева природы.

— На новый год...ровно...в двенадцать...устроим небольшой сюрприз Карателям... — услышал сквозь шум воды по стеклу. Неверяще, что эти слова прозвучали от лучшего друга, но продолжил изображать глухого, наблюдающего за сплошной стеной ливня.

— Доколе будем жрать из-под ног Карателей! Как чертовы свиньи, жрем эмоции украдкой, пока отвернулись «славные» блюстители закона! — с громким стуком стопка опустилась на деревянный стол.

Градус алкоголя набирал обороты, а меня это не касалось. Рома позволил узнать подробности, не скрывал фактов от меня, но я бы предпочел не слышать всего этого. Единственное о чем я мечтал — выжить...жить...а не бороться за справедливость рода.

Минут сорок слушал бранную речь в сторону «черных» людей, пальцем украдкой постукивал по циферблату своих часов, с намеком Роману, что вскоре закончится принадлежащее мне время.

Когда дверь из кафе закрылась за последним из Клейменных, я вздохнул облегченно и развалился на одной стороне дивана более расслабленно, а то было трое и мы жались друг к другу.

Я не любил слушать про столкновения с Карателями.

— Быстро вы ужрались! — заметил. — Я говорил на свидание надо. Время в обрез! — постучал опять по часам указательным пальцем.

— Малышку Диану сегодня шпилить будем!? — засмеялся приколист-Ромка. Когда напивался, всегда шутил ниже пояса и останавливать было бесполезно — это называлась последняя стадия алкогольного опьянения Ромки.

Друг показательно внутри рта языком ткнул в щеку, отчего вырос бугор. Это в простонародье называлось «за щеку взять» или «взять в рот».

Я тяжело вздохнул, как будто имел дело с умственно отсталым:

— Полегче! — буркнул. — Тупые шуточки оставь для себя! Диану не трогай.

— Ты на нее часто ночью передергиваешь? — насмешливо клоун продолжал издеваться надо мной, рукой подпер щеку и пьяно улыбался.

— А не! — махнул рукой, словно воспользовался энергией, а по сути провел кончиками пальцев по воздуху. — Зачем? Если у тебя есть еще Дина. Даже имена похожи, по внешности правда отличаются.

Предел терпению был достигнут. Я очень терпелив до поры до времени, пока не перегнуть палку. Я разорвал цепь-оковы со своего терпения, вскочил с дивана и подтянул за ворот рубахи посмеивающуюся рожу пьяного друга. Пусть дикий зверь-берсерк выйдет

наружу. Покажет свою страшную суть.

Пытался поймать взгляд Романа, но тот ускользал и рассматривал все, что угодно только не меня.

— Ну ты тварь, Ромка! — озвучил почти шепотом. А, когда все же встретились глазами друг, к удивлению, почти трезво сконцентрировался на одной точке:

— У тебя глаза покраснели!

Только не это. Я раздраженно отпустил ворот рубахи пьяного собутыльника. Тот без удерживающей силы скользнул на диван и едва не упал на пол. С трудом восстановил баланс.

Я взял мобильный телефон, пытаюсь в темном отражении экрана, поймать собственные глаза, но не удавалось. Тогда посмотрел налево в окно и в отражении едва-едва увидел действительно покраснение белков глаз.

— Ты чертов урод! — попенял друга.

Одновременно рукой закрыл лоб и глаза, локоть поставил на стол. На всякий случай подстраховался. Теперь предстояло целые сутки избегать Карателей и их энергетических приборов. Надо было так вскипеть, что берсерка включил!

— Прости, перегнул, не думал, что взбесишься! — Ромка поднял руку и, перегнувшись через стол по-дружески хлопнул по плечу, но удар был сильный, отчего хотелось встать и в ответ долбануть со всей доступной мощью. Друг в пьяном состоянии бывал иногда невыносим.

— Как я теперь на свидание пойду? — раздраженно поинтересовался.

— Скажешь конъюнктивит. В конце концов, дождь на дворе никто не увидит. А кстати...я рассказал Эле про Дину...

На этом слове я перестал прикрывать глаза ладонью и неверяще посмотрел на друга. Он не мог подложить такой свиньи! Или мог?

— Скажи, ты соврал сейчас? За каким...кхм-кхм... рассказал подруге Дианы о Дине?

Пальцами сильно надавил на мякоть ладони. Сердце ускорило биение вновь... а потом медленно...медленно замирало, словно испуганное пряталось. Если Диана узнает о Дине, та не поймет, не примет. Не смогу объяснить, что выбора не было.

Друг пьяно болтал, но я чувствовал, как состояние берсерка, вновь овладевало мыслями, и собственным телом. Я находился во власти горячих инстинктов убивать все, что попадется под руку.

Но Роман продолжал невнятно объяснять:

— Я давно рассказал. Если Эля помалкивает, значит уже не расскажет подруге. Диана ведь пойдет с тобой сегодня? — продолжал пьяным языком друг. — Черт, пойду в туалет. Твои бешеные глаза даже меня напугали...

Роман опять засмеялся над собственной шуткой, не трезво поднявшись из-за стола, двинулся мимо столика в конец помещения. Там при повороте налево был вход в туалеты. Я наблюдал за его перемещением, а когда тот исчез, принялся разглядывать людей за окном, бегущих от стихии. В Приаме часто бывала мерзкая погода, и я надеялся остудить раздражающие мысли в голове хотя бы взглядом на холодную воду. Как назло, не помогало.

Этот урод оскорбил мою Диану. Ненавидел, когда про нее плохо говорили. Она самая-самая добрая в этом мире, говорить грязные слова в ее адрес считал чем-то вроде богохульства. Она не позволяла себе осуждать никого: ни людей, ни Карателей, ни Клейменных. Всех считала правыми в равной мере. Могла найти оправдание каждому. Даже

отъявленного негодяя в книге или фильме могла оправдать, найти тысячу слов в его защиту. Это всегда умиляло. В ее понимании все хорошие. Рядом чувствуешь себя полнейшим дерьмом. Я такой и есть...

Если Диана узнает о Дине, найдет ли мне оправдание? Честно, не очень хотелось бы... это значило бы, что я для нее, как все. Один из всех.

Звон колокольчиков над дверью привлек внимание и я обернулся назад ко входу. Взглядом зацепился за парочку: мужчина и женщина (судя по очертаниям фигуры), оба в черном с ног до головы. Только начали снимать капюшоны, тогда же я резко развернулся обратно к столу. Будто не подглядывал. Сердце поспешно подскочило к горлу. Я едва не задохнулся от мерзкого, липкого ощущения страха. Все тело покрылось нервной дрожью при понимании, во что мог вляпаться.

Я поставил локоть на стол и прикрыл ладонью лоб, будто бы пьян настолько, что не способен держать голову.

Пара Карателей тихонько переговаривались, их шаги громко отдавались эхом в глубине тела, в каждой нервной клетке. Страх оглушал, заставлял руки нервно подрагивать на лбу.

Пара прошла дальше через пару столов и заняли места. Сняли мокрые толстовки и остались в легкой одежде. Я тайком подглядывал, но глаза покорно опустил в стол. Сердце отсчитывало каждую секунду, которую мог попасться. Чертова сила! Я иногда презирал нашу зависимость от энергии и этот мир, который нас не любил. Я ведь не сделал ничего плохого. Сидел, кушал, выпивал. Я немного не такой, как люди, отличался от них, но тоже хотел жить.

Надо было сваливать отсюда и срочно. Возможно, когда Роман придет из туалета, прикроет спиной от собеседников, а так я находился на виду у парочки. И мое бегство могло привлечь внимание.

Пока размышлял, как лучше поступить, мужчина-Каратель приподнялся из-за стола и покинул место. В туалет пошел по соседству с Романом.

Где Роман, когда он необходим?

Теперь я вовсе оказался напротив женщины-Карательницы.

Друг напротив друга, разделенные двумя столами. Одним графином с соком и бутылкой водки. Эти вещи плохо закрывали от чужого любопытства. Я, как в клетке запертый зверь, на радость любопытной толпе. Выпустить не могли, но и убить не желали.

Сердце сильнее застучало, когда противно скрипнул стул по полу. И это не мой стул. Звук вызвал желание сжаться до атома, чтобы никто не увидел.

Тихие шаги кроссовок по плитке, они должны быть тихими, но в голове звучали громко, как удары музыкальных инструментов.

Карательница опустила руку в карман своих штанов и вытащила хорошо известный прибор. Прохладная сталь, как ледяная рука, прислонилась к виску, отчего я на момент подумал потерю сознания. Моя рука, та что скрывала красные глаза, сильнее затряслась на лбу.

— Стоим шестьдесят секунд! — громко объявила девушка.

Тихий отсчет пошел в голове. Холодный пот покрыл лоб под ладонью. Каждая секунда била в самый лоб, в мысли, глубоко внутрь.

Не знаю сколько прошло секунд в этом напряжении, тишине, в состоянии натянутых нервов, когда заметил резкое движение, потом глухой стук. Женщина безвольно наклонилась и опала вниз.

Роман подхватил падающее тело Карательницы за талию, чтобы та не ударилась о пол. В другой руке держал статую кошки с барной стойки.

— Быстро вставай, пока напарник ее не пришел! — шепотом, но твердо приказал друг и аккуратно опустил тело женщины на пол.

Я подпрыгнул на месте, схватил куртку с дивана.

Роман загородил дорогу на выход:

— Быстро вмажь мне! И посильнее!

Я удивленно смотрел на него, с трудом дыша сквозь нервное напряжение, стегающее плетью тело.

— Что? — переспросил дрожащим голосом.

— Вмажь посильнее, чтобы вырубился! Иначе я первый под подозрением. Сам убегай! Быстрее!

Роман встал чинно, почти не пьяно, глаза разве что стеклянные, а я занес боевую руку и вмазал. Не каждый способен твердо смотреть, как в лицо летит кулак и ломает хрящ в носу, так и друг зажмурился в момент удара. С грохотом Роман свалился на пол.

Этот звук мог всполошить Карателя в туалете.

Напоследок я взглянул на двоих валявшихся на полу, удостоверился, что оба дышали и рванул на выход. Во тьму дождя, лишь бы спрятаться под холодной стихией. Капюшон накинул и уже на улице услышал предательский звон колокольчика от двери.

Я не хочу, как уродская крыса, бегать по полу, под ногами Карателей и людей, прятаться в каждой норе, боясь попасться. И убежать...убежать от всего мира.

Весь проклятый мир людей — мои враги и каждый желал моей смерти.

Зачем я родился? Чтобы жить, как крыса, боясь каждого шороха?

Я просто... хотел... жить, как и все. Пусть я изуродован этой силой, пусть не человек, но желал жить также, как и все.

POV Гектор.

Я только улегся спать. Судя по туману в голове, успел заснуть. Черт бы всех побрал!

— Любимый! — услышал приятный женский голос, невольно улыбнулся сквозь сон. Это приподняло настроение, потому что напомнило о матери. Мы с отцом всегда были для нее «любимыми мальчиками». Неподражаемая женщина, всю жизнь посвятила мне и отцу, баловала, как могла. Я думаю и на смены ходила только для того, чтобы иметь возможность охранять отца. Я благодарен Богу (о, да, забыл сказать я крещенный, но в тоже время убивающий без сожаления. Правда, вход в церковь не осквернял своим присутствием) Так вот Благодарен Богу, что отец с матерью погибли в один день, все равно бы не выдержали друг без друга.

— Тебя вызывают! — тихонечко шепнула Ольга на ухо. Я открыл веки, оценил, что заснул на коленях у подруги после просмотра матча. С трудом поднял правую руку и перекинул ее на тумбочку рядом, где настойчиво сигналило красным маячком специальное портативное средство — небольшой прямоугольник, по размеру, как обычный телефон. Оно настойчиво издавало противный, непрекращающийся звук-треск, похожий на стук дятла по дереву и яркими цветами рассеивало темноту в зале.

Женская рука лежала на моей обнаженной спине и давила камнем. По сути маленькая девушка, а конечность будто тонну весила. Чтобы приподняться и взять переговорное устройство, взял за ладонь мадам и откинул за спину.

— Ольга, жарко, хватит постоянно конечности на меня забрасывать! — с трудом

выбрался из цепких когтей и уселся. Схватил это демонское создание под названием переговорное серебристое устройство, нажал на круглую кнопку. На экране засветилось изображение, правда фон — темнота, скорее всего улица между домами. Небольшой фонарь над головой человека освещал его макушку и темный капюшон.

Капюшон резко скинули. Кое-как узнал черты Андрея, благодаря сереге в ухе.

Я подтянул устройство поближе ко рту:

— Андрей, я только что заснул впервые за сорок восемь примерно часов. Выпил одну бутылку теплого, просроченного пива, посмотрел разгромный матч, как нас нагнули Питерские ребята пять — ноль. Если подвести итог — я на грани убийства. Скажи, дорогой друг, с какой целью позвонил?

Последнюю фразу я очень тихо озвучил.

Лицо Андрея было по-прежнему с трудом различимо сквозь темноту, он неуверенно начал:

— Мы тут... с Ленкой зашли в кафе поесть...

— Зашли поесть? — переспросил, спину положил назад на колени Ольги. Очень удобно как подушка-трамплин. Девушка мягко поглаживала пальцами пряди волос и массировала голову.

А я уточнил еще раз:

— То есть ты на дневной смене вместо того, чтобы патрулировать город пошел в кафешку с моей сестрой? — я спрашивал очень веселым, ненавязчивым голосом. — Должна, как минимум, случиться вселенская катастрофа: например, метеорит пробить Землю до ядра, для того, чтобы ты признался мне!

Я рассмеялся в трубку. Потом закончил строить из себя весельчака, пока Андрей натянуто молчал. Успокоившись, вернул серьезный настрой, а также спину в исходное положение. Присел на краешек дивана и сцепил руки на коленях в замок.

— Ну и что случилось?

— Ленке по голове прилетело от какого-то Клейменного. Легкое сотрясение, но лицо нападавшего она плохо помнит, только темные волосы и красные глаза. Я запросил помощи по всем патрулям. Пытаемся город перекрыть. Ты придешь?

Без лишних слов узнал адрес его местоположения, уточнил где Елена, где племянница с тетей и дядей? Только после этого начал собираться.

Ольга болтала пока я в ускоренном темпе одевался. Ровно минуту на сборы: носки, кроссовки, теплые спортивные штаны и кофту с толстовкой. Хоть и прохладно на улице, но легкой одежды достаточно для сохранения тепла тела. Каратели практически постоянно находились в движении.

— Гектор? — позвала Ольга, когда ее словарный поток закончился. Я не слушал пустую болтовню, она могла часами болтать. Она подперла ладонью голову и валялась на диване, слегка улыбаясь. Волосы цвета меди обрамляли подушку неровными, длинными локонами. Веснушки на носу. Милая девочка и главное умная, несмотря на постоянную болтовню. — Что-то случилось?

— Разбудили сволочи! — прокомментировал я и накинул капюшон на голову. — Будешь уходить дверь захлопни! Всё, как обычно! Я ушёл! — пожал плечами и направился ко входу на балкон.

Вышел на свежий воздух, перелез через железные перила, оглянулся на наше десятиэтажное здание, проверяя не было ли сейчас курящих на балконе и только тогда начал

спускаться по пожарной лестнице. Правда старался передвигаться как можно быстрее, перепрыгивая по несколько ступенек за раз.

Наступил на слякоть, под ногами жижа чертовой грязи, с неба изморозь. Отличная погода! Набрал обороты, перебегая особенно глубокие лужи, передвигался мимо редких прохожих. Люди всегда оборачивались, но молчали, пока Каратели проходили. Иногда особенно чтущие нас покорно опускали глаза. Будто молились.

Я любил ощущение быстрого бега, пускай под ногами хлюпала грязь и брызги летели в разные стороны, попадали в лицо, пусть холод морозил лицо и жестокими порывами ударял в лицо. Свобода — наверное, это чувство полета всегда нравилось, вопреки целому миру, вопреки сопротивлению.

Один...два...три...четыре...пять...

Я... иду... искать

Гребанный Клейменный!

А когда найду, не буду допрашивать в темном доме, просто подвешу на позорный столб и вобью кол в твою шею.

И буду смотреть, как захлебываешься в крови. Не успокоюсь пока грязными кроссовками не пройду в луже твоей крови. Каждую косточку в никчемном теле перебью.

Ты тронул моего близкого и за это я трону тебя!

POV Диана

Приползла домой еле волоча ноги. Какой университет, какие пары! И без меня пройдут, умнее не стала бы от нескольких занятий!

Засела согреться в ванной комнате после ночи у позорного столба. Теплая вода настолько расслабила, что заснула, очнулась от ледяного ощущения по всему телу, зубы стучали друг об друга.

Согрелась называется, стало еще хуже, чем ночью на холодной земле.

Интересно насколько терпения хватит молчать и терпеть ревность девушек? Терпение — вещь очень прочная, но даже оно имело предел. Хотя, ни разу в жизни не достигала его.

После ванной несколько часов валялась в кровати, под теплым одеялом и спала... спала...спала...еще раз спала, пока не почувствовала себя отдохнувшей и очень сильно проголодавшейся. Голод и разбудил.

Единственное, что нашла в холодильнике — банан и то почерневший. За неимением лучшего пришлось усесться на диван и его кушать, понадеялась, что не отравлюсь. Плиту боялась включать, там газ, а то мало ли взорвала бы квартиру на воздух. Я слишком подозрительно относилась к людской технике, на острове было проще — там естественный огонь. Поэтому чтобы не включать изобретение человечества, решила поголодать до прихода подруг из университета.

Уселась смотреть телевизор и развалилась на подушке. Локтем обо что-то твердое стукнулась. Достала предмет из-под подушки, узнав в нем планшет Эли. Не знаю зачем нажала на кнопку, разблокировав экран. Любопытство и я — два друга по несчастью, оно всегда меня подставляло.

На экране всплыла фотография мужчины полу боком — голое плечо и массивная рука, будто демонстрировавшая мышечную массу для невинных девочек.

Ах ты ж... Гектор. Он хоть и находился на фотографии в профиль, всё равно узнала квадратный упертый подбородок, четко очерченные скулы и беспорядок на голове с челкой.

Удостоверилась, что это не видео-звонок, тогда же облегченно вздохнула. Невольно заволновалась от того, что могла попасться ему на вид.

И зачем он со мной вообще разговаривал? Общаются обычно с людьми, которые интересны. Мне интересны Артем, Эля, Алина и Люда, с ними я и общалась.

А Гектор зачем со мной общался? И спас зачем? Не думала, что он способен на подобный поступок, сначала казался немного страшным или подозрительным.

Я пальцем незаметно прочертила линию его подбородка и постучала ноготком по экрану. Улыбнулась сама себе. Шрам на губе неизменно привлекал внимание, но нисколько не портил общего впечатления, воспринимался скорее, как особенность внешности.

Среди всего облика мужчины пугали больше всего карие глаза: больно внимательные, они смотрели словно через объектив камеры, снимали каждое движение и запоминали, вычисляли неизвестную формулу. Создавалось впечатление слежки. Вроде Гектор улыбался, но внутри что-то другое пряталось. Загадка... Я не могла понять его характера и что мужчиной двигало.

Не заметила, как несколько минут не переставая смотрела на Гектора. И зачем интересно это делала? Почувствовала благодарность за спасение?

А теперь главный вопрос: почему на экране планшета Эли — Гектор?

Я пальцами провела по экрану, уменьшая фотографию, и обнаружила, что это страничка в социальной сети. Тут были сообщения и картинки на стене, притом разного содержания, включая фото сердечек с мишками от неизвестных девушек. Зачем взрослому мужчине сердечки с мишками присылали? Глубоко сомневалась, что Гектору нравились плюшевые зверята.

Поскольку всё это было не мое дело, планшет погасила и стала логически рассуждать и одновременно почесывать подбородок. Зачем Эля ходила на страничку Гектора? Быть того не могло, поэтому глупую мысль отсекала сразу. Она его не знала и ни разу не говорила о нем. А тогда кто интересовался Гектором, что даже залез в социальную сеть и любовался его фотографией?

Кроме происшествия в парке университета я больше не слышала, чтобы Алина вспоминала Гектора... но мало ли.

В три часа пришли подруги. Я к ним не приставала, пока Алина готовила кушать. Клейменные мало того проучились половину дня в университете, но и собирались спасти меня пельменями от голодного обморока.

Болтавшую о каком-то предмете в университете подругу я изучала очень внимательно. Свитер, плечи, ноги, бедра в джинсах. Алина сексуальная в общепринятом смысле, может быть не фотомодель с обложек, но в порно-актрисы самое то.

Дождалась пока девочки уселись за стол употреблять пищу, тогда и озвучила неуверенно:

— Алин, тебе Гектор интересен? — впервые видела, как подруга отвела боевой взгляд, обычно до упора сражалась, а сейчас смотрела покорно в тарелку с пельменями, лениво болтая ложкой горячий бульон.

— С чего взяла? — прозвучала глупая попытка подруги увильнуть от ответа.

Эля напряженно молчала и разглядывала нас, будто готовилась в очередной раз побывать рефери.

— Я просто спросила, Алин. Не хочешь не говори. Планшет увидела с Гектором, вот и всё! Нравится, так нравится? Мне Артем нравится — разве плохо, когда человек нравится? — искренне не понимала попытку увильнуть от ответа. Глупо. Пожала плечами и уткнулась носом в тарелку с горячим и питательным обедом.

— А вообще, ты обещала подготовить меня к свиданию! — после небольшой паузы я ложкой указала на Алину.

Та вроде отмерла или успокоилась, слегка улыбнулась уголком губ, как бы в знак примирения.

Подруга действительно помогла подготовиться. Одежду позаимствовали из гардероба тети, у нас не сильно отличались параметры тела, разве что грудь у родственницы немного побольше.

Я должна быть сексуальна, как сказала Алина, но при этом моя задница не должна отмерзнуть на аттракционах. Ночные аттракционы — очень романтично и не важно, что это будет происходить напротив здания Карателей. Плевать. Я готова голой станцевать напротив их обители, лишь бы встретить Артема.

В результате меня одели в черные, тянущиеся шорты до середины бедра, с желтым ремнем в виде цепи, замочек призывно покачивался сбоку. Этот аксессуар напомнил Гектора, даже неловко стало. Также меня облачили в черную, легкую, кожаную куртку, а под

нее — обтягивающую бирюзовую кофту подцвет глаз, с квадратным вырезом, который приоткрывал верх груди и делал визуально бюст больше.

Понадеялась, что не переборщила с красотой.

Лицо Алина мне тоже разрисовала: подвела глаза, нарисовала ресницы, ну и губы очертила карандашом. Прическа — отдельный разговор, экзекуция длилась один час. Потребовалось шестьдесят минут, чтобы закрутить каждую прядь волос. К концу процедур у Алины отваливались ноги, пока она бегала вокруг меня, сидящей удобно на собственной кровати.

А я эффектом была довольна. Ноги одели в черные, капроновые колготки, в них оказалось жутко холодно на улице, но очень красиво.

Когда каждый день видишь себя в зеркале сложно понять красивая или нет, привыкаешь и к телу, и к лицу. Но тут даже я смогла назвать себя симпатичной, в тайне надеюсь, что и Артем оценит облик.

Подруга вызвалась проводить до остановки, сама же она хотела зайти в ближайший магазин за чипсами.

Проходили очередную темную улицу по асфальтовой дороге. Слева аккуратно выстроены красные пятиэтажные дома, справа такого же цвета забор из кирпичей, горели фонари над головой. На улице было подозрительно тихо. Вечер пятницы, обычно студенты гуляли или готовились к походу в клуб.

Воздух был холодным, развевающим локоны. Пока подруга болтала, я тихонечко прислушивалась к посторонним звукам, создавалось впечатление будто кто-то следил за нами.

Так и было. Проход резко перекрыли. Из темноты на асфальтовую дорогу вышли четверо.

Резко прекратив путь, только сейчас почувствовала капли легкого дождя на лице.

— Куда держим путь? — донесся вопрос одного из Карателей, который медленно направился в нашу сторону. За ним вслед прошел другой представитель закона.

Мы с Алиной невольно переглянулись и машинально, хоть того и не требовали, подняли руки, демонстрируя открытые ладони.

— Эмм... мы гулять и в магазин, — сказала я почти правду.

— Прошу прощения, но мы осматриваем каждого! — продолжил первый, покопавшись в карманах толстовки, достал вновь знакомый металлический, серебристый прибор и задержал в руке.

Каждый из обитателей улицы, включая Карателей, вздрогнул, когда справа возле забора раздался небольшой грохот. Следом показались две ладони, или точнее пальцы рук, держащиеся за забор с другой стороны от нас. Затем на руках подтянулись и показалась голова в капюшоне, потом тело до пояса, скрытое черной толстовкой. Очередной Каратель залез на забор и медленно распрямился в полный рост.

Снизу он казался великаном. За его спиной маячила огромная луна, которая светила мужчине в затылок, от этого создавала ему дополнительную тень. А его собственная тень падала на асфальтовую дорогу и заканчивалась слева на кирпичном доме. Каратель смотрелся огромным, стоя на заборе. Приходилось голову задирать вверх, чтобы видеть его.

Мужчина промолчал, когда прибыл, но показалось — Каратели трусливо затихли, перестали шептаться.

Великан по-прежнему молчал, а потом и вовсе присел на корточки на заборе, скрываясь

в тени. Перестал, видно, привлекать внимание. Рядом подтянулся с противоположной стороны забора еще один Каратель и точно также уселся в полном молчании, как и великан.

И только теперь я ощутила, как к виску прислонили сталь. Поцелуи этого предмета были холоднее, чем завывающий ветер, прикасавшийся к телу, к ногам в колготках и не защищенному лицу. Руки покорно опустила по бедрам в ожидании сканирования.

Когда первый испуг прошел, стало чуть свободнее дышать. Трезво проанализировала обстановку: противоправных действий мы не совершали, силой не пользовались, я — обычная девушка. Каратель подставил прибор к кудрявому локону и буквально вжал его мне в голову.

В груди забурлил праведный гнев, даже тело согрелось. Больше не чувствовала холода снаружи, зато внутри было горячо, огнеопасно:

— Не портите прическу! — обернулась к этому Карателю. Страх немного затих внутри, осел спокойно, пока мои нервы, мучения прожитого вечера стремились наружу. Ох, я приготовилась исстегать гневом плечи блюстителей закона. — Я потратила целый час, чтобы накрутить эту голову! Час! — показала для пущей убедительности указательный палец перед лицом.

Я привлекла внимание сразу всех Карателей, капюшоны невольно с любопытством повернулись в мою сторону.

А я не могла уgomониться, гнев надо было остудить:

— И в довершение я потратила целый флакончик лака! — гневно повернулась влево, но как назло всё равно не видела лица мучителя, портящего прическу. Он был ниже, поэтому могла рассмотреть только подбородок. — Заканчивайте уже, я похожа на маньяка!?

Напротив нас двое Карателей без движения, оттуда донесся женский смешок и вопрос, адресованный мне:

— Свидание?

Алина сразу вмешалась:

— Хуже. Первое! — засмеялась подруга и похоже не наигранно.

Девушка или женщина-Карательница ответила похожей реакцией, а именно рассмеялась.

Я Алине мысленно послала пожелание упасть лицом в лужу. Но голову сильно не повернешь в ее сторону, потому что штуковина рядом с виском мешала движению.

— Чисто! — прокомментировал Каратель рядом.

— А я и не сомневалась! — заметила, поправив локон слева от виска, вроде кудрявый остался до сих пор. — Мы можем быть свободны?

— Девушки, а может номер оставите? Мы пока на задании, но потом... — услышала великолепное предложение от человека сверху.

Вовремя подняла голову, когда расслышала хлопок или удар. Подзатыльник.

Этот Каратель получил от великана мощный подзатыльник, который выбил твердую поверхность из-под ног говорившего.

И этот предложивший, потеряв опору, головой завалился вперед. Я невольно охнула и рот прикрыла ладонями, глядя как мужчина свалился хребтом на мусорный, закрытый бак, а потом перекатился вниз на асфальтовую, грязную дорожку.

После падения Каратель привстал на одно колено, отряхнулся, как псина, и, оставшись на одном колене, склонил едва заметно голову, глядя на лужу перед собой:

— Извините, забылся! Я при исполнении!

Невольно оценила, что Каратель на заборе кивнул капюшоном и вновь потерял интерес к происходящему, а потом достал телефон и что-то там рассматривал или нажимал.

Я сбоку подглядывала, как любопытная девочка. Жаль далеко и разглядеть лицо не возможно, но очень любопытно.

Алина отвлекла от подглядывания за великаном кивком головы в сторону четверых Карателей. Наш путь пролегал дальше. Мы неуверенно и пошли, но уходить с дороги Каратели не спешили.

— Извините, — неуверенно начал тот же, который портил прическу. — Мы город перекрываем и, боюсь, вам не следует продолжать путь.

— Что значит не следует? — удивленно вырвалось, но остановиться — остановилась напротив четверых. Они стояли стеной, не расталкивать же, но глупая мысль мелькнула, если не пропустят. — У нас дела и мы идем по делам! Сейчас чуть больше восьми и мы — совершеннолетние. Может паспорта показать?

Для пущей убедительности похлопала по карманам куртки в поисках документа, вспомнила, что во внутреннем кармане, демонстративно расстегнула куртку.

— Нам не нужны паспорта! — поспешил убедить Каратель.

Я закрыла молнию на куртке по самое горло и сложила руки под грудью, решив биться до последнего.

— Тогда пропустите! — потребовала.

Алина прокашлялась рядом со мной, как бы намекая «подруга, заткнись». Но я настолько взбесилась, понимая, что Артем будет ждать на аттракционах. Я целую неделю была в предвкушении этого вечера, столько готовилась!

— Вас на каждом шагу будут тормозить, у нас план перехват. Вы не доберетесь до необходимого места всё равно...

Каратель говорил почти спокойно или терпеливо, а я больше не смогла, казалось, что кто-то перекрыл фитиль к кислороду, не давал больше дышать. Словно вот сейчас...сейчас последний глоток воздуха, если прекращу сражаться, то задохнусь.

Голос надломился, слова прозвучали раздраженно жалкими:

— Покажите закон или хотя бы местный указ, по которому не имею права гулять вечером? На каком основании не пускаете?

Каратель внезапно сделал рывок в мою сторону, отчего одна пара рук сзади его схватила, останавливая дальнейшее движение, но тот раздраженно вырвался. Брезгливо сморщил тонкую линию губ.

— Ах ты, соплячка! Я тебе сейчас покажу закон! — мужчина подошел совсем вплотную, давя своим положением, да и массивным телом. Каратели все развиты физически. Почти в лицо ткнул раскрытый документ, едва нос не зацепил. — Это называется корочка, вот благодаря ей сейчас пройдешь в Темный Дом! И благодаря ей, соплячка, окажешься в нижних камерах с Клейменными на пару! И благодаря ей разучишься дерзить работникам специальных служб!!!

Я неловко опустила глаза на корочку, на одежду Карателя, закусил губу, хотелось разрыдаться, но не от страха перед Темным домом! В тот момент не боялась Темного дома, страшилась, что не попаду туда, куда столько мечтала попасть. Чувствовала, как перед глазами наплывала эта позорная влажная пленка.

— Извините, переборщила! — опустила взгляд на ботинки Карателю, а тот продолжал держать раскрытый документ перед лицом.

— Она перенервничала, извините! — сбоку поднырнула Алина, взяла меня за локоть, потрясла, вероятно улыбалась мужчине, стараясь сгладить дерзкие слова.

— Тогда развернулись и обратно поспешили! — гневно воскликнул Каратель.

Что мы послушно и сделали, а тот шел за нами след в след, провожая до дому. Более того дождался пока войдем в подъезд и напоследок выдал строго:

— И только попробуйте сегодня сунуться на улицу, если попадетесь хоть одному патрулю, обещаю: лично отправлю в Темный дом к Клейменным!

Разве я сделала что-то неправильное? Какое право они имели указывать? Я шла по своим делам, это мои дела, почему они указывали, как жить и что делать? Словно Боги, наивысшие создания, возвели себя до ранга божества, как бы мерзко это не звучало. Взяли всю власть в этом мире и преспокойно пользовались дарованными благами, мы же покорно, склонив головы, выполняли приказы.

Чувствовала, как мерзкое разочарование душило в тот момент. Телефона Артема не знала, только отправила сообщение в социальной сети и не представляла, как скоро он прочтет его. Может так и будет ждать под дождем на аттракционах.

Ненавижу Карателей!

POV Диана

На улицу прорваться больше не пыталась, настроение от этого было ужасным по шкале "от нуля до плюс десяти" — минус десять.

Разделась, смыла макияж, глядя вниз на раковину, на льющуюся воду равнодушным, безразличным взглядом. Я столько ждала этого момента и опять что-то против нас с Артемом.

Подняла наполовину умытое лицо, черные грязные разводы уродовали белую кожу вокруг глаз. Отвратительное зрелище!

Раздраженно подняла мокрую ладонь и протерла зеркало, где тут же появились кривые дорожки, которые скрывали мое изображение.

Уродские Каратели!словно весь мир против нас с Артемом.

Спала плохо, а Алина отлично, судя по храпу на ухо. А я смотрела в окно на ту луну, которая светила за спиной огромного Карателя — вожака. Это всё из-за них. В руках держала телефон, то и дело, проверяя ответил Артем на сообщение или нет. А если он до сих пор ждал? Нет. Не возможно, сейчас больше двух ночи.

На следующее утро я проснулась не выспавшаяся и полностью разбитая беспокойной ночью. Голова звенела от недосыпа, ходила я, как под гипнозом, с трудом понимала кто и что говорил. А субботним утром и тетя к неожиданности оказалась дома, и Алина, и Эля. Болтали беспрерывно, хотелось кулаками закрыть уши и никого не слушать. Они, как назло пребывали в хорошем настроении, я же всплыла на ровном месте, оставила не съеденным завтрак и встала из-за стола. Девочки остановились на полуслове от грохота ложки об тарелку, но послушно замолчали.

Тишина, наконец-то! Завалилась на диван с ногами и раздраженно начала щелкать по клавишам пульта.

Сегодня в двенадцать дня было назначено собеседование в крутом отеле «Приам». Если возьмут на работу, то с первой зарплаты могла попробовать переехать. Были варианты снимать квартиру или переехать в общежитие. Эля самая ответственная из нас, решила давно, что переедет в общежитие, и будет копить на собственную квартиру.

На одном из каналов я приостановила щелканье по пульту. Срочные новости. Показывали любительский ролик, снятый в школе. В школе!?! События мая. Звук был плохо слышен, как через воду, будто снимали на телефон. Сделала громче. Видео тоже не четкое, его закрывали расплывчатым треугольником.

Было показано пять пар мужских ног примерно до середины бедра. А по центру на полу коленями стояла девушка с темными волосами по плечи. И я не я, если мне это показалось. У девушки был открыт рот и именно это место закрыли пленкой. Ее заставляли делать минет на глазах у всей школы. Я не заметила, как сделала максимальной громкостью на телевизоре, чем и привлекла тетю. Та встала сбоку от дивана.

— Что это вспомнили? — всего лишь спокойно поинтересовалась тетя. — Дело давнишнее...

— Это то, что я подумала? — спросила неуверенно, но громкость уменьшила.

— Наверное, даже ты представляешь, что это такое! — фыркнула тетя. — Прямо в школе засняли, ребята хвастались, показывали между учениками. Со временем дело дошло

до учителей и родителей, а потом девочка спрыгнула с балкона.

Эля и Алина молча слушали, и я вместе с ними. Нечего было на это сказать: не представляла, что подобные вещи творились в людском мире. Теперь понятно почему все говорили, что мы здесь меняемся. Здесь столько черноты, тьмы в каждом человеке. Все делают ради себя и своего личного блага.

Тетя не похожа на тех Клейменных, которые жили на острове. Там никогда не было драк, глупостей, споров, криков, мы все решали мирно, словами.

Тетя тем временем указала на телевизор:

— Глянь!

На телевизоре показали крупным планом портрет, наверное, это должен быть портрет. Но что-то плохо понятно: мужчина-брюнет, с красными глазами и бородкой. Больше ничего не понятно, таких могло быть тысячи.

Тетя продолжила рассказывать:

— То дело в школе давно раскрыли, пятерым юношам дали условное, потому что не совершеннолетние. Но Каратели периодически пытались доказать, что за молодыми стоял Клейменный, который специально развратил детский ум перед тем происшествием.

Мы продолжили слушать женщину на экране, она рассказала о событии вчерашним вечером: «Неизвестный при задержании оказал сопротивление и напал на работницу Карателей».

Тут же вспомнился рассказ Карателя о плане-перехвате. Значит, они действительно работали? Эта мысль немного успокоила.

— Бедному Клейменному похоже хотят, то дело о суициднице повесить...

— Зачем? — вырвалось невольно. — Зачем накладывать дополнительную вину на Клейменного?

— Вероятно, чтобы иметь возможность его прилюдно казнить. Это очень интересное зрелище. Обычно казнь происходит раз в год на главной площади за неделю до Нового года. В день Победы Карателей над нами! Тем самым они напоминают, чтобы не высывались из своего мира, если хотим жить. А этого мужчинку! — тетя кивнула в сторону телевизора. — Похоже кто-то хочет зверски заколоть. Попробую по своим каналам пробить, что это за неудачник...

Тетя взяла телефон в руки, при этом продолжала говорить:

— А я рассказывала, что сплю с нашим Наместником?

— Че!? — это некультурное выражение вырвалось не только у меня, но и у подслушивающих из-за стола Эли и Алины.

Замы по округам подчиняются Начальнику Карателей (Ольгердовичу). А вот Начальник Карателей подчиняется только Наместнику по четырем округам в людском мире. И тетя, простите за выражение, ухитрилась ухватить за яйца Наместника!?

Страшная женщина... страшная женщина. Моя тетя — очень страшная женщина. Невольно с гордостью посмотрела на ее уверенный профиль. Да уж... Тетя и папа — страшные Клейменные. Интересно, это у нас в генах?

В двенадцать дня я и Алина прибыли на собеседование в отель "Приам", успешно поулыбались, поговорили с лысым мужичком. Пока оформлялись на работу, тихонько сидели на стульчиках и посмеивались с Пал Палычем — работником отдела кадров.

Работа заключалась в следующем — принеси, подай, убери и не мешай.

Обслуживающий персонал в целом для отеля. В эту же ночь нас поставили на смену. Нам довелось обслуживать номера, но благо вызывали всего лишь пару раз. Остальное время сидели в рабочем помещении и, обнявшись с Алиной, спали друг на друге.

А на следующий день, когда пришла домой, то тетя сообщила новость, которая выбила почву из-под ног. Вышибла дух из тела, сердце сдавило невидимой рукой и чуть не расплющило.

— Твоего Артема пытаются подвесить!

От новости не могла и слова произнести, просто опустила в прихожей на обувь и сидела, пока тетя не подняла и не помогла расшнуровать кроссовки. Плакать на людях я не любила, поэтому старалась не вдумываться в эту фразу. Отпустить пока мысли, плыть по течению, не думать о смысле.

Пила чай, и помалкивала, а потом отправилась спать около шести вечера, сославшись на усталость после двух бессонных ночей.

В понедельник смена на работе во второй половине дня, поэтому я могла сходить на занятия в университет. В последующем придется прогуливать. Но в тот момент мало интересовала работа, учеба. Первым делом как проснулась, уселась в кровати, проверяя новости. Поймали или нет?

Пока что была тишина и я радовалась тишине. От новости об «отсутствии новостей» захотелось зарыдать не своим голосом.

Спасибо, святая земля Клейменных или кто охраняет Артема!

За завтраком попыталась криво улыбнуться подругам и тете. Девочки ответили похожими фальшивыми эмоциями.

Обожглась чертовым кофе! И от дрожания рук едва его не пролила на джинсы. Да что же так трясло?!

В университет добирались в глубоком молчании, не думая о проблемах, строго по маршруту. Вперед и вперед и главное поменьше моргать, потому что каждое опускание ресниц выбивало слезы.

Перед грудью держала черный пакет с тетрадями и старательно прижимала к куртке. Твердо-твердо держала, как бы ища поддержки. Пальцы были ледяные от порывов ветра на улице. Ни на кого не обращала внимания, пока шла по тропинке вдоль университета и поднималась по лестнице в здание.

Вдруг дверь захлопнулась перед лицом.

— Стоять! — прозвучал приказ. Я невидяще посмотрела перед собой, оценила несколько девушек. Подруги молчаливо переглянулись, я им вновь показала свою кривую улыбку, натянутую от одного уха до другого, чтобы не беспокоились обо мне.

Стая Роз благосклонно пропустили подруг прочь, а мне было велено идти за ними.

В абсолютной тишине перемещалась за спинами красивых девушек, смотрела им на обувь.

А на душе было пусто, спокойно, там глухая дыра. Да. Я равнодушна к происходящим событиям, девушки, наверное, вновь озлобились, что Гектор отпустил от позорного столба. Пусть так...

На третьем этаже меня препроводили в туалетную комнату.

Это как заходить в огромный вольер к голодным зверям, все смотрят на тебя и исходят слюной. С диким рыком меня взяли за шкуру и протащили внутрь комнаты, поставили рядом с умывальником. Я к груди прижала черный пакет и оглядела девушек перед собой.

Семеро.

Одна закрыла дверь на щеколду, звук был весьма внушительным. Двое подошли к окну, самая высокая открыла форточку, откуда повеяло ледяным воздухом. Двое закурили, задымив пространство туалета белой завесой.

Я молча прислонила затылок к холодной стене позади себя, пакет к себе прижимала, как будто в целях самозащиты, а смотрела вскользь на макушки девушек.

— Эй, подстилка Гекторовская! — обратились ко мне.

Я лениво посмотрела на говорившую девушку, пыталась понять, что от меня требовалось. Я не боялась Роз, их угроз, наездов. Я ела страх, а в тот момент моя плоть пропиталась насквозь запахом страха. Он повсюду на мне. — Долго будешь крутить хвостом возле Гектора?

Я смотрела на девушку не в силах ответить, или расцепить челюсть. Боялась скажу слово и тогда прорвется плотина терпения.

— Эй! — громко повторили в лицо. Одна из знакомых Роз подошла совсем близко, ее глаза излучали опасную радиацию гнева. — Говори!

— Я не кручу хвостом. — произнесла тихо. Зубы застучали при первом слове, но я договорила, невзирая на позорный страх за жизнь Артема.

— А Гектор сказал, что ты его дразнишь, но не даешь!? Цену себе набиваешь? — спросили у меня. Я все тем же равнодушным взглядом смотрела на Роз сверху вниз.

Зачем Гектор так сказал? Единственная мысль поразила в тот момент.

А потом без ответа вновь отвернулась к окну, где курили две девушки. Пусть, что хотят делают...

Горячая пощечина едва не вывихнула челюсть. У меня была полностью расслаблена шея, от этого голова после удара резко крутанулась влево. Правая щека яростно запыхала. А длинные волосы прикрывали мое ошеломленное лицо от любопытных девиц.

Женский смех раздался на весь туалет.

— Прикольно вмазала! — прокомментировала Роза.

На губе внезапно почувствовала странное жжение. Большим пальцем провела по верхней и обнаружила кровь.

Видимо, у Розы было кольцо на пальце, которое при ударе рассекло кожу.

Волосы на затылке внезапно натянулись и мою голову отклонили назад, отчего пришлось немного прогнуться в спине.

— Эй, ты подстилка... — поведали в лицо карие, злобные глаза девушки. — Я сколько раз предупреждала, но ты, видно, блондинка до мозга. Пергидроль сжег оставшиеся извилины? Гектор наш!

Моя голова была сильно задрана. От света на потолке сильно слезились чертовы глаза! Яркий свет раздражал!

— Может морду тебе подкорректировать, как Франкенштейну?

Раздался щелчок, очень необычный звук. Сбоку приблизилась новая Роза, которая сжимала в руках неизвестный предмет. Поскольку я видела только свет над головой и макушку держащей девушки, то не поняла, что издало странный щелчок.

— Давай начнем с предупреждения! — произнесла одна из Роз.

Волосы. Мои волосы.

Внезапно стало просторно сзади. Не знаю, как, но очнулась будто ото сна. Вырвалась из хватки девушки и стукнулась бедрами об умывальник. С ужасом смотрела на Роз, в руках

одной из них был нож, который та с ехидной улыбкой демонстрировала. Я схватилась за волосы, надеясь их подцепить сзади на уровне спины. Пусто. Пусто. Пальцы гладили воздух. Закинула волосы себе на грудь, левая сторона заканчивалась на груди, справа — пряди свисали ниже живота.

Мне отрезали слева часть волос!

Это как удар под дых, подействовало хуже пощечины. Хуже издевательств. Словно невидимая рука подтолкнула к решительным действиям, приказала обойти раковину.

— Куда пошла? — прозвучал вопрос от девушки с ножом.

Вместо ответа я подцепила кран умывальника, включив максимальную мощность потока воды. Взяла черный пакет с тетрадями и выставила его горизонтально под струей, которая резко поменяла курс и направилась в двух веселящихся Роз.

Девушки замельтешили руками, спасаясь от воды.

— Дура! Что ты творишь? — это была лишь часть криков. Остальные голосили где-то на фоне.

А потоки воды орошали помещение туалета и всех обитательниц, пока те не оставляли попыток подобраться к жертве.

Девушки долго визжали под струями ледяной воды, пока не догадались исчезнуть из туалета и оставить меня в покое.

Только отсчитав десять секунд желанного одиночества, я убрала пакет от струи и выключила воду. Рукава, часть куртки, тетрадки внутри пакета мокрые, на кафеле огромные лужи.

Слева от раковины на полу лежали мои волосы... белые бесполезные нити валялись на серой, холодной поверхности, а рядом нож. Роза видно потеряла оружие, пока барахталась в воде.

Я аккуратно присела на пол, ощутив бедрами холодное прикосновение, но было всё равно. Пальцами прикоснулась к ровным, отрезанным прядям волос...зачем-то погладила. Как нечто драгоценное. Не знаю зачем.

Еще пыталась сражаться со слезами. У тети не могла поддаться эмоциям, там были посторонние люди, а теперь была, наконец, одна.

Бесполезные волосы, которые я старательно выхаживала и отращивала. Знаю. Глупо рыдать над простыми волосами. Глупо и бессмысленно, через три года вновь вырастут. Не смертельно.

Уговаривала сама себя, пока чувствовала одну скатившуюся слезу, которая разбилась о кафель. Вторую, когда взяла одной рукой нож, а второй — длинные оставшиеся волосы. Зажала пряди и отрезала.

И тогда уже зарыдала, склонив покорно голову к коленям и к полу. Как маленькая девочка, у которой что-то сильно болело. Кинула нож подальше от себя, с грохотом тот жалобно проскользнул по кафелю.

Я помню, как хотела отрезать волосы на острове, долго думала подстричь или нет, ведь было не удобно в жару, во время боев волосы выбивались из хвоста и становилось очень жарко. Поэтому в тот раз хотела отстричь. Ровно до слов Артема. Мальчишки комментировали мое желание отстричь волосы, кто советовал, а кто нет. А Артем сказал, что ему нравились длинные волосы. После того дня я только подстригала секущиеся кончики, больше не трогала и старательно за ними ухаживала.

Я не знаю, что буду делать, если Артема найдут. Как будто весь мир, не только мир

Клейменных, но и людской против нас.

Если только его найдут Каратели... я предпочту, чтобы и меня нашли вместе с ним.

POV Диана

Потребовалось пять минут, чтобы успокоиться. Зато порыдав вдоволь, я выудила наружу все тревоги и страх, стало немного спокойнее на душе. Звонок на пару давно прозвенел, значит людей в коридоре не должно быть, поэтому вышла из туалета в абсолютно спокойном виде. Краснота с лица после рыданий успела исчезнуть.

Но я была весьма удивлена, услышав голоса. Когда проходила коридор третьего этажа, слева от лестницы заметила небольшую рекреацию. По периметру помещения располагались несколько белых диванов, а на стене висел телевизор и транслировал новости, большая пальма в горшке украшала угол возле подоконника. Это помещение называли «Помойка». Не знаю почему Помойка, на самом деле здесь было очень аккуратно и чисто. Похоже на место отдыха, или скорее центр для свиданий.

Я шла с мыслью, что на пару опоздала и суровый преподаватель будет ругаться. Замедлила шаг, когда расслышала женский голос:

— Совсем оборзела. Блин...посмотри она мне прическу испортила и тушь размазалась.

А потом узнала мужской голос.

Повернулась и замерла напротив этой самой Помойки. На диване по центру сидел Гектор, по бокам от него две дамы. Несколько Роз располагались неподалеку и смотрелись в зеркальца.

Мужской голос произнес:

— Дамы, вы и так прекрасны!

Он и им находил добрые слова. Этаким добрый дяденька, интересно, а почему Люда тогда говорила остерегаться Низов и в особенности Гектора? И с какой целью он выдумал, что я хвостом крутила возле него и цену себе набивала?

Больше в университете как будто никого не было, тишина в коридорах сопровождала мои действия. Я руки засунула в карманы штанов и пошла в ужасающем виде: в мокрых джинсах и волосами-сосульками. Одним словом, я представляла собой обрызганную «красавицу».

На мое приближение одни Розы перестали трогать Гектора за плечи, другие прекратили прихорашиваться.

— Ух! Ё-мое! — мужчина последним повернулся и, клянусь, у него глаза будто округлились после того, как узнал меня. — Красавица какая!

Засмеялся один в напряженной тишине под испытывающим и подозрительным взглядом от меня. Но возникло странное ощущение, что его мало заботило мое недовольство. Скорее его что-то радовало. Веселило.

— Зачем вы сказали, что я кручу возле вас хвостом? — остановилась напротив мужских ног, а именно колен. — Из-за ваших слов у меня теперь проблемы!

Я выразительно оглядела красавиц Роз, одна из них пальцем стирала размазанную тушь под глазом. Похоже, главной для них сейчас была внешность, а не мое унижение. Или вероятно девушки строили из себя тихоней-красавиц перед Гектором? Этакие невинные ангелочки?

— Вы специально так сказали! — возникла вдруг догадка, которую я громко озвучила. Прищурилась, рассматривая едва знакомого мужчину. Мысленно прокрутила в голове его

поведение сначала знакомства. Первая встреча на лестнице была всё равно подозрительная — интуиция в тот момент дико стенала зверем. А потом в какой-то момент после мужских «улыбочек» зверь затих внутри меня... до сегодня. А сегодня интуиция опять начала громко вопить.

Как только познакомилась с Гектором, меня начали преследовать неудачи.

— Вы специально натравили на меня Роз!? Только зачем? — еще громче спросила.

Гектор хмыкнул над предположением, уголок его губ дернулся в улыбке. Мужчина вскользь оглядел пространство Помойки, будто помещение важнее, чем люди перед ним. Поднялся с дивана и медленно пошел ко мне, при этом руки свободно болтались вдоль туловища. Походка легкая, как будто он властелин целого университета и весь мир принадлежит ему. А потом мужчина поднял ладонь левой руки, а второй рукой ударил о первую.

Повторил хлопок, еще, еще... среди тишины звучало раздражающе громко.

— Поздравляю! — сказал, руки опустил в карманы джинсов. — Bravo! Догадалась. А я думал ты совсем тупая! Девочки! — полуобернулся к Розам, прислушивающимся к нашему разговору. — Я пошутил немного. У меня на такую не встанет!

Гектор поднял пальцы и провел в воздухе мои мнимые очертания: показал на обрубленные волосы, на лицо отдельно ткнул пальцем (конечно, я не красилась), а потом не забыл показать на грудь, намекая, что там плоскость. Естественно, не как у силиконовых Роз.

Как я могла так ошибиться в человеке?! Купилась ведь на улыбку и добрый поступок возле столба. Интуиция же орала еще вовремя знакомства, когда приглашал на свидание.

Что Гектору вообще надо было?

Розы насмешливо глядели, довольные очередным моим унижением. Мне же было все равно, какого Гектор обо мне мнения.

— Знаете, что? — спросила, когда устала стоять и смотреть на Гектора. К сожалению, от моего взгляда ненавистный человечек не самоуничтожился. А жаль. Он дико раздражал своим немигающим взглядом, который опять изучал, как экспонат в музее.

— Что? — спросил собеседник насмешливо и повторил мою позу — скрестил руки под грудью. И хмыкнул в предвкушении.

— Вы отвратительны! — сделала комплимент. Надо было на ком-то сорваться, в груди закипело от несправедливости. Не знаю почему, но казалось, что он — причина всех моих бед. — Вы ужасны! Улыбаетесь, а на самом деле затеваете пакость! Отличный ход — сначала привязать к столбу, а потом из себя добрячка построить. Какой же вы двуличный! — скривилась. Было ощущение, что вляпалась куда-то, он такой скользкий, мерзкий, даже стоять рядом с ним было не приятно.

Скривилась от боли, когда руку выше локтя сдавило мощными тисками, отчего зашипела, как испуганная кошка, которой прищемили хвост или лапу.

— Эй, девочка! — сильнее сдавив пальцы на моей коже, Гектор подтянул поближе к себе и в лицо грубо проговорил: — Не трепи сильно языком! Пошли-ка!

За плененную руку дотащил до двери, выпихнул на лестницу и там втолкнул в стену, в самый угол. На лестнице ни души, одна опасная тишина — хозяйка положения. Мужчина шел лениво, загораживая выход к спасению ведь знал, что я в ловушке. Если только спрыгнуть вниз через перила. С двух сторон стена, с третьей — лестница, с четвертой — Гектор. Я потеряла руку, чтобы прогнать мерзкое ощущение — прикосновение чужих

пальцев, пусть и через куртку, но было больно.

— Вы ужасны! — повторила скривившись. — Я не понимаю, зачем вы это делали. Как хорошо, что не пошла с ...

— Заткни... — попытался сказать, но я перебила и начала тараторить, пока не перебил:

— ... вами на свидание. Вы — самый мерзкий человек, которого я встречала...

Мужчина остановился передо мной, оставив сантиметров десять между нами и опять попытался что-то сказать:

— Заткни...

А я продолжала говорить и говорить, надо было высказаться за мои унижения:

— Да и по внешности вы так себе, скажу я вам. Ваше самомнение невероятно завы...

— Закрой р...

Я опять перебила, руку перестала чесывать (прогонять боль) и выплевывала мужчине в лицо все, что думала о нем:

— Так вот, сильно завышено ваше самомнение. Я вас не считаю красивым, совсем не считаю...

От неожиданности замолчала, да и дыхание сбилось, когда спиной шарахнули о бетонную стену позади. Лопатками присоединили к холоду. Но голову успела вовремя притормозить и не стукнулась.

В момент резкого толчка закрыла машинально глаза, а когда открыла, то обнаружила лицо Гектора. Сам мужчина руками твердо держал меня за плечи, даже чуть болезненно, не давая пошевелиться. Как безвольную марионетку, хватал за ниточки и пытался контролировать. Я постаралась руками пошевелить, но нажим усилился, вдавливая в бетонную стену.

Гектор лицо наклонил вниз и почти интимно в губы выдохнул спокойным, тихим голосом:

— Я же попросил заткнуться...

— Отпустите, — попросила или приказала, но было немного неудобно. Не то, чтобы страшно, но возможно и чуть страшновато. Улыбку мужчина убрал, лицо изменилось, не излучало больше той мнимой доброжелательности.

Гектор не отпустил, вместо этого ладонью прикрыл мне рот и сильно надавил на челюсть, не давая двигать ею.

Я себя ощутила, как на вершухе острова. Сердце также забило ускоренно, боясь упасть вниз в гущу воды и разбиться. Стук отдавался по всему телу, мужчина, наверное, должен был почувствовать гулкое биение в груди.

— Побольше помалкивай, так милее выглядишь. — спокойно заговорил Гектор. — Когда я говорю, ты затыкаешь свой прелестный ротик и молчишь. Не люблю, когда девушки много говорят. Утомляешь, девочка! Я мог сейчас отсыпаться дома после тяжелых рабочих дней, но я пришел сюда удостовериться, что Розы тебя не закололи, поэтому цени. И не раздражай бесполезным трепом, твой ротик создан не для того, чтобы докучать. Если поняла правила общения со мной — кивни головой?

Я не моргая смотрела на мужчину и не верила, что это Гектор, который спас возле столба. Невольно кивнула головой на вопрос. Мужчина осторожно отсоединил руку от моего лица и показал, наконец, улыбку, которая когда-то казалась искренней. Чистой. Добросердечной.

— Умница, видишь, как всё просто! — прокомментировал и замер. А я понадеялась, что

хотя бы взвизгнет или отскочит с прохода и тогда бы смогла сбежать, но нет. Он только удивленно изучил свою руку (я ее цапнула за ладонь пока тот важно разглагольствовал), взирал на нее будто конечность неожиданно выросла, а прежде ее не было.

Ох, лишь бы не сдохнуть от яда поганой змеи.

Я попыталась поднырнуть под руками мужчины, но не удалось — тот отреагировал. Схватил за плечи, приближая мое тело к себе, а глаза бурлили гневом. Карие зрачки показались еще темнее, чем обычно, как черные, засасывающие дыры.

— Ты меня укусила, соплячка? — удивленно озвучил в лицо. А я думала, сердце точно выскочит из груди, и чтобы не чувствовать больше пожирающего страха начала говорить и говорить, боялась замолчу и свернут шею:

— Вы мне кто такой, чтобы я вас слушала!? — повысила очень сильно голос, и с каждым разом еще громче и громче. — Может, мой Единственный? Или брат? Или папа? С чего я должна вас слушать? — кричала ему в сосредоточенное лицо. А мужчина отнял руку от моего плеча и прикрыл ею глаза, потирая виски пальцами.

Я расслышала сквозь свой крик глухое замечание:

— Твою мать, как же башка трещит от триндежа. Ты — самое болтливое создание! Заткнешься ты или нет?

Гектор отсоединил руку от лица и взглянул строго. Посыл был явно недобрый.

Мужчина ухватил поудобнее за плечи и сделал рывок. Как тряпичную куклу дернул на себя и вынудил мое тело прислониться к его. Грудь, защищенная курткой, коснулась его — это ощущение выбило из равновесия и я заткнулась от удивления, как того требовалось. Ноги прикоснулись к его. Как-то... это слишком... близко... показалось. Немного...взволновало. Его нос и щека прямо передо мной.

На верхней губе почувствовала едва заметное теплое касание. Царапинку на губе обхватили с двух сторон и поцеловали, при этом влажный язык коснулся ранки, вызвав небольшое жжение.

Моргнуть не могла, не понимала, что происходило сейчас. Странно, непривычно. А губы Гектора сразу исчезли. Исказились в ироничной улыбке и начали двигаться, произнося слова:

— Мило... ты открыла рот и задержала дыхание. Я нашел способ тебя затыкать?

Я глубоко и нервно задышала, лицо стыдливо загорелось, а глаза должно быть выпучила, как тетя говорила.

Зачем Гектор полез целоваться?

Закусила невольно разбитую губу, попыталась сделать шаг назад, но руки на плечах удержали. Лицо опять наклонилось, карие глаза не закрывались, они следили за мной и реакцией на свои действия. Опять настойчивые губы оказались опасно близко.

Я руки просунула между нами, хотя бы так отсоединить наши тела, но ноги все равно соприкасались друг с другом. Потом вновь почувствовала прикосновение языка, который нарочито медленно провел линию вдоль верхней губы, раздраженно-медленно, заставляя опять задержать дыхание и беспокожно забиться сердце.

Вибрация рядом с ногой остановила игру языка. Гектор резко убрал и тело, и губы, достал телефон из карманов джинсов, поглядел на экран, потом на меня.

Вновь взял за плечи и начал тихонько рассказывать, как нерадивой девочке:

— Я пока немного занят одним уродом. Как только вырежу сердце одному ушлепку, потом непременно поиграюсь с тобой.

Без лишних слов отпустил и начал спускаться-перепрыгивать ступеньки лестницы.

Что значит поиграюсь тобой? Не надо игратья со мной! Что он вообще позволял себе?

Вцепилась в перила пальцами, намертво, боюсь те посинели от усердия и выкрикнула спускающемуся Гектору в спину, а эхо несколько раз повторило:

— Вы п...п...придурок! И не надо игратья со мной!

Гектор продолжил бегство по лестнице, будто не слышал, но в пролете обернулся, держась рукой за перила и взглянул опять строго, как на недалекого малыша, который глупил. Потом поднял одну руку вверх и другую и покачал недоуменно головой:

— Я сейчас был немислимо оскорблен? Да? — спросил спокойно, а потом добавил после секундного затишья, пока мое сердце отсчитывало последние секунды жизни. —

Учись как надо... Уебок.

— Что?

— Говорю...уебок! Вот тогда, я бы взял вот эту цепь, — Гектор пробежался пальцами по своей цепи на бедре, играясь звеньями. — И отходил ею тебя по голой заднице!

Выдал мужчина и начал вновь движение по ступенькам. Пробежал одну, вторую...резко остановился и опять поднял взгляд:

— Ах, да...чуть не забыл. На свиданки не ходи без меня, а то придется быть третьим и поверь не я буду лишним!

Как будто опять отдал приказ и спокойно продолжил путь по лестнице.

Я за пять минут общения с Гектором впервые забыла о беспокойстве по поводу Артема.

POV Артем

Здесь было очень темно, редкие факелы горели на холодной стене вдоль помещения. В тишине звучали редкие шаги людей. Нет, это не люди, это Клейменные, спрятавшиеся от внимания Карателей в туннелях под землей. Я не видел лиц, но слышал тихие разговоры.

Местами на прохладном бетоне были видны лужи, которые образовывались, когда сверху потолка вдоль стен скатывались капли воды. В помещении витал едкий запах канализации.

Я не знал о существовании этих тоннелей прежде.

В тот памятный вечер, когда произошел инцидент с Карательницей, долго бегал по дождю, не зная куда податься, пока не забрел на окраину города. Оказался рядом с огромными воротами, защищавшими «Приам» от соседнего округа. Здесь был очередной пост и через него не пробраться живым, повязали бы сразу.

Видно по моему ошеломленному, растерянному виду неизвестная девушка очень странного, скажем так, бездомного вида поняла, что я в беде и показала на дверь в одном из ветхих зданий. Затем незнакомка постучала «необычно» в дверь — четыре раз с промежутками в несколько секунд и проводила внутрь помещения. Мы долго блуждали вдоль коридоров, освещаемых факелами, пока не добрались до огромного помещения-зала.

Таким образом я провел здесь несколько дней. Это как огромная сточная яма, полная смрада и ужасных криков, где пребывали отбросы общества.

Справа сквозь небольшой свет давно наблюдал за той женщиной, которая спасла, немного старше, куталась в черный плащ и сидела на картонке, чтобы не застудить женские органы. Ее лицо было недалеко, поэтому легко различил красные, огромные волдыри и сморщенную кожу.

Невольно нахмурился, изъяны смотрелись отвратительно и поэтому отвернулся.

— Клейменный, это некультурно! — ехидно заметила она.

Я сидел, скрестив пальцы и свесив их между ногами:

— Извините, — сказал равнодушно и спросил. — Откуда у вас? Как ожоги смотрятся.

— Венерическое. Долгая история, — махнула она рукой в воздухе, как будто прогоняла плохие воспоминания. — Четверо изнасиловали, кто запечатал не помню, зато знаю, что после трех остальных теперь подыхаю...

Женщина говорила тихо, как будто рассказывала не о своей судьбе, а страшную сказку на ночь. Даже голос был хрипловатым, словно мертвым, когда она рассказывала:

— Были на корпоративе. Не распознала в коллегах Клейменных, они видно тоже. Мужчины пригласили на чашечку кофе. Я дура отказываться? Секс, я конечно планировала, но с предохранением. А когда мужчины поняли, что от меня нет эмоций, обозлились, настроились вдоволь «наесться», а тут я сломала все планы, Клейменной оказалась. Алкоголь и эмоциональный голод здорово снесли им крышу. Я пыталась их вырубить, но бесполезно против четверых.

— А если лекарство? Подпольно вроде продают? — перебил я.

— Ты сын миллионера? — опять рассмеялась девушка, а потом голову опустила на колени покаянно, а может, скрывала глаза от темноты помещения или что-то прятала в себе. — К тому же, пятьдесят на пятьдесят, что лекарство поможет. А есть и вероятность

смерти. Смысл? Продать печень, чтобы в итоге всё равно умереть?

— Не завидую вам, женщины! — ответил, затылком постучав о бетонную стену позади. Холод сразу прошел по волосам, по всем нервным окончаниям, заставил поплотнее спрятаться в зимней куртке. Живот свело судорогой, было до тошноты голодно. Четыре дня почти не ел и едва-едва пил.

Сегодня решил досидеть до вечера и выходить наружу, больше не высижу, хватило холода и голода. Не жрал, не спал, каждую секунду вздрагивал от громких звуков. Я устал морально, существовал на последнем издыхании.

Решил рискнуть сегодня после обеда, а если останусь жив, то надо будет промелироваться, хоть как-то изменить внешность.

Ходили слухи, что под землей располагался целый лабиринт, у которого всего два входа и что здесь же находился вход на один из четырех островов. Не наш!

Мы тихо переговаривались с новой знакомой, она рассказывала, как попала в людской мир, а я посматривал на верх потолка там, была маленькая щель, через которую пробивался небольшой свет. Данный факт свидетельствовал о том, что по-прежнему был день, а мне нужно было часов шесть, когда наступит вечер. Я сейчас в не очень свежей и чистой одежде, и если бы меня увидели на улице, думаю, подозрения сразу бы вызвал.

Вскоре все нищие одновременно начали перешептываться, как будто что-то должно случиться. В предвкушении ожидали кого-то.

И через несколько минут действительно произошло странное. Раздался звук шагов. Не легкая поступь каблучков, как у женщин, словно птички перебежали лапками по полу, нет, эта — тяжелая и громкая.

— Господа! — раздалось обращение с небольшой хрипотцой в голосе от мужчины лет сорока. — Приветствую всех как обычно!

Человек был тоже в темном капюшоне, как Каратели, наверное, не хотел выдавать истинное лицо. Говорил весело, будто пытался вдохнуть немного жизни в потухших Клейменных. Здесь находились те, кто были на краешке жизни, на самой последней ступени и уже готовились к последнему шагу, прыжку вниз — насмерть. Я же еще пытался подпрыгнуть вверх. Разобьюсь внизу или дотянусь до света — не знаю, но жить пока хотел.

Диана, скорее всего, разозлилась за проигнорированное свидание, придется вымалывать прощение, только если выживу. Обещаю Диана, я найду тебя и все исправлю.

Да, и Дина, наверное, с ума сходит. Надеюсь, Ромка ей объяснил, что произошло. Она могла и сглупить, не дай святой земле Клейменных, сразу обратилась к Карателям, чтобы те нашли потерянного меня. Я надеюсь, она не затупила! Иногда Дина тупила не по-детски, хоть и ровесница.

Я пропустил немного речи мужчины и услышал уже дальше обрывки:

— У вас еще есть шанс отомстить за свою попорченную жизнь, за издевательства над вашей жизнью! — мужчина говорил вдохновляюще, пытался действительно дать веру в будущее. Но обычно за этим следовало то, что по-настоящему было нужно мужчине:

— Четыре точки, которые нам нужны. У вас есть шанс отомстить и одновременно вы послужите на благо нашего народа — нужно заминировать четыре места. Не волнуйтесь взрывать не надо, никто не пострадает, это всего лишь угроза Карателям, напоминание, что они не всеильны. А вы тем временем сможете покушать столь необходимые эмоции! Посмотрите на себя! — на этой фразе мужчина рассмеялся по-доброму. — Вы задыхаетесь здесь, высыхаете! Дело очень опасное, но разве жизнь здесь лучше, вы похожи на сточных

крыс! Может лучше показать себя и хоть немного отомстить Карателям!? Как вы считаете? — громче спросил он.

Робкие, короткие «да» раздавались со всех сторон темноты, потом все громче и громче, как ураган ответы набирали убийственную силу.

— Это замечательно! — похлопал мужчина, удовлетворившись одобрительными, продолжавшимися выкриками «да» из толпы.

Даже моя соседка выкрикнула согласие.

Действительно, здесь, в этом месте мы засыхали и дело не в воде, а в отсутствии эмоций, пять дней без «грусти» и я не мог встать, ноги почти не слушались, лицо мгновенно осунулось.

Если бы на острове знал, что как только окажусь в людском мире, познаю эмоции людей, в моем случае «грусть», и что больше никогда не смогу вернуться назад, я бы не вышел за пределы острова никогда!

Это как наркотическое средство. Грусть лилась по крови, насыщала организм, подпитывала его. Едва терял связь с грустью начиналась ломка: голова болела, тело ломило, мышцы выкручивало, суставы болели. Я терпел, скрипя зубами.

И это состояние с каждым днем становилось только хуже.

Захарий — урод специально не говорил молодым Клейменным, что их ждет в этом мире. Кто добровольно согласится сесть на иглу, на наркотическую зависимость? Не каждый...отнюдь не каждый. Может, кто-то и согласится, но не все.

А так, без эмоций у молодых Клейменных есть возможность прожить на острове до тридцати-тридцати пяти лет.

Но Захарию надо, чтобы мы размножились среди людей, наша раса вымирала, поэтому он тщательно скрывал эти подробности.

Я ненавижу папашу Дианы с каждым днем все больше и больше...

POV Гектор

Когда выбежал из университета оценил свою «машину», если ее так можно назвать. Это корыто, а не машина. И Андрея, как назло, не было, лучше с ним. Он на нормальной ездил, а на мою для конспирации взглянуть страшно. На ней я на бедняка смахивал, пожалуй, даже у бомжа лучше машина, эта белая... ржавая... скрипучая. Не могу, нет, это выше моих сил. Это Андрюха посмеялся, подарил на День Рождения, когда по пьяни продумывали мой облик. Конспирация конспирацией, но лучше пешком.

Легкая корка льда мешала бежать быстро, но минут за двадцать должен добраться до Темного Дома. К сожалению, необходимое здание было построено в другом конце округа.

Бесшумно передвигаясь сквозь вереницу людей, было время подумать.

Лена должна опознать Клейменного, которого поймали.

А пока было время проанализировать мелкую соплячку. Признаюсь, я немного удивлен. А удивить меня очень сложно. А где сопли по колено, где просьбы понять и простить, и защитить? Выйти, можно сказать, победительницей из столкновения с Розами. Уж я в курсе, как эффектно ревнивые женщины умеют запугивать.

За четыре года в университете много раз наблюдал травлю какой-нибудь симпатичной цыпы, которая не пришлась по душе Розам. В результате пять суицидов, около десяти девушек меняли университет, остальные ломались и покорно уродовали внешность, становились половичками для Роз. Я, может быть, и не был уверен, что Абрамова побежит просить помощи у меня, но то, что она опрокинула Роз... я удивлен. Розы были, как драные

кошки, злые, понурые, громко орали на весь коридор. Там я их и встретил.

Это единственный случай, когда Розы были остановлены.

Семеро против одной. Я прекрасно понимаю, что физически у нее ни одного шанса. Даже у меня с цепью не было бы шанса остановить семерых нападающих. За один удар цепью максимум вырубал четверых, остальные бы успели нанести ранение. Я не супермен, кровь красная, и от ее потери способен умереть.

Поэтому в физическом плане у Абрамовой тоже не было шанса. Но она нашла один единственный способ, как охладить, «остудить» Роз, притом сделать, так, чтобы ее там же в туалете не запинали каблуками на смерть. Она ухитрилась не разозлить, а заставить отступить тех на время для передышки. Внешность для Роз — это святое.

Это...холодный...мать твою...расчет...причем в критической ситуации. Откуда мелкая соплячка... вообще умеет думать? Не то, что в критической ситуации? Семеро с ножом против одной? Она совсем не боялась?

Грубая сила не всегда решает проблемы и девчонка это знает.

Я отлично помнил историю Франкенштейна, год назад, ох, как она валялась в ногах Роз! Слезно молила на глазах у всего университета, просила помощи и у меня, и у Виктора Михайловича. Готова была прямо там раздеться и дать каждому по несколько раз.

А Абрамова спокойна, как удав, ухитрилась еще рот на меня раззявить. Если бы только Абрамова сегодня не дала отпор Розам, или если бы прибежала просить о помощи, клянусь, позволил бы Розам загнობить ее. Не люблю ничтожеств.

Либо Абрамова слишком бесстрашная и умеет думать! Нет, Гектор, ты переработал немного, анализируешь не там, где надо.

У нее просто отсутствует часть головного мозга. Кричать на меня удумала!

Девочка...

Я невольно улыбнулся, пока огибал прохожих.

Ты страх потеряла, девочка, ты понятия не имеешь с кем связалась. Но общаться со мной, я тебя научу...

По дороге забежал домой и переоделся в форму, в капюшоне сразу становилось комфортнее. Остановился напротив Темного Дома, ощутив морозный воздух, который колот лицо. Начал медленно взбираться по широкой лестнице, держась за перила, а то ступени покрылись тонкой корочкой льда и я рисковал разбить голову.

Конечно, никаких надписей «Темный Дом» на здании не существовало. Оно не имело официального названия. Окна отсутствовали. Перед входом в здание имелось квадратное углубление, слева — окно, где проверяли документы, прямо — стальная дверь, не пробиваемая, огнеупорная: одним словом, просто так не пройдешь.

Я остановился напротив контроля, заметил охранника, смотрящего на рабочем месте фильм по ноутбуку. При виде моей корочки Каратель резко придвинулся на стуле к окошку, начал щелкать раздраженно по кнопкам техники, но та не слушалась и не желала выключаться.

А я ждал, ладонями опираясь о приступочек перед окном.

Ну и долго ждать? Вздохнул раздраженно и не отвечал, пока охранник извинялся.

— Прощу прощения! Секундочку! — произнес тот, когда, наконец, прислонил мою корочку к сканеру, фиксируя что я внутри и занял место в Темном Доме.

Мне вернули документ, и позволили пройти через стальную дверь.

Темный Дом снаружи состоял из бетона, без огромных окон и балконов. Основное пространство здания находилось под землей, это пыточные Клейменных. На верхних этажах решались дела людей.

В подвале — один коридор, который вел в десятки камер.

В то место, куда мне надо было, свет уже горел, а напарники-коллеги без капюшонов покорно ожидали моего прибытия.

Я вошел в помещение и первым делом взглядом зацепился за свежий труп Клейменного на холодном камне возле стены. От неожиданности не знал, как отреагировать, долго смотрел на валявшегося мужчину, потом на Андрея с неизвестным Карателем.

— Вы охренели? — указал на труп. Мой голос эхом разнесся по камере и должно быть по коридору. — Я! — указал на себя пальцем — должен был его мозги по полу размазать! Я вообще под Новый Год собирался ему гортань перерезать! А ты! А вы! — аж задышался от удивления!

— Угомонись! — дерзко ответил Андрей.

— Я тебе сейчас угомонюсь! — высказал, при этом сделал два резких шага, переходящих в бег, готовился ударить с локтя по хребту за нарушенный приказ.

— Это не он! — поспешил ответить Андрей, но рефлекторно сделал шаг к стене, протараторив слова. — Я Ленке фотку его отсылал.

— Точно? — поинтересовался у друга, но остановил локоть.

Андрей кивнул настороженно, но пальцы держал растопыренными возле груди, как бы готовясь заблокировать возможный удар. Я цыкнул недовольно.

— А нахрена вы меня выдернули?

— Так мы думали, это он. По описанию похож.

— Ну да, — ответил я, присев возле нового трупа. — Как и семь предыдущих. Брюнет и мужик, вот и все схожести. Слушайте, может нам каждую пятницу устраивать походы? — начал раздумывать. — За одну пятницу нашли семерых Клейменных, Ольгердович ссаться будет от счастья.

— Простите, конечно, что вмешиваюсь! — заявил вдруг второй Каратель, стоящий с Андреем. — Но это не выход. Мы в субботу и воскресенье устали отвечать на звонки рассерженных тетенок. Как мы посмели заблокировать улицы и эти штуки прислонять к их богатеньким деткам!?

Да. Это была проблема, наверное, придется еще и перед Наместником отчитываться за самоуправство. Куда ни глянь, везде задница!

— Пошел я спать! — ткнул на Андрея пальцем. — И только попробуй меня выдернуть! Я буду спать до потери сознания, пока пролежни не появятся! Ты — моя правая рука или косяя нога?

Когда проходили коридор уже втроем, внимание привлек очередной свет в камере и распахнутая настежь дверь. Я остановился резко, заставив двоих Карателей позади в меня врезаться, отчего раздраженно повел плечом. Затем зашел внутрь камеры, рассматривая идентичное помещение.

— Ну давай! — кричал громко мужчина — Каратель с откинутым капюшоном. — Сколько можно? Мы состаримся прежде, чем сдашь экзамен?

Мое появление привлекло внимание присутствующих внутри помещения.

— А вы что здесь делаете? — поинтересовался тот мужчина, который был в камере. Я, проигнорировав вопрос, встал возле стены, наблюдая за картиной перед собой.

Андрея оставил разбираться с проблемами, то есть объясняться, а сам рассматривал мальчика лет тринадцати-четырнадцати. При виде меня парень запаниковал, начал крутить оружие в руке, не зная, что с тем делать.

У стены находилось покорное тело женщины. Цепь была подвешена высоко на потолке и подтягивала за запястья Клейменную, которая безвольной тушей-мешком повисла в воздухе. Её волосы закрывали лицо и красивыми прядями спадали на грудь. Через разорванный материал одежды просматривалось нижнее бельё.

Красивая, должно быть, женщина, да только лучше трахнуть животное, чем тварь под названием Клейменная.

Андрюха, видно, доложил экзаменатору, чтобы замолчал пока мы здесь. Я подошел поближе к пареню, а тот покорно опустил взгляд на плеть в руках.

— Эй, паренек! — позвал я, наклонившись и руками опершись в колени. — Понимаешь в чем дело? Пока ты не убьешь ее, не пройдешь экзамен.

— Я знаю, — понуро ответил парень.

— Ты знаешь, кто она такая? — кивнул на поломанную куклу в кандалах. Мальчик кивнул головой, а я с улыбкой ему ответил. — Это высшее создание, наделенное огромной мощью! — ответил с придыханием, как будто молился на нее. — Раньше было очень много богов и это они! — я еще раз кивнул в сторону женщины. — Они заставляли людей приносить себе жертвы. Усилием мысли создавали потопа, пожары и миллионы жизней погибали. Многие века люди жили под гнетом Клейменных! — тихо на ухо я рассказывал пацану, не улыбался, а приоткрывал завесу тайны.

— Мы же! — я указал на себя пальцем, а потом парню на руку. — Родились в ненависти, спустя много веков, после того как люди, поработанные богами, едва не лишились остатков разума, тогда же появился первый Каратель, не подвластный воле Богов. Первый человек, способный сопротивляться силе Богов. И имя нам Каратели, те, кто спасает мир от этих ЛЖЕ-БОГОВ! — последнее слово я едва не прокричал ему в ухо. А потом поднял голос, а мальчик сжал веки от громкости! Эхо в коридорах повторяло мои слова, пусть так. Пусть все Клейменные слышат о нашей ненависти.

Я продолжал рассказывать не только юному Карателю, а скорее Темному Дому, хранящему воспоминания о убитых здесь Клейменных.

Это их могила, стены камер насквозь пропитались кровью жертв.

А я продолжал давить на парня:

— Ты хочешь, чтобы эта тварь убила твою мать или отца! Ты хочешь, чтобы сожгли твоих соседей-друзей для того, чтобы вкусить их страха? Ты хочешь покорно стоять на коленях, когда они тебе прикажут! ТЫ ХОЧЕШЬ!?

Парень выкрикнул мне, по-прежнему боясь открыть глаза:

— Нет!

— Тогда возьми эту чертову плеть и работай!

Только тогда я отошел, отворачиваясь от парня, давая время опомниться, прошелся медленно по полу, отсчитал мысленно несколько секунд.

— А теперь — один! — я высоко поднял палец. — Насчет три, бьешь ее ИЛИ она убивает тебя и твою семью. Эта тварь с виду неопасная, а внутри хищник. Она питается твоей болью и пойдет на все, чтобы продлить эту боль! Два!

Я развернулся к парню, с облегчением поняв, что тот взял плеть и занес руку назад.

— Три! — как сигнал к действию раздался мой голос. Тогда же плеть, состоящая из трех

длинных лоскутов ударила тело женщины. Пленница вздрогнула на одно мгновение, будто вошла в сознание, а потом вновь безвольно повисла без движения.

А парень ошеломленно уронил кнут.

— Поднимай! — приказал я.

На самом деле молодых Карателей жалели, не давали пытаться по-настоящему, сейчас это почти труп. Клейменная давно допрошена и, как результат, эффекта ноль, разум ее почти сломан. Оставалось несколько ударов и она умрет, боли женщина больше не чувствовала. Скорее Каратель, впервые убивающий Клейменную, болезненнее переносил эти удары. Ему больнее поднимать руку на живое создание, к тому же женщину.

Я отсчитывал громко удары кнута, пока парень послушно бил. Эта пытка длилась не более минуты, в тот момент сердце, пожалуй, последний раз что-то чувствовало, болело, сжималось. Будто молило «остановись, не бей...». Мы же продолжали истязать жертву.

— ВЫ — ТВАРИ!

Парень осекся, перестал бить. И я удивленно прекратил считать, думал Клейменная — развалившаяся личность. Женщина подняла голову, смотря на нас своими голубыми-голубыми глазами, а ее бледная кожа просвечивала тонкие вены.

— Гребаные твари! Когда-нибудь и вас покарают за вашу жестокость! — хрипло закончила мысль Клейменная.

— Сомневаюсь! — я покачал отрицательно головой. — Ведь это вы взрастили нашу жестокость. Благодарите себя! Поехали, пацан!

В тот же момент голова женщины покорно опустилась.

Всё... пару ударов и она труп. Это предсмертные стадии Клейменных:

Сначала Клейменная затихала, переставала сопротивляться и не реагировала на боль.

Затем возможный всплеск эмоций перед смертью.

Потом покорный взгляд вниз, рассматриваемый, как смирение со смертью. После него — пара ударов и...

Последняя стадия — самосожжение... Голова, женское тело вытянулось в одну ровную линию. Глаза первые загорелись праведным гневом — огнем. Они стали не голубыми, а словно гнев Божества, кроваво-оранжевыми, вслед вспыхивали волосы, затем лицо облизывал огонь. И напоследок всё тело.

И это уничтожающее пламя не потушить.

Паренек схватился за лицо, не отрывая взгляда от умирающей Клейменной, медленно осел на холодный пол, кнут выбросил подальше от себя, словно тот ядовитый.

Примерно в этот момент вместе с первым убитым Клейменным умирал и Каратель, как человек.

Смерть Клейменной женщины — это последнее, что я ощущал в своей жизни настолько ярко. Мне было четырнадцать лет, после того экзамена больше не было настолько сильных всплесков эмоций. Были, конечно, эмоции, но они — ничто по сравнению с той болью.

Мы ненавидим Клейменных, а те ненавидят нас.

И конца этому нет, ведь в нашей крови течет ненависть друг к другу.

POV Диана

Происшествие в университете полностью выбило из привычного равновесия. Я шла и терла губы ладонью, пальцами стирала грязные прикосновения. Терла и терла лишь бы не чувствовать языка.

Я не хотела ощущать чужие губы на себе, там были только Артемины.

Терла и терла, но рана на губе покалывала и немного саднила, напоминая о поцелуе.

Нет. Это был не поцелуй! Меня просто лизнули!

Он просто облизал, как...как нечто сладкое...желанное, наверное. Щеки запылали от этого слова.

«Ну и как? Я вкусная показалась?» — невольно пришли мысль, которую захотелось вместе с кроссовками запулить в коридоре в стену.

Зачем так делать? Ему кто-то разрешал облизывать?

На пороге квартиры встретила тетю, которая вышла посмотреть кто прибыл. В халате, с растрепанными волосами, вероятно собиралась спать или только заснула, потому что ночами по выходным постоянно пропадала.

— Ммм...да, — выдавила тетя, когда рассмотрела меня тщательнее, оценив потрепанный вид, джинсы местами мокрые. — Ты моя племянница или ее двойник?

Задала она преглупейший вопрос, на что я промолчала. Только скинула прохладную куртку и стала стягивать на ходу мерзкие, прилипающие к ногам джинсы. Я не очень стеснялась своего тела, уж чем природа одарила, заново не рожусь.

— Давай я тебе ... — тетя выставила указательный и средний палец, плотно приставленные друг к другу, а потом развела их. Движение пальцами повторила несколько раз, намекая на ножницы.

Удобно расположившись на туалете, я смотрела на белые пряди, аккуратно падающие на серый кафель. Не удержалась от вопроса:

— Кать, все Розы больные?

— Почему все? Я-то нормальная? — ответила тетушка, на что получила скептический взгляд.

Это она-то нормальная? Если вспомнить нового соседа и соперниц за его любовь? Так вот одной она слабительное подмешала, не знаю подробностей во что, в чай или пирожки, но эффект длился три дня. Я боялась теперь проходить мимо той Розы-соперницы, мало ли отомстит за тетю.

— А как ты стала Розой? — поинтересовалась, продолжая смотреть строго на зеркало в туалете. Над ухом раздавался постоянный звук «чик» «чик», было ощущение, что отрезали мою плоть.

— Связи!

В очередной раз родственница показала запястье правой руки, на голубых венах была нарисована небольшая роза.

— Хочешь могу подсобить, сделать Розой? Никто тебя больше не тронет? — предложила неожиданно Катя.

Я изучила тетю, как нового человека. Правильно ли я поняла — она предложила мне стать общественной «давалкой»? Какая продвинутая тетя, однако! А папа за поцелуй с

Артемом чуть не казнил.

После длительного молчания я очень вдохновенно ответила:

— Упаси святая земля Клейменных от твоего предложения! Я как-нибудь своими силами, хорошо?

— Глупая ты, — подвела итог тетя. — Знаешь сколько привилегий дает эта тату, — Катя опять постучала по руке ножницами. — Я имею дополнительные баллы автоматически при поступлении на работу, пустят на любую вечеринку, на любую выставку, собрание. Мужчины более благосклонны к таким, как мы.

— Секс правит миром! — сделала я свой вывод о людском мире.

— А что еще правит миром, любовь моя? — как у тупой спросила тетя. — Деньги, власть?

Я вдруг рассмотрела в ней неизвестные раньше черты.

Она стала колючей, но с придыханием и долей гнева продолжала рассказывать:

— У наместника есть и деньги, и власть и всё это он дарит мне за секс и лестное слово на ушко! Ну и кто кого трахает, Диана? Наместник меня или я его, когда на ушко шепчу, какой указ мне больше по нраву?

Потом я пропустила несколько занятий из-за работы, уже подумывала, что скоро начнут выгонять. Эля сообщила новость, что с Артемом всё в порядке, как только будет поспокойнее, тот обещал связаться.

Терпение, Диана, терпение. Этим и занималась — терпела. Я половину жизни терпела, поэтому несколько дней роли не сыграет. Лишь бы с ним было всё в порядке.

Как-то раз Алина за вечерним чаепитием ввела меня в состояние прострации всего лишь одной фразой. Я замерла с печеньем возле открытого рта, услышав странные слова:

— Я хочу пригласить Гектора на свидание...

Хорошо рядом сидела Эля, и она отвлекла Алину:

— И что тебе мешает?

Я прокашлялась от чая и дожевала, наконец, печенье.

А мне что сказать? Беги от него, Алина? Он плохой? Хоть бы никто не видел, как Гектор меня лизал на лестнице. Что за манера? Как какая-то псина, облизывал, как будто обозначил территорию, смею предположить, если бы не телефон, дальше бы облизал нижнюю губу, а потом и вовсе в рот засунул свой мерзкий язык....

Стоп...стоп...разыгралось воображение. Это не поцелуй, это...это не поцелуй.

Почему Алина до сих пор помнит о Гекторе, тайно наблюдает за его фотографиями? Что в нем такого?

В детстве я как-то раз оторвала голову кукле Алины и не сказала ей об этом. Когда она узнала о трагедии, постигшей любимую игрушку, то был единственный раз, когда подруга обиделась и не разговаривала три дня. Пришлось подлизываться. Только бы Алина не узнала о Гекторе и его предложении пойти на свидание и уж тем более о поцелуе. Досада... я все-таки обозвала ЭТО поцелуем.

Не хочу, чтобы Алине было плохо. Но Гектора я вроде не ломала, как игрушку, и не отбирала, поэтому все воспоминания торжественно подожгу в голове и закопаю в могилу. Было и прошло!

Я очнулась от мыслей, когда услышала подругу:

— Да не знаю... боязно приглашать. — продолжала Алина. — Он же видит, что

нравится мне. Мы иногда взглядами встречаемся, он улыбается и даже подмигивает. Если бы я ему нравилась, он бы, наверное, сам подошел. А, вообще, это ты виновата! — Алина вдруг ткнула мне в руку пальцем, отчего чашка возле рта прямо-таки ходуном заходила.

— Почему я? — внезапно осипшим со страху голосом спросила.

— Если бы ты в него банкой тогда не запулила...

— Тогда бы он подрался с Виктором Михайловичем! — огрызнулась я. — Почему я виновата?! Иди приглашай на свидание, хоть он и придурок! — чуть тише добавила.

— Нормальный он, с чего это придурок? У тебя все кроме твоего Артема придурки!

Наше бешенство похоже набирало обороты, поэтому я сдалась и ответила, пока не перешло в рукопашную:

— Точно. Он — самый лучший парень на свете! Иди приглашай на свидание! Довольна? — спросила и принялась пить чай.

А потом девочки начали обсуждать имя Гектора. (Я не сразу начала прислушиваться к разговору, все же небольшой осадок остался после пикировки с Алиной). Но в институте должны же знать его настоящее имя и фамилию, не мог быть в паспорте Гектором. Не поверю.

Со временем и мне стало любопытно, половину интернета перерыли. У его друзей на фотографиях пытались найти подписи с именами людей. Нет. Везде величали не иначе, как Гектор.

А на парах как называли преподаватели? Тоже Гектор? Или Гектор Владимирович?

После этого минут пять смеялись с девочками, озвучивая имена и отчества.

Вариантов было много. Иванов Иван Иванович! Федор Пупкин!

Теперь понятно почему такую брутальную кличку придумал, наверное, на самом деле Василий или Петька! Сашка! А может Акакий!?

Гектор Акакиевич — это феерия нашего «идиотизма». После этого я сползла на пол, ноги оставила на диване, а спиной валялась на ковре и громко хохотала. Даже наша мисс серьезная Эля тихонечко смеялась в кулачок, а Алина в приступе истерики била кулаками по подлокотнику.

Люди — ничтожество, честное слово! Смотрела в зеркальце на свои покромсанные волосики, убранные в хвостик. Была третья пара, учиться надоело, поэтому заняться было нечем, как только подперев ладонью щеку лежать на парте. Поскольку сидели за последней партой, преподаватель не обращал внимания на сонное царство в лице меня, Эли, Алины и Люды.

Хотя Люда не спала, писала лекцию, а мы перепишем под хорошее настроение. Я трогала бедный, скудный хвостик и смотрела на обрезанные пряди волос. Бедные мои волосики!!! Женщины — изверги!

Когда прозвенел звонок, дверь из аудитории открылась и оттуда высунулось тело парня. По возрасту гость показался чуть старше, светловолосый и высокий. Большинство студенток в аудитории обратили внимание на пришельца, стали расточать патоку обаяния, улыбались и призывно хлопали ресницами, рассматривая объект мужского пола.

— Извините, а Диана!? Абрамова кажется!? — спросил неизвестный.

Я нарасхват что-то, уже боялась выходить. Интересно, на этот раз кому понадобилась? Обычно, когда куда-то приглашали, это заканчивалось плохо: либо Гектором, либо Розами. И не знаешь, что хуже — первое или второе.

Подруги в очередной раз переглянулись, ободряюще кивнули на прощание.

Ох, не везло мне в человеческом мире, очень не везло.

Пакет с тетрадями оставила девочкам на сохранение, осеннюю куртку накинула на плечи.

Мысленно приготовилась к очередному бою, потому что если звал мужчина, значит к Гектору. Но когда вышла в коридор с удивлением обнаружила обычного молодого человека, одетого в красную рубашку и черные брюки, его светлые волосы были зачесаны назад. Аккуратный, голубоглазый, приятно улыбался.

Я ответила тем же, но при этом неловко поправила волосы за ухо:

— Эммм...Здравствуйте, вы ко мне? — поинтересовалась. Оглядела с улыбкой мужчину, его безупречный облик и неожиданно обнаружила перед собой букет с цветами.

Улыбаться перестала.

— К вам! — бодро ответил собеседник. — И это вам!

Цветы аккуратно выставили перед лицом. Первые секунды не знала, как отреагировать, а потом заулыбалась, но не потому что необходимо быть вежливой, а потому что очень приятно. В жизни не получала цветов, это как знак красоты женщины, мужчина давал понять этим жестом, что считал ее очаровательной.

Я протянула руку, чтобы взять букет в упаковке.

— Сергей! — представился вежливо парень, когда отдал цветы, а руки спрятал в карманы брюк. — Хотел с вами познакомиться!

Я залюбовалась своими первыми в жизни цветами и не знала, что с ними делать. Понюхать? Можно было не принюхиваться, они итак источали приятный, свежий аромат. Но все-таки не удержалась и наклонила нос, наслаждаясь необыкновенным запахом, напомнившим родной, зеленый остров. Потом подняла лицо и наткнулась на внимательный темный взгляд. Даже дернулась от удивления.

Гектор. Через пять метров находился Гектор, плечом развалившись на стене и руки, скрестив под грудью, голову чуть наклонил влево и смотрел скорее всего на нас.

А он что тут делал и почему наблюдал?

Гектор был одет в коричневую майку и спортивные штаны, привычной цепи на бедре не было. Может в кармане возникла мысль. Судя по облику у него сегодня имелась физическая культура в расписании.

— Познакомиться? — уточнила я, прокашлявшись и восстановив частично спокойствие.

— А если быть точнее свидание! — поведал молодой человек.

Я невольно взглядом пробежалась где угодно, только не по блондину перед собой, заметила опять наискосок равнодушного и сосредоточенного Гектора.

Не понимала, зачем он смотрел сюда? Кого ждал? За спиной конец коридора и пожарная лестница. Студентки из нашей аудитории выходили, оглядывались на Гектора, едва не затаив дыхание. Ему же внимание видимо не нужно, потому что заинтересованные взгляды игнорировал. Старался не замечать. Весь такой самодовольный и равнодушный. Мол, пяльтесь никчемные женщины, разрешаю любоваться моим совершенством. Очень захотелось плюнуть мистеру совершенству в нос. Красавец нашелся!

Алина, проходя мимо, показала пальчиками, что они побежали на следующую пару. Я кивнула и попыталась вслушаться в речь блондина, но часть обращения успела пропустить.

— Кино...там романтическая комедия, часов в семь... — Сергей жутко испепелял глазами и изучал меня ниже лица. Я опустила взгляд вниз на белую футболку, и — ой! —

только сейчас поняла, почему смотрел. Там просвечивался черный лифчик.

Вот дура, угораздило темное белье под белое одеть!!!

Цветы поплотнее прижала к груди, чтобы закрыться от постороннего внимания. Что-то сильно везло на свидания в последнее время.

Кстати, где Гектор?

Скосила взгляд и вздрогнула.

— Здравствуйте! — произнес с радостной улыбкой Гектор, будто сейчас стал владельцем миллиона. Ладонью хлопнул по плечу Сергея, на что тот незамедлительно отреагировал. Подпрыгнул и обернулся. — А я тут пять минут стою и уж подумал, что стал невидимкой!

Какое-то странное чувство я начала ощущать едва Гектор приближался, не знаю, на что похоже. Всё внутри кипело, бурлило от темных эмоций, хотелось сказать что-то грубое, вытаскивая наружу всю черноту.

Я оцепенела при появлении мужчины, закололо все нервные окончания от низкого голоса с хрипотцой. Рефлекторно выпрямилась, стремясь выглядеть гордой.

— Эй, ты козел! — выдал не очень цензурно Гектор, рукой сжал плечо Сергея. Захват был болезненный, потому что кавалер попытался избежать прикосновения. — Я очень похож на добренького дяденьку? — зачем-то поинтересовался Гектор, потом на секунду отнял взгляд от собеседника и встретился со мной. Цветы в моих руках привлекли его внимание самыми последними. Гектор резко дернул букет, отчего шипы рассекли мне пальцы. Я шикнула от неожиданного колкого ощущения, хватаясь за место, где почувствовала стежок.

Отвлекаясь от ранки, дернулась поближе к мужчинам.

— Это мои цветы, отдайте! — повысила голос. — И его отпустите! — пальцем указала на рубаху Сергея с требованием оставить пленника в покое.

Готовилась ногтями вцепиться в руку Гектора и выдрать мой подарок-цветы.

— Сейчас отпущу! — кивнул мне спокойно, а потом повернулся к Сергею и озвучил очень тихо сквозь плотно сжатую челюсть. — Козлы травоядные, вот и открывай рот!

Демонстративных улыбок больше не дарил, намекая, что шутки закончились:

— Открывай рот! — приказал повторно Гектор, сжав пальцами щеки Сергея, дабы заставить того покорно открыть рот.

Второй рукой взял один из бутонов роз и выдрал цветок от стебля, несколько лепестков красиво полетели на грязный пол под наши ноги. В открытый рот Сергея засунул небольшой бутон красивой некогда розы, заставляя мужчину кашлять и стараться выплюнуть мешающие белые лепестки.

— З...зачем вы? — невольно вырвалось. — Что он вам сделал?

— Да ни хрена, собственно! — собеседник пожал плечами как бы в неведении, а затем бесшумно взял Сергея за затылок и развернул.

Звон лба о бетонную стену прозвучал слишком громко, я невольно втянула воздух в легкие и задержала, боясь выдохнуть. А мужчину точно также отсоединили и продемонстрировали мне с задранной носом, из ноздрей которого были заметны капли крови.

— Всё понял? — уточнил Гектор у Сергея.

А я прикрыла ладонями лицо, будто если перестать смотреть, то и картина исчезнет из виду. Я не любила кровь и не привыкла ее видеть. На острове целью наших тренировок было не ранить друг друга, а научиться безболезненно переносить эти удары.

— Думаешь мажор и всё можно? — спросил еще раз Гектор, держа за затылок Сергея с задраным лицом кверху. — Я тебя обломаю! Это мой трофей! — ткнул мне в плечо пальцем. Надменно, самоуверенно, пренебрежительно, будто я действительно вещь, мимо которой шел и решил поднять с грязного пола, повертеть и посмотреть, что из себя представляла. Гектор продолжал указывать на меня, а я в ответ стукнула ему по пальцам не сильно, но главное, чтобы не прикасался. На мой жест внимательный взгляд выстрелил в упор, пригвоздив недовольством, даже Сергей потерял временно интерес.

— Пошел отсюда, пока я добрый! — озвучил, наконец, Гектор, когда перестал злобно изучать меня. Сергея развернул за шкуру, подтолкнул и букет пренебрежительно бросил ему в спину.

— Цветы подбери, нечего ссорить! — сказал напоследок.

А потом развернулся ко мне с наградой в виде фальшивой улыбки. Явственно ощущала, как та сочилась ядом.

— Здравствуй, не спящая красавица! Я выспался и готов играть с тобой!

Руки раскинул в разные стороны с намеком, чтобы подошла обниматься?

Да он с ума сошел? А я наоборот сделала шаг назад к двери на пожарную лестницу. Никак не могла понять этого человека. Он запросто приносил людям боль и радовался этому? Только садисты радуются крови.

— Что вам надо? — зло спросила.

— Пошли со мной! — пальцами правой руки поманил, как цирковую собачку, которая будет развлекать по заданной программе: сидеть, лежать, голос, танцы?

Как же кипело в груди и во всем теле, я становилась неконтролируемая рядом с этим неадекватным человеком. Его поведение отвратительно!

— Не пойду! — руки спрятала за спиной, как будто Гектор мог за них утащить. Сама смотрела в пол, краем глаза следила за передвижением мужчины, чтобы не пропустить.

— Думаешь заставить не смогу? — произнес собеседник, тогда же почувствовала, как опора под ногами исчезла. Сама оказалась перевернутая кверху ногами, голова болталась на уровне поясицы Гектора.

— Да вы что? — спросила испуганно у спины мужчины. Корпус приподняла насколько смогла, чтобы погромче озвучить. — Куда вы меня несете?

Быстро изучила коридор, чтобы удостовериться — студенты с любопытством начали озираться. Еще бы такое зрелище! Собачка и дрессировщик! С облегчением отметила отсутствие в коридоре подруг.

Первое время пока болталась, перекинутая через голое мужское плечо, не замечала насколько жестко вцепилась в него пальцами. Одни сплошные, твердые мышцы,двигающиеся под тонкой, светлой кожей. Потом поспешно отняла руки, как от чего-то ядовитого. Тело Гектора, наверное, такое же ядовитое, как и фальшивые улыбки.

— Мы идем в мужской туалет на третьем этаже! — поведал Гектор ответ на ранее заданный вопрос.

А я вздрогнула, покрылась нервной дрожью от того, как на бедра легла массивная рука, которая накрыла одну ягодицу и сильно сжала. Я попыталась взбрыкнуть телом, прогоняя наглуую руку, на что мужские пальцы играючи забарабанили по моей попе, как бы отбивая ритм мелодии. Или намекая на порку?

— Будем играть во взрослые игры! — услышала насмешливое заявление.

Моя голова болталась при ходьбе, кровь прилила к вискам. Я локоть поставила мужчине

на спину, надеясь этим действием принести Гектору, если не боль, то хотя бы легкое неудобство. Сейчас перемена, поэтому народу в коридоре много, а за мной, перевернутой кверху ногами, неустанно следили зеваки. Я видела...видела это внимание. Только бы Розы опять не начали доставать.

Самый главный вопрос — что Гектору понадобилось?

Наше путешествие резко закончилось напротив голубой, деревянной двери.

В коридоре правого крыла университета стены были выкрашены в голубой цвет. На нашей женской половине — коричневые. На этой же половине и мужчины встречались, значительно чаще, по крайней мере ноги, которые замечала, пока болталась безвольной куклой. А что было делать? Укусить? Но все-таки Гектор меня нес, поэтому боюсь после укуса швырнул бы об стену и даже не моргнул от сожаления. Приходилось послушно молчать всю дорогу.

Гектор поднял ногу и стопой саданул по двери, как она осталась целой не представляю, но та легко открылась и ударилась со звоном о стену.

— Упс! Не рассчитал! Здорова всем! — громко сказал, меня продолжал держать одной рукой, а второй махнул, приветствуя собравшихся.

Через секунду меня спустили через плечо и поставили к себе лицом, как верного солдата. Потом взяли за плечи и развернули вокруг моей оси.

Я от такого командования была немного в шоке, чувствовала себя в параллельной реальности. Возможно заснула на третьей паре, ведь была очень скучная лекция? Да, вероятно, мне снился кошмар? Очень хотела проснуться, поэтому моргала и мысленно уговаривала себя проснуться.

Потом меня за плечи подтолкнули к людям.

Что из себя представлял мужской туалет? В принципе, как и в женском, большое пространство слева было занято умывальниками, прямо находились три окна, возле которых курили студенты. После умывальников слева проход в следующую комнату, где люди и удовлетворяли естественные потребности.

Сейчас возле окна было несколько мужчин, включая известного Андрея, облаченного в рубашку и джинсы, и несколько Роз. При этом вся компания курила. Противный запах пропитал воздух и не давал нормально дышать.

Я морщилась, но шла, пока за плечи подталкивали вперед к окну.

— Любить! Жаловать! И сумки таскать, Диана! — представил Гектор и приобнял под дружески за плечо.

Как не привычно при повороте головы обычно смотрела вниз, а теперь первым делом увидела щеку. И чтобы поймать взгляд говорившего пришлось немного поднять лицо вверх.

Мужскую руку быстро скинула с плеча через голову, ибо нечего притрагиваться, когда только захочется. Мое тело не для его скользких рук. Вечно лапы распускал, ему как будто требовался постоянный физический контакт, я же терпеть не могла, когда трогали.

— Эй! — нахмурился, теперь уже без улыбок. — Задолбала артачиться! Всё равно сделаю по-своему!

Мгновенный выпад, и я оказалась в объёме мужских рук. Гектор обнял со спины, пальцы сцепил в замок на моей груди и поднял в воздух сопротивляющуюся добычу.

Как могла, руки пыталась высвободить из-под его: вертелась, крутилась, мычала, чтобы отпустил, а он только нес и нес свой трофей, а его подпевалы вторили насмешливо, глядя на цирковую собачку. Весело? Весело наблюдать?

Гектор передвигался со мной на руках, при этом ноги широко расставлял, чтобы я его не пнула со злости стопой. А я отчаянно пыталась это сделать, стремительно моргая и прогоняя слезы бессилия. Как это мерзко было, когда не спрашивали желания.

Закончилось наше путешествие возле подоконника. Гектор поставил меня на пол, но одной рукой придержал на уровне живота, а сам важно прикуривал. Я дернулась из-под его захвата с целью сбежать, но он опять сгреб второй рукой и надавил с силой на живот, заблокировав дыхание в легких. От потерянного кислорода потерялась на несколько секунд, не поняла, что произошло. Как будто я жалкое насекомое, которое жужжало над ухом и только раздражало, пока он был занят — а именно чиркал зажигалкой, чтобы прикурить.

— Прекратите этот цирк! — взвилась я в отчаянии, когда голос вернулся и дыхание восстановилось. Попыталась локтем ударить по руке Гектора, чтобы прекратил держать в ловушке. Над моими жалкими попытками присутствующие лица просто смеялись. А самой было не до смеха. Я будто в клетке два на два, с голодным зверем, он вооружен острыми клыками, мне же защищаться нечем, только кричать или молить о помощи.

— Какая строптивая! — заметил неизвестный мужчина из Низов.

Я отвлеклась на эту фразу, поэтому не заметила, как взяли за шею и резко развернули влево. Успела только послушно повернуться и увидеть наклоненное лицо Гектора. Его глаза были полуприкрыты, из-под ресниц лениво изучали меня, пока его губы прикасались к моим. А потом Гектор сделал резкий выдох, и я получила весь дым от сигареты в рот.

Горло раздражающе запершило, будто гвоздем процарапали. Какой мерзкий вкус. Отняла губы, прикрыла ладонями лицо, пока громко кашляла на весь туалет. Из носа и рта, отовсюду валил дым, мерзкое послевкусие осело на языке. А мой кашель сопровождал гогот вырожденцев из Низов и их утонченных Роз.

Я со злости ударила кроссовком по колену Гектора, отчего тот рефлекторно сжался. Обхват на животе ослаб, поэтому смогла вырваться из плена, пятясь назад к двери. При этом демонстративно и жестко рукавом куртки вытерла поцелуй Гектора со своих губ и чтобы мужчина это непременно увидел и понял!

— Ах, ты ж, сучка! — прошипел сквозь зажатую челюсть Гектор, потом пренебрежительно склонился к штанам, протер возможный след от моей обуви. — Выйдите все!

Руки мужчина сложил под грудь, сигарету засунул между зубов.

Пока толпа медленно рассеивалась, я боялась пошевелиться, ожидая чего-то, может какого-то знака. Но одно понимала — бежать отсюда некуда и приспешники не дадут.

Гектор все-таки отнял сигарету от губ и сделал затяжку, от которой бычок зашипел и стал опасно огненно-красным. Кровавым я бы сказала.

И нас осталось двое, где даже собственное дыхание казалось очень громким.

— Сюда подойти! — приказал мужской голос. Гектор не удостоил вниманием, тушил бычок в пепельнице, стоящей на подоконнике.

По идее я должна была повиноваться, как и все, но я покачала головой. Гектор скорее всего не видел отказа, только через несколько секунд обнаружил, что не повиновалась.

— Я сказал подойти ко мне!!! — голос стал выше и грубее, больше не было того добродушного парня, которого иногда строил из себя.

Я опять проигнорировала, на что Гектор сделал несколько резких шагов. Пальцем мужчина ухитрился зацепиться за мои джинсы — взялся за шлевку для ремня. Резко потянул на себя кружок, а я наоборот испугано дернулась от мужчины подальше, убежать от его рук.

Тогда же раздался своеобразный звук-треск.

Я испуганно замерла в одном положении, но было поздно.

Рывок за шлевку был резкий, поэтому молния на штанах разошлась, пуговица со звоном отскочила по плитке пола, часть ткани была вырвана по линии ремня.

Гектор улыбнулся, довольный результатом, заценил мой полуголый вид.

А я стояла с нервно бьющимся сердцем. Перед на джинсах полностью разорван и в результате черное белье представлено всеобщему обозрению.

Испуганно смотрела то вниз, то на мужчину перед собой, который лишь пожал плечами.

Я ладони поставила спереди на уровень ширинки, пряча самую интимную часть тела, хорошо хоть белье не прозрачное, поэтому прикрывало все нужные места. Часть молнии вырвана и пуговица оторвана, как идти домой? Но вдруг возникло тревожное ощущение, предчувствие плохого, и возник закономерный вопрос. А отпустят ли домой?

— Я же сказал подойти! — этот выпад уже чисто физически не смогла заблокировать. Рывок...

Косточками бедер уткнулась в подоконник, грудью едва не вылетела в стекло, но успела поставить ладони, чтобы не врезаться лицом в холодное окно.

Джинсы расходились на ширинке, предоставляя обзор на все, что угодно, а я застыла не моргая, как обездвиженная статуя. И гадала откуда столько мощи в обычном человеке?

Почувствовала холодный воздух на голой коже сзади на бедрах, когда джинсы на моих ягодицах спустили вниз, словно оценивая предложенное добро. Пальцы, да и их владелец явно не были ограничены принципами или совестью, поэтому сжали ягодицы, словно примеряясь. Так и остались там на шортиках, нагло командуя, сдерживая, сжимая. А потом я почувствовала прикосновения мужских бедер, в штанах, но даже в штанах легко ощутимо... то самое место. Знаю, как это называется, но сказать это пока не получалось. Даже мысленно, что прикасалось к попе и ногам.

— Хочешь запечатаю? — спросил насмешливый голос на ухо, а мужское тело надавило на спину. — Будешь пожизненно моей послушной, верной собачкой? Сидеть, лежать и ноги раздвигать. И при этом мечтать только обо мне, когда же прикоснусь к тебе...

Гектор развернул вновь, как послушную, безмозглую марионетку, встал возле подоконника, присаживаясь на него, а между ногами поставил меня, имея теперь доступ к моему телу спереди. Не получив ответа продолжил:

— Хочешь трахну тебя здесь, мне не принципиально? Я предлагал сначала по хорошему. Свидание, кино — стандартная схема, но тебе видишь ли не понравилось? А так нравится?

— Я буду жаловаться... — еле слышно прошептала-перебила, ощущая твердые, нетерпеливые прикосновения мужских пальцев.

Мою футболку задрал почти по горло, грудь в темном, кружевном бюстгальтере высоко вздымалась и тревожно опускалась. Большие ладони полностью обхватывали одну грудь, потом медленным, потирающим жестом перешли на другую и сжали с силой. Я лишь морщилась от покалывающих ощущений в сосках, но кажется мужчине это мало волновало.

— Кому, прелесть моя, будешь жаловаться? — услышала хриплый вопрос и почувствовала обжигающее дыхание на шее. — К ректору пойдешь? Он деньки отсчитывает, когда, наконец, закончу университет и оставлю его в покое. Крестится, когда прохожу мимо его кабинета. А чего мелочиться: может, сразу заяву Карателям напишешь? Лично устрою аудиенцию у нашего зама по округу! Хочешь? Только ему тоже придется «дать»!

Гектор сделал заметный выпад бедрами. Член намеренно медленно потерялся об моих ягодицы. Пальцами я сжала ткань на джинсах, мечтая убраться отсюда, исчезнуть, раствориться, как чертова пылинка, исчезнуть с мужских глаз. Зачем я попалась ему на глаза? Было не шевельнуть ни ногой, ни рукой, Гектор блокировал любую возможность движения. Я едва зубами не прокусила губу, сдерживая сильное желание разрыдаться или молить отпустить.

Неожиданно вскрикнула от боли, когда шею справа мужчина закусил губами, кожу жестко засосал внутрь рта. Я в сотый раз, наверное, за сегодня попыталась сбежать из рук, но те плотно сдержали.

Мужская ладонь лежала на разорванной ширинке, а его пальцы то поддевали, то обратно отпускали веревочки трусов, создавая небольшой щелк об мою кожу. Вторая мужская рука сжимала грудь до боли в сосках, а губы продолжали засасывать кожу шеи, всё жестче и жестче. От этих посасываний каждый раз морщилась и пыталась выбраться из рук, но те словно намертво приваренные не сдвигались и на миллиметр.

После двадцати секунд пытки Гектор отпустил кожу шеи, которая сразу яростно запылала от жжения. Протерев это место, ощутила влажный след от губ.

Мужчина подул, но боль не пропала, легкий ветерок ослабил жжение лишь на секунду.

Глаза, позорно заслезились, плитка туалетной комнаты поплыла перед взором.

— Отпустите, — все-таки пискнула, с трудом сдерживая голос ровным, хотя бы не плачущим.

— Теперь согласна на добровольное свидание? Или стоит заставить? — спросил Гектор, а я молчала в ответ, смотря на эти холодные стены-плиты, ища поддержки не знаю у кого. Никто не помогал в этом мире, приходилось самой выпутываться из всех проблем.

— А это. — я почувствовала, как мужской язык начал скользить опять по тому месту, где были только что губы на шеи, любовно вырисовывая узоры. — Мое тебе Клеймо, Диана. — хрипло сказал на ухо, отчего я покрылась внезапной дрожью.

Грудь под его рукой почему-то нервно стала то опадать, то подниматься навстречу ладоням, подрагивать под его пальцами, а сердце отбивать поспешный, кривой ритм.

— Как только будет пропадать, буду возобновлять рисунок. — вновь поведал на ушко.

Я вдруг почувствовала свободу, а в две ладони мне аккуратно вложили черный телефон.

— Пиши свой номер. Сегодня вечером встретимся.

Гектор опять обнял. Теперь две руки легли на чашечки лифчика и приподняли вверх, как будто проверяли на вес, по-хозяйски надавливая. А потом едва не задохнулась от паники, мужские пальцы медленно-медленно опустили чашечки лифчика, вплоть до того места, где задели оголенные соски, которые тут же среагировали на неожиданную, навязанную ласку. Хоть и едва-едва задел, но ощущение было необычным. Меня нервно прострелило от странных прикосновений.

Надо было срочно выбираться! С ужасом мелькнула мысль.

Телефон упал на пол, создав громкий звук, при этом отлетел по плитке ближе к двери.

— Ой! — вырвалось испуганно.

Мужские руки отпустили.

— Ты мне еще телефон раздолбай! — недовольно цыкнул сзади.

Я же воспользовалась моментом, подтянула лифчик на место и футболку опустила вниз. Рванула за телефоном, который валялся возле двери. Последние шаги преодолела едва не бегом, схватилась за ручку... дернула с отчаянным желанием бежать отсюда.

Закрывается! Закрывается! Будто кто-то с той стороны надавливал весом на дверь.

Раздраженно стукнула кулаком и оставила его так, а лоб прислонила к прохладной двери.

— Хорошая попытка слинять! — услышала смешок сзади.

Теперь Гектор уже меня более мягко опять развернул, взяли мои ладони и медленно опустил к себе на плечи. Я позволила это сделать, да и выхода не было. Сердце так поспешно билось, словно последние секунды доживало. Сам мужчина придвинулся ко мне, прикасаясь горячим телом, а руки положил на бедра и прижал к себе рывком еще сильнее.

И поцеловал. На удивление губы оказались не ядовиты, от омерзения не скрутило, да и когда исчезал карий взгляд, поцелуй и вовсе показался аккуратным, не грубым, как руки. Поцелуй был не жесткий или требовательный, наоборот не спешный, будто узнавающий. Да и его язык не сразу вторгся сквозь мои губы, слегка подтолкнул мой, как бы заставляя проснуться или ответить. Гектор мягко дотрагивался языком до моего и плавно отступал, пока я не ответила на призыв. Сплетая языки... позволяя владеть собой.

Веки прикрыла от этого холодного места и ненавистного лица, пожалуй отдаваясь неожиданно Немерзкому поцелую.

Оказалось, приятно смешивать наше дыхание, и запах мужчины не отталкивал, как обычно бывало, и даже прикосновения его тела не раздражали, только его руки на ягодицах немного напрягали. Они сильно сжимали, словно владели, брали контроль надо мной, заставляя прижиматься к мужскому телу сильнее, сливаться с ним. Да и спереди немного напрягало, как ч. член упирался мне между ногами.

Как-то нашла в себе силы отнять губы, может Гектор несколько отвлекся, но позволил это сделать.

— Ну вот другое дело, — поведали карие глаза и удовлетворенный обладатель голоса. — Я позвоню, — предупредил и отпустил меня, ничего не понимающую и слегка ошеломленную.

Я оглядела перед разорванных джинсов, куртку застегнула до ворота и натянула пониже бедер, скрывая белье, а Гектор пока постучал в дверь и что-то крикнул своим подпевалам.

Дверь тут же открылась и я с огромным облегчением и, наконец, забившимся сердцем рванула на выход. Кажется, я не дышала пока Гектор целовал и пока находилась с ним один на один.

POV Диана

Очень неудобно было идти по улице, придерживая разорванные штаны. Люди удивленно посматривали, изучая странный объект, передвигающийся мелкими шажками. Я очень боялась, что штаны по дороге могли соскользнуть с бедер, поэтому двигалась крайне медленно. Пальцы, придерживающие ткань, замерзли и к концу путешествия почти потеряли чувствительность.

Ураганом ворвавшись в квартиру, облегченно упала на ковер для обуви и уселась на тетиных туфлях.

Я проклята. Я — проклятая Клейменная! Зачем? Зачем я пультнула в него той банкой? Я же косая, почему именно в тот момент я попала? Это не судьба, а проклятие какое-то!

Куртку расстегнула, чтобы не запариться и сидела, переводя дыхание на грязном ковре для обуви. А какая разница, все равно штаны выбрасывать. Потрогала оторванную полоску джинсов, тут явно не пришить.

На скромное шарканье тапочек по полу подняла взгляд и нате вам... Тетя в проходе. Я очень надеялась на отсутствие родственницы, а она сова, по ночам пропадала, зато днем часто дома.

Я прогуливала уже не знаю какое по счету занятие, к сессии точно не допустят, необходимо будет что-то придумать, отработать пропуски.

Тетя опиралась о косяк двери плечом и смотрела на меня: несколько секунд на лицо, потом моргнула и опустила взгляд на черное белье, видневшееся сквозь разорванные джинсы. И это путешествие взглядом тетя повторяла очень долго.

Молчание длилось минуту, которую ни я, ни тетя не решались нарушить. Потом, устав сидеть на грязном ковре, привстала, думая какой будет вопрос у тети, и какой найти ответ.

Решила пресечь возможный разговор.

Подняла ладонь и покачала головой из стороны в сторону, чтобы не задавала вопросов и направилась мимо тети в зал, а оттуда в комнаты и туалет. Тетя, как верная ищейка, в гнетущем молчании шла на нюх. Одежда насквозь провоняла Гектором. Хорошо Катя молчала, но дышала почти в затылок.

Я для тети вероятно трудный подросток.

На стене в зеркале заметила свое отражение и остановилась с широко выпученными большими глазами.

Святая земля кл... повернула голову боком. В центре шеи размером с куриное яйцо кровавый синяк, он был не только синий, в нем смешались разные краски: фиолетовый, синий, местами красный.

Ладонью прихлопнула это место подальше от взгляда любопытной тети и пошла к двери, ведущей в комнаты.

Напоследок услышала:

— Диан, дорогая... а ты наркотиками случаем не балуешься?

Я развернулась и покрутила указательным пальцем возле своего виска, намекая родственнице о ее аналитических способностях.

В туалете быстро освободилась от одежды и посмотрела на себя в зеркало. Губы припухли, не знаю от чего, они обычно бледно-розовые, а сейчас покраснели.

Подняла кисть руки и опять решительно стерла поцелуй. Не хотела ощущать чужие губы на себе. Не хотела. Поэтому тщательно стирала, из-за чего губы лишь сильнее опухали и краснели. А вот с языка прикосновения не убрать.

Не спокойно на душе, что-то сильно волновало, не могла сосредоточиться и нормально думать. Я эмоционально не стабильна рядом с этим неадекватным, он будил самые нехорошие эмоции.

В зеркале я выглядела весьма возбужденно: волосы выбились из хвоста, несколько прядей прилипли к опухшим губам; глаза блестели, конечно, это можно объяснить холодными порывами ветра на улице; на теле, скрытом только нижним бельем, как наяву видела лапающие руки. Без спроса или разрешения. Как будто это его тело, трогал как хотел — даже я так себя не трогала.

Мыться, срочно мыться и стирать его руки.

Сначала ладонями прогнала лапающие прикосновения Гектора, а потом и в душ полезла, чтобы точно удалить. Но прежде чем туда зашла, услышала звук скребущих пальцев по двери и приставучий голос тети:

— Дорогая, а может нам к психологу сходить? А то твой папа меня убьет, если я испортила его дочь? — услышала жалостливую просьбу.

Тогда же я громко стукнула дверцами в душе, намекая как разгневана этим предложением.

Тете максимально правдиво объяснила ситуацию и даже про Гектора, на что та облегченно вздохнула и пожалала плечами. Сказала, что мужчины всякие бывают, упертые тоже. Любовь можно крутить и с бедняком, а если просто развлекаться, то только с богатым. Я не совсем поняла схему, но глупо кивнула на совет.

Телефон я ему не оставила. Ну что, господин самоуверенный Гектор? Кто кого?

Я гаденько заулыбалась пока мыла посуду, представляя вместо тарелки рожу Гектора, очень тщательно губкой до дыр стараясь ту протереть.

— Раз тебя так радует мытье посуды, предлагаю назначить ответственной за этот процесс! — благосклонно разрешила Катя.

Губку раздраженно бросила в мойку и перестала улыбаться.

Гектор даже тут ухитрился испортить жизнь. Но вообще это весело... ощущение что я подошла к запертому зверю в клетке. Полюбовалась на него, руку протянула сквозь эти жердочки, а он схватил лапой, да только пока открывал пасть, чтобы скушать, успела вырваться. И показать язык самоуверенному зверю.

Шикарное настроение.

Только одно омрачало — боялась прихода Алины и Эли из университета. Если до подруг дошел слух... Но девочки вернулись в добром расположении духа.

Пришлось придумать целую историю, как половину пары болтала с красавчиком Сергеем. А в Алине я старательно искала изменения, скрытое недовольство или наоборот молчание, которое можно было бы расценить, как «слух дошел». Но Алина на удивление бодрая и улыбчивая.

На следующий день с утра у меня смена в Приаме. Алина очень удивилась моей улыбке в семь утра, я — любитель поспать подольше, а тут ранним утром проснулась раньше всех, готовая сбежать на работу.

Еще целый день не увижу Гектора! И вторая причина радости — сегодня День

Рождения Артёма.

Работала на этот раз в ресторане официанткой, но в будний день народу мало, поэтому совсем не устала. Артем так и не позвонил, пришлось отправить поздравление в социальной сети. Ответа не было.

Около десяти вечера валялась на диване после работы, когда разбудил звонок сотового. Оказалось, Алина, заступившая на вечернюю смену после меня:

— Дианка! — выкрикнула подруга в трубку, перекрикивая голоса толпы. — Я Артема видела...

— Где? — распахнула веки и уселась на диване, я оказывается на Элю положила ноги пока посапывала.

— В Приаме. Здесь в подвале. В сауне празднуют, я мельком видела. Это точно он, там и Ромка был!

Дальше не стала слушать и спрыгнула с дивана, чудом не задев ножищами Элин компьютер. Подруга недовольно выкрикнула:

— Эй, жираф! Поаккуратнее!

На что я махнула рукой и побежала одеваться. Тонкая ниточка терпения натянулась до предела и порвалась.

Я должна увидеть Артема!

Синяк-засос пришлось гримировать тональным кремом. Из одежды выбрала: водолазку, закрывая горло от любопытных глаз; вторые имеющиеся джинсы в дырку; куртку.

Гололед на улице мешал свободно передвигаться. Кроссовки скользкие и от этого ноги разъезжались в разные стороны.

Народу вечером было очень мало.

Я передвигалась по тропинке между домами под фонарями и светом убывающей луны. С одной стороны кирпичные дома, с другой высокий забор.

Из-за отсутствия людей каждый шорох был хорошо слышен: мое дыхание, вой собак и ветер, тихонько напевающий песню. Внезапно донесся скрип обуви. Я прикрыла поплотнее рот, чтобы собственное дыхание не мешало слушать.

Лед, ломающийся под подошвой... Шорох одежды, куртки скорее всего...

Звук не заглушить, дыхание можно успокоить, а шорох одежды не проконтролируешь.

От волнения неприятно закололи пальцы, поэтому я их спрятала в карманах.

Шаги сзади насторожили еще сильнее. Сколько их?

Точно не один человек.

Осторожно окинув взглядом пространство позади, увидела, как из тени кирпичных домов вышло трое... четверо... не поняла их расовую принадлежность. Мужчины.

Руки сжала в кулаки в карманах, напряженно анализируя. До конца мрачного переулка примерно километр — это слишком большое расстояние.

Кто это мог быть? Может быть не ко мне. Когда в спину дышат четыре мужчины трудно адекватно оценивать обстановку.

— Эй! — услышала мужской, незнакомый голос. — Эй! Девушка!

Шаг невольно ускорила с целью проверить их намерения. Если ускорятся, то пришли по мою душу. Мужчины продолжили преследование.

Сердце быстрее заколотилось, пойманное в капкан, опасно сдавленное. Не думала, что подвергнусь нападению.

Справа возле стены мелькнул мусорный, закрытый бак, уж не тот ли, об который

грохнулся Каратель спиной?

Решение мелькнуло сразу. Возле стены маленький приступочек, правой ногой на него встала, левой запрыгнула на бак.

— Эй! — раздался зов.

Тогда же прибавила скорости, ладони поставила на верхушку кирпичного забора и перепрыгнула его, благо длина ног позволяла высоко прыгать. Правда проанализировать место приземления не было времени.

— Абрамова! — прозвучало за забором.

Ноги проскользнули по льду, в результате с криком завалилась на копчик. Аж слезы навернулись от того, как сильно заныл зад. Кряхтя, поднялась, памятуя, что мужчины могут, как и я перепрыгнуть.

Моя фамилия из уст подозрительных личностей, ведь не могла померещиться или могла?

Думать некогда, поэтому рванула сквозь голые, корявые деревья, бежала через эти ветки, через сугробы снега, утопая в белом пуху, но строго вперед по направлению к остановке. С огромным облегчением вынырнула из переулка на людную улицу. Здесь начиналась огромная дорога и небольшая площадь, ярко освещаемая десятком фонарей и разнообразными вывесками магазинов.

Народ с любопытством озирался на спешащую меня, пока бежала к многолюдной остановке. Я тоже оборачивалась, глядя назад, интересуясь преследовали или нет четверо незнакомцев. Пока не заметила.

Оценив толпу людей, отплясывающую от холода на остановке в ожидании транспорта, заметила несколько желтых такси с ромбиком на крыше. Выбор сделала сразу, хотя денег сдерут, но жизнь дороже.

Едва не вырвала заднюю дверь такси и влетела внутрь, попутно врезавшись головой в крышу такси.

Держась за макушку и щурясь, уставилась на таксиста в кепке, а он на меня с газетой в руке и сигаретой в зубах.

— Куда? — коротко, но весьма удивленно озвучил он, видимо, наблюдал за моим полетом.

— Приам, — ответила, а сама разглядывала улицу и прохожих сквозь окно.

— Так мы здесь. — поведал мужчина.

— Отель Приам! — раздраженно пояснила, и тут же увидела, как из-за кустов на улицу вынырнули четыре странные личности.

Пригнув голову вниз, коленями сползла на пол в машине. Водитель еще более удивленно перегнулся через кресло и не понимающе смотрел.

— Вы можете быстрее? — не выдержала.

— Да, конечно, — равнодушно покивал головой таксист, наконец, отвернулся и обхватил большими руками руль.

Когда такси скрылось с оживленной улицы, оставив позади четверых странных мужчин, тогда же я вздохнула с облегчением и поднялась на сидение.

Насильники!? Только откуда насильники знали мою фамилию? Или мне послышалось? Слуховые галлюцинации?

Волосы намокли от снега на улице и в таком прелестном виде я вломилась в отель Приама. Работник на ресепшене потребовал рабочий пропуск, слава святой земле,

обнаружила его в куртке. Поправила мешавшиеся пряди волос, мысленно прокручивая собственный вид, должно быть красавица: джинсы намokли местами на попе, и кое-где на ногах.

Артем с Ромой должны быть в одной из саун, расположенных на нижних этажах. Путь до места развлечения отчетливо помнила, поэтому передвигалась быстро и крайне уверенно. Иногда в нетерпении переходила на бег.

Невольно заулыбалась. Еще немного... совсем чуть-чуть и увижу Артема. Живого и невредимого.

Последний коридор остался на пути...открыла дверь, ведущую в отдельные блоки-сауны. На стенах и полу — голубой кафель, небольшие светильники освещали коридор. Сквозь стеклянные стены виднелись сауны-комнаты, в каждой из которых по несколько бассейнов.

Сердце сладко защемило, всё тело покрылось приятной дрожью, пока рассматривала компании людей в саунах и пока не находила знакомых.

Увижу...увижу... вот сейчас увижу.

Ввалилась в третье помещение, увидев Романа — брата Эли. Да, помнила, как не красиво приходить без приглашения, но совесть заставила помолчать.

Полностью погрузилась во мрак помещения. Грохота стеклянной двери гости не расслышали из-за громкой рок-музыки, звучащей из динамиков.

Я в тени возле входа разглядывала три бассейна, окрашенные приятным голубым светом. Вода в них нежная прозрачно-бирюзовая, притягивала взгляд. И мой притянула, зацепила крючком и потянула на себя, как маленькую, глупую рыбку.

Шаг. Еще шаг. Я пока что в тени. Сделала последний шаг. А теперь мое лицо озарилось светом от ламп на потолке.

Справа за столом брат Эли с друзьями, а прямо по центру возле бортика — голая спина девушки, мужские руки поглаживали ее обнаженную кожу. Девушка, прижатая к бортику блаженно запрокинула голову назад, позволяя видеть свое лицо. Незнакомое мне лицо, но это не столь важно.

Важно, что ее шею целовали знакомые губы.

Ты не видишь меня, Артем?

Словно услышав, тот отсоединил ядовитые, предательские губы от девушки, но по-прежнему держал руки на ее бедрах.

Озноб сотряс мое тело и заставил вздрогнуть от этого удара по всем окончаниям. Будто пелена проплыла перед глазами: изображение стало серое, (вода прежде была бирюзовая) и люди теперь потеряли цвета.

А в ладонях стало непередаваемо тепло. Подняла руки поближе к лицу, разглядывая, как первый раз в жизни.

Всё серое, а руки кроваво-огненные. Огонь целовал: жег пальцы и ладони.

Какое странное, но приятное ощущение. Огонь ласкал и успокаивал.

Артем смотрел на меня, как на не реальную.

Он не желал меня видеть, да? Не рад моему появлению? Я помеха для него...и его девушки?

Это всё из-за нее...

Горящие руки опустила вниз по джинсам, внимательно изучаю девушку.

Это из-за нее Артем не хотел моего прихода.

Сожгу! Сожгу ее хорошенькое личико!

Медленно сделала шаг, кроссовок скрипнул по скользкому от воды полу, отдаваясь эхом в теле. Удары в груди ускорились. Я же отдала свое сердце Артему тогда, на острове. Что же болело в груди сейчас?

— Дианка! — весело начал Рома, вылезая из-за стола. — Какими судьбами? Ты это... чего это с ума сходишь? Сейчас кто-нибудь пройдет из официантов и нам хана. Ну же, Дианочка... Вообще удивлен — праведный огонь! — хмыкнул Клейменный. — Я думал у тебя будет живительная вода, ну там напоить всех жаждущих. Или на худой конец солнечный свет всех обнимешь и согреешь. А тут...праведный огонь...я бы руку отдал за такую силу. За что столь великие почести от предков?

И он заржал, а потом осекся и отошел нервно назад, когда я руку направила в его сторону, едва не прикасаясь к нему огнем.

— Я и тебя сейчас сожгу, приколист! — поведала Роме, бассейну и всем присутствующим.

Артем отпустил девушку из объятий и спрятал за широкой спиной.

Подожгу ее милое личико, изуродую ее тело, к которому он прикасался сейчас. Обнимал, защищал от меня.

ОН. ЕЁ. От МЕНЯ!

Я вновь взглянула на девушку, на ее лицо, выглядывающее из-за мужского плеча.

Чтобы увидеть соперницу воочию, встретить ее взгляд. Девушка немного старше, кудрявые волосы, маленькая по росту, видно с прекрасными формами. Расширенные зрачки и непонимание происходящего напомнило схожую ситуацию. Страх чувствовался в ее глазах даже с такого расстояния, его запах, вкус, как спелой ягоды, настолько же вкусный.

Серая пленка перед глазами стала медленно рассеиваться, вода в бассейне вновь оказалась бирюзовой, а звуки рок-музыки сильно закричали в ушах.

А глаза у девушки карие и испуганные, как у затравленного, слабого зверька перед хищником. И этот хищник — я?

Я стояла в такой же ситуации под ударами Роз, принимая пощечины только за то, что посмела по их мнению полюбить человека, которого любили они.

Воспоминание заставило опустить руки вниз по бедрам.

А девушка виновата в том, что полюбила того же человека, которого и я?

— Диан! — позвал Рома среди абсолютного молчания от остальных лиц.

В ответ на зов я лишь молча развернулась, избегая смотреть вновь на картину в бассейне. Не спеша направилась прочь по плитке пола, опасаясь поскользнуться на брызгах от воды.

Пошла по коридору, которому недавно радостно бежала в предвкушении встречи с Артемом. Теперь не спешила, спрятав нос в вороте куртки, а похолодевшие пальцы — в карманах джинсов.

Как же холодно.

Шла по коридору подозрительно долго, но поскольку мало смотрела, куда иду, то видимо пропустила поворот, из-за этого вышла из отеля не очень быстро. Спустилась по красивым, широким ступеням, глядя вниз на лед, и не реагировала. Пусто, холодно и безразлично.

От отеля вела широкая аллея, по которой направилась, слушая хруст льда под кроссовками. Это хотя бы отвлекало от звенящей пустоты в голове.

— Диаааан! — голос узнала сразу, вздрогнула от слишком громко произнесенного имени.

Скорость прибавила, жутко не хотелось видеть владельца голоса.

Шаги по льду тоже слышала, и они приближались. Вот зачем, зачем?

— Стоять! — с этим приказом Артем схватил за локоть, намертво вцепившись твердыми пальцами. Я шикнула от боли, не ожидая подобного напора, зло развернулась с раздраженным взглядом. Артем руки выставил ладонями вперед и четко произнес:

— Тихо, Диана, успокойся и выслушай меня!

Он говорил хрипло, дышал тяжело, изо рта валил густой пар, а волосы, судя по завиткам на голове, мокрые. Джинсы на бедрах местами сырые и в завершении на нем голубые сланцы на голых ногах.

Стало до слез внезапно холодно и больно. Руки скрестила под грудью, словно этим жестом не давала себе заплакать, сдерживала эмоции внутри.

— Что надо? — спросила у мужской куртки. Артему в глаза больше не смотрела.

— Я... эээ... того...

— Я поняла, что ты того... — перебила и развернулась вновь с огромным желанием убраться отсюда. Моргала не переставая.

Молилась, чтобы дал уйти, наконец. Зачем оставаться? Для кого? Кому здесь нужна?

Опять шикнула от боли, когда руку сдавило, наверное, синяки останутся на коже.

— Да мне больно! — повысила голос. Вырвала плененную руку и с разворота ею же попыталась ударить, прямо Клейменному в глаз, желательно, чтобы тот сразу оплыл. Артем стал бы страшным и не красивым, и я бы навечно забыла о нем.

С удивлением промахнулась, друг успел убрать лицо с линии удара.

— Я знаю каждый твой следующий удар! — выдал четко в лицо.

Я с раздражением вновь занесла боевую руку для удара. Артем опять убрал лицо влево. Как? Как? Он с такой легкостью спасался от моих ударов? Я всегда выигрывала на острове. Да чтоб тебя!

С ноги будет больней!

Я так и сделала, корпус развернула и с ноги очень хотела попасть ему в солнечное сплетение, чтобы Клейменный завалился на лед. И чтобы ему тоже стало очень и очень больно.

— Я и завершающий твой удар знаю! — услышала, а мою стопу в кроссовке перехватили и дернули и...и...таким образом я потонула в снегу.

— Охладись! — часто и громко дыша тихо произнес Артем всего одно слово.

Ногам и бедрам сразу стало морозно.

Ладони потонули в колючем, ледяном снегу. Вытащила их из снежного плена, ощущая, как капельки воды скатились по разгоряченной коже.

Пришло вдруг осознание, с какой легкостью Артем меня поборол, а на острове я всегда выигрывала. Значит ли, что он всегда поддавался?

— Охладилась! — ответила, спрятав взгляд на мокрых ладонях.

С трудом встала. Артем галантно подал руку, но я проигнорировала, молча поднялась сама. Отряхнула со штанов белые хлопья снега. Почувствовала, как с ног до головы покрылась мурашками, от того, как сильно ветер подул на лицо, шею и руки.

— Ты прав... извини, что пришла без приглашения, — улыбнулась я.

Воспроизвела в памяти как себя вела: должно быть ужасно смотрелась с горячей рукой;

подставила знакомых Клейменных и девушку испугала.

Я вновь криво попыталась улыбнуться, но почему-то на глазах защипали чертовы слезы. Только не хватало разрыдаться. Спрятала взгляд на сугробах возле аллеи, потом на парадном входе.

Снег мягко ложился на волосы и лицо, и сразу таял на теплой коже. И в уголках глаз также тепло-тепло от не прошенных слез.

— Извини, испортила День Рождения. — после очень долгого молчания, наконец, сказала. — Извини испугала Твою девушку. Извини. Хотела Тебя увидеть.

Видела, как в любимых глазах, плескалось отражение луны. Какие же они красивые его глаза: серые как у хищника или зверя, они всегда таинственно сверкали в темное время суток на острове.

Я бы сейчас с удовольствием продолжила смотреть на них, но вместо этого пришлось обогнуть Артема и пойти ровно по тропинке, руки спрятав в карманах джинсов.

— Дианаан! — услышала зов Артема. — Диан, подожди.

Шла, невзирая на зов, согревая нос в вороте куртки, и не собиралась останавливаться потому что дурацкие слезы капали и капали на губы, и на одежду.

— Диан, остановись! Дай сказать! — расслышала сзади.

Всё хватит...больше не могу. Прибавила шаг, потому что знала, если буду слушать эти извинения или просто голос любимого, безумно захочу остановиться. Буду задыхаться от этого желания.

— Как, скажи? Как я мог ЭТО тебе рассказать!?! — еще громче спросил он в спину.

А я смахнула эти глупые наворачивающиеся слезы, жестко сжала челюсть. Больше не поверю. Хватит... на что надеяться, если «мы» заведомо обречены, как пара?

— Артем, не ходи за мной! — приказала не оборачиваясь.

Артем развернул за руку и поддержал, чтобы не упала от резкого кручения меня вокруг оси.

Схватил за локти, приближая мое тело к себе и начал трясти. При этом злобно шипел, грозно-грозно, как будто хотел не объяснить, а по крайней мере разодрать на жалкие лоскуты. Я удивилась от резкого выпада, гнева и выкрика. Артем никогда прежде не кричал на меня.

— Я с ней сплю, ясно!?! — спросил в упор.

Я задохнулась от этих слов. Он же просто озвучил то, что и так было ясно, но показалось, что именно сейчас с ноги ударил в грудь, выбил это жалкое дыхание.

— Яснее некуда! — теперь забыла о слезах и четко проговорила ему в лицо без сожаления и страха. — Вот и иди дальше с ней спи, а я пойду домой или еще с кем-то спать!

Попыталась вырваться из его рук на предплечьях, которые слишком больно сдавливали кожу.

Какие же упертые эти мужчины.

— Отпусти! — ладонью надавила Артему на грудь, желая, чтобы он исчез отсюда или хотя бы отошел подальше. От попыток высвободиться я вскоре устала, поэтому перестала сопротивляться, просто дышала и дышала, прогоняя напряжение из легких. Артем все ближе подтягивал к себе, вынуждал шагнуть к его телу. Прикоснуться друг к другу.

— А теперь слушай и молчи... и не поджимай губы так недовольно. Как я могу тебе таким показаться? У меня нет нихрена. Ни денег, ни жилья, я гребаный альфонс, который девчонку трахает за жилье? Приятно это слышать!?! — спросил Артем еле слышно, но в тоже

время довольно четко. — Или хотела сходить со мной свидание, а в ответ услышать: «Прости, дорогая, свидание окончено, мне надо идти трахать другую!?!». Я в полной заднице...

Артем внезапно отпустил и сам отодвинулся, будто ставя между нами барьер. Потрогал кудряшки на голове, как бы проверяя мокрые они до сих пор или нет.

— Как только твой папашка выкинул без денег, без жилья, без места обучения, с тех пор я в полной заднице... Я не виню тебя, но твой папаша...

— Что папа сделал? — удивленно вырвалось, а Артем, наконец, перестал смотреть в снег и заниматься монологом.

— Выкинул. И не разрешает приходить на остров...

— А я думала, ты не хотел... меня видеть? Поэтому не появлялся.

Без лишних слов Артем приблизился, обнял мое лицо, пальцем погладил щеку где-то рядом с губами.

— Глупости... — отмахнулся от моего предположения.

А теперь стало невероятно тепло рядом с Артемом. Воздух с ним горячий, накален особыми зарядами, от которых постоянно пробирало, покалывало кожу. Мужское дыхание чувствовалось на лице. А я смотрела на эти губы, которые приоткрывались и что-то произносили. Как сквозь вату в ушах слышала:

— Ты должна пойти со мной в номер. У нас здесь номера в Приаме заказаны...

— Не пойду! — очнулась, резко сделала шаг назад, руки пряча за спину. Хотя должна была понять, такие трюки не срабатывали. Гектор в тот раз перевернул кверху ногами, решая подобную проблему.

Что это я Гектора вспомнила? Брысь...брысь, жалкий человечиска.

Артем расстегнул молнию на куртке и распахнул ее полы, демонстрируя голое тело и полностью... обнаженный... торс. Я изучила кажется каждый черный волос на его теле: в особенности рядом с пупком; на дорожке, уходящей стрелой вниз под джинсы; в завершении на подтянутой груди.

Артем взял мою руку и подтянул мое более не сопротивляющееся тело поближе. Взял за ладонь, прислоняя к голой груди.

Как замороженная, смотрела на свою руку и на темные, жестковатые волоски на мужской груди. Мое собственное тело покрылось не прощенной, горячей волной, несмотря на мороз.

— Видишь, какой ледяной? — спросил Артем, свою руку не отнимал, словно сдерживал, боялся, что сбегу. Направил мою ладонь вниз по центру, по дорожке между ребрами, а я, словно заколдованная неизвестными чарами, указательным пальцем вела по этой линии, чувствуя Не холод. Нет. Артем очень горячий по сравнению с ледяными пальцами. От прикосновений Артем напрягся, его тело реагировало на мою близость.

— Я рискую получить воспаление легких, — голос Артема звучал еще тише будто боялся убегу от громкого звука, а его рука покинула мою, позволяя той властвовать в одиночку. Я пальцем повела ниже...ниже...в ямочку пупка и ниже по жестковатой дорожке. Медленно, словно загипнотизированная мужской красотой или сама гипнотизируя Артема. Кто-то из нас явно обладал сверхъестественной силой. А, точно...мы оба Клейменные.

Какой бред...

Заулыбалась сама себе, пока палец не остановила на пуговице мужских джинсов. А ниже отлично видно размер, да и очертания мужского достоинства. Ему не тесно?

— Меня надо срочно согреть! — услышала. — а тебя надо разде... в смысле, переодеть.

Ты очень мокрая...в смысле...да, мокрая...

А я и не спорила... я же была в снегу...купалась в нем.

Артем взял за ладонь и повел в обратном направлении отеля, а я не сопротивлялась.

POV Гектор

Помпезный ресторан Приама славился дорогой выпивкой и экзотическим меню для изысканных гостей. Я напротив предпочитал обычное мясо: к примеру, хорошо прожаренный кусок говядины. Из напитков — водку или коньяк, в обычное время употреблял пиво. А еще курил, но в этом дерьмовом пафосном ресторане нельзя курить, у прекрасных женщин морщились носы от этого запаха. Бесили эти невинные цветочки и манеры прекрасных барышень. Какие же они слабые...

Эти барышни...ни пива с ними не попьешь, ни в футбол не поиграешь, тупые до невозможности, с ними только о шмотках можно поговорить, ужасы не посмотришь, сиди и смотри дешевые сопли о слезливой любви. Когда я поверю в любовь, наш мир обязательно взорвется, рухнет по кирпичику и никогда прежним больше не станет. Гомосексом быть... если будет не так.

Слева от меня сидела прекрасная Ольга — не спорю хорошенькая женщина, в черном обтягивающем все причинные места платье, из выреза аккуратно выглядывала большая грудь. Я бы сказал охренительная. Подол платья приоткрывал черные чулки.

Явственное приглашение на десерт сегодня ночью.

Я же оделся привычно белая футболка и джинсы с цепью. Ох, сколько пренебрежительных взглядов было, пока рассаживались за стол на четыре персоны в середине зала.

Белая скатерть, белые стулья, обитые роскошной тканью, огромные позолоченные люстры с десятками свечей. Порой посматривал на эти люстры в старинном стиле и побаивался, что рухнут, потому что висели они опасно на какой-то железной проволоке.

Четверть века сегодня исполнилось моей Ольге, напротив нас за столом Ольгердович и его запечатанная половинка. Если Ольга будет такой же в будущем, как ее маман, в рот я имел связываться с их семейкой.

— Простите, Гектор, но можно вас называть по имени, мы вроде не столь далекие люди друг для друга? — поинтересовалась мать Ольги — Лариса Карловна. Но мне предоставили честь называть ее просто Лариса.

— Я — Гектор и никак иначе. Только моя семья называла меня по имени, — ответил спокойно, прилично. В обществе приходилось соблюдать этикет, от которого подташнивало. И хотя Лариса раздражала слащавой улыбочкой, подхалимскими замечаниями и красными губами на пол лица, и округлым лицом, и химией на голове — да много чего еще раздражало в ее облике — но покорно молчал. Типичная, тупая баба!

— Отчего вы хмуритесь? — спросила она опять, нацепив подхалимскую улыбку. Я решил пока выпить налитое в высокий бокал шампанское, пока слушал ее обращение к себе. Пузырьки напитка щекотливо пробрались внутрь горла. — Может мы скоро породнимся?

Пузырьки застряли в горле, я от неожиданного замечания некультурно выплюнул их обратно в бокал. Сморщился от одной противной мысли и зло развернулся к Ольге. Та скромно поправила темные уложенные волосы за ухо, смотря на тарелку с экзотическими улитками перед собой.

С какого хера-то интересно мы породнимся? Этот вопрос не задал, но он явно читался для всех на моем перекошенном от пренебрежения лице.

Что Ольга наплела матери? Я защитник сироток и убогих? С чего я должен на шею вешать очередную мадам? А может гарем соорудить? Ну их на хрен.

Бокал громко поставил на стол.

— Официант! — громко позвал. Люди на соседних столиках аккуратно поворачивали головы на мой громкий зов. Конечно, в ресторане веяло спокойной атмосферой и тишиной. Как же — элита... Я бы вас по одному к стеночке подвесил в Темном доме и плеткой расхерачил вместе с Клейменными, ворье и жулье. Повсюду пафосные Розы в коротких юбках с престарелыми мужиками, зато в белых и — сейчас пошел писк моды — в голубых шубках. Из какого-то нереального красивого искусственно выведенного зверя. Ольга потребовала на День Рождения голубую шубу. Зарплату на нее вбухал. Пока не наскучит, будет отрабатывать минеты за подарок.

На мой зов подошла официантка.

— Водки! — грубо приказал я. — Литр...нет, два...будем отмечать четверть века моей будущей запечатанной. Да, мама? — выразительно посмотрел на Ларису. Та недовольно поджала губы, смотря на Ольгердовича в поисках видимо поддержки.

— Давайте водки выпьем, — пожал равнодушно плечами Ольгердович. Амебный. Он — амебный, поэтому выдерживал своих женщин. — Гектор, как дела в округе? — начальник решил сменить тему разговора, пока официантка ушла выполнять заказ.

Я немного спустил тормоза, а то реально плюнуть уже хотел на это сборище пафосных рож.

Работа — это то, что мы с Ольгердовичем могли обсуждать вечно, без перерывов. Толковый мужик, не повезло только с половинкой.

Проблема, которая донимала не одно поколение Карателей, звучала примерно так: «Как найти вход в мир Клейменных?».

Как? Стоял извечный вопрос. Пытки не помогали, твари само уничтожались. Нам нужно хоть раз найти Клейменного и повесить на него жучок, это единственная возможность отследить вход в их мир.

— Пойду покурю на улицу! — озвучил когда, наконец, с Ольгердовичем перестали обсуждать работу, а женщины зевали и в полном молчании попивали свое шампанское.

Встал и направился между столиками, цепь звенела на бедре, чем привлекала общественное внимание. Еще бы, гости исключительно в дорогих костюмах и модельных платьях.

— Ой! — произнесла девушка, врезавшись в меня с подносом, я аккуратно подставил ладонь, помогая сохранить равновесие блюдам на подносе.

— Осторожно, — заметил, разглядывая совсем низенькую официантку-брюнетку. Отметил голубые глаза. Где-то видел ее...

— Спасибо, — слегка заикнувшись, заметила та и опустила взгляд на поднос. — Я вас не испачкала? А мы с вами встречались уже... — девушка поборолась и взглянула на меня более решительно.

Сходу понял, что в ее вкусе: по прерывистому дыханию, по нервно бьющейся жиле на шее, по бегающему взгляду, по томному, неуверенному голосу.

Девушки... ну что может во мне нравиться?

Вдохнул воздух с намеком, как это скучно. Тупая фраза для знакомства.

А сам направился дальше к выходу покурить на улицу, но возле выхода из ресторана развернулся.

Вспомнил. Это была подруга Абрамовой, с отличными сиськами.

Абрамова...тебе нужно пару десятков сантиметров от ног отпилить, чтобы высоко не прыгала.

Через забор махнуть, мои нелюди из университета несколько минут пытались также ловко перепрыгнуть, в результате потеряли девчонку.

Господи!

Воздел руки к потолку, когда проходил ресепшен. Я опять бога вспомнил.

Абрамова реально бесила, какая-то катастрофа с хорошенькими ножками и симпатичной моськой. Спаси от нее или я ее покараю! Она сделала меня три раза: переиграла Роз, обманула с телефоном, сделав вид, что набрала номер, и сбежала от моих подчиненных.

POV Диана

Артем вел за руку по ступеням в отель, из которого убежала расстроенная. А сейчас далеко не расстроенная, а скорее нервная и предвкушающая. Артем держал за руку крепко, а я смотрела ему на спину. Наш вид вызывал недоумения у встречавшихся по пути прекрасных женщин в красивых платьях.

Слева от ресепшена располагался самый крутой ресторан Приама, а мы прошли прямо по золотистому коридору, утопая в красивом свете. Правда сами таковыми не являлись: мокрые, растрепанные, я покрасневшая, а Артем в сланцах.

Прошли к лифту, ведущему в номера. Там я стояла скромно рядом с Артемом и смотрела на стену — куда угодно, только не на парня рядом с собой.

Зачем в номер? Один на один? Ладони вспотели от нервной мысли. Совершенно одни, предоставленные сами себе, там за нами никто не следил, как на острове.

Что будем делать!? Согреваться???

В полном молчании зашли в один из номеров. Артем вел за руку в номер по мягкому на вид пушистому ковру, предварительно включив свет в помещениях.

— Пойдем согреваться в ванной? — спросил напрямую Артем, при этом по-прежнему держал за ладонь и направлял в ванную комнату.

— После. — Ответила, мягко высвободив руку, и улыбнулась, чтобы не обидеть. Артем недоумевающе или недовольно повел бровью вверх, но послушно направился в ванную комнату один.

А у меня было время привести мысли в порядок.

Пока слушала льющуюся из душа воду, бегло осмотрела спальную комнату. Мило, ничего не скажешь. На всякий случай изучила тумбочку рядом с кроватью, желая понять, были девчачьи вещи или нет. А если Артем собирался здесь заночевать со своей девушкой? Я тотчас собралась бы и, невзирая на сырые штаны, отправилась домой. Оставалось дожидаться Артема.

Может успел поспать со своей девушкой на этой двуспальной кровати с черным покрывалом?

Артем вышел из душа довольно быстро, на себе оставил одни серые шорты. А улыбка-то какая яркая сверкала на лице, довольная, предвкушающая. Его явно что-то радовало, а меня пока нет.

— Следующий! — произнес насмешливо Артем и поклонился, рукой указал на дверь, из которой валил небольшой пар. На похожую улыбку я и влюбилась на острове, когда он вешал

лапшу на уши нашей учительнице.

— Я не буду подсматривать...навверное...а защелки тут нет, — сказал Артем, насмешливо распахнув дверь до упора, чтобы могла удостовериться в его словах.

Уж не хочет ли сказать, что это номер для влюбленных?

— Это твой номер с девушкой? — напрямую задала вопрос.

— Нет. Это Ромкин, — отмахнулся спокойно. — Он один собирался заночевать, ну или с кем-то из верных девочек.

Артем с размаху плюхнулся спиной по центру кровати, отчего та под его весом смялась. Он же, расслабленно закинув одну руку за голову, и, скрестив ноги, взял пульт с тумбочки и начал щелкать каналы.

Я опять задала каверзный вопрос:

— А откуда у тебя ключ от Ромкиного номера, я не видела, чтобы мы по дороге заходили к Роме и брали у него ключ? Получается, прежде чем бежать за мной, ты ухитрился взять у него ключ, надеясь привести меня сюда, даже не зная, прощу я тебя или нет?

Я выразительно поглядела на Артема, а тот, оторвав взгляд от телевизора на стене, внезапно перестал щелкать пальцем по пульта. На меня странно взглянул, боясь, что превращусь в дымку и улечусь в окно.

— Мужчины! — недовольно цыкнула над его самоуверенностью. — Дай хоть одежду. Во что переодеваться? Или лучше сразу голышом? — со смешком закончила мысль.

— Во! — Артем показал большой палец левой руки кверху. — Ты читаешь мои мысли!

— Давай одежду, шутник! — невольно засмеялась над его ребяческим поведением — Никогда не думала, что ты такой. Ты всегда серьезный со мной. Со всеми обаяшка, а со мной, как камень.

— Шутишь, надо мной половина острова подшучивала, как я пускал слюни на тебя!

Тем не менее Артем встал и пошел к шкафу, стоящему здесь же в комнате, распахнул резные дверцы. На полочке покопался в одежде и достал, конечно же, белую мужскую футболку. Он оказался не оригинален. Футболка короткая и белая, почти просвечивалась.

В ванной я повесила джинсы на сушилку, сама приняла теплый душ, не желая заболеть после холодного вечера и купания в снегу.

Футболка оказалась приличной длины и прекрасно закрывала все стратегически важные места до середины бедра, одни ноги оставались голыми.

После душа аккуратно присела на кровать. Артем, заметив татуировку, поинтересовался зачем испортила руку. Не рассказывать же, что после того, как отец в тот день прогнал его, пришлось расхлебывать свою же развращенность? Поэтому отделалась простой фразой, что поранила руку. И над волосами Артем долго вздыхал, ведь они ему очень нравились. Я из-за него не подстригалась.

Затем прилегла сбоку от Артема, уткнувшись носом ему в грудь, дыша знакомым запахом. Блаженно прикрыла глаза пока он весело рассказывал, как бегал от Карателей. Хотя по сути грустная история о грани между жизнью и смертью.

Прижималась к Артему и наслаждалась ярким моментом. Ощущение будто снова на острове, запах родного дома.

Всегда реагировала на запахи, я жуткая брюзга. Мне даже стоять иногда тошно рядом с неизвестными людьми, а с Артемом приятно. Я не против, когда его руки оставляли запах на мне. И сейчас пока с закрытыми глазами лежала на Артеме его пальцы выводили дорожки-прикосновения по правому бедру, едва-едва ощутимо, как легкое перышко ласкали и

щекотали. Мужские ладони приблизились к ткани футболки и пока что не смущали, не нагтели, а потом начали поднимать материал выше и выше вплоть до нижнего белья.

Мдддаа...белье надо в следующий раз поинтереснее покупать, а это обычное, спортивное.

Артем подтянул меня к себе повыше, рукой обхватил за бедра покрепче, по увереннее.

— У меня предложение!

При этом глаза Артема сверкнули чем-то неизвестным, какой-то мыслью. Вот явно что-то задумал, как голодный зверь, облизывающийся на добычу в лице меня. Я настороженно кивнула.

— Давай...до конца решим наши вопросы? И сделаем тебя, — пальцем Артем указал мне на грудь, а затем на себя. — Моей!

Потом перекинул через себя и повалил на спину, заставляя вжаться в кровать лопатками. Мужское тело весом придавило, не давая пошевелиться.

— Совсем сделать «своей»? — пискнула еле-еле слышно, но так раздражающе испуганно. Совсем не похоже на мой обычный голос.

Холодный пот прошиб спину от этой мысли. Это все равно что сейчас к шее подставить тонкое лезвие ножа и приказать дальше жить с этим. Не так голову повернешь и ненароком зарежешь сама себя. Не знаю, почему были подобные, странные ассоциации.

Артем засмеялся, локоть поставил на матрас и поддержал ладонью голову. Я же валялась пластом, рассматривая то мужчину, то белый потолок.

— А можно сделать не совсем «своей»? — задал Клейменный логичный вопрос.

Смею предположить Артем размышлял о моем умственном развитии — большей глупости спросить нельзя было.

Рука Артема, словно приняла решение, начала едва заметными прикосновениями поглаживать мои бедра.

Сам встал на колени, с двух сторон обхватил мою футболку и начал вытягивать ее вверх. Заставил приподнять бедра... грудь, пока снимал мешающую ткань. Потом просунул руки мне под спину, с щелчком расправляясь с лифчиком. Снял лишнее белье, кинул нервным жестом на пол, следом трусики улетели.

Артем с любопытством разглядывал, что подали на праздничный стол. Во всяком случае, омерзения не заметила в ходе осмотра, но не знала, понравилась ему полностью обнаженной или нет. С моими глазами Клейменный решил больше не общаться, предпочел заняться грудью, облизать ее вокруг соска. При этом намеренно медленно, чтобы видела и чувствовала ласку. Потом, опять же позволяя наблюдать свои губы и язык, взял в рот сосок и засосал глубоко внутрь.

Я сильно выгнулась от этой острой, простреливающей ласки и издала небольшой удовлетворенный выдох.

— Артем... — позвала, от удовольствия прикрывая глаза, наслаждаясь неведомой раннее лаской, и небольшими разрядами возбуждения по телу.

Особенно сильно было больно между ног. Не знала, что острее — боль или извращенное удовольствие от этой сладкой боли. Стопы поставила на кровать, а колени невольно свела между собой, на что Артем отреагировал — одной рукой развел ноги.

Любовник ладонью накрыл теплое, жаждущее местечко между ногами, словно согревая, пальцами провел — приласкал по трепетным складкам, перетирая, иногда надавливая. В ответ подала бедра навстречу ласке, понимая, что очень не против горячего продолжения,

но...

— Артем! — позвала, пока не совсем растеряла мозг, и он не расплавился от огнеопасной атмосферы.

Грудь любовник отпустил, внимательно посмотрел на меня или скорее на губы. Я продолжила, когда получила внимание к своим словам:

— Я не против секса, совсем, но давай с предохранением. Ты под алкоголем, мы не живем вместе. Я учу... — Артем закрыл рот языком, врываясь внутрь моего рта, а пальцы между ногами принялись водить, играть со мной по нежной плоти, явно призывая окончательно отключить мозг. Я с трудом отвернула голову от воспламеняющих губ.

— Артем, ну серьезно... мы в разных местах живем, как мне потом жить? Ты не работаешь, я копейки зарабатываю, давай чуть-чуть позже?

Артем взял за шею, заставил повернуть голову в обратное положение, и спросил чуть поцеловав, как бы успокаивающе:

— Ты мне не доверяешь? — задал вопрос.

— Почему не доверяю? Доверяю. Но рано это и глупо пока.

— Всё будет хорошо, — напоследок пообещал и перебрался в низ моего тела. Взял за ноги, мягко развел и всё...

Дальше не пожелала смотреть, как он устроился между ногами.

Я немного напряглась от упертости Артема, прикрыла глаза ладонью, почувствовав, как язык провел влажную дорожку между ног, медленно с чувством и явным любованием. На влажной плоти ощущала горячее дыхание, но молчала.

Вздрогнула, но теперь не от удовольствия. Напрягало желание Артема сотворить неизвестно что. Нервировала и мягко говоря раздражала его настойчивость. Ему-то нормально, а мне как жить дальше запечатанной? Избегать мужчин и их внимания, закрыться дома за семью замками и одеваться строго, как служительница Бога?

А потом вздрогнула от внезапного осознания. Там, где была рука Артема, обнимавшая за шею, у меня имелся огромный, фиолетовый засос. И когда мылась, тональный крем должен был слезть. О, нет!

Если Артем узнает... как объяснить?

Я уставилась невидящим взглядом на потолок, рукой прихлопнула шею. Глупый Гектор! И пока меня умело вылизывали между ногами, я размышляла, какой противный Гектор! Потом губы Артема целовали живот, но вместо ожидаемого удовольствия ощущала лишь щекотку, от этого и вздрагивала на каждый поцелуй.

Этот «неадекватный» специально метку поставил, чтобы никто не подошел. Какой идиот подойдет к девушке, у которой засос на теле, да это хуже запечатывания говорило, что у нее кто-то есть.

Пронырливый, хитрый поганец! Он же этой меткой буквально написал: «Отвалите, уроды! Моё!»

Ненавижу, ненавижу! Как объясню Артему?

А еще хуже, что пока меня возбуждали, я подобно бревну лежала в мыслях о Гекторе и его засосе на теле.

Надо было срочно расслабляться или я рисковала опростоволоситься.

Внезапно услышала странный громкий звук, грохот? Или стук?

— Артем... Артем... — не знаю откуда со взявшимся облегчением тихонько позвала любимого. — Там... Там стучат! — затараторила, желая отвлечь Артем от целования меня в

живот и на уровне бикини. — Так кто-то очень сильно стучит! — сказала громко, при этом оперлась на локти и показала пальцем в сторону двери.

Артем недовольно фыркнул, как кот, которого пнули, но послушно встал.

— Я этого суицидника сейчас в окно выкину! — раздраженно направился к двери и коридору.

А я спокойно выдохнула, будто только что избежала смерти. Опустила лопатки на кровать, а пальцами начала расчесывать волосы, пытаюсь привести мысли в порядок.

Если не расслаблюсь, мой первый секс закончится полным провалом.

И это все благодаря тупому Гектору!

POV Гектор

В одной футболке вышел на улицу, ощутив легкий морозец на коже. Хорошо взбодрился, закурил, оглядывая пространство, заснеженную аллею и пушистый снег, падающий на дорогу. Редкие прохожие встречались перед входом, а я смотрел мимо — вверх на луну, ярко сияющую в ночи. Скука смертная и каждодневная, ощущение, что мне лет сто. Дом, центр Карателей, изредка университет и всё... всё. Никаких развлечений. Секс пару раз в неделю с Ольгой, ну и в университете Розы изредка помогали развлечься. Да... тяжела моя участь.

Я — пенсионер.

Приехали... я нажрался водки.

Локоть поставил на перила лестницы и курил, пока не почувствовал, что пальцы начало жечь. До фильтра скурил сигарету пока размышлял о своей незавидной участи.

— Эй, незнакомец! — позвал знакомый голос. Перед лестницей заметил Андрюху, одетого в элегантное черное пальто, с букетом красных роз в руке.

О! Понятно.

Я выдохнул огромный туман от сигареты в сторону луны и выбросил бычок, в стоящую рядом урну. Спустился (перепрыгнул) ступени и театрально закатил глаза к небу, а ладони соединил в замок на груди. Захлопал ресницами:

— Какая прелесть. Это мне? — по девчачьи-пискляво спросил. Вводить в шок Андрея доставляло невообразимое, ярчайшее удовольствие. А потом я сделал грозный, твердый голос. — Чувак, я же сказал: яйца ко мне не подкатывай. Всё равно не дам!

По ступеням спустилась взрослая семейная пара или любовники, на мое заявление оба повернулись. Женщина споткнулась на тонкой корочке льда, кавалер вовремя подхватил даму, не дал упасть носом о лестницу.

А я тихонько посмеивался, пока Андрей, вероятно, в мыслях желал мне побыстрее сдохнуть в сточной канаве или получить обморожение здесь и сейчас на улице. Чтобы язык навеки отнялся.

Ну кто догадается, что я зам начальника Карателей? Правильно, никто, ведь начальники должны быть манерными дяденьками с кучей бабла и до невозможности серьезными, что к ним на танке не подъедешь.

Тупые, наивные людишки.

Подошел с улыбкой к Андрею, пожал ему руку и по плечу хлопнул, чтобы взбодрился и пришел в себя.

— Твои тупые шуточки! Бесят! — буркнул недовольно Андрюха. — Я не Абрамова, нечего свои... как их... флюиды пускать.

— Не упоминай эту фамилию... — ткнул ему указательным пальцем в лоб, да с такой дури, что друг головой покачнулся назад. — Всеу!

На этом приняли решение больше не морозиться и пройти внутрь отеля. Слева от ресепшена — ресторан, Андрею надо было туда же. Семейство Ольгердовича располагалось по центру зала, а слева от барной стойки есть закуток-уголок, словно на пьедестале. Серые мягкие диваны очень низкие, в них плюхаешься с разбегу и приятно утопаешь. В этой части ресторана работали вытяжки и возможно насладиться по крайней мере кальяном.

Я решил составить компанию Андрею, нервничающему в ожидании приглашенной леди. А его леди — это моя сеструха Елена.

— Убей ее Игорька, — тихонечко на ушко шепнул предложение. — Иначе она тебе никогда не даст.

А тихонечко я сказал, потому что в данный момент нас обслуживала подруга Абрамовой, и я чувал ее пристальный взгляд хищницы. Хотя рассматривала ненавязчиво, но у меня имелся нюх на интерес со стороны девушек. По лицу сразу мог распознать, хочет тебя телка или нет.

Официантка как могла продлила время возле нашего столика, распрямилась гордо, демонстрируя грудь в белой рубашке с небольшим вырезом, темная коса перекинута через плечо, создавая облик невинной девочки:

— Вам что-то нужно еще? — заискивающе спросила, источая ауру невинности, а-ля я яркий цветочек, срежьте меня с веточки, буду улаживать ваш взгляд.

— Нет! — отмахнулся и повернулся к Андрею опять. — Я вообще удивлен, как она согласилась с тобой поужинать. Мы ей всю молодость испортили. Помнишь ее первое свидание: оделась в желтое платье, прическу соорудила, — показал себе на голову, изображая гнездо на волосах. — А мы ее из водных пистолетов обстреляли. Пиф-паф! Визжала она! — засмеялся над воспоминанием, в перерывах между словами медленно попивая принесенный коньяк.

Андрюха не оценил, промолчал на воспоминание. Мне-то было смешно издеваться над сестрой, а ему похоже теперь стыдно. Андрюха ей юбку однажды задрал при всем сборище в школе, бедняга — Ленка рыдала в туалете, засветившись перед всеми в нижнем белье. Я чуть легкие от смеха не выплюнул в тот день.

— Давно бы убрал ее Игорька и дело в шляпе. А пока что смахиваешь на преданного песика, бегаешь за хозяйкой...

Не ожидал от Андрея подобной реакции. Перебил, развернувшись ко мне, и явно показывая недовольство на лице, озвучил:

— Сам-то до хера крутой? А за Абрамовой на задних лапках бегаешь, выпрашивая у нее свиданку! — на его голос близстоящие столики повернулись, опять с любопытством поглядывая на нарушителей порядка. Конечно, в ресторане царила тишина и разговаривали в пол голоса, негоже эмоционально разговаривать в общественном месте. Хорошо хоть, пренебрежительно не шикнули.

— Это... не то сказанул, сгоряча вырвалось, — запоздало друг пошел на попятную.

А я устремил взгляд на черный коньяк в стопке на столе и почему-то очень пристально его изучал, как будто он самый интересный. Чернота...чернота...

Я как будто по горло залез в эту черноту и меня засасывало туда сильнее и сильнее. Я, как дурак, спокойно барахтался и не понимал, что с каждым движением-сопротивлением засасывало всё глубже. А теперь очнулся и понял, что застрял по шею, дойдет жидкость до носа и задохнусь в этой черноте.

— Гектор! Отвисай! — выкрикнул Андрей в ухо и толкнул в плечо рукой, а я даже не дал ему в нос за это. — Серьезно, расслабься. Я пошутил неудачно!

— Повтори-ка это слово! — приказал, не отводя взгляда от черноты перед собой. Как же я опрометчиво отпустил оборону, а соперник оказался невинно-опасным.

— Какое? — удивленно шепотом спросил Андрей. — Бегаешь?

— Точно! — подтвердил.

Я говорил, что в ресторане практически идеальная тишина, негоже говорить в полный голос. Но сейчас казалось, что гости резки обернулись в мою сторону и смеялись. Нет, чужой смех обычно оставлял равнодушным, похоже на назойливое жужжание насекомого. Единственное желание, возникающее при этом звуке — взять каждого неудачника за шкуру и перевернуть мордой в стол с деликатесами.

— Гектор! — позвал Андрей. — Когда ты замолкаешь, я боюсь за чью-то жизнь. Что ты задумал?

Я локти поставил на колени, скрестив ладони на носу лодочкой, и напряженно разглядывал назойливые точки людей в элегантных платьях и костюмах. И до тошноты было неприятно смотреть на них.

Телефон Андрюхи зазвонил, тогда же он, наконец, прекратил подталкивать в плечо и раздражать. А я перестал смотреть в эту массу скучных, тупых людей. А с каких пор, Абрамова получила честь называться не серая масса для меня? Она — серое, блеклое пятно и никак иначе. Обычная соплячка, коих миллион на планете, внешность тоже, таких еще тысячи на планете. Ходит, как замарашка, визгливая и в голове две извилины. Типичная тупая баба!

Не хочет, так хочет. Я не мелкий пацан вставать на колени и петь серенады у окошка, может еще ручки целовать?

— Отлично! — услышал часть разговора Андрюхи. Телефон он кинул на стол, тот с грохотом пролетел по темной поверхности дерева и едва не задел мой бокал с коньяком. Пока не лишился напитка, я взял его и махом осушил. — Ей не с кем Анжелку оставить, нянька не смогла прийти! Опять продинамила! Я знаю, она мстит за детство.

Ради свидания Андрей надел брюки и белую рубашку, но друг ненавидел официоз также, как и я. В этом костюме двадцать раз вспотеешь, проще в футболке. Андрюха взял стопку и опрокинул вслед за мной.

Сколько я сегодня алкоголя намешал, будет весело!

Все важные для себя вопросы я решил, поэтому вновь с улыбкой приобнял за плечо друга и прижал к своему боку:

— Набор джентльмена ждет нас сегодня! — заметил я, теперь уже веселый, а вот Андрей не очень. Повторил мою прежнюю позу: локти поставил на колени, а тело подал вперед, выдохнув воздух, и создав ртом забавный звук «брррр».

— Мне завтра на смену к восьми, — жалобно ответил Андрей.

— Не бойся начальник разрешает... Я тоже завтра в первую.

— Тебе больше заняться нечем, как на смены ходить? — друг взглянул ненароком из-под плеча.

— А то разжирею... — насмешливо выдал. — Ох, с похмелья я злой и, не дай бог, словлю хоть одного Клейменного.

Совместными думами определили сегодня такой набор джентльмена: убийственная доза коньяка, сигары, бильярд и парочка Роз на нем... каждому.

Надо было только семейку Ольгердовича покинуть и какую-нибудь тупость придумать, чтобы исчезнуть с глаз долой.

Я как будто вынырнул из черноты, энтузиазм распирает изнутри, свобода. Светло и ничто не мешало двигаться и делать, что хочу. Какие заморочки с бабами? Нужны они больно? Заставлять кого-то не намерен. Это бабы сражаются за мое внимание, а не наоборот.

POV Артем

Такой момент, и кто-то собирался его испортить и я знал, кто этот засранец! С огромнейшим желанием выкинуть Ромку в окно номера раскрыв дверь, находясь в одних шортах, только тапки успел надеть на ходу и замер.

Весь гнев мигом растворился при виде Дины: ее красных глаз, покрытых прозрачной пленкой слез; слипшихся ресниц; красных точек от раздражения на девичьих щеках.

Подруга пальцы между собой то сжимала, то разжимала, словно не знала, как успокоить нервы. Одна в ярко освещенном коридоре преданно ожидала моего выхода.

— Диин, — притянул подругу за шею, прижимая ее лицо к груди. Почувствовал, как ее голова подрагивала вновь от слез, кажется этим жестом сделал еще хуже. Подруга вжалась в меня всем телом в поисках успокоения.

— Я невероятно тебе благодарен, — начал говорить. Поглаживал ее макушку и в особенности кудрявые волосы, пытаюсь передать тепло и поддержку. — Я не хочу чтобы ты плакала. Не плачь, слышишь? — отсоединил ее голову от себя, чтобы посмотреть на Дину. Та приподняла лицо, покорно глядя карими глазами. Лицо ее перекосилось от рыданий, тело подрагивало от всхлипов.

Похоже сделал лишь хуже...

— Пожалуйста, прекрати плакать, так больнее, — попытался вновь успокоить, а она спрятала лицо на моей груди, орошая кожу слезами, обхватила в тиски на уровне талии и прижалась, как маленький ребенок, ища поддержки. — Я другую люблю и не могу с этим ничего поделать...

Я оставил попытки успокоить, когда осознал, что от моих слов она лишь сильнее плакала. Замолчал и гладил девичью макушку.

Когда она успела в меня влюбиться? Когда? И зачем? Мы просто спали и жили вместе, ничего не обещая друг другу. Ей было одиноко в человеческом мире, без родителей (не так давно умерли в автокатастрофе), и я — один, сломленный и выкинутый, как дворовая шавка. Но это всё не то... нам просто удобно вместе.

Стояли в такой позе несколько минут, пока Дина не успокоилась, по крайней мере тело ее перестало конвульсивно подрагивать от слез.

Дверь номера открылась, и мы оба расслабили объятия, увидев Диану, одетую в джинсы и водолазку. Она неловко осмотрела нас и больше всего заострила внимание на Дине. Та же вырвалась от меня, поспешно стерла слезы со щек, шмыгнула носом и попыталась взять себя в руки.

— Извините, что прервала, — сказала Диана, выходя в коридор с курткой в руке.

— Ты куда? — вырвалось у меня замечание-вопрос.

— Я пойду домой, уже поздно. Тетя будет волноваться, — ответила мне, но при этом поглядывала на Дину. — Простите, что напугала вас. Я чувствую ваш страх, но не бойтесь меня, я — не чудовище.

Дина настороженно следила за ней и не отвечала.

— Вам надо поговорить, я тут лишняя. — Диана строго отдала приказ видимо мне. Вышла из помещения, оставив дверь из номера приоткрытой.

А я, как замороженный смотрел, как она вновь покидала меня. Ее мягкая походка, чуть виляя бедрами, и гордая осанка неизменно привлекали внимание. Невольно вспомнилось девичье тело без одежды — нежные, плавные изгибы. Мои руки слишком мозолистые по

сравнению с шелковистой кожей.

— Ты, как сталкер! — услышал замечание.

Точно, мы были с Диной. Подруга видно успокоилась, потому что смотрела теперь увереннее, лицо хоть и было красное от слез, но глаза больше не стеклянные. — И давно у тебя ЭТО? — кивнула головой в сторону пустого коридора, где в последний раз мелькнула Диана.

— Половину жизни, — ответил, спиной оперся о стену. — Нам надо поговорить.

— Давай сделаем это дома? — попросила она мягко, на что я согласно кивнул. А потом Дина заговорила совсем другим тоном. — Присунул своей козе с длиннющими ногами? Не успели встретиться сразу ноги перед тобой раздвинула. Ты посмотри не идет, а пишет, словно с подиума спустилась! — пренебрежительно кивнула в сторону коридора. — Все вы мужики одинаковые!

— Дин, заткнись, а? — попросил, но та продолжала бубнить на ухо, в процессе переодевания и сбора вещей.

Вскоре вышли на первый этаж из лифта и направились по коридору. Несмотря на позднее время и будний день народ все равно приходил в главное развлекательное место Приама.

Шли в глухом молчании, каждый наедине со своими мыслями. Я не заметил людей. В последний момент машинально, чтобы избежать столкновения с человеком, попытался убрать плечо, но тот не удосужился подвинуться и в результате я врезался в его руку. Потер плечо, оборачиваясь, а виновник будто не заметил столкновения продолжал путь по коридору и общался с другом.

— Эй, ты? Плечи больно широкие? — нервно выкрикнул я в спины прошедшим гостям. Оба остановились: один резко развернулся, поглядев в мою сторону крайне озадаченно. Еще бы... кто-то сказал против. Ненавидел таких, думали, что мир принадлежал им. Трудно уважать существ, проживающих рядом?

Второй стоял пока спиной... руку он опустил вниз по шву, ненавязчивым движением отстегнул цепь, которая странно зазвенела, как-то предупреждающе. По-прежнему не поворачиваясь, мужик звякнул орудием перед собой, рассекая воздух сверху вниз, словно создавая предупреждающую мелодию. Резво развернулся, найдя меня, как цель. Две опасные точки глаз впелись, пригвоздив на месте. Злой взгляд. Бывает у людей злой взгляд, вот этот человек относился к таким представителям.

Я стоял, руки сжав в карманах джинсов, и наблюдал, как соперник сделал несколько быстрых шагов в моем направлении.

Взмах и не понял, как шею сзади сдавило цепью, давя вперед и заставляя мое лицо выпячиваться вперед. Мужик оказался повыше, явно постарше, наклонил голову ко мне, лбом прикоснулся к моему, с силой давя прямо в центр. Мне же приходилось сдерживать мощный напор головы. Его облик был какой-то резкий, агрессивно-звериный, движения порывистые, а глаза опасные, обещавшие мгновенную расправу.

— А ну-ка выйдем на улицу! — услышал шепот в лицо и почувствовал бешеное давление на шее цепью.

Не понял, как, но между нами просунулась Дина, руки поставила на мужика и оттолкнула его.

— Не трогайте его! — гневно выкрикнула подруга.

Дина в разы меньше его, но мужчина послушно от удара отошел назад, ослабив хватку

цепью на моей шее. При этом странно изучил новый объект перед собой, лицо его разгладилось, гневные морщины возле глаз исчезли. Мужик с любопытством несколько секунд рассматривал Дину, стоявшую передо мной и защищавшую своим телом.

Куда, дура, влезла?

Запоздало тихонечко за талию подтолкнул подругу себе за спину.

А мужик неожиданно ухмыльнулся, глядя на Дину, но ко мне обратился уже без улыбки:

— Зачетная девчонка, смотри не потеряй! А тебе сегодня повезло!

Посвистывая неизвестную мелодию, незнакомец покинул место встречи.

POV Диана

Как я соскучилась по острову, по солоноватому воздуху, который приятно вдыхать. Где всегда тепло и уютно. Помню, как сильный ветер завывал на вершущке острова, дуновением спасая от знойной жары. Яркие цветы, зелень — всё в округе зеленое. Ах, сколько летало бабочек на острове: и белые, и желтые, и черные, и есть опасно красные. Кровавые, если к ним прикоснешься, то ужалят, как медузы.

Бабочки имеют четыре жизненные стадии, похожий процесс становления личности происходил и у Клейменных.

Первой стадией был остров от рождения и до достижения восемнадцати лет.

Моя цель была — дожить до восемнадцати лет, научиться бороться и получить навыки, необходимые для существования в человеческом мире. Это цель, это смысл жизни каждого Клейменного. Жаль, я плохо училась на острове, лениво было, и потому половину информации пропустила. Всего несколько человек помогали жить в то время: Алина... Эля... Артем... и наверное отец, несмотря на то, что он скорее безмолвная статуя, оживающая раз в месяц. Говорил четко по делу, а в остальное время я была сама по себе.

Проживала в одиноком деревянном доме на острове, в темноте или при свете восковых свечей.

Теперь, в мире людей, тетя стала пятым важным человеком.

Второй этап жизненного цикла начался едва нас с девочками выбросило через пространственную дверь в лес рядом с Приамом.

Я была очень наивной впервые, когда попала в человеческий мир: думала обо всех и о людях в том числе, хоть они и являлись врагами. Оборачивалась, искала в каждом прохожем потенциального врага, боялась каждой прожитой минуты — что она станет последней в жизни. Пыталась поступать правильно и это сильно напрягало, выкручивало нервы. Чего-то боялась, хваталась за жизнь и боялась... боялась.

А после отеля наступила третья стадия взросления Клейменного, будто щелчок произошел, сбой в системе организма. Глаза открыла в человеческом мире. Смирение наступило... ну и пусть завтра будет последний день. Я перестала нервничать, оглядываться по сторонам в поисках Карателей.

Я научилась питаться страхом, крала их у встречавшихся прохожих, смахивала будто ладонью плохую эмоцию, и люди сразу начинали улыбаться после моих ненавязчивых манипуляций. И мне в радость.

Я наконец-то получила связь с силой, и была удивлена ее масштабу. Это стихийные силы, одна из четырех: огонь, вода, молния, ветер. Это сила убийц. Ими можно весь мир умертвить, если сильно разозлиться. Я не хочу никого убивать.

После дня Рождения первые дни старательно избегала Артема. Его поведение ввергло в шок. Какое запечатывание? Мне восемнадцать, мы — безработные, можно сказать, без денег, а если забеременею? Дети между братом и сестрой — это ... я даже не представляю, не хотелось бы больного ребенка. Нужны в любом случае деньги ухаживать за ребенком еще в утробе, смотреть, чтобы правильно формировался, а не больным. В основном в истории между Клейменным и Клейменным случались выкидыши. А у нас с Артемом ни денег, ни квартиры, Запечатывание — это совсем опрометчиво.

Всё внутри сопротивлялось запечатыванию, а я задавалась вопросом отчего так испуганно реагировала? Должна быть рада, Артем желал связать наши жизни. Я столько тянулась к нему и вдруг получила. И опять щелчок в голове. Получила, а что дальше делать с полученным мужчиной?

Я фригидна...точно... или лесбиянка. Мне не нравились мужчины, поэтому мой первый сексуальный опыт закончился полным провалом.

Университет исправно посещала. Раз надо, то надо. Боялась, что Гектор вновь пристанет со свиданием, но, к моему удивлению, мужчина больше не появлялся. Я с отчаянно бьющимся сердцем проходила фонтан возле университет, а в ответ благодатная тишина. Даже пыталась высмотреть мужчину, там ли он. Там, судя по веселому смеху. Он забыл обо мне?

Примерно через неделю после событий в отеле и моей дикой, необузданной ревности (с позором вспоминаю этот момент) шли мимо фонтана. На газоне обнаружили ораву людей. Нет, там и обычно бывала орава людей, но сейчас толпа стояла плотным кольцом вокруг чего-то. Приблизившись к студентам, через головы разглядела несколько мужчин.

— Эй, ушлепки, скука! — произнес какой-то мужчина из Низов, с ног до головы облаченный в черную одежду.

Четверо мужчин устроились внутри людского кольца, важно скрестив руки под грудью. Дубинка в руках одного покачивалась из стороны в сторону, иногда обводила незамысловатые фигуры в воздухе. Двое мужчин в центре: один лежал, а второй прыгал на нем, именно прыгал двумя ногами с разбегу на лицо.

А Гектор сидел на корточках в одной черной майке, с растрепанными, всклокоченными волосами, цепь то накручивал на кулак, то раскручивал, позволяя той падать на снег, а потом подниматься. Делал вид, что цепь — самое важное занятие на свете.

Наблюдающие люди хлопали, свистели, радуясь очередной бойне, кровавому зрелищу. Кто сильный, тот и прав, правда?

С энтузиазмом подбадривали, особенно человека, который приземлялся кроссовками на лицо лежащего.

А люди...а люди смеялись и посвистывали при виде «красивого» зрелища. Приходя в восторг от кровавого месива, восхищенно улюлюкали. Это обыденное зрелище, когда человека били до крови.

Люди все такие...всегда наблюдали за нашей казнью на главной площади. И сейчас студенты жаждали кровавого пира. Хищники по натуре. А еще нас называли хищниками, да мы — невинные дети по сравнению с ними.

— Трусы! — спокойно прокомментировала очевидное, но не ожидала что это вызовет эффект взорвавшейся бомбы. Толпа медленно поворачивала головы на мое замечание.

— Кто это у нас там? — прозвучал знакомый голос.

Кольцо людей расступилось, дав дорогу для передвижения вперед, приглашая на беседу. Я вошла внутрь, и толпа сразу же сомкнулась, поймав в ловушку.

Одна среди мужчин, стоявших в кругу.

Есть у меня одна хорошая знакомая женщина — совесть или жалость, вот она всю жизнь и мешала жить. В тот день, когда спасла малышку из-под колес машины. В тот день, когда услышала жалобные стоны испуганных девочек, хотела им помочь и ударила Гектора банкой пива. Когда подошла помогать одинокой Люде, и вот сейчас.

Глупая я, жалостливая, как сказала бы тетя. Но я не слушала советы — по крайней мере,

потом не стыдно будет умирать.

Мужчины в человеческом мире решали проблемы силой. Кто силен, тот и прав. На все это закрывалось глаза. Полный круг студентов и никто не остановит расшалившуюся молодежь и даже Каратели махнут плечами, пока не дошло до ножевого ранения всё спокойно.

Аж омерзительно.

Карателям некогда заниматься беспорядками, им важнее найти лишнего Клейменного, это же мы виноваты во всех грехах.

— Что ты сказала? — Гектор поднялся с корточек, одетый в черную футболку с изображенными на ней черепами. Перекрещенные палки на черепе — это несущий смерть. Не знаю почему, но мне больше не страшно.

— Я сказала! — вобрала воздух в легкие и, как на духу, высказала. — Что вы — трусы. И особенно — ты! — обратилась к Гектору.

— Ого! — засмеялся, как ни странно, Гектор, небрежным взглядом изучая притихшую толпу, застывшую в ожидании сигнала. — Я польщен! — мужчина по-прежнему не скрывая улыбки, прикусил нижнюю губу. Кроссовками топтал снег. — Ты обратилась ко мне на «ТЫ».

Его взгляд скользко прошелся по мне и отступил.

— Тебе смешно, когда бьют человека? — спросила у него. Гектор не поднимал на меня взгляд, я его мало интересовала, скорее цепь на кулаке и снег под подошвами. — Что они тебе сделали? — кивнула на побитого парня.

— Конкретно тот, — Гектор указал на еще одного побитого мужчину, но уже стоявшего. — Вчера обрызгал меня из лужи, а этот ушлепок, — и показал к себе под ноги и пнул тело кроссовком. — Мне дверью ногу прищемил, и я его спустил с лестницы. Одним словом — было плохое настроение! — пожал равнодушно плечами.

— Шутишь? — я очень высоко подняла голос. — Серьезно? Ты избил человека из-за того, что он прищемил тебе ногу?

Я смотрела на него, не в силах высказать всего что бурлило внутри, всех красок эмоций, кипящих внутри тела.

— Это метод кнута и пряника. Я могу быть очень милым, — и Гектор демонстративно показал искусственную улыбку, но злую. — А могу быть и таким. И не стоит забывать, что могу наказать. Всем ясно?! Свои поганые рты закрываем, когда я прохожу! — развернулся вокруг своей оси и поднял указательный палец вверх, требуя внимания. — Я вам не добрый дяденька, как улыбаюсь, так и челюсть могу вывихнуть. Забыли? Я презираю слухи больше всего! Меня нужно слушать и бояться!

А потом с улыбкой развернулся и встал напротив, руки сложил под грудью, подчеркнув вены и массивность бицепсов. На улице мороз, а он в майке. Не холодно?

Теплое дыхание коснулось моего лица. Гектор смотрел сверху своего роста, с легкой, но явно фальшивой улыбкой. А я не решалась отчего-то ему в глаза посмотреть, максимум на уровень носа или губ.

— Ты ужасен, — с тихим вздохом подвела итог. — Ты настолько омерзителен, что мне противно разговаривать с тобой. Люди для тебя — ничто, — тихонечко говорила его рукам, груди, вздымающейся от напряженного дыхания и голой шеи. — Материал для битья, как можно так легко причинять бо...

Осеклась, когда его пальцы сжали локоть, заставили встать на носочки и подойти

поближе к мужчине, и в завершение вынудили поймать раздраженный, полный злобы взгляд. Ненависть четко проявилась на его лице, исчезли былые насмешки.

— Слушай сюда... — едва не шепотом начал Гектор цедить сквозь зубы нервные слова. А люди не спешили покидать круг, тихонечко подслушивая. — Не спящая красавица, твоя правильность мне омерзительна, — повторил начало моего обращения. — Твоя невинность...вся такая белая и пушистая, нимб на голове не жмет? Думаешь, людишки оценят твое заступничество? Думаешь воздастся по заслугам? Обломись — ты никому не нужна и никто свою голову за тебя не положит. Ты кто такая, чтобы меня судить?

Слушала и слушала его тихий злой голос, как загипнотизированная, не в силах заговорить. Стояла, зажатая его пальцами, смотрела, как пар наших дыханий смешивался и клубился между нами. Вырваться все равно бы не дал, поэтому слушала внимательно, почти не моргая. И не понимала, отчего не приятен его злой голос. Он со мной еще не разговаривал в подобном тоне — настолько пренебрежительно.

— Тебе повезло, что не бью женщин, поэтому пока я добрый пошла, — он перестал шептать, сделал глубокий вдох и громко сказал, так что я прикрыла веки от резкого окрика и встрепенулась. — Пошла... НА ХЕР!

В ушах зазвенело от этого посыла, я вздрогнула машинально.

Гектор за локоть пренебрежительно подтолкнул в сторону толпы, не очень сильно, но толчок нарушил равновесие тела и заставил отойти на пару шагов назад.

Ощущение, что с этими словами цепью обхватил грудь: дыхание стало тяжелым и с трудом проходило в легкие.

Гектор не глядя вышел из круга, оставив толпу и меня, униженно слушающую смехи и шепот.

Я обхватила себя за локти, как бы согреваясь от холодных слов.

— Зачем?... Зачем? — услышала обращение Алины. Толпа медленно рассеивалась, а подруги, воспользовавшись возможностью, подошли поближе, став невольными свидетельницами перепалки. И были явно удивлены разговору с Гектором.

— Зачем ты полезла? — тихим, злым шепотом поинтересовалась Алина. Я удивленно рассматривала как прекрасные, голубые глаза подруги гневно сузились. — Зачем оскорбила мужчину? Твой отец за подобный проступок навечно бы запер тебя в подвале!

А теперь показалось, что не только грудную клетку сдавили цепью, но и в живот больно ударили ногой. Я с ужасом сбивчиво воскликнула:

— Алина, ты за него? Ты на его стороне?

— Нет! — встрепенулась подруга, нервно рассматривая то одну точку, то другую будто искала ответ на вопрос или оправдание. Алина неуклюже поправила за ухо прядь волос, выбившуюся из косы, и тихонько добавила:

— Просто ты опять залезла, куда не просят. Зачем влезла в мужские разборки? Это не твое дело, ты... ты...

Алина вновь посмотрела на меня, но теперь более решительно, найдя ответ:

— Ты — выскочка!

С этим обвинением отошла, оставив меня и Элю наедине. Только что...Это была моя подруга, с которой спали в обнимку на острове, потому что по одиночке в целом доме бывало страшно? То я, то она приходили ночевать.

Это подруга, которая успокаивала по поводу Артема, поддерживала в симпатии, хотя знала, что это против правил?

Это подруга, с которой вечно дрались, носились друг за дружкой с палками, визжа во все горло по серпантину острова и отчаянно хохоча? С проклятиями грозились немедленной расправой, но ни разу не ударили друг друга.

— Она не со зла. Перенервничала за тебя! — пояснила Эля или попыталась оправдать подругу.

Я не знала поверить этому или нет.

POV автор

Сто дней до дня X. Белая красивая бабочка? Или кровавая тварь, жалеющая неудобных?

POV Диана

Я не умею ненавидеть или скорее не умела, но почему-то слова Гектора попали в цель...распространились по нервным окончаниям. Даже передвигаться мимо него было неприятно, едва видела мужчину, стоящим в коридоре или курящим, прятала взгляд. Понимала, что его не волновали собственные слова, да и пусть. Главное, что омерзительно было даже видеть его, не говоря о том, чтобы стоять рядом. Гектор был олицетворением всего самого плохого. Змеи — ненавидела змей, вот он гадкая, мерзкая змея. Если раньше Гектор просто не нравился, то сейчас я полностью отравлена этим черным чувством. Даже во сне один раз приснилась его физиономия, я очнулась как от кошмара, встрепенулась, в холодном поту подорвалась на кровати.

Мой глупый поступок стал достоянием гласности, каждый студент в университете знал и шушукался по углам, как меня послали.

По началу боялась, что Розы начнут повторное гнобление, но оказалось все спокойно. Похоже даже красавицы втайне сочувствовали — быть посланной любимцем университета, какая великая честь подарена мне.

А в наших отношениях с Алиной появилась маленькая брешь. Подруга единственный раз обиделась и не разговаривала, когда я сломала голову ее любимой кукле, но сейчас что я сделала? Алина не разговаривала целый день после позора на фонтане.

Но через день начала общаться, и то по причине, что ей надо было с кем-то поделиться прекрасной новостью. Я давно не видела ее такой счастливой: ярко улыбалась, сверкая белыми зубками; обнимала крепко-крепко, как в детстве и что-то рассказывала, тараторя с охами и вздохами.

Я тоже улыбалась, пока не услышала презренное — «Гектор». Подруга пригласила его на свидание. Если бы мужчина попался сейчас на глаза, зубами бы вцепилась ему в глотку и перегрызла. Улыбка пропала с лица, но Алина не видела пока обнимала. А внутри — клянусь ненависть, достигла самой высшей точки. Она черная-черная затмила глаза, комнату передо мной, слилась с темными волосами подруги, по которым ее гладила. Предел терпению.

Гектор — не тот мужчина, которого я бы хотела видеть рядом с подругой, если он ее обидит...а он обидит непременно, потому что по-другому не умел общаться.

Пока Алина воодушевленно рассказывала, я кивала головой и делала восхищенное лицо, планируя как на следующий день вырою могилу для Гектора и поговорю с ним. Пусть меня обижают сколько угодно, я толстокожая, потерплю и посылы, и издевательства, но Алину...

Дождалась пока Алина в первую смену, Эле сказала, что по делам, а сама пошла в мужское крыло. Сверилась с расписанием, узнав в какой аудитории занятия у Гектора.

Как только зашла на правую половину университета, шла и молилась, чтобы остаться в живых. Во-первых, жуткие крики, запах табака на все помещения, парни носились взад и

вперед и едва не сшибали, поэтому я к стеночке порой прислонялась спиной, вырастала намертво и с отчаянно бьющимся сердцем ожидала, когда пробегут мимо. Бешеные мужчины.

Очищу совесть поговорю с Гектором, хотя было омерзительно даже смотреть на него.

Зашла в необходимую аудиторию, тут же зазвучал гул голосов, словно стадо насекомых противно зажужжало. Скрип двери привлек внимание с верхних рядов, где увидела Гектора, сидящего за партой, а его ноги естественно сверху на поверхности стола.

Вошла в аудиторию, встала ровно и спокойно попросила:

— Гектор, можно поговорить с тобой?

На мое предложение прозвучали явные смешки, сделали навверное вывод, что пришла очередная поклонница признаваться в любви. Гектору кулаком одобрительно ударили по плечу с намеком: «Молодец, чувак! Оседлал кобылицу!»

Гектор не улыбался, обычно смеялся, а сейчас был серьезен, спускаясь вниз и перепрыгивая через ступеньку.

Я подождала его в коридоре и устремила взгляд на плечо мужчины.

— Пошли на помойку, — предложил командир, мало интересуясь согласием.

Шла послушно за его спиной. Так странно себя чувствовала... Мужчина разговаривал со мной, как с каким-то тараканом, пнул и раздавил прилюдно. Не думала, что Гектор так будет разговаривать. Обычно не ругается, наоборот улыбается людям, а почему на меня накричал? Я хуже всех?

На помойке дружно остановились напротив одного из диванов. Раннее там сидели юноша с девушкой, но при виде командира скромно решили подышать свежим воздухом.

Я узнала отчего Помойку назвали Помойкой и это связано опять же с первой Розой.

Влюбленный мужчина, предлагая встретиться, подарил своей любимой прекрасную розовую Розу, но то, что цветок сорван из университетского парка девушка не знала, но это и не столь важно. Главное пара сильно любила друг друга, и долгое время наслаждалась своей любовью. Как-то раз юноша возвращался поздним вечером с занятий мимо Помойки. Народу почти не было в тот поздний час и потому неприличные звуки, возбужденные голоса и звуки поцелуев в темноте помещения напрягли студента. Попытавшись не обращать внимания, поспешил к двери на лестницу. Но в последнюю минуту что-то остановило, показалось тревожным в звуках. Может женский голос? Ее стоны удовольствия? Или шлепки разгоряченных тел друг об друга?

Не узнать стоны любимой было не возможно. Потому и Помойка, что это тайное место встречи по ночам любовников. Потому и Розы — что это девушки, олицетворяющие похоть и власть.

Гектор плюхнулся на белый диван по центру, положил руки на спинку мебели, колени в разные стороны. Развалился так, что если захочу приземлиться, упаду на половину ноги или в объятия. Гектор показал, наконец, улыбку, но на секунду она показалась фальшивее, чем обычно, какая-то кривая. Как будто не мог улыбнуться. Мне тоже не хотелось улыбаться, поэтому не предпринимала попыток изменить лицо от эмоций. Смотрела строго в одну точку. Гектор похлопал по оставшемуся месту на диване ладонью. Я не ответила и просто начала говорить:

— Надеюсь понял, зачем я здесь? — мужчина кивнул на вопрос и улыбку убрал. — Всего один вопрос: тебе правда нравится Алина?

— Как может не нравится чистая четверочка!? — опять его тупая улыбка, у меня скоро

аллергия появится на его вымученные эмоции. Зачем улыбался, если не хотелось? — Это у тебе Абрамова надо подумать...

Пренебрежительно повел пальцами в воздухе напротив меня и видимо груди. Я вовсе отвернулась к колонне и смотрела теперь на нее. Она интереснее.

— Двочка...нет...два с половиной...хотя может и на троечку с минусом потянет, — долго размышлял о моих физических данных, я же смотрела в бок, проклиная себя за то, что хотела с ним поговорить.

Просто резко пошла.

— Эй, Абрамова! — я проигнорировала и едва не бегом по лестнице.

Бесполезно разговаривать. У нас ничего общего, словно из разных миров, не понимаем друг друга. Я не понимаю его слов, а он моих. А может, и не хочет понимать.

POV Диана

С Артемом договорились встретиться в воскресенье в кафе. В ближайшее время он не мог съехать от Дины, потому что не работал, снимать квартиру не на что, а я свидания тайком крутить не хотела. Интересно, а Дину он запечатал?

Субботним вечером ни на что не рассчитывала, разве что поесть, да телевизор посмотреть. Эля с братом. Алина готовилась к свиданию в ванной комнате. Я заперлась в уютной кухне подальше от подруги, воодушевленной свиданием. Даже я — профан в готовке могла нарезать салат, это хорошо отвлекало от мыслей о скулящей гордости, ей буквально пинок дали, и она жалобно подвывала внутри. Знатно послали, пять дней не могла из головы его крик выгнать из воспоминаний. Словно по открытой ране ножом дополнительно провел. Кто он такой, чтобы пренебрежительно со мной разговаривать? Я привыкла к уважению, отца уважали и, как следствие, со мной хорошо общались. Даже учителя редко повышали голос.

Расслышав трель звонка, поняла, что кто-то пожаловал в нашу скромную обитель. Может сосед — любовник Кати за пирожками с афродизиак? Тетя ему перестала подмешивать афродизиак, а он все равно, как на привязи, ходил.

Открыв входную дверь, держась ладонями по обе стороны от стены до стены, корпус наклонила вперед, напялив дежурную улыбку.

По мере того, как приходило осознание, улыбка медленно растворялась, уголки губ опускались вниз, а у гостя наоборот:

— Абрамова! Да ладно? Ты какими судьбами?

Спросил будто не я была послана в далекие дали, словно друзья, встретившиеся после долгой разлуки. Огромный букет роз подействовал хуже, чем красная тряпка на быка, перед глазами проплыл гневный туман. Корпус тела отклонила обратно в квартиру и как шибанула дверью перед его носом...попыталась по крайней мере. Ногу успел подставить и от силы удара дверь едва нос не прихлопнула. Я отскочила резко назад.

— Ты нарушаешь частную территорию! Пошел отсюда! Иначе Карателей на тебя вызову! — указала на дверь. А Гектор букетом ударил мне по груди, заставив подхватить. Сам принялся снимать черные лакированные туфли и кожаную теплую куртку.

Я смотрела удивленно то на цветы, (а мои первые в жизни цветы уничтожил) а потом на мужчину. Это не он? Это его копия!

Брюки, обтягивающие неплохо накачанные ляжки, белая рубашка, раскрытая на верхние пуговицы, и цепочка на шее, блестящая в вырезе одежды. Цепь у него сегодня была вместо ремня. И от мужчины пахло не очень-то и плохо. Почему от него не воняло? А?

— Валяй, вызывай! — надменно высказал Гектор, вырвал мой...в смысле свой букет и нагло прошел вперед в нашу квартиру. Без приглашений завалился на коричневый диван, заняв добрую часть, и включил телевизор.

Никакого этикета.

Позади дивана вход в наши комнаты, оттуда и вышла половина тела Алины, остальная часть была упакована в белое полотенце, волосы красиво распущены по плечам. Подруга начала осуществлять план соблазнения.

Гектор, развернувшись, рукой махнул на ее улыбку.

— Не подождешь? — смущенно спросила Алина. В жизни не видела такой неуверенности у подруги.

— Конечно, — скупое отозвался Гектор, отворачиваясь от соблазнительно вида и устремил всё любопытство к экрану.

Дверь из комнаты с тихим стуком закрылась, оставив нас наедине. Мужчину, щелкающего по кнопкам пульта, меня, стоящую в проходе и думающую как поступить дальше.

Телевизор спасал от глубокого молчания, в котором оба потонули.

— Конечно... — пробубнил внезапно Гектор. — Мне же заняться не хреном, только сорок минут сидеть ждать...

Я не стала слушать дальше. Как и всегда мужчина в своем не очень-то хорошем репертуаре. На уме одно, на языке другое. А моя подруга — самая глупая девушка на свете.

Я ушла на кухню, где можно было расслабиться, забыть о Гекторе и Алине, попытаться во всяком случае. Встала возле рабочей поверхности стола, там хорошо места много, рядом раковина, на стене подсвечивались лампочки. Темно и уютно. Не знаю сколько тихонько слушала звук ножа по деревяшке пока резала овощи. Эля придет, покушаем.

Немного успокоилась после очередного вторжения Гектора в мою жизнь, никогда не думала, что увижу его в тетиной квартире.

— Эй! Чай хоть налей, а то состарюсь пока твою подружку дождусь! — услышала скрип стула по полу, вероятно присел и букет шуршащий положил на стол. — Эй!

А я делала вид глухой и тупой. Меня не «Эй» зовут — это раз. И в кухарки я не нанималась — два. Пусть Алина заботится о нем.

— Эй! — еще громче выкрикнул гость, а я вздрогнула от небольшого удара. В макушку что-то жестко врезалось, вроде небольшое и не тяжелое, но было не приятно. Рефлекторно почесала волосы на затылке, прогоняя ощущение и развернулась. Увидев на полу красный бутон большой розы — красивый и весь изломанный, присела на корточки и подняла.

Гектор начал говорить:

— Хватит воротить морду. Меня твои надутые губки не трогают. На ваши женские сопلي не очень-то ведусь, можешь обижаться хоть до конца жизни.

А я рассматривала измятый нежный бутон розы, Гектор уничтожал всё, к чему прикасался. Ох, не завидую Алине, не завидую.

Я резко перебила, хоть и говорила тихонечко, но мужчина замолчал, предоставляя возможность высказаться:

— Знаешь, Гектор? Пошел ты сам...туда, куда меня послал! — эту строчку высказала строго во внимательные карие глаза, которые не дрогнули после высказанных слов. Лишь бровь опять надменно приподнялась в невысказанном вопросе — мол, все? А я отвернулась опять к столу, розу положила рядом на рабочую поверхность, не хватило сил выбросить её в помойное ведро.

Было все равно, что сделает мужчина в ответ, хоть ударит. Не в тетиной же квартире.

— Отлично, — услышала со спины. — Я послал, ты послала. Квиты?

Думала реакция будет хуже, промолчала и продолжила увлекательное занятие по резке овощей, хорошо отвлекало от напряженной тишины.

— Твои попытки везде перечить глубоко раздражают мои нервные клетки. Неужели сложно сделать так, как тебе сказали?

Услышала скрип ножек стульев по полу, от этого стало волнительно, нож отложила, а

то слишком напряженно держать в руках, дрожал сильно.

Запах духов почувствовала быстрее, чем стоящего за спиной мужчину. Его запах стал очень знаком, не знаю на что похож, но означал в мозгу «Гектор». Я один раз на улице, почуввав духи мужчины, зачем-то обернулась вслед. Оказался не он.

— Девочки, должны быть послушные и милые... — по бокам от талии на поверхность стола просунулись две руки.

— Видишь, как... — фыркнув, подвела итог. — Я тебя раздражаю, ты меня, так что убери свои руки отсюда. Они раздражают! — подтолкнула правой рукой его, пытаюсь спихнуть со стола, потому что не стоило нарушать личное пространство. Мужчина послушно отнял ладонь с поверхности.

Я таким же образом попыталась вытолкнуть его левую руку, та же, как назло, не сдвигалась. Вены четко бугрились на мужской коже, как будто со всей силы вдавливал ладонь в стол. Я отчаянно пыталась отодрать руку и освободить себя, пока не услышала...

Звон цепи...откуда?

Гектор обхватил запястья, соединяя друг с другом, а я залюбовалась на странное серебряное свечение. И не сразу поняла, что это цепь наматывалась вокруг запястий, обжигая холодом. Раздался щелчок и карабин зацепился за звенья. Цепь примерно в палец обмотала руки по горизонтали и по вертикали, приняв вид неких наручников. Я машинально развела локти в разные стороны, пытаюсь звенья опустить с рук, но бесполезно — намертво врезались. Идеальные наручники!

— Это что? — испуганно искала ответа у стола, у наручников, у салата и у мужских рук, которые теперь беспрепятственно обхватили поперек живота, прислоняя к телу сзади.

— Особо опасных следует обездвигить. Знаешь...у меня нет привычки срываться на жалких людишках и тем более на невинных девочках, поэтому причину моего эмоционального срыва надо срочно устранить! — теплая рука на животе на удивление согревала, дарила комфорт.

Нервно вздохнула от того, как висела в воздухе, Гектор так поднял, чтобы его бедра упирались мне в ягодицы.

Ноги я рефлекторно поджала к животу, а одной стопой уперлась в мужское колено, думая пнуть или нет. Воздуха резко перестало хватать.

— Устранить? — спросила, решив спрятать невроз, очень необычно себя чувствовала связанной по рукам и животу. Никаких путей отступления, если только кричать, а в соседней комнате Алина. — Не убивать же? — выдала с легким смешком.

У Гектора, наверное, позаимствовала манеру общения, шутками легко прикрываться от тревожных, волнительных мыслей.

— Нет, — на ухе, почувствовала теплое дыхание, которое разведало волосы и согревало, хотя в квартире и так тепло. — Убийство оставим на самый крайний случай.

Сбоку был почти осязаем карий взгляд, особенно на губах, на щеке и шее.

Мне не нравилось, когда Гектор шутил? Беру свои слова назад — когда он серьезный, еще страшнее.

Наручники...странно...а как насчет плетки? Владеет? Вот не удивлюсь...не удивлюсь...

Это была последняя веселая мысль, взвизгнула несмотря на то, что дома не одна и могла привлечь внимание Алины. Крик был внезапным даже для меня. Чувствовала под ногами пустоту — воздух, пока Гектор нес, держа на вису свой трофей. Едва стопой не задела кухонный стол, потом на пути встретила открытую дверь, ведущую в зал. В последний

момент зацепилась пальцами за косяк двери, стремясь сдержать наше передвижение. На что Гектор сделал мощный рывок, отрывая мои пальцы от деревяшки.

— Свет ярко горел в зале, телевизор громко что-то вещал, а я мельтешила ногами.

— Гектор!?! — воскликнула удивленно или не понимая. Брыкалась ногами, но мужчина знал о возможном сопротивлении, поэтому отодвинул мое тело, чтобы не ударила.

Потом уронил спиной на диван.

Только успела глотнуть воздух, когда сверху навалилось мужское тело, невероятно тяжелое и мешающее двигаться. Мою правую ногу Гектор убрал в сторону на спинку дивана, лбом прикоснулся к моему, глядя прямо в глаза. Ни капли улыбки, или насмешки, полностью непроницаемое лицо, с намеком, что шутки закончились.

Сердце забарабанило о грудную клетку, а отголоски ударов отдавались вибрацией в горле, в висках и в крови.

Пульс участился, когда мужчина поднял плененные руки на подлокотник дивана и зажал запястья, придерживая от бегства. А я смотрела ровно на Гектора, боясь моргнуть, совершенно опешившая от внезапных действий. В тьму его глаз, снова и снова, и не понимая, что происходит.

Гектор смотрел также пристально, невероятно сосредоточенно, будто отдавал приказ не сопротивляться захвату и намекал к чему вели события. Когда понял, что информация дошла, взгляд убрал на мою шею, на подрагивающую от ускоренного сердцебиения грудь, скрытую легкой тканью одежды.

А я изучала люстру на потолке и зеленые, стеклянные листики, пока не почувствовала грубую мужскую ладонь, взявшую ткань белого топика вместе с лифчиком и опустившую вещи под грудь. Грубоватая кружевная ткань задевала соски и от этого по животу распространялись нервные волны.

Затем прикрыла веки, когда мужская ладонь обхватила одну грудь, а влажный язык описал круг на чувствительной коже. Сосок грубо втянули губы, отчего я вздрогнула и непроизвольно подала бедра вверх.

Тело Гектора, как жесткий камень на ощупь, гора мышц, которая придавила и не давала двигаться. Но даже когда мужчина поднял грудь с меня и руку убрал от запястий, скованных цепью, я продолжала послушно лежать. Теплая ладонь, как прикосновения пуха или шелковой ткани, обласкала грудь, живот очень медленным, аккуратным движением, трогая мою кожу, проверяя ее на степень нежности.

Я бы подумала, что он Клейменный (обладатель волшебной силы), потому что его руки невероятно тонко чувствовали, как быстро и насколько сильно надавить на мою пылающую кожу, чтобы кровь в венах побежала быстрее. Каждая дорожка его пальцев по коже как разряды молний у Клейменных пронзали особенно остро между ногами.

Посмотрев на свое полуобнаженное тело на диване, поняла, что сегодня оно принадлежало не мне. Грудь бурно вздымалась, соски подрагивали от ускоренного сердцебиения. Голова мужчины спускалась все ниже и ниже.

На звук расстегиваемой молнии почти не отреагировала. Гектор встал одним коленом на диван и снял с меня шорты, опустив ткань до середины бедра.

Скованные руки я опустила с подлокотника к груди, тут же раздалась мелодия цепи, на которую мужчина резко отреагировал. Взял за запястье одной руки и рывком поднял, поставив на колени, а затем прислонил спиной к дивану.

Руки я держала возле груди, пряча оголенное тело.

Не дышала...или дышала наоборот слишком часто. Не понимала, что делать и что чувствовать.

Голова Гектора наклонилась вниз, а я смотрела теперь в окно на балконе, где отражались: я в цепи, стоящая на коленях, и мужчина, склоненный надо мной.

Веревочки по бокам трусиков, медленно спускались с меня в каком-то виде ласки, а мужские губы укусами повторяли дорожку одежды. На середине бедер белье остановилось, а я встретила опять не мигающий, внимательный взгляд.

Наверное, я вся красная.

Как же я не воспользовалась своей силой и не загорелась!

Раздалась красивая мелодия цепи от того, что Гектор взял мои руки, сцепленные наручниками и закинул себе на шею. Потом обхватил за лицо и резко дернул на себя, грубо кусая нижнюю губу. Я ее сама до этого момента оказывается кусала. Мужчина повторил мой жест — прихватил зубами губу не больно, но ощутимо. Потом принялся языком вторгаться в мой рот глубокими, резкими выпадами, будто ударами. А я почему-то не нашла в себе силы оттолкнуть, да и как?

Вновь раздался щелк, цепь с легким звоном упала на диван, а мои руки были освобождены.

Я резко втянула воздух в легкие, издала неприличный звук, когда мужские пальцы начав путешествие с пупка, затем направились вниз. Средний палец жестко надавливал на тропинку из аккуратных волосков по направлению к самой пылающей части тела. Наглые руки опустились совсем до неприличия низко, поэтому я попыталась убрать бедра назад, но только вжалась в спинку дивана.

Следом поставила ладони на белую, мужскую рубашку, стремясь прогнать мужчину. Но в ответ его пальцы задели какую-то нервную точку между ног. Я вздрогнула всем телом, будто попала под разряд молнии, а мужские пальцы вновь сделали движение вверх и вниз по той же точке, изводя страстными ударами.

А его язык во рту, сегодня явно не любовался и не знакомился, как в первый раз в туалете университета, а скорее вторгался, показывая, что из себя представлял секс. Яростные посылы туда-сюда, как и пальцы копировали, поглаживали, готовя меня для продолжения.

— Я смотрю... — внезапно произнес Гектор, оторвав губы от поцелуя, и я увидела раздражавшую прежде улыбку — Я тебя ОЧЕНЬ... — выделил слово и опять погладил меня между ног. — Сильно раздражаю!

На животе почувствовала влагу — как доказательство моего желания после прикосновений его пальцев, проклятую нежеланную влагу. Его пальцы вновь погладили по мокрым складочкам вперед-назад. А я, держась руками за спинку дивана, закрыла глаза и бедра направляла то вперед, потом назад, показывая, как сильно хотела продолжить, ускорить темп.

Я это делала? Я двигала бедрами? Где моя ненависть? Спрашивала у потолка, у люстры, у карих глаз, почему сейчас было приятно от его прикосновений? Мне же не нравится Гектор? Или нравится? Почему он так сильно раздражал всегда? Выводил из спокойствия?

...Я с ним... не такая, как с остальными.

Гектор взял мою руку и опустил к себе на бедра, на брюки, которые были раскрытыми на молнию, а там только белье и возбужденный, четко выделявшийся член. Прислонил к нему мою ладонь, заставляя сжать, и придержал, боясь, что отниму.

— Я смотрю ты тоже очень сильно раздражен... — с трудом нашла в себе силы сквозь

жуткое непонимание ситуации пробормотать.

Его улыбка опять проявилась вместе со словами:

— Давай и дальше друг друга сильно раздражать.

Я несильно вскрикнула от рывка во мне. Несколько пальцев проникли очень глубоко между ног, поэтому схватила мужчину за запястье, пытаюсь отсоединить, убрать его руку. Весь запал мигом прошел. Внутри что-то резко заболело, как сотни иголок закололи.

— Убери... — прошипела, глядя на спущенные трусики и его руку во мне.

— Девочка... — к неожиданности прошептал Гектор в шею, на ушко, как большой секрет. — Ты везде девочка? — хриплый голос окатил и вовсе горячей волной. Пальцы перестали глубоко входить, тянуть, теперь ненавязчиво поглаживали внутри, будто успокаивая или делая вид. Чтобы расслабилась и не боялась вторжений. Я сжала ноги, блокируя ладонь между бедер, на что мужчина поставил ее боком, разъединяя, требуя пространства и своей власти.

— Раздвинь ножки, — прозвучала просьба.

Какой у него странный голос. Мелодичный. Похоже не только руки, как у Клейменного, но и голос. Он окутывал тело приятной волной, проникал сквозь кожу, впитывался внутрь организма и действовал, как легкий афродизиак, ускорял кровь в венах и заставлял сердце сбиваться с привычного темпа.

Колени я послушно развела в стороны, скользя ими по обивке дивана, и этим действием позволила длинным пальцам нырнуть в меня, давая беспрепятственно трогать себя.

— А тебя кто-нибудь здесь гладил?

— Не твоего ума дело, — произнесла охрипшим, сбивчивым голосом. Рукой я по-прежнему сдерживала его запястье, ощущая твердые, напрягшиеся мышцы под ладонью.

А потом опять резкий болезненный укол внутри от того, как пальцы сделали движение внутрь, грубо давя. Я невольно ногтями вцепилась в его кожу, царапая до красных дорожек.

— Больно...

— Так гладил? — с озвученным вопросом пальцы отступили назад.

— Нет! — поспешила ответить.

По поводу Артема смолчала, посчитав не столь важным.

А потом услышала звук фена в ванной. Алина! Алина в соседней комнате! Прокричало запоздало сознание, когда мужчина поцеловал.

— Пусти! — в ужасе оторвала губы, понимая, что натворила. — Алина!

— Не маленькая, отвернется! — скомандовал Гектор и вновь направил язык глубоко в рот, не давая убрать лицо.

Фен перестал работать, а из комнаты донесся тоненький голос подруги:

— Гектор! Пять минут!

— Ага! — еле слышно мне в лицо сказал мужчина, а внимательного взгляда не отнимал от своей руки, которую поднял на уровень глаз и смотрел, какие его пальцы мокрые от меня.

Жуткая какофония звуков гроыхала в голове и в теле, нервы звенели от напряжения. Я смотрела вместе с мужчиной, на вязкую влагу и на довольную ухмылку. А потом Гектор прислонил пальцы к моим губам и выдохнул в лицо:

— Я рад тебя раздражать.

Провел по моим чуть приоткрытым губам, смазывая моим желанием, а потом скользнул мне в рот, дотронулся до языка, и следом поцеловал, слизывая вкус моего возбуждения, смакуя как я пахла для него или от него.

— Она сейчас выйдет... — оторвала запоздало губы и отвела лицо в сторону, прошептав слова мужскому плечу. — Пусти! — приказала или попросила жалостливо.

Пальцы опять вернулись ко мне между ног, с упоением протирая нежные складки, то сильно надавливая, то мягко. Карий взгляд стал меньше, зрачки сузились, а движения руки стали дерганые, не аккуратнее, теряющие контроль.

Я же наоборот приходила в себя, попросив вновь:

— Пусти, Гектор!

Звук шаркающих шагов Алины был слышен в комнате, значит успела выйти из ванной и скоро будет здесь. Всё возбуждение рассеялось в миг, мужские руки вновь пугали.

Не знаю, как смогла достучаться до мужчины, но успела.

Когда вышла Алина я сидела на диване, закинув ногу на ногу, и, опустив локоть на колено, чтобы скрыть молнию на шортах, которую не успела застегнуть до ее прихода. Гектор, стоя к подруге спиной, просовывал цепь вместо ремня. Я с дивана видела стоящий член, который отлично вырисовывался сбоку на брюках. Если Алина зайдет, то все поймет... я ладонью прикрыла глаза, боясь этого момента.

— Что такое? — удивленно спросила подруга, заметив, что мужчина одевал цепь.

— Не видно? — расслышала недовольство в мужском голосе. Не знаю, поняла Алина или нет, что тот крайне раздражен и с трудом сдерживал голос. — Ремень нацепляю! — показал конец цепи, по-прежнему не поворачиваясь.

— А нет...прости...еще пару минут, подожди пожалуйста, — с мягкой улыбкой закончила Алина.

— Ессстесссственно... — натурально прошипел Гектор, имитируя звуки змей. Чувствовался откровенный сарказм, но подруга лишь прикрыла за собой дверь, оставив нас и наше раздражение наедине. Теперь мы точно раздражены до невозможности.

Я резко встала с дивана, нервно поправляя шорты, и в особенности молнию. Пригладила растрепанные волосы, боясь смотреть на соседа, и одновременно слыша шорох шагов Алины в комнате.

Что я натворила?

Резко развернулась, пытаюсь сбежать в кухню от Гектора и Алины, или скорее от того, что было здесь.

— Эй, Абрамова! — донесся недовольный выкрик в спину и ведь не боялся, что подруга узнает.

А я позорно сбежала, пряча красное лицо.

— Абрамова не беси...я на взводе! — еще громче сказал.

Успела вбежать в кухню, но на последних шагах Гектор взял за локоть и прислонил телом к стене. Внимательный взгляд смотрел в упор, стремясь покорить, приказать, заставить отступить. Я постаралась не отводить и выдержать мощный напор недовольства.

Руку Гектор по-прежнему крепко сжимал, отчего я чувствовала боль, но молчала.

— Либо ты говоришь своей подружке о Нас, либо я! И поверь «На хер» это самое милое, куда могу послать!

— Нас...нет, — почти шепотом строго отчеканила. — Мы же правда не нравимся друг другу.

Мужские руки сильно сжали локти, наверное во всю имеющуюся силу, словно пытались раздробить кости и с такой же мощью продолжили путь вверх по рукам, вплоть до плеч. Потом сжали, едва не до хруста костей. А губы прошептали в лицо, обдав горячим дыханием:

— Не доводи до греха... я на грани, доведешь и не посмотрю на то, что ты че...че...что ты девочка!

Потом еще сильнее сжал мои руки, что даже моя бронь и способность сопротивляться физическому воздействию ослабла, дала сбой. Я почувствовала сильную боль. А лопатками вжал в холодную стену. Рывок и мужские губы жестко засосали кожу на шею, на что я попыталась вновь воспротивиться — руками подтолкнула в грудь. Это как дышать на камень с целью отодвинуть, также бесполезно. Если только через тысячу лет ветер даст трещину в непробиваемом камне.

Пока Гектор делал засос я не кричала, потому что слышала шаги Алины в соседней комнате. Когда дверь в зал открылась, тогда же и мужчина оторвал губы.

— Мое клеймо исчезло! — прошептал последний раз, обжигая раздраженным взглядом, потом резко отпустил, пихнув немного в бок, и вышел.

Я прислонилась спиной к стене, ощущая холод лопатками. Присела на корточки.

— Я ушел! — услышала голос Гектора.

Потом шуршание одежды, тяжелые шаги.

— В смысле? — произнес испуганный, надломленный голос Алины. — Куда? А свидание?

Я чувствовала холод, пока подслушивала стоя на кухне, руками взлохматила волосы и убрала их назад, прогоняя мысли из головы.

— Работа! Вызвали! — коротко и грубо донесся ответ.

Не только раздражение, а теперь и вина завладела телом, хотелось содрать ее прикосновения с себя, поэтому ногтями провела по оголенным рукам, локтям, прячась головой в коленях.

Самое тяжелое было найти в себе силы, подняться, не смотря на дрожащие ноги, попытаться улыбнуться лучшей подруге, когда та стояла в проходе красивая и готовая к свиданию с понравившемся мужчиной. Делать вид спокойной и врать.

— Диаанни! — показала она пальцем с красивым аккуратным маникюром под тон платья в сторону двери. — Что с ним? Я же...мы....

Подруга захлебывалась словами, давилась ими. А я обняла ее, обхватила за голову, может пряча ее слезы, а вероятно скрывая свое постыдное лицо.

— Прости...прости...прости...прости... — как заевшая пластинка повторяла темной макушке, и боялась замолчать, а то Алина подняла бы лицо и поняла, что я причина ее бед.

— Прекрати, причем тут ты! — внезапно вырвалась из моих объятий Алина и пошла сквозь освещенный зал мимо дивана...на котором...мы...только что...обманывали ее. Затем скрылась на балконе. Спустя несколько минут я присоединилась к ней, не решаясь озвучить настоящую причину бегства Гектора.

Подруга смотрела на парковку перед домом, локти положив аккуратно на перила.

Ветер красиво завывал песню и подхватывал ее волосы, развевая темные пряди. Алина улыбалась, глядя в темноту парковки, как-то обреченно, с разочарованием.

— Я не чувствую от него желаний... — с горечью тихонечко поведала подруга морозному ветру, который жег ее голое тело, скрытое только красивым вечерним платьем. — Никогда не чувствовала от него интереса...

Алина, как и тетя, кушала физическое влечение между людьми. Могла понять, кого к кому тянуло на физическом уровне, у кого шло притяжение тел. Значит Гектор не чувствовал к ней физического влечения и она, зная об этом, пошла, надеясь на чудо?

— Он настолько избалован женщинами, что я ему не нравлюсь?

Странно... при условии, что я ощущала возбужденный член, упирившийся в бедра на протяжении десяти минут. Это физический интерес и Алина должна была его уловить? Эмоции от Клейменных мы не фиксировали, поэтому мое возбуждение, даже сейчас тихонечко покачивающееся после бури, подруга не чувствовала, но человека должна была словить?

Я стояла в одних шортах и топике, грудь колот холодный ветер, но холоднее смотреть как Алина провожала жалостливым взглядом грохот двери из подъезда и спешащего мужчину, снятие с сигнализации черной, большой машины, и рев двигателя в тишине ночи.

Зная о ее симпатии, я почувствовала физическое влечение к Гектору. Как одинаково заряженный магнит поначалу отталкивались, дрались, ругались, но едва преодолели некую грань, личный метр, магниты повернулись разно зарядными полюсами и нас притянуло намертво. Сложно судить в общем, но сегодня приклеило.

Я не стала сопротивляться желанию, зная, что Алина в соседней комнате.

POV Диана

Той ночью я долго не могла заснуть, рассматривала соседнюю кровать и лежавшую на ней Алину, укутанную в теплый плед. Подруга тихонечко посапывала и, несмотря на плохое окончание вечера, заснула быстро. А я не могла. Совесть изводила мысли, давила... давила тяжелым грузом. Едва прикрывала веки, желая заснуть, как тут же открывала и продолжала смотреть на спину подружки. Совесть заставляла вставать половину ночи, то попить, то в туалет, то мандаринку съесть. Как маленький напуганный ребенок, не могла найти себе место или унять совесть.

А свое поведение совсем не понимала. Не думала, что Гектор вызовет отклик...хоть какой-то. Он же противный, вечно насмеялся, смотрел свысока, пренебрежительно относился ко всем, кроме себя любимого. И его прикосновения должны были вызвать гнев, желание избежать ласки, вывернуться из рук, сбежать. А у меня не возникло мысли сопротивляться: наоборот, с любопытством ожидала дальнейших действий со стороны мужчины. Было любопытно, чем удивит.

Я думала ему не нравится мое тело, говорил, что грудь маленькая не такая, как у Алины. Но вроде не брезговал.

Интересно...а почему я вообще об этом думаю?

Новый день я встретила на кухне, сидя на стуле, локти опустив на стол и глядя на гладкую поверхность перед собой, местами изуродованную царапинами, оставленными ножом. Указательным пальцем постукивала по стеклу. Лучи солнца светили в левый висок и раздражали слизистую оболочку глаза. По крайней мере надеялась, что от света, а не от совести, разъедающей изнутри.

— Нервный тик? — красиво потянувшись и изогнув тело дугой, произнесла Эля. Бегло осмотрела меня, пустой стол и палец, замерший без движения.

— Угу, — кивнула столу и отражению себя.

Подруга заняла место рядом, челку нервно поправила, молча изучая одним голубым глазом. Будто готовилась к чему-то важному. Перед тем как что-то произнести Эля тщательно взвешивала слова, боясь ранить близких не осторожным словом. Эля глупостей не совершает априори.

— Я в общежитие переезжаю, не хотелось бы сидеть у твоей тети на шее. Зарплата вполне позволяет не бедствовать, — произнесла Эля, вжав шею в плечи, словно боялась отсекать за плохие слова. Эта детская привычка осталась у подружки и проявлялась в тех случаях, когда она нервничала.

Эля неплохо устроилась благодаря брату, что-то связанное с компьютерами, сайтами, хорошо разбиралась в программировании. Зарплата в два раза больше, чем у нас с Алиной. И хоть время позволяло адаптироваться у тети, Эля первая покидала уютное гнездышко.

Отца нет, Эли не будет, Артема почти не вижу, с Алиной недомолвки. Одна тетя осталась.

Кажется, мой детский мир разрушался естественным путем.

— Что сказать? — немного хриплым после ночного молчания голосом спросила, а потом сама же ответила. — Могу только пожелать удачи!

Как назло, лучи солнца еще больше раздражили левый глаз, который сильно заслезился.

Сцепила руки в замок и постучала им по носу, отвлекаясь хоть на какое-то действие, кроме как сидеть и смотреть в последний раз на Элю.

— Когда? — поинтересовалась, ощутив, как противно зажгло гортань и нос защипало от эмоций.

— Сегодня, пожалуй, начну собираться. — ответила Эля, распрямив шею, словно было помилована. С небольшой улыбкой подвела итог. — Мне будет не хватать наших просмотров фильмов на острове... в особенности, порно-фильмов с огурцом в главной роли!

Слезы все-таки хлынули из глаз, но больше от смеха, который прорвался после непристойного воспоминания.

Брат Эли обладал совершенно неадекватным чувством юмора, любил смеяться над нами, устраивать маленькие проказы. Когда достиг совершеннолетия, мы с Алиной вздохнули более расслаблено.

По мере нашего взросления Роман приходил на остров и приносил в тайне от взрослых планшет с играми и фильмами. Один раз приготовил фильм. Очень любопытный, я бы сказала развивающе-развлекательный для тринадцатилетних девочек. Алину хватило на пять минут, а потом выбежала из домика на свежий воздух. Ей стало дурно. Эля — самый любопытный человек, поэтому обязана знать всё. Нет предела ее всезнайству. А я просто самая упертая девушка на свете. И если начала, то до конца должна была эту порно-грязь досмотреть. Признаюсь, рвотные позывы тоже периодически были. Картина произведения начиналась с раздевания женщины красивым мужчиной. Очень было любопытно смотреть на их ласки и поцелуи, пока в красивое сношение не вмешался третий член, в смысле не тот член.

Я была готова и к групповухе, наверное, но... не к зеленому, длинному огурцу, с которым развлекалась молодая пара людей.

Как итог неделю боялась смотреть на Артема и вообще на весь мужской род.

Да... было весело... с Элей.

Звонок колокольчика на двери привлек мое внимание, тогда я перестала улыбаться чашке горячего кофе. С легким стуком поставила на деревянный стол напиток, руки положила на твердую поверхность, улыбнувшись вошедшему Артему.

Друг побрил волосы на голове и оставил легкую, аккуратную щетину на лице. Удивительно, но это сразу сбавляло пару лет.

Клейменный наклонился ко мне, руки поставив на спинку лавочки, и поцеловал. Я в последний момент машинально убрала лицо, поэтому Артем попал в краешек губы и в щеку, скользнув колючей щетиной.

Через стол находилась деревянная лавочка, но Артем предпочел занять место рядом со мной. Пока раздевался, подбежала официантка с меню и приняла заказ. Следующие десять минут мы обменивались незначительными фразами: как обстояли дела, какой морозец, несмотря на теплое солнышко.

Встретились мы в кафе, выполненном под старину. Стены состояли из бревен, оббитых лампочками-гирляндами, которые подсвечивали уютное помещение.

Артем в черном свитере и я тоже, правда в белом, по причине того что мне сделали очередной засос во всю шею. Вспомнив об этом, на всякий случай развернулась полу боком, закинув бедро на лавочку, тем самым отвернула шею от Артема.

— Ты на меня обижена до сих пор? Я имею ввиду Дину? — поинтересовался Артем.

слегка пришурившись.

— Нет... — покачала головой из стороны в сторону. — Как я могу обижаться?

Сама не без греха. Низ живота странно тянуло сегодня с утра. Пока нервничала из-за Алины и Эли не замечала этого, а потом...обнаружила на белье несколько капель крови. И это не менструация, до нее еще две недели.

А если ОН...ОН лишил меня девственности пальцами? Как потом объяснить Артему?

Этот вопрос не отпускал все наше общение с Артемом, не давал сосредоточиться на ответах. Разговаривали обо всем подряд и наслаждались беседой, но я нервно вздрагивала, когда Артем ненавязчиво прикасался, гладил за ухом, перебирал по-хозяйски прядки моих белых локонов. С трудом себя пересилила, когда Артем поцеловал. И делал он это очень долго, вызвав сильное желание прервать поцелуй.

Это опять из-за Гектора, напал вчера, как не контролируемый Клейменный. И клеймо на шее весь разговор сжигало кожу, будто напоминая о себе.

POV Гектор

Вечер закончился плохо, утро началось плохо, потому что меня имели наглость разбудить в пять утра. А всё почему? Потому что Клейменным не жилось спокойно в ночь с субботы на воскресенье.

Поэтому в шесть утра я сидел в абсолютной темноте собственного кабинета, озаренный лишь свечением, исходящим от экрана компьютера. Мое личное помещение находилось на самом верхнем этаже здания Карателей: сперва кабинет секретаря — милой тетеньки, которая когда-то была подослана Ежом, чтобы убить меня, подмешав яд в чай. Женщине я сохранил жизнь, за добрый поступок будет преданна до конца жизни. Такая натура у некоторых людей и Карателей, особенно женского пола — всегда помнят добро.

Следом конференц-зал, где Ольгердович устраивал иногда съезды замов, а последний — мой кабинет, в котором по центру помещался стол с огромным компьютером; позади кожаный черный диван с целью поваляться и подумать; по периметру четыре огромных, стеклянных шкафа с кучей папок, в которых хранилась вся доступная Карателям информация о Клейменных. Половина документов засекречена. Здесь вся история Клейменных с начала времен. Сегодня я завел очередную папку с грифом строго секретно, в прессу не должна была проникнуть эта информация.

Около трех утра группа лиц забралась в дом богатого дяди с неизвестной целью. Охранная овчарка мертва, вся семья включающая крупного бизнесмена, молоденькую запечатанную и троих детей от первой запечатанной — мертвы.

А мне разгребай это дерьмо, я итак злой после вчерашнего, не выспавшийся, неудовлетворенный лег спать, а там в беззаботный сон ворвалась обнаженная дева, которую вчера так и не взял. Мало того, мелкая нахалка, улыбалась во сне, сама раздевалась и сама обнаженная сидела на животе. И ведь сразу понял, что это не реально, но просыпаться не спешил.

— Тук-тук! — Андрей постучал по входной двери, уже причем открыв ее и нарушив мои мысли. — Ты как шизофреник радуешься убийству целой семейки!

После этого друг, держа кипу никчемных бумажек, подошел к столу и бросил их мне. Я запустил пальцы в волосы с обеих сторон от головы, глядя на очередные бумажки. Бумажки...бумажки...

— Я не этому радуюсь. — ответил, просматривая очередные доклады. — Может у нас

сегодня солнечное затмение? Или полнолуние? Клейменные совсем озверели вылезать из своих нор?

Пока просматривал документы, принесенные Андреем, взгляд остановился на одной. Я поверить не мог, приблизил к глазам, тщательно изучая изображение. Встал, проходя к выключателю света, щелкнул его, озаряя помещение ярким раздражавшим глаза излучением. Посмотрел вновь на фоторобот очередного Клейменного потом на Андрея, спокойно стоявшего в проходе в рабочей, черной форме и оглядывающего с любопытством кабинет. Редкий гость в моем кабинете.

Почти в нос пихнул ему этот белый лист бумаги, остановив за сантиметр от лица друга. Так даже при сильном желании не разглядишь буквы.

— И ты главный наш следак, Анрюша? — слащаво исковеркал его имя. — Это кто?

Друг взял лист поудобнее, рассматривая изображенного мужчину.

— Ну...судя по поступившим данным. Это Клейменный из округа Пронск сбежал примерно месяц назад вовремя анархии. Теперь, когда Лис зашел на пост...

— Лис ... Кабан... Еж... какие тупые клички? — перебил я, легонечко посмеиваясь, усталость улетучилась по периметру кабинета. Я довольно прошел к окну, распахнув двустворчатые окна и впуская свежий воздух. Вдохнул с удовольствием.

— Кто бы сомневался только у тебя нормальная, — хмыкнул Андрей. — Тебе какая разница, как он назвался? Главное — твой человек? — на это замечание я пожал равнодушно плечами и пошел к вертящемуся вокруг своей оси удобному креслу, а друг продолжал доклад. — В общественном розыске вот этот Клейменный, Лис говорит он сбежал из их округа и просит о содействии в поимке.

Андрей демонстрировал лист с изображенным мужчиной, скорее парнем, узкоглазым, темноволосым. А я улыбался, какой отличный день! Хоть кого-то нагну раком...весь кайф обломали вчера.

— Анрюха, тупая твоя рожа, это кто? Спрашиваю второй раз? — махнул рукой в воздухе не прекращая улыбаться. Друг посмотрел опять на фоторобот, потом на меня и четко произнес вместе со мной в один голос:

— Твардовский Артем!

— Это урод, с которым я едва не подрался в ресторане Приама.

— Серьезно? — удивленно перебил Анрюха, услышав мое замечание. — А я не помню его.

— Правильно, ты пережрал и не помнишь! — заметил я, с удовольствием подъезжая на кресле к компьютеру, щелкая по клавиатуре. Решил позвонить Лису прямо сейчас и обрадовать. Надо было на всякий случай заручиться поддержкой на следующем голосовании на пост начальника Карателей.

Пока шел вызов, Анрюха удивленно рассматривал документы.

Какое отличное все-таки утро! Лис не отвечал на видео-звонок, но когда-нибудь ответит. Пока было время, решил по компьютеру проверить неудачника Твардовского. Он мне прямо-таки на глазу мозоль сделал.

Все внимание я уделял экрану компьютера, быстро щелкал по клавишам, бегло читая информацию на Клейменного. Я ему особенное место приготовлю в Темном доме. Проведу сначала парочку «расслабляющих» попыток, буду тянуть разложение его личности до последнего. И Лису Твардовского не отдам, будет висеть у меня в округе.

Андрей мельтешил сбоку, раздражая черной формой и мелированной головой.

Поэтому я выдвинул третий ящик снизу у стола. Взяв как можно тише черный предмет, направил его в спину другу.

— Стоять на месте! — приказал, тот удивленно руки убрал от открытой дверцы стеклянного шкафа с важными документами. — Куда ручки потянул?

Андрей застыл как изваяние, высеченное из скалы, даже его тело не расширилось от дыхания, ладони при это послушно поднял вверх.

— Ты мозгом тронулся? — услышал его нервный голос, слегка снизившийся, будто боящийся раздражить палача, который спешил отрубить ему голову. Андрей медленно разворачивался, глядя чуть суженными, раскосыми глазами.

А я, держа палец на спусковом крючке, резко нажал. На весь этаж раздался выстрел, небольшая отдача попала в ладонь.

Андрей вздрогнул от разящего уши выстрела и отпрыгнул прямо в шкаф. Стекло задребезжало, грозясь испортить паркет осколками в случае, если бы разбилось. В конференц-зал влетела Ванесса — тетя секретарша.

— С вами всё в порядке? — женщина шла к моему кабинету.

А Андрей, держа руку на сердце, дышал и дышал и никак не мог надышаться или произнести слово.

— Сволочь! — нашелся он вдруг, а я положил пистолет на стол, истерический смех разрывал изнутри, я ему и не сопротивлялся.

— Это холостые, даун! Я на идиота похож демонстрировать, где храню настоящее оружие? — пистолетом тихонько стучал по столу и смеялся на весь кабинет. Секретарша предложила выпить кофе и успокоиться.

Андрей долго матерился, передвигаясь взад и вперед мимо моего стола. Друг успокоился, перестал ругаться через слово и завалился с тяжелым вздохом на диван.

— Откуда заряд бодрости? То ходил всех пинал ... — спросил он после некоторого молчания. — Брюнеточка хорошо удовлетворила?

— Нет, блондиночка. Правда, не удовлетворила...

Удивительно, а у меня правда улучшилось настроение при воспоминании о девчонке. С первого взгляда показалась глупенькой, наивной дурочкой, первые встречи не производили впечатления, пока Абрамова не начала дерзить. Откуда взялся характер, то была бесхитростной и открытой. А теперь как ни встреча — постоянно гневается и перечит через слово. В тихом омуте черти водятся, да, Диана, это про тебя?

Где страх передо мной, меня все боятся. Даже семья не решается послушаться приказа.

А вчера, как должна была невинная девственница отреагировать на фактическое принуждение? Испугаться, заплакать? Где твои слезки, Диана? Девочки обычно всего боятся и жалобно молят пощадить.

А она смотрела с легким удивлением своими огромными глазами на наручники и себя, распластанную подо мной. И только одна мысль-вызов плавала в ее взгляде, адресованная мне: *«Ну и чем удивишь, жалкий раб моей красоты?»*

Я не просто удивлен, а ошеломлен, не заметил, как попал в болото. Барахтался, барахтался в тягучих водах, пытался сопротивляться, даже отказался от цели заполучить девочку. А вчера опять нырнул в это проклятое болото и похоже завяз по самое горло. Не выплыть и не спастись.

Ну что ж... поплаваю еще в болоте ее глаз. Это очень раздражает нервные клетки, давно такого не чувствовал.

POV Диана

Перед новой учебной неделей спала крепко, Алина на работе в ночную смену. Едва подруга исчезла, я смогла наконец успокоиться и перестать трусливо прятать взгляд. Тогда же и сон пришел, но его нарушила звонкая трель от входной двери. Сначала не поняла, что вызвало пробуждение, потом осознала и ринулась бегом из комнаты. Ночь на дворе, кому мы могли понадобиться?

Успела быстрее тети, с ней встретились в прихожей, удивленно переглянувшись, открыли дверь. Сквозь полумрак в подъезде сразу узнала Артема, с широко распахнутыми глазами. Весь его вид кричал об ужасе, распахнутые полы куртки, неровное дыхание, ошеломленные глаза, изучающие нас с тетей, морщины на лбу и возле глаз.

— Диан, помоги, больше не к кому обратиться! — хриплым, будто сорванным голосом попросил он. Я махнула приглашающе рукой, не находя пока вопросов или нужной реакции на события.

Артем сделал неровный шаг в квартиру, а я рассмотрела на его джинсах на ляжке кровавое пятно небольшого диаметра. Тогда же равновесие Артема покачнулось, заставив его упасть на меня. Тетя поддержала Клейменного с другого бока, я спереди, принимая тяжелое тело.

Быстро раздев Артема, помогли ему дойти до зала и уложили на диван. Джинсы местами мокрые от снега, кровь на руке и на ноге. Артем сбивчиво объяснял, что на его подали в розыск. Я не видела новостей, пребывала в неведении, только сегодня ведь виделись и всё было прекрасно.

Сняв с него джинсы, обнаружили кровавое отверстие на ляжке — ножевое. Поддрагивающими пальцами потянулась к ране, тогда же тетя щелкнула по руке:

— Глупая! Не трогай! Иди отсюда! — подтолкнула меня, стоящую на коленях возле дивана. Я поднялась, с трудом преодолевая притяжение к земле, озноб прошибал тело, конвульсивно бил его, и я не находила сил совладать с тремором пальцев. — Аптечку тащи, чего встала?! И алкоголь неси, какой покрепче! Всем!

Пока разыскивала необходимое, тетя занималась Артемом. Болезненные выдохи и тихий разговор между ними доносился до ванной комнаты, где и искала аптечку. Пока добралась до спасительных лекарств, свалила несколько стеклянных пузырьков с мазями и кремами. Сильный грохот предметов отвлекал от тревожных мыслей.

Собирая баночки, сильно ругалась, злясь на Святую землю, что та посмела оставить Артема. Не защитила, покинула одного в необходимую минуту.

Тетя действовала уверенно при оказании первой помощи, намазала рану мазью — ее личный рецепт, основанный на специальных травах. Рану успешно затянули повязкой, чтобы не кровоточила.

Артем, измученный, вспотевший от экзекуций откинулся расслаблено на диван, а Катя присела рядом, опрокинув в себя большой глоток алкоголя из зеленой, стеклянной бутылки.

— Угораздило тебя, Артем... — подвела она итог. На этом слове мы трое одновременно вздрогнули. Настойчивая, гневная трель дверного звонка не просто ошеломила, почти добила морально. Я такого ужаса никогда не видела у Артема, вообще не видела его испуганным. Он сильно сжимал пальцами голые колени.

Все замолчали. Потом ожили, будто невидимое создание подтолкнуло к решительным действия, забежали перед диваном, помогая Артему одеться. Шептались.

А звон в дверь продолжал настойчиво кричать на всю квартиру и беспокоить.

— Прячься! Бегом в комнату! — приказала тетя, подхватив Артема под руку.

В комнате только две кровати, шкаф, да шторы. Где спрятаться? В ванной душ и туалет?

В дверь продолжали раздаваться удары мощных кулаков и сразу понятно, что не люди.

Подобной мощи нет в человеческих руках.

За что? За что всё это?

— Шкаф! Срочно! — шепотом приказала тетя.

Артема, насколько могли, быстро посадили в шкаф, накидали сверху одежды, изображая бардак, и плотно прикрыли створки.

— Перестань дрожать! Успокойся! Немедленно! — опять приказала тетя, запахивая полы халата на груди. Осмотрела меня, сделав какой-то вывод, и кивнула. — Отлично! Распрямись и сделай вид, что спала! И грудь, — она показала на себя, гордо выпрямившую плечи. — По соблазнительнее веди себя!

Я в короткой ночнушке, ткань по ощущениям напоминала шелк, бежевая с красивыми розами, треугольный вырез приоткрывал грудь сверху и сбоку, а ткань заканчивалась, наверное, на один палец ниже ягодиц.

Дверь открыли. Один из «них» застыл с кулаком возле моего носа, когда я высунулась в проем.

Шестеро стояли полукругом в подъезде, слабо освещаемом, но это и не важно. Боюсь, даже если бы свет пролился на них, то их устрашающий вид ни капли бы не изменился. Тьма их поглотила навеки.

Наши личные палачи, в их душах царит мрак и ничто не способно пролить свет.

Главное правило Клейменного — не попадись на глаза Карателю.

Когда появляются они, свет покорно притупляется, ветер не шепчет на ухо, кажется, весь мир замолкает при виде нашей гибели. Личных палачей. Их кровь горяча, а души мертвы, они прочны, но холодны, как камень. И одной рукой Каратели в состоянии переломать хребет.

— Простите, чем можем быть полезны? — спросила тетя, отодвигая меня, замершую в нерешительности в проеме и мешающую проходу Карателям.

Вместо ответа самый первый гость, аккуратным движением достав документ из кармана темной толстовки распахнул его перед тетей.

— Просим о содействии. Беглый Клейменный зверствует в вашем районе... просьба, если обладаете какой-либо информацией касательно вот этого существа, — один из рядом стоящих показал лист бумаги, на котором был изображен Артем только до бритья, слегка волосатый. — Просьба сообщить. А пока, если позволите, мы осмотрим квартиру.

Не спрашивая разрешения, Каратели вошли один за другим, скрывая облик под покровом черной одежды. Хотя при свете в зале часть лиц стала более видимой, но в целом, увидев их в толпе, вряд ли бы узнала.

Грязными подошвами Каратели топтали ковер, пол, осматривали сначала предметы в прихожей, медленно ощупывая. Аккуратно, будто боясь, что шкаф внезапно станет Клейменным и пырнет ножом в ответ. Каждый уголок вплоть до пуфика в прихожей тщательно изучили.

От шумящей, бурлящей крови в венах и звука собственного частого сердцебиения

оглохла. С трудом слышала, о чем шептались Каратели между собой.

В зале я замерла без движения, руки сложив под грудью и пальцами впиваясь в кожу до легкой боли. Уговаривая себя не бояться и не нервничать. Один из Карателей показался странным. Капюшон был повернут ко мне, будто наблюдал за моей реакцией.

Чем я вызвала интерес?

Внезапно сделав несколько резких шагов, Каратель остановился рядом, заставив приподнять лицо в его сторону. С высоты его роста открывался вид на мою грудь, уж не знаю куда точно смотрел, но чувствовала себя я не уютно. Мужчина скинул капюшон с головы, явив улыбчивое лицо, ежик волос цвета песка на нашем острове, аккуратную, ухоженную бороду такого же цвета и голубые глаза.

— Привет, как тесен мир! — заявила его улыбка и взгляд, резко поменявший траекторию на вырез ночнушки. — Не ожидал, что опять увидимся! Ты, похоже, стремишься побывать на моей смене в Темном Доме. Ух, развлеклись бы! — мужчина пытался пошутить, с целью разрядить обстановку. Не знаю зачем, но у него это плохо получалось.

А потом голос...что-то странное показалось...знакомым. Я помнила голос...смутно, но слышала точно.

Нахмурила брови, сосредоточенно выискивая знакомые черты на лице мужчины. Но не находила. Мужчина перестал улыбаться, поняв, что бесполезно.

— До дома я тебя провожал! А ты орала о законах и статьях! Ну! — указал на меня пальцем.

— Аааа! — вдруг озарила мысль. — Вспомнила! Тот псих!

Плохо дело, поняла, когда ляпнула, а Каратели по очереди повернулись на возглас, кто руки убрал от дивана, кто-то вошел из прихожей.

Только нового внимания не хватало.

— Чисто. Пошли в комнату! — приказал женский голос, чья обладательница замерла возле двери в спальные комнаты. Там...там...Артем.

Я отвлеклась от Карателя перед собой, обогнула его и дернулась в направлении спален.

— Зачем убегаешь? — поинтересовался Каратель, остановив мое передвижение. Схватил за руку, твердо, без возможности вырваться. Я развернулась, глядя на зажатую кожу, потом на улыбчивого мужчину. Его облик сочился ядом и еще сильнее заставлял замирать. И голос, как у опасного хищника, правда с легкой картавостью.

Вероятно, поняв грубость своих действий, Каратель медленно по-прежнему сжатыми пальцами провел плавно по коже моей руки. Создалось ощущение легкого поглаживания или ласки. Потом его пальцы аккуратно скользнули по венам и схватили за кончики мои, как бы сдерживая.

Как можно спокойнее, проглатывая неприятные ощущения от прикосновений, я натянуто изобразила эмоцию радости на лице:

— Это все-таки моя комната. Мне не нравится, когда по ней бродят неизвестные! — высвободила свои пальцы из его прохладных.

Мне не нравился его облик, не нравилось находиться рядом с ним. Вызывало желание съежиться, спрятаться, исчезнуть подальше от липкого, оглядывающего взгляда. И запах от мужчины, вроде ничем лишним не пах, но вызывал отторжение.

Вслед за Карателями и тетей, я зашла в комнату и поняла, что, вероятно, это последние минуты нормальной жизни. Нам не спастись и Артему тем более. Каратели проверяли все места, даже в те, в которых казалось бы не возможно спрятать Клейменного.

Отсчитывая удары сердца, вскоре сбилась со счета. Прикрыла ладонью лицо, смотря на руку, прячась в темноте.

И каждый шорох дверц, шелест шторок, отодвигание кровати приближал к неминуемому концу.

Дверца шкафа с легким скрипом открылась. А в сердце будто ногой ударили, оно сжалось, предчувствуя очередной удар.

Там... под одеждой... внизу Артем. Кровь забурлила по венам. И этот блондин, единственный показавший свой облик, нагнулся вниз, желая поднять никчемные тряпки.

— Не трогайте мои вещи! — вырвалось из меня на удивление без дрожания в голосе. Я бросилась наперерез мужским рукам. Каратель послушно разогнулся подальше от тряпок, но изучал настороженно мешающую особь. Жалкого комара, раздраженно жужжащего в комнате.

— Дамочка, не мешайте поиску! — прозвучал еще один неизвестный голос, а я пропустила мимо ушей совет. Раздраженно встала возле шкафа, тыча пальцем на полки.

— У меня может тут трусы с лифчиком валяются, а вы их трогать собрались! — гневно выдала. Каратель с белой бородкой на удивление не разозлился, похоже его развеселило замечание, сказанное в запале. Небольшие разрезы-морщинки рассекли кожу вокруг глаз.

— А может я не против потрогать твоё белье... — руку одну поставил на полку рядом как раз с вышеназванными вещами. А взгляд обласкал, обцеловал, начиная с губ, вниз по шеи, открытому вырезу груди и, заканчивая пальцами на ногах. И всё это намеренно медленно, давая понять о внимании.

— Зато я против! — четко подвела итог. Дверцу, где внизу, как раз прятался Артем, закрыла и ладонью повторила жест Карателя. — Вы уже каждый угол в квартире исследовали! Даже в туалет, думаю, успели забраться и пощупать, а мало ли он в унитаз превратился! — с насмешкой проговорила последнее предположение, а потом перестала улыбаться и гневно продолжила обливать Карателя негодованием. — Сколько можно, глубокая ночь! Мне на занятия завтра, тете на работу! Я устала и спать хочу! Оставьте нас в покое!

Замолчала и постаралась не ступешаться, когда тень Карателя закрыла лицо от света, льющегося с люстры на потолке. Лицо Карателя нависло, скрывая тенью ото всех, и заставив почувствовать небольшое дрожание коленей и рук.

— Слишком много дерзишь... — тихим шепотом сказал мне один на один. Взял руку, держа пальцы на пульсе, словно слушая шум крови в моих венах. — Женщина... ты забыла, как нужно вести себя с мужчиной? Тебя выпороть за такое мало!

Его пальцы сильнее надавили на пульс, вероятно чувствуя, что тот ускорился.

Не представляю, чем бы закончилась перепалка, если не раздался щелк, несколько повторных щелчков, напоминающих некую мелодию или сигнал-вызов.

Мужчина обратил внимание на свою толстовку, поспешно достал что-то напоминающее телефон, только немного крупнее, и отошел в середину комнаты.

— Да! — гневно ответил средству связи, но его тон был обращен естественно мне. Каратель прослушал внимательно говорившего и моментально сдулся, ответил более спокойно, наконец, убирая взгляд от меня. — мм... Да, я хотел сказать. Извините, здесь просто небольшие проблемы при обыске квартиры. Потеряли Клейменного около сорок восьмого дома, пришлось будить жильцов, мало ли, взял пленных? А здесь одна неадекватная сопротивляется осмотру!

Мужчина расхаживал, топтался грязными подошвами по ковру, грозно вышагивая, и слушая средство связи.

Я по-прежнему держала ладонь на дверце шкафа, где прятался Артем и боялась сдвинуться с места или привлечь внимание неосторожным действием. С тетей молча переглядывались, ожидая развязки.

— Квартира? — внезапно гаркнул недовольным голосом Каратель, отняв ухо от средства связи, и, обращаясь ко мне.

— Что? Квартира? — пока переспрашивала, пребывая в недоумении, тетя ответила за нас:

— Сто пятидесятая!

— Сто пятидесятая, — повторил Каратель в трубку. — Мы почти закончили обыск, еще немного осталось. В смысле?... закончили?... — мужчина демонстративно прокашлялся, будто задохнулся лишним воздухом, опять слушая и кивая невидимому собеседнику.

Я как статуя из музея, искусно оттянула бедро влево, рукой наваливалась на дверцу шкафа. Все важные женские стратегически важные места были четко выделены. Похожа на Розу, соблазняющую мужчину — своего господина. Но пальцы на двери шкафа сильно дрожали и чтобы скрыть этот факт, постукивала ноготком, будто раздраженно. С намеком, как посмели нарушить мой покой.

После нескольких минут тишины и грозных шагов Карателя, руку устала держать, но терпела до последнего, пока телефонный разговор не завершился.

Под внимательным, тяжелым взглядом вожака хотелось испариться, рассеяться дымкой в воздухе, но пришлось строго смотреть, не смея опустить взгляд покорно в пол, как требовалось смертному человеку при виде представителя высшей расы.

Никто не смел нарушить молчание. Ни Каратели...ни мы.

— Уходим! — гневно отдал приказ Каратель с белой бородкой.

Пока остальные послушно отступали прочь из комнаты, он по-прежнему смотрел на меня с предупреждением.

— Интуиция подсказывает, мы еще встретимся с тобой в более интимной обстановке. — произнес мужчина, а потом подарил многообещающую улыбку, насквозь пропитанную желчью, и подмигнул напоследок, прежде чем последним выйти из комнаты. — Нам будет весело!

Прозвучало, как обещание или проклятие. Тетя ушла проводить работников службы, а я отняла онемевшую руку от дверцы и присела на пол, скрестив ноги в позе лотоса.

Живы...живы...мы живы!

Постучала костяшками кулака по дверце Артема, тогда же Катя вошла в комнату, оглядывая стеклянным взглядом помещение.

Дверца приоткрылась и оттуда вывалился друг. Сверху у него на голове моя кофта, которую поспешно скинул с себя едва вылез.

Тетя присела на одну из кроватей и монотонно, глядя в пол, произнесла:

— По моему личному тесту на «адаптацию к человеческому миру» по пятибалльной шкале — присуждаю десять баллов! Даже я не решилась бы перечить Карателю!

Веселье тети я не разделяла, чувствовала, как ночнушка намочла от пота, лоб покрылся испариной и ледяные пальцы, прислоненные к коленям, сильно дрожали.

POV Диана

Я плохо спала той ночью, скорее не спала, а рассматривала любимые черты Артема.

Артем лежал на подушке, закинув руку за голову, и тихонько посапывал. Больную ногу согнул в колене, поставив на кровать, вторую спокойно уложил горизонтально. На белой повязке, скрывающей рану, вновь проявилось кровавое пятно. Чтобы успокоить, взвинченного Клейменного заставили выпить его изрядную дозу алкоголя, только тогда он нашел спокойствие и забылся сном.

А я всю ночь сидела на ковре перед кроватью и разглядывала черты Артема. Руку положила на матрас, а на нее лицо, и смотрела на Артема. На его полуобнаженность мало обращала внимания, но черты лица очень тщательно изучала. Как будто запоминала. Он выглядел расслабленным и беззащитным.

Не оставляло ощущение надвигающейся катастрофы или волны-убийцы, движущейся на наш остров.

Это ведь я? Да? Это я — причина всех его бед? Это ведь из-за моего проступка, его жизнь скатилась с обрыва и разбилась. А он отчаянно сопротивлялся, пытался подняться по этому обрыву, но безуспешно, съезжал вниз.

Тетя разрешила оставить Артема на некоторое время, пока не найдем съемное жилье. Что делать-то? Как нам дальше жить? Я не хочу больше видеть блестящий от испуга взгляд.

Запереть его на всю жизнь в квартире? На острове он не выживет без людских эмоций. Его кожа иссохнет, скукожится, произойдет обезвоживание организма.

Я много размышляла той ночью.

А наследующее утро, когда уставшая Алина пришла с работы, стряхнув с роскошных, темных волос шапочку снега, я как на духу выложила:

— Алин, в день вашего свидания, Гектор пп...при. приставал ко мне.

Подруга успела скинуть куртку, сейчас снимала сапоги, расстегивая молнию. Тяжелый взгляд из-под ресниц подняла вверх, потом опустила опять вниз на обувь. Сняла сапоги, бросив на коврик. Те с глухим стуком упали, нарушив временное молчание, воцарившееся между нами. Затем послышался удовлетворенный выдох от подруги, разбавивший тишину.

— Ой...клиенты сегодня с ума посходили в боулинге. То им подай, то отдай. «Две папиросы у нас в пепельнице!!! Представляете, две! Уберите эту грязь! Что за обслуживающий персонал!» — насмешливо рассказывала подруга, будто моя фраза — это пустой звук... выхлоп, не стоящий внимания.

— Алин, я серьезно! — перебила, но говорила тихо, чтобы не разбудить измученного Артема и Катю.

— А я очень надеюсь, что ты перестанешь поливать его грязью. Чем он тебе не нравится? Или может наоборот нравится?

Алина подошла ко мне, на расстоянии в несколько сантиметров, строго взглянула голубыми, гневными глазами, выискивая правду. Откуда столько пренебрежения? Откуда плещущаяся ненависть в глубине ее глаз? Лицо подруги перекопилось от эмоций, краешек губ криво смотрел вниз.

— Наша красавица злится, что на нее не обращают внимания? А? — ее голос еще больше пылал огнем, жег. — Как же так не пали ниц при виде принцессы? И Артемка...

наглый Артемка...ах, как он посмел не обращать на тебя внимания! — засмеялась она не громко, но желчно с этой кривой ухмылкой. По ушам сильно резанул тихий смешок. — А как получила, сразу стало скучно? Да, Дианочка? Белая и пушистая ты наша. Ты снаружи, как прекрасная дева из сказок, а внутри ядовитая змея!

Это было хуже, чем пощечина от Роз. Удары от неизвестных людей я пропускала мимо себя, а этот приняла глубоко в себя.

Знала ведь не поверит.

Больше не единого слова не было произнесено между нами, ни единого взгляда не подарено друг другу на протяжении утра. Смотрели вскользь на одежду и избегали соседства за кухонным столом.

Родные стены квартиры давили, как тюрьма, а надсмотрщики временно ушли, оставив в покое. Но надолго ли?

А мы как холодные, с виду безэмоциональные покойники. Замогильным ветром дуло в спину, отчего я постоянно дрожала. Что творилось в душе Алины, не знаю, зато в моей — пустота при виде подруги, холод вместо теплой улыбки.

Мы эмоционально выжаты прошлой ночью и утром.

Артем, сидевший на соседнем стуле, держал за руку, и не замечал, сколько сил вкладывал в пожатие. Поглаживал пальцы, успокаивая, хотя надо было успокаивать его. Обычно веселая тетя сегодня была далеко не в прекрасном настроении, молчала целое утро, а это показатель. Вероятно, обдумывала сложившуюся проблему, в которую с головой нырнули.

Мы ее сильно подставили.

Алина в гордом молчании ела, глядя на тарелку, чиркала иногда вилок о стекло. Звук очень сильно раздражал, вызывал желание сильно ругнуться. Она делала это специально, показывая, как обижена.

— У нас нет шансов! — внезапно громко озвучила тетя, привлекая всеобщее внимание простой, известной всем истиной. Руки она положила на стол и сцепила в замок, потом нервно потеревила тонкую золотую цепочку на запястье. После резко подняла взгляд, полный немого укора в направлении Артема. — По этой причине Клейменные держатся подальше друг от друга и стараются поменьше контактировать со знакомыми! Теперь все под обстрелом!

— Теть, мы уйдем как можно быстрее... — перебила Катю.

— Да? — пренебрежительно фыркнула родственница, взяв бокал сока, мелкими глотками попивала его, ожидая ответа на вопрос. Но женские пальцы на стекле подрагивали и кожа шеи нервно то вздымалась, то опадала от ускоренного пульса. — И два голубка прямиком попадут в Темный Дом. Счастливой дороги! — с громким стуком тетя поставила на стол бокал и помахала рукой, прощаясь с нами. — Не говори глупостей! Неделю сидишь, как мышка! — обратилась она к Артему.

Заулыбалась внезапно, расплываясь в широкой, но злой усмешке, и постучала по столу пальцами, создавая некий ритм музыки.

— Спи спокойно, милое дитя, не надо плакать. Зачем? Всё хорошо...Ровно до тех пор, пока Каратель не найдет тебя, тогда разрешаю — ПЛАЧЬ!

Процитировала холодным, безэмоциональным голосом старую страшилку, которой пугали беспокойных Клейменных перед сном. На детей действовало безотказно.

POV Диана

С подругами направились на занятия в стойком молчании, холодном, как и снег под ногами, как и ветер, завывающий на ухо. Тряслась, потому что шапки не было. Просто я не знала, что в человеческом мире настолько холодно, и уши того и гляди отвалятся, поэтому не купила шапку в прошлый раз. А дойти и купить сейчас лень. Я не любительница бесполезного времяпрепровождения в магазине с тряпками, в это время можно поспать.

С Алиной шли пешком от дома. Между нами еще два человека прошло бы, иногда теряли друг друга в большой толпе прохожих, но вскоре благополучно доползли до черных спицей забора университета.

Встретив Элю, вместе побрели по тропинке, очищенной старичком Карателем.

Слушая болтовню девчонок, чуть отстала сзади, расслышав вибрацию собственного телефона. Поднесла к носу средство связи.

Как будто сильной рукой сдавили грудь, не давая дышать. Чтобы прогнать мерзкое наваждение, я потерла куртку пальцами.

Машинально оглянулась по веренице студентов спереди, сзади, по бокам — на аллею возле фонтана.

Опять взглядом вернулась к экрану, повторно прочитывая строчки обращения.

«На всякий случай предупреждаю, а то мало ли, не дошло. Твоя девственность — моя. Жди, когда заберу.»

Номер состоял из неизвестных цифр, не подписан, но надо быть совсем недалекой девочкой, чтобы не понять, кем прислано сообщение.

До этого момента зубы стучали друг об друга от морозного ветра, но теперь я почувствовала себя вновь, как на теплом острове, обласканная солнечными лучами. Стало невообразимо жарко и лицу, и телу, в куртке показалось душно и захотелось снять ее и... и джинсы стянуть с себя и все остальное, подставляя кожу под теплые, прикосновения солнца. Но... встряхнула головой, прогоняя опять теплое наваждение. Очнись, Диана. Очнись!

«Откуда узнал номер? Забудь его. Удали или телефон выброси.»

Эля резко обернулась назад, а я поспешно спрятала телефон в кармане черной куртки. Как нашкодившая девочка, пойманная за списыванием у подружки.

— Ты вся красная! Смотри обморожение получишь, — я скромно потупила взгляд в бок на фонтан, разглядывая смеющуюся стайку зевак. Я не красная! Это из-за ветра. Но оправдываться вслух не стала.

— Не успела переехать, а вы уже ссоритесь, — Эля взяла меня под руку, под вторую — Алину и вела нас по дорожке к университету. — По вам сразу понятно, что сцепились. Что на этот раз? Фен не поделили? Или кто первый моется?

Мы тактично промолчали, я повернувшись влево, Алина не знаю куда, не видела.

И сидели на паре на последней парте, как шпионы на деле, будто собирали необходимую информацию. А по сути, говорить не хотелось. Алина с Элей вела себя очень мило, шептала ей что-то на ушко, как лучшей подруге, меня игнорировала.

Сегодня была скучнейшая лекция. Правила хорошего тона или как должна себя вести женщина, чтобы получить защиту в лице Единственного. Я на острове все лекции, начинавшиеся со слов «женщина должна» пропускала, точнее, засыпала после первого слова

«должна». Но когда не засыпала, то занималась подсчетом количества этого противного слова «должна», сказанными преподавателями во время лекции.

Сегодня так и быть решила послушать, а то слишком часто мужчины стали говорить, что я плохо себя вела с ними. То Гектор, то теперь этот с бородкой.

К концу лекции поняла одну простую истину — я не женщина! А что-то среднее с грудью! Потому что не одевалась красиво, привлекая внимание мужчин, не уважала их и не падала на колени перед ними. Нет, понятно, что дефицит мужчин. На одного мужчину приходится примерно три женщины, но чтобы грызться? Самки грызутся ради самца?

И у мужчин есть один очень большой рычаг давления, именуемый запечатыванием. Не понравится мужчине женщина возьмет ее силой и всё — жизнь женщины пошла под откос. Без Единственного она элементарно ни жива, ни мертва. Идеальная месть. Она без нег будет на стенку лезть, а он равнодушный пойдет к другой женщине.

Надо было мне родиться мужчиной. И какое-то вредное создание внутри громко прокричало в голове: «И тогда бы Гектор имел замашки гея!»

Эта мысль невероятно подняла настроение и убрала занудную лекцию из памяти, а я, сжав губы, пыталась не рассмеяться. Наверное, веселое лицо.

Вспомнила о том, что отправляла Гектору сообщение и не посмотрела ответ.

«Одна добрая девочка подсказала номер.

Через пять минут жду тебя на Помойке.»

И вновь королевский указ и вновь не спрашивал мнения. А его пять минут прошли сорок минут назад с ехидцей отметила про себя.

После пары, когда проходили вереницу студентов и меняли этаж на второй от звука знакомого голоса пробрало, трепет прошелся по нервным окончаниям и замкнуло где-то в сердце. Там особенно болезненно отдавалось. Я не готова. Я морально не готова с ним встретиться. Я не знаю, что ему сказать. Страшно смотреть в глаза, в последний раз наблюдала его темные, расширенные зрачки, когда трогал меня между ног и шептал всякие пошлости. Расслышав внезапный выкрик своей фамилии, забыла и об Алине рядом, и Эле, и о студентах. Только его голос различила из толпы:

— Абрамова! Стоять на месте!

Мне кажется среди студентов оказалось штук десять Абрамовых, которые остановились на зов Гектора. Я же, взглянув вверх на лестницу третьего этажа, откуда спустилась недавно, обнаружила мужчину, вцепившегося раздраженно пальцами в перила. Будто желал их выдрать и выкинуть кому-то на голову.

Уловив гневный прищур черных точек, развернулась и быстрым шагом направилась куда угодно, но подальше от толкучки.

Забыла, как правильно дышать, отчего появилось неприятное ощущение, что между ребер воткнули по рукоять нож.

Чувство опасности не покидало, оно дышало в затылок...по моим стопам...шаг в шаг. Его голос больше не слышала, но была уверена, неизвестное чувство подсказывало о преследовавшем хищнике. Его ровное дыхание звучало за спиной.

Вышла на втором этаже, пробираясь по женскому крылу, в сторону аудиторий. Это глупо, потому что коридор в конце концов заканчивался тупиком. Где спрятаться? В аудитории? Там же группы студентов, еще Розы затопчут шпильками, если ворвусь без приглашения. Куда сбежать?

Спрашивала у бордовых стен, у каждого студента, встречаясь с ними взглядом, а хищник

шел сзади. Слышала его ровное, даже не смотря на быстрый шаг, дыхание. Я уже задыхалась от нехватки кислорода, а тот спокоен. Возникало желание убежать, прибавить шагу, рвануть прочь, но куда?

Если дойти до конца, там есть пожарная лестница. Единственный шанс.

Студенток в крыле становилось больше и соответственно воодушевленных охов тоже. И взгляды девушек направлялись за мою спину, вывод — сзади очень вдохновляющий их объект.

Звон цепи сопровождал мое бегство, это какая-то мелодия погони.

Помню, как обратилась вся вслух в тот день в парке, слушая странную песню. Песню кандалов, как предупреждение. И сейчас это чувство вновь облепило с ног до головы, не давая трезво рассуждать.

Дверь на пожарную дверь оказалась открытой, иногда там висел замок, а сегодня — пусто. Сюда студентки ходили курить на переменах втайне от преподавателей, ведь на улице холодно каждый раз бегать.

Я вздохнула облегченно, нырнув на пожарную лестницу, прочь от Гектора. Дверь с той стороны защелкнула.

А потом поняла, что поглощена тьмой. Осмотрелась по сторонам — лестница на три этажа, но повсюду темнота. Подняв руки, с трудом различила их очертания. Сделала шаг, услышав под ногой какой-то хруст, напоминающий когда наступишь на твердый ком земли. На полу увидела белый пакет, судя по всему от чипсов. Стекла в темном помещении закрашены красной краской, не пропускающей солнечный свет на лестницу, но небольшой луч все же прорвался внутрь, нарушая полную тьму. На маленькой стрелке света видны летающие пылинки и оседающие плавно на пол.

В дверь вроде Гектор не бился, неужели сдался? А мне сколько здесь сидеть, чтобы не нарваться на мужчину?

Самое позорное отступление за всю недолгую жизнь.

Глаза чуть привыкли к неполной темноте, тогда же рядом с перилами обнаружила ветхое кресло, обитое красной тканью, а на полу пепельницу с бычками. Белые нити паутины поблескивали на перилах.

Грязное место.

Направилась вниз по лестнице, надеясь, что двери на первый и третий этаж открыты.

На третьем оказалась закрыта, пошла на первый с почти умершей надеждой на спасение. Успела спуститься, как скрипнула дверь на втором этаже и во тьму помещения ворвался яркий свет.

О, нет... трусливо сжалась, рукой хватаясь за пыльные перила, тут же отняла, вытирая о джинсы. Разглядела темную высокую фигуру, за спиной которого лился свет, как святой в ореоле праведности. Но это не святой... это явный грешник. Слуга сатаны по моим глубоким убеждениям.

Рванула через ступеньку, чудом не споткнулась на последней.

Да что же Гектор привязался? Какой настырный! Зачем я ему? Ну если не хочу никаких свиданий? Я каждый раз говорю, что не хочу! Неужели никто не отказывался? Не поверю. Галочку надо поставить в своем списке женщин и похвастаться перед парнями? Глупо.

С бешено скачущим пульсом, затаив дыхание, схватилась за ручку и что есть силы дернула. Но в ответ едва не вывихнула сустав в руке, от того с какой силой потянула дверь на себя. Раздался грохот, но та не открылась.

Заперто! Заперто! Заперто!

Я точно проклята. Гектор наслал проклятье.

Лопатками вжалась в дверь, а теплая, спортивная кофта смягчала твердое трение.

Несколько секунд лишних звуков не доносилось, а потом дверь наверху закрылась. В этот момент почему-то вспомнила веселые, летние дни на острове.

Шорох шагов и одежды... отдаленный...приближающийся, как пантера медленно идущая на охоту, и только ее когти угрожающе царапали пол. Этот звук заставил дыхание застыть в горле, опуститься в легкие и больше не подниматься вверх. Донесся звон цепочки, которая скользила по железным прутьям перил. Этот звук приближался вместе с твердыми шагами. Я начала вновь потихоньку дышать, глотать летающую пыль в грязном помещении пожарной лестницы. Совсем чуть-чуть, будто пробуя воздух, насколько он ядовитый и я отравлюсь, если испробую его. А когда осознала, что не отравлен, начала ускоренно поглощать, как необходимую пищу.

Прислонила руку к груди... к сердцу, сжала пальцы в кулак, когда мужчина завернул по пролету лестницы. Развернулся ко мне, спускаясь по последним ступеням, которые разделяли его и меня. Тогда же расслышала тихий, рычащий голос:

— Я не привык напрягаться ради бабы. У тебя что, между ног горсть бриллиантов, которую хочу украсть?

Ветер всколыхнулся рядом с плечом, я зажмурилась, мечтая исчезнуть отсюда, в тот же момент расслышала продолжение:

— Я, мать твою, ненавижу нервничать и злиться! — голос прозвучал громче, похоже на рев хищника, готового вцепиться в шею жертве. Ледяное дыхание коснулось носа. А я болезненно выдохнула, когда Гектор дернул за кисть, приближая к своему телу. Руку оставил на бедре в хозяйском жесте.

В гнетущем молчании и в небольшой темноте стояла без движения, пока мужская ладонь жгла бедро и сбивала с мыслей. И запах...мужской запах вновь витал между нами, обволакивая тело. Гектор смотрел на лицо, пытался поймать в сеть мой взгляд, а я предпочитала изучать темные завитки волос рядом с его ухом.

Но на губы отвлеклась, когда расслышала:

— Естественно, я не собирался забирать «свое» здесь. Разговор — это так сложно? Сложно со мной поговорить?

— Поговорить? — переспросила неуклюже.

— Да, представь себе, я умею разговаривать. Удивительно?

Почувствовав, как отпустило эмоциональное напряжение, попыталась вновь выйти из полуобъятия, но не получилось. В ответ Гектор пальцами сжал ягодицы и прислонил к себе всем телом. На что я гневно, наконец, ответила:

— Очень удивительно, потому что ты умеешь только лапать. Все твои разговоры имеют конечную цель — раздвинуть бабе ноги, как ты выражаешься! Я НЕ хочу с тобой спать! — посмотрела на внимательные глаза совершенно спокойные в ту минуту.

— А я тебя не спрашивал...Зато, я черт возьми... хочу!

И больше не было летающих пылинок над головой, мусора под ногами, легкого запаха от сигарет в грязном помещении Пожарной лестницы. Мы будто вдвоем на острове, грелись под лучами знойного солнца, нежась и купаясь в тепле. Это ощущение загло кожу и пробралось внутрь, побежало по крови, по сердцу, ударило по каждой нервной точке. Я, похоже, заразилась чем-то от Гектора.

POV Гектор

Я пока плохо привык к почти полной темноте, но светлые волосы и бледная кожа — единственные рассеивали мрак перед глазами. Я на них и пялился, пока малявка не дёрнулась, как обычно, стараясь выбраться. Как будто я собирался ее жестоко убивать. Я сильнее сжал пальцы на ее руке, намекая, чтобы прекратила вырываться, я мог ведь ласкать ее кожу, а она вынуждала поступать грубо.

— Еще раз дернешься, прикую к лестнице! — отчеканил грозно в абсолютной тишине пожарной лестнице, лишь отдаленно доносились голоса студентов за дверь. Сейчас была оживленная перемена, поэтому за дверь громко, а здесь — мы вдвоем и слышали дыхание друг друга. У нее — немного ускоренное, у меня — спокойное, замершее в предвкушении аппетитного лакомства.

Диана послушно перестала вырываться, а я не отпускал ее. Знал, что попытается сбежать.

Прислонил девичье тело к лестнице, навалился всем весом, чтобы дать свободу рукам.

— Ты меня боишься? — спросил, но прежде аккуратно положил ладонь на ее щеку в успокаивающем жесте.

На что она попыталась опять вырваться, но быстро смирилась, понимая тщетность сопротивления. Опустила взгляд мне на губы, сразу убрала, будто испугалась или обожглась или... запрещала себе?

Ее реакция напомнила поведение дикого зверька, едва я попытался нарушить личное пространство, начинала брыкаться и вырываться, но когда все-таки проникал внутрь — Диана сдавалась. Вот и сейчас проверим вывод...

Я наклонился поближе к ней, на что Диана с опаской взглянула, будто я собрался сейчас съесть ее, а я лишь погладил пальцем ей щеку. Невольная улыбка изменила мое лицо. Не совладал с ним при догадке, которая внезапно озарила:

— Я тебе нравлюсь?

— Нет! — ответила Диана. При этом, аж на носочки привстала, желая выглядеть повыше и увереннее. Я с довольной улыбкой не переставая смотрел на нее. А она еще повторила, убеждая меня или обоих. — Нет! Нет! Нет такого! Ты мне не нравишься! Ты — злой! ... и-и-и злой! Я чувствую это!

— Ага, — подтвердил.

Носом провел по линии ее подбородка. Закончил ласку возле уха, дыханием задел трепетную, бледную кожу. Идеальную, бархатную по ощущениям, даже когда губами прикасаешься, а не пальцами.

Языком поддел мочку уха, а потом прихватил зубами, не отпуская.

По приоткрывшимся женским губам, и затрудненному, более хриплому дыханию понял, что Диана не равнодушна к жесту. Довольный результатом, я отпустил мочку уха. Затем оттянул ворот ее свитера, убрал белые пряди волос ей за спину, пытаясь различить на шее засос — пока остался, фиолетовый, насыщенный кровью. Мое клеймо...

С удовольствием облизал девичью кожу, прогоняя прошлые, неприятные прикосновения. Вкус ее кожи еще долго ощущал на языке в тот раз, он действовал лучше всяких возбуждающих средств.

Ну вот... я опять потерял контроль над поступками... Говорю одно, а делаю другое — это не похоже на меня. Хотел поговорить с Дианой, а вместо этого опять трогаю ее.

Вернул взгляд на Диану, смотря на ее розовые мягкие... у нее оказались очень мягкие губы, я запомнил их нежность. Невиданным для себя образом запомнил ее губы на ощупь, на вкус, на поцелуй. У Дианы очень нежные губы.

Языком медленно-медленно провел по ее верхней губе, а она выгнула шею вперед, пытаясь стать ближе, сокращая расстояние между лицами.

Как дикий зверек: шипит, кричит, но едва приближаюсь к ней, невзирая на ее укусы, прикасаюсь в ласке, Диана замирает и наслаждается. Дикарка какая-то, словно не от нашего мира.

Диана выжидающе смотрела на меня с легким любопытством или нетерпением, будто требуя продолжить. Не стал заставлять девушку ждать — языком провел влажную дорожку по ее нижней губе, срывая ее сладость и запах. Диана к неожиданности на последней секунде прежде чем убрал язык, обхватила его губами за самый кончик. Пленила и отпустила.

Диана взяла меня за плечи, пододвинулась поближе, вставая на носочки.

Зря столько сопротивлялась... все равно будет, как я сказал.

Диана довольно решительно на расстоянии одного сантиметра приостановила лицо и повторила мою ласку: лизнула мою верхнюю губу, медленно от одного краешка до другого. Делала это с явным любопытством, потом перешла на нижнюю.

Хорошая ученица, хоть я и не любил неопытных девочек, но учить Диану весело!

Я в последний момент обхватил кончик ее языка губами, как и она прежде, одобряя игру. Ей понравилось: сама прильнула всем телом, вжалась доверчиво грудью, животом, бедрами. Потянулась словно к источнику тепла, как к солнцу, с целью согреться. Положила руки мне на плечи, а потом обняла двумя руками за голову, приближая к себе.

Сама поцеловала, врываясь в мой рот глубоким поцелуем. Сама...сама...сама... гонгом в голове стучали мысли.

Мой трофей...Мой...только мой. С удовольствием притянул стопроцентный идеал к себе, обхватывая ее за бедра, сжал упругие ягодицы, на что Диана сладко простонала в губы. Я сквозь возбуждающий туман в башке расслышал какой-то странный звук, словно скрип, но почему-то не отреагировал. Может не хотел или плевать на жалких людишек, был очень сильно занят Дианой.

Только тогда открыл глаза и отнял губы от поцелуя, когда свет пролился на лицо, заставив на секунду зажмуриться. После откровенной темноты, это было очень раздражающе, резало яркостью. Сквозь прищур уловил вошедшую темноволосую девушку с косой, перекинутой на грудь. Диану я придерживал за бедра, а она обернулась в проход двери, рассматривая неизвестную личность. Хотя, нет, известную.

— Приставал, значит? — услышал вопрос от раздражающей особи женского пола. Я очень глубоко вдохнул, сдерживая гневную волну, которая поднималась внутри и начинала бушевать. Алина внимательно смотрела на Диану с немым укором, при этом недовольно скрестив руки под грудью. Диана почему-то неловко или испугано оглядела себя и меня, соприкасавшихся телами, и попыталась вырваться в сотый раз, но я как держал ее тело, так и не позволил сейчас выйти из объятия.

Перевел глаза, привыкшие к свету на раздражающий объект. Будь она Клейменная, непременно взял бы цепь и задушил на законных правах, даже без приглашения в Темный дом.

— Да сколько!?! — я с трудом сдерживал эту волну-цунами в теле, она поднималась все

выше и выше, затопила каждую клеточку и нерв. — Сколько будешь мешаться под ногами? — не кричал, а скорее выплевывал слова, глядя в голубые глаза девчонке, чтобы понимала посыл. — Свалила на хрен! — приказал, кивнув подбородком на дверь.

Сразу несколько вещей произошло — Алина наконец-то удрала на выход, на что я облегченно вздохнул, поворачиваясь к Диане с очевидным намерением продолжить. Да только Диана была похожа не знаю на кого, побитого зверька возможно. Сквозь темноту пожарной лестницы рассмотрел блестящие от влаги глаза.

— Гектор...зачем так грубо? — спросила у меня. Опять попыталась вырваться, крутилась вертелась, как заводная кукла.

Ну все... сейчас привяжу к лестнице!

Успел одну руку убрать от Абрамовой, чтобы снять цепь с джинсов, а она ударила двумя ладонями в грудь. Не ожидал подвоха, поэтому мой зверек в лице Дианы ухитрился сбежать. Я несколько секунд без движения стоял один в темноте, удивлялся мощности удара и бесстрашной Абрамовой.

Одним словом, выходил с Пожарной лестницы крайне беспокойный. С ноги открыл дверь. Она деревянная, тяжелая при ударе заходила ходуном, дребезжа как от землетрясения, и стукнулась о кого-то в коридоре.

— Больно... — услышал девичье замечание.

Мысленно послал ее в далекие дали, но та уже замолчала, поняв кому ляпнула.

— Под дверь не стой! — раздраженно озвучил, а сам громко пошел по женскому крылу. Позорище какое! Уже сегодня мы будем героями дня!

Эти бабенки с немым обожанием, не скрывая интереса, пялились на шедшего меня, как на картину в музее. Смысл художества не знаем, но она же, сука, считается красивой, поэтому мы — стадо тупых баб любим эту картину.

Прежде чем трахну Абрамову, я скорее всего состарюсь. И что мне сейчас делать? Дрочить? Ты знала, Абрамова, что нельзя бросать мужчину в заведенном состоянии!?

Почувствовав вибрацию телефона в кармане джинсов, проверил от кого звонок.

Ответил на вызов с огромным удовольствием:

— Привет, любовь моя! Ты не представляешь, как вовремя!... Да ты что? — удивленно-наигранно поинтересовался, услышав очень хорошую информацию. — Ты сейчас в округе? На хрен...на хрен твои педикюры, маникюры!

Как Ольга нереально вовремя, даже улыбка вновь озарила лицо, опустив волну-цунами обратно вниз, успокоив масштаб бедствия.

Пока с Ольгой договаривались, где встретиться, настроение медленно, но верно вновь возвращалось в привычное русло. Это только Абрамова могла одной фразой поднять настроение, а через секунду другой уже опустить ниже пола. Мой вечный раздражитель!

В аудитории забрал у Андрея пакет с тетрадями, Ольга через десять минут обещала подъехать. Она пока мило что-то рассказывала по телефону, я оборвал ее, спев тихим, романтическим голосом парочку строк известной нам песни:

— Некому дать пососать... — выждал паузу, а Оля, как любопытная девочка, притихла в ожидании продолжения. Готов поспорить глаза у нее забавно округлились.

— Чупа-чупс, что в кармане!

Выходил на улицу, надевая куртку и слушая залиvistый смех Ольги.

После этой песенки-предложения у нас был первый секс. Подруга призналась, что не каждый день — к ней подходит совершенно неотразимое хамло, которое предлагает

пососать чупа-чупс, что в кармане. И в тот раз она долго смеялась, но после бокала шампанского согласилась идти хоть на край света, а не только в машину.

POV Диана

Едва выбежала с пожарной грязной лестницы, то окунулась в свет, горящий в коридоре женского крыла. Поначалу зажмурилась от яркости.

Затем побежала вперед, иногда неловко задевая девушек-студенток. В спину доносились злобные цоканья, от того, какая не аккуратная. А я бежала, надеясь догнать Алину.

Не представляла, что сказать? Какие слова найти для подруги? Я мало выглядела девушкой, к которой приставали, скорее которая сама вешалась на мужчину. Не знаю, видела она поцелуй или мы успели разъединить губы.

Забежав в будущую аудиторию, где должно проходить следующее занятие, обнаружила Люду и Элю, шептавшихся друг с другом.

— Алина была здесь? — спросила, остановившись возле парты перед девочками. Для Эли явно был заметен мой перепуганный, всклокоченный вид, дыхание не ровное, пульс участился, да и голос сбивался со спокойного тона, иногда дрожал.

— Нет, она вместе с тобой исчезла. А куда ты сбежала?

Я не ответила, еще раз бегло осмотрела весьма настороженных девочек, притихших в ожидании ответа, и пошла на выход из аудитории. Звонок на пару прозвенел, скоро должен зайти преподаватель. В коридорах медленно исчезали студенты, становилось глухо и очень одиноко.

Значит, Алина ушла домой.

Внизу при входе забрала куртку. На улице противная изморозь попадала на лицо и волосы, мгновенно делая их влажными. Как можно быстрее пошла по скользкой дороге, не переходя на бег. Морозный ветер выбивал на щеки прозрачную влагу из глаз.

Как Алине объяснить? И самое главное, что я делаю? Зачем? Почему мне нравятся прикосновения Гектора? Я ведь знала, что он Алине нравится, а все равно поддалась опять! Второй раз не дала ему отпор?

До дома добралась быстро. Последние ступеньки до нашего этажа преодолела бегом, забарабанила в нетерпении кулаком по двери. Сердце испуганно притаилось в ожидании, когда откроют. Разочарованно выдохнула, когда дверь распахнулась:

— С ума сошел открывать дверь? А если...а мало ли?

Влетела в прихожую, разуваясь и раздеваясь, попутно отчитывала Артема, как несмышленного малыша.

— Все в порядке. Я же видел тебя в глазок! — спокойно ответил на необоснованную, вспыльчивую фразу.

— Да мало ли, кто я! Не открывай больше никому, пожалуйста! — голос предательски дрогнул. Алины здесь не было, судя по обуви и то факту, что открыл Артем.

Двумя руками обхватила Клейменного, прижимаясь щекой к его шее и плечу. Из последних сил моргала и моргала, прогоняя стремительно надвигающуюся панику. Где Алина? Куда пошла? Она ведь не сделает ничего страшного? От этого чувства едва не задохнулась и прошептала груди Артема и его спокойному пульсу, пока мужчина гладил успокаивающе, как-то по-родному:

— Артем... — дрогнул голос, прозвучал сорвано. — Не оставляй меня, пожалуйста. Если и ты исчезнешь, я не знаю, как дальше жить.

— Какие глупости лезут в твою прекрасную головку!?! — усмехнулся над ухом Артем.

А я почувствовала его теплое дыхание, развевающее пряди волос. Это как теплый ветер на острове, также приятно и спасало всегда от жары.

Артем провел в зал, держа за руку. Сначала посадил на диван и что-то говорил, а я не слушала, смотря на стеклянный столик с вазой и фруктами. Пристально изучала оранжевую точку апельсина, а сама была где-то не в этой комнате.

Потом неведомым образом оказалась сверху на Артеме, между его ногами. Тесно прижалась к его груди. Не сопротивлялась, когда друг подтянул на себя, и когда сильно прижал к себе, пальцами пробираясь под свитер.

Было очень холодно в людском мире, ноги в носках ледяные и руки, которыми впивалась в черную футболку Артема тоже холодные. Тянулась к Клейменному, как к спасению. Как растение к лучам света. Хотелось согреться, а Артем очень теплый. Он ведь меня не бросит?

Проснулась по-прежнему лежа на Артеме, согрелась. В его объятиях было очень комфортно, теперь в жар бросало после пробуждения. Артем тоже спал, я мягко высвободилась из его объятий.

Полный мрак в зале, только луна и звезды светили в окно, заливая комнату приятным светом. В коридоре проверила телефон. Сообщение от Гектора светилось наверху экрана в виде белого конвертика. Призывно мигало, чтобы прочитали, но я не стала раскрывать. Не важно, что напишет.

Сейчас было шесть, а в девять на работу в Приам, в ночную смену. В коридоре свет не включала, была озарена только телефоном, когда мое одиночество нарушил внезапный звук поворачивающегося ключа в замочной скважине. Боясь подумать, просто следила за дверью.

Встретилась взглядом с подругой.

Она увидела меня, но промолчала. В первую очередь Алина решила раздеться, аккуратно повесить вещи, сапоги поставить, и, наконец, включить свет в прихожей, чего я больше всего боялась.

Как? Как смотреть ей в глаза?

— Алина, — неуверенно позвала ее. — Дай я объясню... попытаюсь!

Я вставала по середине коридора, отсекая собой пути бегства, чтобы подруга не прошла мимо в зал.

— А что объяснишь? — спросила Алина, поднимая на меня уверенный, полный мнимого равнодушия взгляд. Уголок губ ее раздраженно опустился, мимика была постоянно подвижная, как будто не знала, что изобразить на лице.

— Ну давай! Объясняй! — сделала Алина шаг вперед, встав едва не на пальцы ног.

— Давай! — повторила подруга, выкрикивая приказ, затем подняла руки и толкнула в грудь.

Не ожидала подобного, покачнувшись назад и угодила в бетонную стену, одновременно где-то на затылке почувствовала болезненный укол. Кажется, стукнулась об угол картины. На стене позади висела картина с красивым, голубым морем.

Затылок обожгло острой болью, в глазах померкло на секунду, стало темно и мрачно и одиноко одной в этой тьме. А когда открыла глаза, сидя на корточках, ко мне наклонилось лицо Алины. Раздалось странное шипение, напоминающее звук насекомого:

— Да чтоб ты сдохла, подруга моя, — по слогам произнес, как неживой голос. Он

ласкал холодом, вытягивал столь необходимое тепло.

Голубые глаза подруги исчезли, а вместо них — зрачки, раскрашенные фиолетовыми языками пламени. Необычные глаза, как будто и не Алины, но ведь это она присела на корточки напротив меня, сидящей на полу и схватившейся за затылок.

— Задохнись! — почти шепотом прозвучал ее голос, а ее глаза приковывали и гипнотизировали.

На полученный приказ я захрипела в отчаянии, не чувствуя кислорода и спиной вжимаясь в стену. Одновременно царапала ногтями пол в попытках вырваться из удушья. Шею зажали две невидимые руки, сильные пальцы давили на кадык. Они не только блокировали воздух, но вероятно стремились сломать шею.

А я смотрела в непроницаемые фиолетовые глаза подруги. Пальцами попыталась дотянуться до ее руки, но она проигнорировала, не позволив себя коснуться.

Последнее воспоминание перед темнотой — один день на острове. Алине, и мне никогда не нужна была помощь. И я, и она не боялись поругаться со старшими девочками. К тому же моего папу опасались и до драк обычно разборки не доходили.

А вот Эле часто доставалась порция насмешек из-за косоглазия, иногда приходилось ее защищать, и я знала, что плечо Алины, хоть и гораздо меньшее моего, но всегда было рядом. Могла опереться на него, а сегодня надежное плечо скинуло с себя мою руку.

Сначала возникли звуки в голове, не прекращавшийся шум, воздух загудел или так казалось. Потом вернулась способность осязать: я на чем-то мягком, возможно на диване, больной затылок на пуховой подушке. Рука свешивалась вниз на пол. А веки очень тяжелые, будто набухли, не удавалось их открыть. Тяжесть во всем теле придавила намертво к горизонтальной поверхности, даже пальцем на руке было лень пошевелить.

— Я, вашу мать, приютила вас! А вы! А вы! Решили переубивать друг друга! — расслышала женский голос, но он настолько визгливый и противный, что резал и без того больную голову.

Я зажмурилась еще сильнее, чтобы неприятные звуки не проникали внутрь.

— А ты чего спящей притворяешься?! Еще одна! — после слов тетя дернула за руку, отчего голова со спиной поднялась и веки слегка разомкнулись. Но голова зазвенела еще сильнее, я во все имеющиеся силы и насколько позволяло раздраженное горло застонала, усаживаясь на диване.

С трудом приоткрыла слипающиеся глаза, руками обхватила затылок.

Колокола звенели в голове, словно по ней несколько часов били чем-то тяжелым. Зрение временно потеряло четкость от звона в ушах.

— А... а... хххде? — это все, что удалось прокряхтеть, горло запершило, поэтому решила лучше помолчать.

Три пары ног на полу: двое женских, одни мужские, выше глаза поднять не могла, слишком ярко светила люстра.

А потом увидела, как отъехал стеклянный столик с фруктами чуть назад, а на то место на колени упала Алина. Она отняла мои руки от головы, взяла за пальцы и как начала говорить, а мне хотелось, чтобы все заткнулось! И от каждого слова вздрагивала, словно жестоко избивали. Слова, как удары по телу, а может не по телу, скорее по сердцу.

— Прости! Прости! Диана, умоляю! Прости! — подруга держала мои руки и трясла их. Скрывала по всей видимости дрожание собственных.

В ее искренность верила. Об этом кричало ее лицо. Капающие слезы на щеки, которые подруга старательно вытирала. Красные, раздраженные глаза теперь вновь голубые, а не опасно фиолетовые, отравленные силой. На ее щеках — красные волдыри, как свидетельство былых слез.

Подруга на коленях, не моргала и смотрела как маленькая, напуганная девочка. А ее слезы, капали мне и ей на пальцы, соединенные между собой.

— Я не знаю, что это! Совсем не поняла! Прости! Я была не в себе! — кричала Алина.

Так отчаянно в горле загло, да и в глазах после ее слов. Память-то никуда не денешь. Она осталась, как голос не пропала даже на время. Я всё помню. И приказ задохнуться помню. И фиолетовые, ненавидящие глаза помню. И удар в грудь помню. Я помню.

А подруга ждала, стоя на коленях, и плакала, не прекращая. Смотря с паникой, и с обреченностью, и с мольбой. Эта мольба больше всего ударила.

Я неуклюже подняла руку, которая казалась нереально тяжелой, прислонила ее к щеке подруги. Стерла размазанную тушь под ресницами. Убрала грязное напоминание о слезах. Из себя бы с такой же легкостью убрать ощущение грязи.

— Всё в порядке! — хрипло сказала почти шепотом из-за потерянного голоса. — Я тоже чуть не убила одну девочку, когда пробудилась сила...

Я вздрогнула от сильного выкрика, и Алина развернулась на коленях, сев на пол, и глядя в сторону балкона и двери, где стояла тетя в красном, брючном костюме. Только с работы, ухоженная с идеальным макияжем, безупречная, как и всегда. Только Катя — истинная леди и матом обычно не ругалась, считала ниже своего достоинства употреблять бранную речь.

— Я, вашу мать, сейчас первая сдам вас Карателям!

Звуки вернулись в голову. Крик Кати был натуральный на всю квартиру.

— И если соседи! — пальцем тетя указала в сторону выхода из зала, там же оказался Артем, застывший в одном состоянии. Бледный, как мертвец. Настоящий цвет лица у него смуглый. Это я всегда бледная, несмотря на знойное солнце на острове.

— И если соседи сейчас придут на мой ультразвук! Я вас всех сдам! И тебя! — ткнула тетя на Артема. — И тебя! — указала она пальцем с красным маникюром на Алину.

— А тебя! — дрожащая рука была направлена на меня.

— А тебя... — первое время слов она не находила, рассматривала столик, пол и стены в гнетущей тишине, которая сильно оголяла нервы.

— Тебя я отцу сдам! Во! — нашлась она с ответом. — Я немедленно позвоню твоему папе и всё расскажу! Всё! Он тебя повесит на собственных кишках! — злорадно пояснила тетя. Ее довольная улыбка подсказывала, что родственница действительно мечтала увидеть кровавое зрелище.

Артем присел рядом, перекинул руку мне на плечо, и подтянул к себе, легко потирая мою руку в успокаивающем жесте. Пытался согреть, передавал необходимое тепло. Алина продолжала сидеть на полу, скрестив пальцы на коленях, и смотрела в пол, пока тетя неистово кричала.

POV Диана

Алину тетя прогнала из квартиры, сказала, чтобы проваливала в общежитие. Больше отказывалась здесь держать. Артема решила покрасить светлым цветом и пусть неделю полежит на острове, пока страсти поутихнут. Мне разрешила остаться на последние недели, необходимые для адаптации.

Пока восстанавливалось горло после удушья, я не работала и не посещала занятия.

С Алиной больше не разговаривали, не могли найти нужных слов, сбегали, едва встречались в узкой квартирке. А потом, как было велено тетей, подруга переехала в общежитие.

Катя, как и обещала позвонила отцу и мне была назначена дата встречи с родителем. Не представляла, чем закончится великое событие. Отец соизволил почтить своим присутствием! А то я подумала он вымер. Редкие виды животных вымирают, вот и он самый занятой, трудолюбивый предводитель Клейменных казался вымершим.

Предстояла очередная лекция на тему моей непутевости и безответственности, в случае если тетя сдала по поводу разорванных джинсов, запаха сигарет от Гектора и засосов на теле.

Одним словом, настроение было крайне отвратительное.

В субботу с утра собиралась на встречу с отцом. Номер Гектора поставила в черный список, а то донимал сообщениями и даже один раз звонил. Представляю сколько мата будет, когда узнает, что поставила его в черный список.

Почему все самые плохие моменты непременно связаны с Гектором? Чтобы в человеческом мире не происходило везде замешан он. Лучше бы я его не встречала.

Гектор как знамя чумы, все убивает собой. Всю жизнь испортил, поссорил с подругой, подверг нападкам Роз. Нет-нет да сообщение на телефоне своим миганием приковывало взгляд к экрану, но я не открывала его.

Никаких Гекторов! Нет! И нет! Видеть не желаю.

С отцом договорились встретиться в том же деревянном кафе неподалеку от дома, в котором виделись с Артемом.

Когда зашла со звоном колокольчика на двери, оглядела полумрак в небольшом помещении. Несколько посетителей сидели за столами и смотрели футбол по телевизору, висящему на стене. Посетители громко разговаривали и пили пиво, обсуждая матч. Криками подбадривали игроков.

В самом конце помещения за столом вальяжно устроился мужчина в черной, расстегнутой кожаной куртке. Волосы черны, как ночь. Аккуратная, ухоженная борода украшала мужчину.

Папа же лысый!?

От удивления прибавила шаг, громко топая кроссовками, побыстрее желая преодолеть расстояние между нами.

Отец добродушно улыбнулся и махнул рукой, чтобы привлечь внимание. Но я и так видела шикарно подтянутого молодого мужчину, которому явно не дашь пятьдесят лет. С виду выглядел чуть старше Гектора, только немного морщинок возле глаз уродовали красивое, мужественное лицо.

Я в маму пошла — у меня более плавные черты, у папы грубее. И если бы он не являлся моим отцом, точно бы влюбилась с первого взгляда!

Признаюсь, папу приятно увидеть после долгой разлуки.

Я увеличила шаг, желая сказать хоть слово. И на миг забыла, что дальше последует наказание. А наказание от отца — чревато шрамами.

— Привет! — произнесла, встав возле стола, не зная, как поступить. Обнять? Поцеловать? Папа не любит проявлять эмоции, поэтому пришлось неловко стоять в проходе в ожидании решения. Легко постучав пальцем по правой щеке, отец дал добро на поцелуй.

После обмена любезностями мы удобно расположились за столом, разделись, заказали покушать. От нервов захотелось чего-нибудь пожевать, желательное сладкое — клубнику, например. Обожала клубнику на острове, а в Приаме ее не найдешь.

Как и обычно сначала последовал стандартный набор вопросов: самочувствие, настроение, занятия (раньше на острове, теперь в университете).

Если папа узнает, что половину занятий пропускаю, прибьет к стене гвоздем вместо Карателей. Настроен отец был добродушно, краем глаза посматривал за мою спину, где вещал футбол. Никогда бы не подумала, что он любит эту игру. На острове не разделял моего развлечения.

— Ну...ну...давай... — прокомментировал отец. На минуту забыл о существовании дочери и отвлекся на телевизор. Рукой махнул на них. — Кривоногие! Наш округ никогда не станет чемпионами!

Я кушала в этот момент огромный шарик клубничного мороженого, а на последней фразе отца развернулась на экран. Нет. Память не изменила.

Сегодня не играла команда Приама. Сегодня были другие команды — Пронска и Питера. Значит отец не из нашего округа, а откуда? Но если спрошу сейчас, знаю, что последует дальше.

Я читаю мысли отца:

— *«Диана, меньше знаешь — крепче спишь!»*

Я эту поговорку, позаимствованную из людского мира, которую отец произносил вместо ответа на любопытные вопросы, люто возненавидела. Со временем перестала интересоваться, молчала и только отвечала на его вопросы.

Поэтому пока кто-то кому-то забивал ела мороженое и не отвлекалась.

— Ты не хотела бы переехать в другой округ? — очень удивилась внезапной фразе отца. Вроде был поглощен телевизором, и сейчас смотрел на экран, а разговаривал со мной.

— А что так? — прожевав холодную кашку, спросила. Ощущение, что кусок льда проглотила, даже закашлялась. — Я же в университете учусь? Бросить?

— Переведешься. Не сейчас, чуть позже, одно дело завершу, — пожал плечами отец, и наконец, отнял взгляд от телевизора, локти положил на стол.

Пошла реклама между таймами, следовательно можно поговорить. В этот же момент подошла официантка, женщина средних лет в обтягивающих брюках и белой блузе с подносом в руках. Расставила тарелки перед нами, на что папа галантно улыбнулся, кивнув с благодарностью.

— Что-нибудь еще требуется? — рука женщина переместилась на стол рядом со мной, едва не задев фужер с мороженым. Я вовремя подхватила, чтобы не перевернулись остатки, а официантка будто не заметила.

И это при живой-то мне!?

— Нет, рыба моя! — с обворожительной улыбкой ответил папа.

Он МНЕ так никогда не улыбался!

Есть категорически расхотелось, особенно учитывая, что заказала печеную красную рыбу. Как только тетка-официантка ушла от стола, я брезгливо отодвинула тарелку подальше от себя. Значит и папа, женщинами пользуется налево и направо.

Я разлеглась поудобнее на лавочке, спиной оперлась, руки скрестила под грудью, намекая, что есть не буду.

— Я надеюсь ты не запечаталась? Я предупреждал Катю, чтобы следила за тобой в этом плане, — отец спокойно взял ложку, взгляд обратил на еду, а я — пустое место.

А у меня глаза, почти в прямом смысле, забегали по всем стенам, подальше от отца, и если бы он на меня посмотрел, увидел, что мне крайне неловко и где-то я прокололась.

— Нет! — поспешила ответить, а то пауза была многозначительная. — Да и с кем? — насмешливо фыркнула и плечами еще пожалала, спрашивая у воздуха совета.

Как не выдать себя, что произошел один инцидент, когда почти!?

— Артемы всякие из головы вылезли? — отец смотрел в тарелку, но ощущение, что сканировал меня лбом или волосами.

— Пфффф! — не нашла ответа, вместо этого воздух выдула между губ. Отец сразу голову поднял, ложкой по тарелке стукнул, от чего создал море брызг от супа. Сейчас готовился затопить недовольством, потому что повторил мою позу: развалился на спинке лавочки и сложил руки под грудью.

— Я вот что предлагаю! — заговорил папа, привлекая мое внимание, сделав поучительный, твердый тон. Обычно таким выдавал наказания за нарушение правил.

— Примерно после Нового Года станет попроще и я тебя возьму в свой округ. Оформим пару документов для перевода из университета. Я пока не хотел, чтобы ты светила рядом со мной, это опасно. Но вскоре можно будет. И... — папе мне показалось стало неловко, на секунду замолк и строго озвучил приговор высшей инстанции, не терпящий возражений:

— Я познакомлю тебя с твоим будущим Единственным! Мой хороший знакомый с отличными генами. Я готовил тебя для него, поэтому всякие Артемы не входили в мои планы.

Отец замолчал, чтобы обдумала услышанное, а сам вернулся к обеду и в особенности — супу. Как интересно получилось. Жила в блаженном неведении, думала отец забыл о единственной дочери и на могилу не придет проведать, а оказалось... мою жизнь с рождения расписали.

Без меня меня запечатали!

Святая земля Клейменных, как это мило.

— Да ты что? — удивленно — наигранно спросила у папы. На что родитель недоуменно повел бровью. — Как это мило!

Хлопнула в ладоши, соединив пальцы друг с другом. Я переняла замашки Гектора — это очень плохо.

Всё! Ртуть терпения достигла максимальной отметки, голова готова взорваться от давления.

— Это великолепно! — не унималась я, улыбаясь как умалишенная, которой дали горсть антидепрессантов от плохого настроения. Тетя иногда такими баловалась. — А кто хоть?

Если проанализировать степень удивления с начала пребывания в людском мире, то

можно сказать так:

Я почти не удивилась, когда Гектор — хороший мальчик, который помог возле позорного столба внезапно стал главной причиной моего наказания.

Я, наверное, не удивилась когда узнала о существовании Дины и когда едва ее не убила.

Я слегка удивилась, когда подруга подняла на меня руку.

Но ответ отца...мягко говоря удивил:

— Каратель, — почти шепотом произнес приговор отец.

Фейерверк эмоций в голове, она бедная, зазвенела от полученной информации. Тысячи вопросов заорали глубоко внутри меня:

В истории наших миров не существовало ни одного известного случая, когда бы Каратель и Клейменный создавали пару.

В давние времена, когда мир был поровну поделен между Карателями и Клейменными, если Каратели насиловали наших женщин, мы самосжигались после этого процесса.

И что значит готовил всю жизнь?

Я подопытная дочь?

И самое главный вопрос. Кто этот Каратель, которому меня, как блюдо, приготовили?

Но пока вместо льющегося потока брани, я лишь хлопала ресницами. Некоторое время молчали пока отец кушал, а я забыла на время о еде, в особенности о рыбе. Очень долго смотрела, как папа смаковал обед. Точно от ощущения полного тупика. Я перед высокой стеной, не обойти, не перелезть и обратно не вернуться. И вот стояла в неизвестности в ожидании приговора.

— А поподробнее нельзя? — очень невежливо, нагло и испуганно спросила. Настолько эмоционально достигла пика, что не боялась повысить голос на родителя.

Отец еще примерно минуту демонстративно ел, не прерываясь на болтовню. Он делал всё четко по плану, поел — хорошо. Тарелку отставил и нашел время для меня.

Я не могу...не умею общаться с отцом. Рядом с ним, словно бесполезный таракан, который мешался и раздражал.

Я должна быть примером силы, стойкости и благородия на острове. Он должен мной гордиться. А я... посмела обмануть его надежды. Я — жалкое создание, которое забило голову похотью. И это цитата из его речи. Его слова намертво клещами впились в воспоминания.

Я должна быть показателем добродетели, примером подражания, а выросла ничтожеством. Это тоже цитата. Помню слова перед тем, как запер в подвале, в абсолютной тьме.

Отец на много лет убил способность проявлять эмоции.

Я только-только стала ощущать эмоции в людском мире, поначалу было страшно открываться, но со временем смогла.

— Смотри! — отец внезапно заговорил, чем заставил очнуться от воспоминаний, прекратить вспоминать и топиться в прошлом.

Папа взял бокал пива высокий, искусно изогнутый, и бокал с соком, затем прислонил напитки друг к другу и стукнул между собой.

— Это грани между Карателями и Клейменными. Стекло. Мы взаимоотталкиваемся.

Отец слегка стукнул бокалы друг об друга, создав небольшой звон, жидкость взболталась внутри фужеров, но не вылилась за пределы.

— Мы отталкиваемся на физическом и эмоциональном уровне. Наша природа

заставляет обходить друг друга стороной. Поэтому в жизни мы сторонимся друг друга и даже не понимаем из-за чего это происходит. Бывает два варианта отталкивания: когда Каратель сразу вызывает стойкое отчуждение (это на физическом уровне), а второе, когда с виду не чувствуем Карателя, но если он нарушает наше личное метровое пространство, тогда эмоционально отталкиваем его, — отец любовно поглаживал запотевший бокал с пивом, размазывал капельки по стеклу. Говорил вдохновенно о том, что больше всего заботило в жизни.

— Стекло Карателей, я не исследовал пока. — отец постучал указательным пальцем по моему бокалу с соком. — Наше — папа погладил свой бокал с пивом. — Прочное. Не пробьешь. Мы — эмоционально нестабильны, очень слабы в моральном плане. Когда подходит эмоциональный пик — мы само сжигаемся, поэтому в давние времена ходили слухи, что при соприкосновении Карателей и Клейменных мы само уничтожались. Женщины не могли перенести насилия и убивали себя праведным огнем. Это не в Карателях дело, а в нас. Мне любопытно, что произойдет, если одну жидкость перелить в другую — смешать напитки. Твое стекло я начал уничтожать с первых дней твоей жизни. Представляешь химиотерапию для людей больных раком, должна представлять? — кивнула на вопрос отца. — Я проводил похожую процедуру вам...

Вам... это слово многозначительно повисло между нами, завибрировало напряжением. В этот же момент посетитель начал кричать в помещении кафе, победно вскочил радуясь, обнимаясь с друзьями.

— Ты двадцать вторая. Двадцать один Клейменный до тебя не выдержал процедуру...

Я тоже должна сейчас радоваться, как и болельщики, голу? Воспарить над полом кафе от гордости с распахнутыми крыльями за спиной. Великая честь была дарована мне — пробили стекло, и я теперь не отталкиваюсь с Карателями. И я выжила среди большого числа грудничков.

Но почему-то было обратное ощущение — что отец посадил под замок вновь в тот темный подвал, одну и навечно. Разница между двумя случаями только в одном, в первый раз знала за что наказана, а сегодня не представляла.

Больше не выдержала, не смогла смотреть в одухотворенное лицо отца, пылающее восторгом и своей гениальностью, поэтому обреченно опустила взгляд на бокалы с напитками.

Встала с места, ногами слишком сильно уперлась в лавочку и в результате отодвинула ее. А она громадная проскрипела по полу, привлекая ничтожное внимание людей. Руками опираясь на деревянный стол, посмотрела на отца уверенно, не мигая, а родитель в противовес удивленно. Потом под нависшим молчанием взяла с вешалки куртку и, не раздумывая пошла на выход, но прежде озвучила:

— Не хочу тебя больше видеть!

А отец молчал на мой уход. Правильно, его ответы больше не нужны, а он не привык отчитываться, тем более перед мелкой соплячкой.

Шла по проходу, набрасывая куртку, просовывая руки внутрь рукавов. Галдели болельщики футбола, противно звенели в ушах, донимали довольными криками. Кому-то забили гол, попали в ворота. И мне попали в ворота, прошибли насквозь сердце.

Кому я нужна в мире? В мире Клейменных? В мире людей? Может в мире Карателей?

Истерично засмеялась над последним предположением, выходя в морозный день с непокрытой головой и распахнутой одеждой. Да, пусть, так. Заболею и сдохну. Кому я

нужна? Пятьдесят на пятьдесят. Сдохну или нет? Весело было, папа, играть с жизнью дочери? А может и создал меня только для того, чтобы проверить, как твои великие гены выдержат процедуру? Другие ничтожества не выдержали, а твои гены — выдержали.

Ты — гений, папа, как обычно. А я — инкубатор для опытов.

POV Диана

Не каждый день понимаешь, что ты — пустое место, жалкая пылинка на предмете мебели, которую всем нейдет стереть или удалить. Вернувшись после встречи с отцом, с грохотом открыла дверь в квартиру. Гнев сдерживать не пыталась: швырялась кроссовками в стену, срывала одежду, потом кое-как запихнула ее в шкаф, даже не повесив.

Когда пробежала мимо зала, желая скрыться от внимательного взгляда, расслышала вопрос тети:

— Как прошла встре...

Сделала вид глухой. Плотно прикрыла дверь в комнату, понадеявшись, что тетя поняла намек — не входить.

Артема вчера покрасили и проводили из дому, уж не знаю, как у него дела, но по новостям не было внезапных сообщений о поимке беглого Клейменного.

И теперь я одна. Алины — нет, Эли — нет, отца — нет. Артема — нет. Одна тетя в соседней комнате. По женским, шаркающим шагам определила, что родственница приблизилась к двери и раздумывала войти внутрь или нет. Нарушить мое одиночество или нет.

Катя, видно, прикрыла от отца, не рассказала о том, о чем грозились: про Гектора и засосы. В противном случае папа сразу забрал бы к себе непослушное дитя — под домашний арест или выдумал очередное наказание, чтобы убить во мне похоть. Обязательно бы сказал, что это я спровоцировала мужчину, глазки вероятно строила.

Вечером предстоял первый рабочий день после затянувшейся болезни горла, тетя казалась воодушевленной моим уходом — носилась по квартире, кому-то звонила, трещала птичкой. От нее исходила энергия.

Я же собиралась на работу крайне неохотно и вяло: провела расческой по волосам пару раз, собрав их на затылке в хвостик, джинсы надела. Я похожа на бомжа, у людей скоро сложится впечатление, что я бездомная. Только майки меняю, хожу в одних джинсах безвылазно.

Когда ушла на работу, поняла, по какой причине тетя веселая. Дома вечером в субботу квартира будет пустовать, а значит тетушка могла развлечься в свое удовольствие.

Ресторан отеля Приам был закрыт для посетителей в преддверии праздника, проводившегося с воскресенья на понедельник (с 11 на 12 ноября), в это время работники наряжали зал и отель к будущему торжеству.

Работа немного отвлекала от одиночества в жизни, было приятно окунуться в праздничную суматоху. Даже не хотелось возвращаться в пустую квартиру, где я, стена и кровать с потолком. Лежишь и смотришь вверх, пытаешься понять, что сделать со своей жизнью. Как спрятаться от отца и неожиданного потенциального Единственного? А тому надо это или нет?

Что делать дальше? Учиться? Где жить? Столько вопросов замучили утром в воскресенье после работы. А последняя новость добила — позвонила Алина и попросила в ночь ее заменить, она заболела, слезно молила помочь.

И что было делать? По идее, надо послать Алину очень далеко на край света, но я... я не смогла. Открыла рот возле телефонной трубки, готовясь послать, но так и выпускала воздух.

Не в силах сказать «нет» лучшей подруге.

Гребанный я Клейменный! Безотказный, гребанный Клейменный!

В общежитие университета, где валялась Алина с красным носом и слезящимися глазами, прикованная к кровати, я прибыла за три часа до начала праздника.

Главная проблема в том, что у подруги температура, а нашему менеджеру безразлично, даже если вдруг работники при смерти. Сегодня важный день и обслуживающий персонал должен быть на месте. Алина первым делом позвонила Эле — видно, тоже неловко просить помощи. Еще бы! Эля отказалась из-за карнавального костюма. Я лишь мельком оглядела костюм-тряпочку и согласилась — выхода не было.

А когда Алина, светящаяся от счастья, с легким румянцем на щеках, обняла меня, то я не ответила тем же. Замерла в одном положении с руками, повисшими безвольными плетями по бедрам.

Я согласилась помочь, хотя меньше всего хотела в этот день выходить на улицу. Видеть ночью людей и Карателей, насмехающихся над нами. Этот день с одиннадцатого на двенадцатое ноября, как знамя нашего «уродства»! На главной площади сжигали манекен Клейменного и устраивали салют. После шести часов вечера на дорогах ночного Приама появлялись переодетые люди и Каратели. И в этот день не понятно, кто кем являлся на самом деле.

Пока шла в ночную смену, по дороге встречала «уродливых» людей. В первые времена существования мира в книгах Клейменных изображали в ореоле света, как богов, а затем в средние века Клейменные стали прототипом страшных чудовищ (трехногие твари с огромными клыками; сморщенные старухи; летающие, прекрасные девы, но с куриными ногами). Кем нас только не представляли, но всегда — уродами.

Сегодня на главной площади, которая представляла собой высокий помост с шестом, висело огромное пятиглавое чудовище с красными глазами и пастью-иглами. У каждой головы свое изображение Клейменного, известного в истории. Для нас они герои войны, для людей и Карателей — чудовища.

Я старалась не смотреть на встречавшихся разряженных людей, но те, как будто специально постоянно хлопали по плечу и поздравляли с Темным днем — день, когда лжеКлейменные выходили на свет.

Обычное развлечение для людей, зато завтра официально не работали.

— С праздником! — крикнула девушка с парнем в очередном ужасном изображении. Я скупно повторила ту же фразу.

Открытие ресторана Приама через два часа, но обслуживающий персонал попросили прибыть пораньше, чтобы переодеться. Обычно форма у нас состояла из белой блузы и черных брюк или юбки, сегодня обязателен развлекательный костюм.

Надев карнавальный костюм-тряпочку, скептически осмотрела себя в зеркало снизу доверху: белые босоножки на устойчивом, маленьком каблуке, дальше белые, махровые гетры до колен, имитирующие шкуру зверька. Я белая кошка! Выше колен голые ляжки и узкие белые шорты, а сзади болтался длинный, прямой хвост почти до самого пола, толщиной в три пальца. Эта часть тела особенно привлекала общественное внимание, но странное дело — мне сегодня было все равно, как выгляжу. Пусть смотрят на полуголые ноги и задницу. Костяшки на бедрах очень сильно выпирали, что говорило опять же о резком похудении. Я бы не отказалась мяса набрать, но на нервной почве только худела. Пупок голый, ребра голые, а грудь скрывала белая тряпка с шерстью и с капюшоном, на котором

вышиты широкие кружки — глаза, щеки с усами, и торчащие уши.

Свою почти обнаженность я мало ощущала, выполняла обязанности строго по команде. Менеджер — женщина тридцати лет сегодня нарядилась в черное платье, изображая престарелую тетку с колпаком на голове и метлой, которую держала в качестве украшения возле барной стойки и иногда размахивала, погоняя работников.

Девочки-официантки каждый раз при встрече меня насмешливо дергали за хвост.

Помещение ресторана огромное: слева при входе длинная, фиолетовая барная стойка, подсвеченная приятным светом. Дальше, если пройти стойку небольшие диваны с калянами, то пространство имело несколько интимную обстановку. А основное помещение огромного зала было заполнено столами. Всего двадцать столов на большое количество людей. А в центре зала импровизированная сцена, где будет проходить небольшое развлекательное шоу.

На вечер была приглашена звезда интернета «Гадалка Рада», которая читала судьбу по прикосновению к телу. И она вроде как НЕ Клейменная, но ее услугами любили пользоваться люди: она лечила бесплодие, даровала удачу и варила «зелья». Главная конкурентка тети в любовных зельях.

В девять часов вечера двери ресторана открылись и затемненный зал стал вместительным огромного количества молодежи. А мне все это поперек горла: веселые люди, беззаботная толпа радующаяся непонятно чему. Сожжению нас?

Ведущий вечера уже начал заводить толпу, рассказывать мифы былых времен, про Клейменных, запомнившихся в истории людского мира.

Я обслуживала первые четыре стола, что-то убрать, принести, записать заказ. Официантки передвигались вдоль ресторана со специальными маленькими компьютерами, которые удобно крепились к одежде (в моем случае шортам). Компьютер хранил информацию обо всех заказах и имеющихся в наличии блюдах. На это средство связи приходил вызов от столов. А на столах имелись маленькие, округлые кнопки, куда нажимали посетители, чтобы вызвать официанта.

Так и началась работа. Иногда я чувствовала скользкие, лапающие сальные взгляды, но было все равно. Пяльтесь, сколько угодно. Один раз потянули за хвост, едва не сняв вместе с шортами. Я лишь мягко высвободила хвост из похотливых рук и пошла дальше.

Возле первого столика, пока звучала медленная мелодия, а танцевальный зал наполнялся влюбленными парочками, меня резко остановили. Руку намертво сжали мужские пальцы.

Развернулась, надо бы улыбнуться, конечно, но сегодня улыбки не срабатывали, как будто кто-то расстроил внутреннюю способность испытывать эмоции, перегорел внутри фитиль. Я смотрела на держащего мужчину, и почти сразу узнала. Его фотография хранилась в университете на стенде: великий спортсмен, футболист, голубоглазый, достаточно высокий блондин (со мной примерно одного роста). Когда-то у нас с девочками закурить спрашивал помнится на газоне, в самом-самом начале учебы в университете.

Узнал меня он или нет?

— Какие милые кошечки! — таинственная улыбка обратилась в первую очередь к голому пупку и коротеньким шортикам, в особенности молнии, скрывающей девичью интимную часть тела. Затем Виктор Михайлович наклонился в бок и оглядел видно хвост. Пальцем подхватил, изучая диковинку.

Мужчина не прекращал смотреть, как на манекен. На холодный, бездушный манекен.

Затем взял мою руку, повертел запястье, потом второе.

— НЕ Роза? — с долей разочарования спросил, подняв на секунду взгляд на лицо. Впервые на лицо, а не рассматривая поданное на ужин добро.

Я отрицательно покачала головой. Тот цыкнул недовольно, еще бы... придется узнавать имя и вести себя менее нагло. Розе можно заказать выпить или подарочек подарить и через секунду она будет отрабатывать в туалете благодарность. Со мной надо напрячься.

Только, кажется, Виктора Михайловича не заботило мое согласие. Крепкая ладонь легла на бедро, пальцы заскользили по обнаженной коже пупка, маленькой дорожке, нырнули во впадинку, заставив мышцы немного сжаться от постороннего вмешательства.

Какая все-таки разница, кто трахнет? А? Все равно они все пользуются? Только когда пользуется равнодушный тебе человек — это менее больно.

В конце концов, он богатый, это несомненный плюс. Я тоже хочу ими пользоваться. Глаза у Виктора Михайловича довольно заблестели, как у ребенка, получившего лакомство.

— Здорово! Сучий потрох! — произнес хорошо известный голос.

Не поняла, как это произошло. Резко отскочила, когда Виктор Михайлович от удара в плечо завалился на своего соседа, но руками успел приостановить падение. Зато сосед не удержался и упал на пол, остановив окончательное падение мордой в пол только ладонями.

— Вашу ж мать! — Гектор долго заливался смехом, руку кладя на плечо Виктора Михайловича, а тот раздраженно ее сбрасывал. — Жрем дорогуший коньяк, я смотрю, мажоры недоделанные, обедаем своих богатеньких папочек и мамочек! Эх, о кому-то есть нечего! — подвел он итог, стерев невидимые капельки слез с глаз.

Голос Гектора узнала, но мужчина скрыт с ног до головы черным балахоном, даже на голове капюшон, с нарисованными на нем кровавыми языками пламени. Мужского лица не было видно из-за капюшона, до тех пор, пока не поднял голову чуть выше, рукой держась за плечо Виктора Михайловича. Стрельнул в меня взглядом, спрятым за красной, кровавой пленкой линз. Кожа на мужском лице изуродована нарисованными странными, голубыми венами. Понятно — демон, приспешник Сатаны. Конечно же, изображал злого Клейменного.

— Я смотрю кисок лапаешь... — спросил Гектор, при этом оценивал мой вид. Вероятно, удивлялся, что как нищенка работаю в официантках?

— Я могу вас покинуть? — поинтересовалась у Виктора Михайловича, но ответил другой:

— Нет, не можешь! — Гектор по-хозяйски обнял, руку положил на плечо, сзади одеждой балахона полностью скрыл нас от вида людей. И повел меня в гущу людей к другому столу.

— Эй, куда? — донесся в спину от Виктора Михайловича раздраженный вопрос.

— Это моя киса. Глаза себе купи! — ответил Гектор.

Потом мужская рука легла мне почти на грудь, скрывая черной огромной тканью балахона от любопытных, посторонних взглядов.

— Какого хрена? — внезапно услышала шепот-шипение от Гектора на ухо. Улыбки сразу закончил, едва остались наедине, не считая развлекающейся толпы молодежи. — Какого хера ставишь меня в черный список? И какого хера... — а дальше замолчал, что-то обдумывая.

А я легко вынырнула из объятий и пошла по делам, обронив на прощание:

— Прошу прощения, но у меня работа...

Угораздило же встретить Гектора, но впрочем все равно.

Каким-то необыкновенным чувством всегда распознавала внимание карих, а нет, сегодня кроваво-красных глаз.

А через пять минут менеджер — наша тетушка поменяла мне столики. Теперь вместо столика Виктора Михайловича я обслуживала последний — двадцатый.

Очередная попытка унижить? Ну, пусть... Я равнодушно пожала плечами, стоя напротив стола большой компании, среди них узнала некоторых взрослых мужчин из университета, в том числе Андрея. Тот дружелюбно поздоровался... один, остальные предпочли проигнорировать. Гектора же обнаружила уже снявшим черный балахон — возможно, жарко было, хоть и работали кондиционеры, но алкоголь и много народу делали помещение душным. Его страшное лицо осталось, а под низом мужчина остался в черных брюках и красной рубашке, естественно верхние пуговицы открыты, показывая вздымающуюся грудь.

Пока на маленьком компьютере набирала заказ, водя пальцем по экрану, на гостей не поднимала глаза, выполняла свою работу.

Когда заказ был сделан, убрала прибор, присоединив к бедру, сил улыбнуться не было, и не хотелось.

— Хорошего вечера! — обронила стандартную фразу для всех клиентов. Тогда же мое бегство пресекла очередная хватка на локте. Наверное, будет синяк, равнодушно отметила для себя, даже не пытаюсь вырваться.

Гектор. Что? Сейчас предложит сходить в уборную может? Чего ждать? Обслуживающий персонал, в конце концов. И до этого не стеснялся в выражениях, а сейчас и подавно.

Что для папы — я инкубатор, что для Гектора, правда ему не для детей, а для удовлетворения личных потребностей, ну и для самоудовлетворения. Мол, есть: «завалил упертую кобылицу»! Для Артема я тоже была неким спасателем. Для Алины я тоже сегодня предмет использования. Давай, Гектор, не стесняйся, пойдем в туалете трахнемся!

Я не вырывалась, глядя в страшные, изучающие, красные глаза, а мужчина все держал и молча смотрел.

Ну, долго еще? Устав ждать, высвободила руку и пошла выполнять работу.

Столик Гектора побил мировые рекорды, за один час меня вызвали двадцать шесть раз. То у них приборы грязные, то цветы мешались за столом, то возле них сильно орала колонка. Некоторые моменты приходилось решать с менеджером, а уж как тетушка облизывала с ног до головы двадцатый стол, даже подозрительно, словно важных господ. Или, возможно, надеялась на щедрые чаевые?

Тетя, не тех облизываешь, хотелось сказать! Все мажоры с Виктором Михайловичем, а это бедняки. Взять с них нечего, оставят тебе пару «денег».

А у меня ни один волос не дрогнул, слушала и кивала на приказы Гектора, отвечала максимально корректно, вежливо, и равнодушно.

Я как в скорлупе...похожее состояние, когда появилась в людском мире, словно под броней из камней, кто-то стучался, а я не слышала и не видела кто. Вроде смотрела на Гектора, а не видела.

В процессе вечера выступала гадалка Рада. Я ожидала увидеть этакую старую каргу, но вместо нее молодая девушка в солнечном платье, на ее голове колпак — солнышко, и она вся улыбочивая. Не похожа на Клейменную.

У женщины было небольшое выступление — гадала по руке посетителей. Голову дам на

отсечение, едва выйдет из зала, как Каратели-охранники отеля Приама проверят. Свет погас в зале, из динамиков полилась тихая, заунывная мелодия, как свист ветра, а Рада подняла руки вверх, пальцами рисуя невидимые узоры в воздухе: неизвестные спирали, круги. От ее действий вокруг люстры, на которой горели несколько десятков свечей, крутились блестящие кружочки — это украшения, приклеенные к стенам помещения, над которыми трудились не один вечер. Гадалка отлепила их и игралась ими в воздухе.

Восхищенные вздохи и свист толпы сопровождал невиданное действие. Люди боялись силы, но не могли оторвать восторженных взглядов.

Помещение ресторана рассекали лучи-прожектора. Я как раз наблюдала это красивое зрелище, пока выдалась свободная секунда, опираясь спиной на барную стойку.

— Диана, двадцатый! — откуда не возьмись выскочила менеджер с крайне испуганным лицом. — Быстро-быстро! — подтолкнула меня под руку, направляя в сторону зала. — Ты сегодня какая-то заторможенная! Валерьянки выпила? — подпихнула в спину мимо сцены с Радой к необходимому столику.

— Цианида калия скорее, — пробурчала себе под ноги, направляясь к знакомому столику, проверила сбоку компьютерное устройство. А на нем пропущенные вызовы. Десять раз посылали вызов, а я не замечала — смотрела представление тетки — Клейменной. Интересно, спецэффекты или нет? Каратели ее точно проверят на способности, не может же она настолько открыто пользоваться ими или ее кто-то оберегает? Тоже, как вариант, женщина выглядела молодо — около тридцати.

Слушая аккуратный стук собственных каблуков, не сразу заметила, как в меня врезалась знакомая девушка. Подхватила ту за плечи и узнала коллегу в костюме красной шапочки из детских людских сказок. Официантка спрятала взгляд у меня на груди.

— Даш, ты чего? — удивленно спросила.

Плакала, что ли!?

На вопрос девушка вырвалась и, обогнув по дуге, бросилась назад туда, где я была прежде. Явно плакала. Я так поняла она от столика номер двадцать, куда я не пришла по первому вызову.

— Я смотрю вы сегодня в ударе! — спокойно проронила, беря компьютер в руки и готовясь к очередным претензиям. Гектору же надо показать свое превосходство над остальными ничтожными людишками.

Именно с того момента цианид в крови начал рассасываться и, наверное, распространяться по всему организму. Сначала кровь начала бурлить, медленно закипать, ее шум слышала внутри себя.

После выступления тетки Рады, господину Гектору показалось, что ему в шею сильно дует кондиционер, и мы двадцать минут тревожили остальных гостей, делая немедленную перестановку в зале. По середине вечера! Это нелепо! Это глупо! А менеджер едва в рот не смотрела этому столику, будь ее воля с ложечки бы кормила.

А мне несколько раз едва хвост не оторвали какие-то мужчины. Когда дергали за хвост, то соответственно и шорты вместе с ними спадали, обнажая белье. А кровь кипела, пар пока не валил из ушей, но щеки загорелись от гнева. Пальцы уже сжимала в кулаки, боясь, что сейчас сожму чью-то шею и задушу. Слава святой земле, что сила уже пробудилась иначе бы сейчас точно пробудилась, и я совершила убийство в состоянии аффекта.

И когда в тридцать пятый раз получила вызов с двадцатого столика — подошла почти ровно, почти не переходя на бег.

— Что будет угодно? — остановилась напротив Гектора, сидящего в центре стола, с руками, сцепленными возле рта в замок. — Ваше, приамское величество!?! — не удержалась от комментария. Прибором стукнула-положила о стол, руками оперлась об твердую поверхность. Я насквозь пропиталась гневом. Очень хотелось выпустить всю эту огненную волну, что заставляла вибрировать от нервов тело.

— Курить! — твердым голосом начал Гектор, глядя в упор. Ловко прицелился, как снайпер, выискивая цель. Цель видимо — я. — Какого хера в этом задрипанном, пафосном ресторане нельзя курить? Почему я должен, рискуя заболеть, вставать и идти на улицу или в угол ресторана? Я может здесь желаю, не отходя от стола!?

— Слушай ты! — начала я. Аж затошнило от огненной волны в груди. Набрала воздух, прогоняя ее, но она вылилась из меня. Не совладала с собой, не смогла остановиться. А музыка в этот момент закончилась и наступила маленькая пауза, позволявшая услышать мою речь:

— Хочешь курить — поднял свою задницу и длинные ножища и поперся вон туда! — указала пальцем себе за спину, где работали вытяжки. — Я например не курю, и у меня голова кружится от запаха табака, но тебе же плевать на остальных! Если что-то не нравится, то найди себе другой задрипанный! Пафосный! Ресторан! Еще пожелания будут!?! — едва не залезла на стол от гнева, всем телом напирала на него, костяшками бедер упиралась в поверхность.

В этот момент ощутила, что и дыхание закончилось, и огонь изнутри вышел. Я его весь вылила на Гектора и пустота теперь. Кстати не только внутри! Машинально оглянулась по периметру зала. Музыка закончилась и кто-то внимательно смотрел на меня, пока я стояла в ужасе от сказанного.

Я...это...сказала...своему клиенту? Я уволена! Пришло озарение, когда увидела замершую возле барной стойки менеджера, у той лицо побелело. В помещении царила легкая затемненность, а менеджер на общем фоне выглядела прозрачно-белой.

Я повернулась к Гектору, пытаюсь найти эмоции на его лице, но что-то не понимала, чего ожидать, поэтому замерла. Скромно взяла свой компьютер и прижала к груди, словно защищаясь щитом.

Я уволена. Я точно уволена!

— Счет неси! — приказал Гектор, чем подтвердил мои худшие опасения.

Я неровно развернулась вокруг своей оси и неуклюже пошлепала к барной стойке.

Меня сейчас уволят. Сейчас уволят, об этом мигал взгляд менеджера. Коллеги-официантки показывали ладонью, как мне сейчас отпилят шею. Я сглотнула нервно, но гребанный я Клейменный, какой же это кайф!!! Едва руки вверх не выставила победно.

Я наконец-то обматерила этого зазнавшегося поганца. Я не знаю, что такое наркотики, но ощущение, что под кожу влили теперь не цианид, а чистый кайф. Вихрь эмоций распирал изнутри. Я часто-часто дышала, а улыбка начала появляться на устах. Не знаю, что такое оргазм, не довелось испытать, но почему-то уверена, что оргазм — это менее круто, чем то, что я сейчас испытывала.

Не ведая того, Гектор довел до эмоционального оргазма, все нервные клеточки в теле трепетали от удовольствия.

Я всю эту огненную волну вылила на Гектора и плевать, если уволена. И даже если сейчас ударит, но нет, вроде подобным не занимался. В открытую не бил, мог через своих Роз.

Как же это классно! Я даже больше не хочу отцу что-то сказать. Пусть живет.

Счет распечатала в самые короткие сроки и с улыбкой швырнула Гектору на стол, еще и присела в реверансе, держа одной рукой длинный хвост, а второй кончик шорт.

Наконец-то они собрались убраться, хоть вечер еще не закончился, но одной головной болью станет меньше.

Я ожидала возле барной стойки, когда компания исчезнет, но такого развития событий не предчувствовала. Локти лежали на поверхности стола, когда проверяла очередной заказ, тогда же две руки легли сбоку от моего тела.

Обдало знакомым запахом и прежде чем увидела лицо Гектора, уже поняла, что это его бедра прислонились сзади к хвосту, и его грудь напирала на спину.

Рядом с ним всегда чувствовала себя малышкой, причем почему-то иногда глупой.

А почему он не разозлился? Думала наoret в ответ. Странные у нас отношения — покричим, а потом он лезет обниматься.

Вместо крика, к неожиданности Гектор поддел мочку уха и прихватил губами кожицу, потом отпустил. Чем вызвал небольшой трепет на шее.

— Опять Клеймо исчезло. Придется восстанавливать, — услышала спокойный голос.

Будто не он пол вечера орал и не я его только что прогнала.

Странно, такой спокойный, а казался раздраженным этим рестораном и мной в особенности.

— Слушай, киса, телефон сюда давай! — от греха подальше послушалась, достала из кармана шорт телефон и отдала. Потом запоздало мелькнула мысль — Артем в списке звонков — самый разыскиваемый объект в Приаме. Пока Гектор был чем-то занят в моем телефоне, я развернулась в его объятии, чтобы не чувствовать напора сзади. Слишком смущало, когда тем самым местом прикасался к ягодицам, нервировало. Да и у меня там все просвечивающееся и в обтяжку.

Гектор быстро вернул телефон, внимательно глядя на меня и самое удивительное — без былой злости.

Я на него накричала, а он не убьет? Хотя зачем убивать, если и так уволят. Наверное, тайно наслаждается мстью?

Гектор опустил руку и... поднял мой мягкий хвост, играючи кончиком помахал в воздухе, а затем взял и обмотал вокруг моей шеи. Длины хватило на полный круг — получился некий пушистый ошейник. Гектор слегка подтянул на себя, заставляя подойти поближе. Ноги не касались друг друга, бедра тоже, но грудью прижималась к нему. Близости вероятно не хватило. Гектор вновь подтянул за пушистый поводок, заставив приподнять подбородок, и заговорил строго:

— Когда я звоню — всегда бери трубку. Это раз! — выразительно сказали красные капилляры на белке глаз и такого же цвета страшный зрачок. — И своим милым хвостиком! — Гектор потянул ошейник-хвост слегка, но ощутимо, стягивая на коже шеи. — Не вилай больше! Мне это жутко не нравится. Это два!

Последнее он произнес почти мне в губы, наклонил голову в бок, чтобы не столкнуться со мной носом, остановил губы возле моих. Всего пару жалких...малюсеньких сантиметров между нами. И не понимала почему застыл и смотрит, смущая своими страшными глазами. А он ждет...ждет, что закрою глаза, приоткрою губы и потянусь к нему всем телом. Сам намекая, что не сдвинется.

Я посмотрела на его губы и озвучила неловко:

— Гектор, прости, конечно, но ты сегодня ужасно страшный! — засмеялась на ровном месте, может быть от нервов, ведь сердце работало на износ, пока ждало приближения губ... этих черных, покрашенных помадой губ. — Мертвец и тот прелестнее!

Не унималась я, пока махровый поводок не натянулся на шею. Гектор одновременно сделал рывок головой, стремясь наверное поцеловать, и мое лицо потянул за поводок вверх, а я послушно приоткрыла губы, готовая принять его язык.

Но в последний момент Гектор резко убрал лицо назад, а я неловко остановилась в одном положении: наклоненной головой в бок для удобства поцелуя, открытыми губами и даже наверное видневшимся кончиком языка, готовым прикоснуться к его. И с замершим пульсом. Едва-едва стучавшим. Тук-тук.

Я не поняла — это из-за его рывка я поддалась навстречу поцелую или по своему желанию, а Гектор довольно засмеялся.

Гад! Он просто гад! Постоянно издевается!

Резко вырвалась из этого глупого поводка-хвостика и отправилась куда подальше, желательно за барную стойку, пряча покрасневшее лицо. Ему бы только посмеяться надо мной, да и над всеми. Он наверное не бывает серьезный, не научен.

Бегство было приостановлено внезапным объятием со спины, мужские руки обхватили с боков и сжались на груди.

— Не удержался, — тихонько посмеиваясь продолжил Гектор. — Зато выяснили, что ты очень даже не против меня поцеловать.

Я чувствовала, как подрагивала грудная клетка, прислоненная к моей спине.

И так странно стало — я закрыта Гектором со всех сторон, очень комфортное ощущение, как под теплым, пуховым одеялом, укутавшись по самый нос в метель. По бокам массивные плечи, сзади его тело, а спереди руки сковали, не давая никому не то, что притронуться, но и увидеть меня.

— Во сколько заканчиваешь? — когда напряженная тишина совсем извела, Гектор, наконец, спокойно поинтересовался.

— В семь, — ответила, глядя себе под ноги или нам под ноги.

— Тогда в семь тридцать жди здесь, или при выходе. Пойдем на ранний завтрак, в универ все равно не надо.

— А почему в семь тридцать? А что я полчаса буду делать? — повернувшись в бок, макушкой удобно устроилась на его плече.

— Потому что не одна ты работаешь, и раньше я не смогу подойти...

— А кем ты работаешь? Иии... и надеюсь ранний завтрак не подразумевает завтрак в постель?

Вместо ответа, Гектор сильнее сжал руки на моей груди, отчего ребра едва не затрещали, поцеловал в шею. От его голоса... от его запаха... от его губ, дикая дрожь прошла по всему телу, от кончиков волос на голове до пальцев ног. Сама же я вжалась спиной в его грудь и живот. На секунду расхотелось, чтобы он шел на какую-то работу.

— За завтраком и отвечу на все твои вопросы...

И он оставил меня смотреть за своим уходом. спине стало сразу до невозможности прохладно, тепло исчезло. Осталось лишь непонятное чувство потери, одиночества.

Руку локтем поставила на барную стойку, ладонью подперла лицо, глядя вслед уходившему Гектору. Под локтем обнаружила мокрую лужицу, видимо от разлитого когда-то напитка, но мало обратила на этом внимание. Никак не удавалось отнять взгляд от фигуры

мужчины. Когда тот ходил в футболке и джинсах с растрепанным темными волосами, казался моложе своих лет, таким насмешливым мальчиком, а когда надевал строгие вещи, в нем что-то неуловимо менялось, становился серьезнее. А уж, как брюки обтягивали его бедра, я молчу...

Скажу так...возникло желание протянуть руку и пощупать Гектора за ту самую пятую точку, обычно у мужчин там пустота плоскость, а у этого есть за что пощупать.

И с каких интересно пор я думаю о мужских бедрах, и мужском запахе?

Левой рукой подняла свой белый хвост и поднесла поближе к носу. От него исходил знакомый аромат. Мой хвостик оставил на себе мужской запах.

Я вновь вернулась взглядом к отдалявшейся спине Гектора. Вокруг него невидимое энергетическое поле, едва попадала внутрь — заряжалась какими-то частицами и начинало трясти от эмоций.

Это сумасшествие, да?

А Гектор тоже чувствовал эту нервную дрожь, когда соприкасались друг с другом?

— Мяс... — руку положила окончательно на барную стойку, голову сверху на нее, потеряв Гектора из виду. Вышел за дверь. — Мяс...мяс...

Выдохнула невольно.

— Мурrrrrr! — донеслось сбоку, через барную стойку. Повторив мою позу, развалившись локтем на столе, лежала наша менеджер. На этот звук я отреагировала весьма неожиданно, не думала, что кто-то здесь есть. Я вообще потерялась в нескольких мирах — вновь попала в мир Клейменных на теплый остров и под лучи яркого солнца.

Когда менеджер вырвала из родного мира, я резко отскочила от барной стойки и нечаянно задела лежавший счет от столика Гектора. Счет перевернулся и раскрылся, при этом парочка сине-зеленых купюр упала красивым дождиком на пол.

«Деньга» — валюта в Приаме, на бумажках изображена уродливая рука, испещренная венами, напоминающими корни огромного дерева. Не любила пользоваться «деньгами», они прямое напоминание о наших врагах, предпочитала использовать карточку папы.

Раскрыв счет, присвистнула (при условии что не умела свистеть) слегка выдула воздух меж губ. Одна деньга, две, три...на тридцатой я показала пачку купюр менеджеру. Та довольно подмигнула. Ой, не зря мы их облизывали!

Они банк ограбили? Чаевые — это десять процентов от стоимости. Здесь в три раза больше положенного.

Это что за подачки? Возникла раздраженная мысль. Но если подумать, их двадцать человек, и если они скинулись, то в итоге получилось не много с каждого.

А я бедный студент, скоро буду бездомной и у меня даже нет шапки.

Поэтому нормально.

POV Диана

Праздновали люди весело: постепенно градус алкоголя в крови повышался также плавно и страсти накалялись. Однажды дело дошло до драки между пятым и шестым столиком, если бы ожидали прихода Карателей-охранников всю посуду успели бы побить, а пока только несколько бокалов. Один подвыпивший мужчина другого опрокинул спиной на стол, поэтому пришлось разнимать.

Примерно около двух ночи выдалась свободная минутка, пила горячий кофе. Вкус, как у Гектора, такой же горький-горький при первом глотке, а потом со временем начинаешь ощущать своеобразный привкус. Привыкаешь к этой горечи и даже удается получать удовольствие.

Перебор сладкого тоже ведь не очень? Хотя в жизни среди людей еще сладкого не было. Я внезапно уловила внимательный прищур голубых глаз. Внимание было замаскировано, но время от времени чей-то взгляд анализировал. Кому я могла понадобиться?

После полученной информации от отца по поводу моего стекла от Карателей стало вдруг зябко. Отец убрал мою защиту, то есть я рефлекторно не отпугивала своих кровных врагов. У меня не имелось естественной защиты, созданной природой.

Отец, ты чем думал, когда сотворил это со мной? Я же под обстрелом.

Тогда же начала пристально рассматривать зал на предмет опасности, здесь каждый второй мог оказаться Карателем, а я как добыча, попавшая в ловушку людского мира и готовая к употреблению.

Едва не вскочила с барного высокого стула, за которым сидела. Пульс подскочил от осознания нависшей беды. Теперь казалось, будто за мной следили все посетители зала, а это могло уже дойти до стадии шизофрении.

— С праздником!

Услышав поздравление, сказанное женским голосом, я перестала крепко держать чашку с кофе, расслабила пальцы, мысленно успокоившись.

Это она следила, ее взгляд чувствовала.

Гадалка Рада. Солнышко — женщина, а мы чем-то похожи. Две блондинки со светлой кожей.

Рада присела за соседний стул с бокалом, наполненным красно-оранжевой жидкостью.

— С праздником! — ответила я сухо.

И что тетке надо?

Рада улыбалась, явно пытаясь втереться в доверие, мне же стало опять зябко, хоть в помещении и душно.

— Ненавижу трусов! — вдруг заявила тетка. Мы обе в этот момент смотрели через барную стойку на толпу людей, сидящих за столом, либо танцующих под музыку.

Правую руку женщина держала локтем на поверхности, пальцами перебирала в воздухе невидимые нити. Жестикулировала слишком активно и это напрягало глаза. Другой рукой Рада попивала яркий коктейль.

— Эти трусы... у них столько страхов, они в нем топятся! — лицо женщины скривилось от пренебрежения. Уголок губ, опущенный вниз, отлично демонстрировал это чувство.

— А ты знаешь, что у каждого человека есть страх? А у тебя — нет! — внезапно женщина обернулась ко мне, прислонив бокал к приоткрытым устам. Часть стекла прятала пухлые губы и мышиный нос. Глаза у женщины были равнодушные, прозрачно-голубые.

Она ждала моей реакции, а ее пока что не было. И даже сердце замолчало испуганно.

Кто она? Кто? Она поняла, кто я!?

Боюсь, глаза все же выдали с головой. Я часто выпучивала глаза, когда испытывала сильные эмоции. Тетя вечно делала замечание, что со мной в разведку не пойдешь — странная людская поговорка.

— Ладно, можешь не отвечать. Карательницей ты быть не можешь, но ты меня чем-то привлекла. — отвернулась от меня вновь к толпе народа через барную стойку. — Я хотела поболтать по душам, заняться нечем, жду пока шофер заберет с вечера.

Я молчала в ответ на все вопросы. Если не знаешь, что ответить — лучше молчать, поэтому выбрала эту манеру общения. Руки задрожали, из-за этого чашку плохо поставила на блюдце и расплескала жидкость.

Неуклюжая какая! Пока стирала салфетками напиток, тетка не унималась:

— А хочешь погадаю?

— Мне не интересно.

— Да ладно тебе! — женщина толкнула ладонью в локоть, а я как раз только уселась за стол. От толчка в бок едва не упала, поэтому зло посмотрела на женщину. Чего она привязалась?

— Возьми свою чашку с кофе, давай смелее! — выдохнула она раздраженно.

Я послушно взяла двумя ладонями чашку, обхватила.

— Теперь подумай о чем-нибудь приятном.

— Хорошо, — обреченно выдохнула.

Начала думать и вспоминать. Что приятного у меня было? Отец? Здесь можно посмеяться... следующий момент. Лучшая подруга — здесь дико хохотать. Очень долго задумчиво вертела кружку в руках, пытаюсь в оставшейся почти остывшей жижке, в ее отражении найти что-то приятное. Свет над головой от барной стойки плескался маленьким кружком на кофе и как будто мигал.

Артем? Я всегда на острове думала о нем. Я прежде знала каждую черточку на его лице и сейчас образ Клейменного легко всплыл в памяти. Несколько секунд думала о нем. Пожалуй, это приятное воспоминание.

И не заметила, как в отражении черной жижи лицо изменилось, улыбалась уже не Артему, а довольным карим глазам и искаженным в насмешке губам.

— Кыш! Брысь!

Отняла взгляд от кофе, чтобы убрать постороннее лицо из памяти.

Я тебе ничего не обещала. Это просто завтрак!

— Отлично! — прокомментировала Рада довольным голосом. — Пей до конца!

— Я не успела подумать о приятном...

— Не важно, — отмахнулась она. — Это я так, чтобы ты повеселела от приятных воспоминаний. Но кажется... хороших моментов у тебя почти не было.

Странная тетка. Я долго буравила ее любопытным взглядом, но по прошествии нескольких секунд сделала все же заключительный глоток кофе и отдала кружку.

Гадалка крутила-вертела чашку и что-то высматривала. Что можно было найти в кофейном осадке? Либо она шарлатанка-клоун? Либо Клейменная и смеялась надо мной?

Для использования энергией не требовалось каких-либо дополнительных подручных средств.

— Ладно, посмеялись и хватит! — широко улыбнулась тетя, оставив чашку с кофе.

Локтями женщина уперлась в стол, ладонью поддержала голову, а мизинец задумчиво покусывала, рассматривая голубыми глазами, не мигая, затягивая мое безотрывное внимание. Странное ощущение возникло, будто вытягивали тепло тела или это кондиционер задувал? Стало холодно, словно я обнаженная посреди зимы и снега, по колено в сугробе, а в лицо дул замогильный холод.

Голубые глаза поменялись — на их месте неживые серебристые и опять же немигающие. А женщина жарко зашептала, как заведенная:

— Яркий огонь! Ты! Череп и кости! — Рада подняла указательный и средний палец одной руки перекрестила с другой и четко произнесла в лицо, обдав теплым дыханием и запахом алкоголя. — Решетка! Темнота! Тише, Дианочка, не плачь, спи спокойно, пока можешь...а нет... — ее лицо исказила внезапная усмешка, линия рта криво изогнулась. — Разрешаю плачь...один два три четыре пять, Каратель пошел тебя искать. И...

Тетка внезапно встрепелась, словно на нее вылили поток горячей воды, зрачок стал привычным голубым. Она бегло осмотрела зал с неизвестной целью.

— Какое еще «И»? Что дальше хотела сказать? Какое слово на «И»? — спросила я. Невидимая сила подтолкнула изнутри, заставила спрыгнуть с барного стула, упереться руками в бока, ожидая продолжения от странной женщины.

— Какое еще «И»? — удивленно спросила Рада, часто-часто моргая и осматривая шумящую толпу развлекающейся молодежи. Как будто не она чушь только что порола. А это стопроцентная чушь. — Может это междометие? «Иииии?» — спросила она, аккуратно вставая.

— Ты — шарлатанка! — сквозь зубы, сильно зажимая челюсть я строго подвела итог. — Пошла отсюда со своими черепами и костями, иначе Карателей на тебя вызову!

Невидимая дрожь в теле затопила с головой. Думала уже ничем меня не испугать по-настоящему.

Я не смогла управиться с собственным страхом.

— Конечно, конечно! — весело прощелбетала Рада, медленно отступая сквозь барные стулья, по направлению к залу спиной. И вдруг продолжила милым соловьем заливать чушь. — И кстати...так...на всякий случай...если вдруг...ну мало ли...всякое бывает в жизни...если решишь отомстить кому-то, взяв стеклышко от чашки, и чиркнуть им по венам...

— Ну шарлатанка...

Я опустила на корточки за барную стойку, где находился алкоголь с тяжелыми бутылками. Попугать тетку можно было, а лучше Карателей вызвать. Достала меня!

Дрожащими руками потянулась к стеклянным бутылкам, сама не понимала отчего дрожала. Ведь женщина — глупая шарлатанка. Та продолжала громко вещать, а мне хотелось, как маленькой девочке, сидящей на корточках, заткнуть уши и истошно закричать. Не слышать, вычеркнуть из памяти ее слова.

Это глупости...глупости...такого быть не могло. Не хочу слышать!

— Помни... — доносилось через гул толпы, пока я пряталась в темноте под барной стойкой. — Пока кровь из вен вытечет, тебя двадцать раз спасут. А тот, кто найдет, никогда тебе этого не простит. Будет только хуже!

— Заткнись, заткнись! Заткнись! Шарлатанка!

Я так твердо сжимала зубы, что думала, что они раскрошатся от давления. Скрипела зубами, а глаза сильно зажмурила, чтобы не видеть. Ладонями прикрывала уши, не желая слышать. А Рада говорила и говорила, как заведенная, а я не слушала, сидя на корточках, и прячась во тьме, словно там слова исчезнут, забудутся, как неприятный сон после пробуждения. Но слова не исчезали из головы.

— Не будет такого! — резко подскочила я, не справившись с внутренним торнадо, и осознанием бессмысленности сражения с собой.

— Я очень надеюсь! — улыбнулась Рада и насмешливо сделала поклон, рукой изящно скользнув по воздуху. — Потому что после этого случая этот кто-то мне горло перережет, а умирать в молодом возрасте я не хочу.

— Ах, ты шарлатанка... — прошипела я в сотый раз, схватила все-таки тяжелую бутылку с текилой и разогнула спину. А шарлатанка нырнула за барную стойку и перешла на скромный бег. Ее желтое платье при быстром движении развевалось, каблуки цокали по полу.

Руку с бутылкой занесла, грозя неминуемой расправой за болтовню, на что женщина сумочкой прикрыла голову, убегая в сторону выхода.

— Правильно, уходи!

Я долго стояла с занесенной бутылкой за спину, даже когда дверь на выход шумно закрылась продолжала стоять, а звуки в голове замолкли. Радостные люди на танцполе разговаривали, наслаждаясь вечером, музыка вероятно кричала в динамиках, но я не слышала. Серая масса слилась в одно непонятное пятно. Бутылка все-таки выскочила из онемевших, похолодевших пальцев.

Звон разбитого стекла привлек всеобщее внимание, девочки-официантки подбежали, бармен начал быстро-быстро говорить, меня вытолкнул с осколков. А могли осколки поранить голые ноги? Вроде боли не чувствовала, одна тупая, ноющая, страшная боль под грудной клеткой.

Успокойся, сердце. Приказала молча, глядя как ребята убирали следы моей неуклюжести, сама до ломоты в суставах держась за бортики стола-стойки.

И смотрела на эти осколки...осколки чертова стекла, которые отец сделал из моей прочной защиты от Карателей.

Потом помню был треск... мигающие гирлянды погасли на потолке...дискотечный шар перестал двигаться и разрезать пространство разными цветами. Наступила темнота, как и говорила, шарлатанка, только возле барной стойки над головой продолжали гореть фиолетовые лампочки.

Дверь в ресторан распахнулась, впуская неожиданных гостей.

Сама не успела испугаться, бегло вычислила девять мужчин в спортивных, теплых вещах, на лицах маски, которые защищали от холодных ветров или мороза.

Девять стволов указывали в разных направлениях зала на посетителей.

Сначала в ответ на угрозу прибывших в ресторане раздался испуганный выкрик людей.

А мы, официанты за барной стойкой, молчали. Кто стоял, кто сидел не шевелясь.

Затем последовал хриплый приказ от одного из прибывших:

— Мордой в пол!

Я машинально присела, пока мужчины заполняли пространство в ресторане, требуя полного подчинения и молчания.

За барной стойкой кнопка-вызов охраны. Осторожно нажала на нее, стараясь не привлечь внимания людей впереди. Если бы заметили, в голове кроме ушей у меня появилась бы еще одна дыра размером с пулю.

Грабители. Грабители в ресторане? Какой бред! И почему в день лжеклеименных?

— Вы поднялись! Быстро! — потребовал мужской голос.

По зловещей тишине понятно, что это относилось к нам за барной стойкой. Медленно поднялись: я, бармен, и две официантки, при этом высоко подняли руки к потолку, намекая об отсутствии оружия.

Так и продолжали стоять, ожидая прихода Карателей, чей офис находился через дорогу.

Какой глупый поступок грабителей? Что в отеле можно украсть? Здесь нет денег! Что это за акция вообще? И кто люди в масках? И люди ли?

Минут через пять руки очень сильно затекли, поэтому я их медленно опустила на стол. Вроде мозги не выбили из-за самоуправства. Мужчины-грабители усадили пленных за стол на свои места и велели молча сидеть, пока не перестреляли.

Стоять и молчать — это не трудно. А я не боялась сейчас...боялась я другого...осколки стекла на полу не оставляли в покое. А люди в масках совсем немного пугали и тянули время с неизвестной целью. Складывалось впечатление, что мы им без надобности, скорее выступали предметом, безмолвной статуей.

Зачем мы им?

Говорят, везение — очень важная вещь. Есть везунчики по жизни, вот один из них ухитрился попасть в нужный момент, пока Каратели были отвернуты от барной стойки к центру ресторана. Дверь из ресторана тихонечко растворилась — в проеме на корточках сидел Гектор и рукой махал в сторону, намекая, чтобы освободили проход.

Что его благородие задумало?

Я потыкала бармена по соседству, и указала взглядом, чтобы подошел поближе к барной стойке и дал проход сзади нас.

Я знала, что Гектор занимался каким-то спортом. Например, если сравнить вот бармена, у которого на животе расходились пуговицы, то у Гектора в противовес жировые отложения явно не предусмотрены организмом и это сильно подозрительно. Настолько хороший обмен веществ?

Если припомнить всех известных мне людей, очень редко встречаются настолько....

Ладно, не время думать о мужской фигуре.

Гектор с корточек вперед нырнул рыбкой, сгруппировавшись, сделал кувырок и раскрутился позади нас. Будто по сорок раз на дню выполнял эту процедуру. Идеально тихо, только легкий шорох спортивных шелестящих штанов нарушил полную тишину.

А потом цепь внезапно стукнула о пол, создав громкий, своеобразный звук.

— Твою мать... — услышала недовольный комментарий Гектора. Выглядел мужчина не так, как уходил, теперь был одет в черную футболку и спортивные теплые штаны с цепью.

Где он работал в одной футболке поздней осенью? Где куртка? Или он в отеле Приама работал?

— Кто там!? — возник ожидаемый выкрик после звона цепи.

К барной стойке быстро передвигался один из мужчин, громко топая башмаками. Гектор сидел сзади, убрал зачем-то цепь в карман, а затем резко поднялся со своей самой лучшей улыбкой.

— Здравсти! — поднял руки, вставая за мной.

Грабитель твердо держал пистолет и шел в нашем направлении.

— Ты кто? — палец мужчины на курке опасно, предупреждающе задрожал. — Кто ТАКОЙ? И откуда?

А вот это опасно...очень опасно. Мужчина сильно напряжен: кажется, шевельнёшь пальцем в воздухе, и начнет стрелять. Напуган, значит человек, но удивительно — от Гектора не чувствовался страх. А ему в лоб направлен ствол!

— Я был здесь! — улыбочку Гектор убрал.

— Врешь! Не здесь! — запротестовал мужчина, подходя ближе. Лишь барная стойка между ними, как барьер.

Гектор не отвечал некоторое время, от натянутости обстановки начинало нервировать. Между мужчинами продолжалось молчаливое сражение взглядов. Один неловкий жест перед их лицами и сорвутся — вгрызутся друг другу в шею.

Пушка медленно потянулась, дулом прикасаясь к губам Гектора. Почему-то уверена, что сейчас мужчина не напуган, а скорее зол, ведь к его лицу посмели что-то поднести.

— Это наш уборщик! — обратила внимание присутствующих к себе. Грабитель оглядел, словно впервые заметил девушку рядом. — Он из подсобки вышел!

Я пальчиком аккуратно показала за барную стойку, где располагалась дверь в подсобное помещение.

Мужчина аккуратно посмотрел туда, куда и я, согласно кивнул, принимая комментарий. Словно увидел интересную картину, пистолет передвинул с губ Гектора мне под ухо. Остановил оружие, твердо вжав в кожу до легкой боли. Сделал пару шагов поближе, одновременно дуло проскользнуло по линии шеи до подбородка и остановилось точно по середине, поддерживая и задирая мое лицо для лучшего разглядывания. Мужчина-грабитель внимательно изучал и не скрывал интереса.

— Пойдем-ка! — махнул пистолетом пару раз по направлению к себе, наконец, оставляя в покое мой подбородок. — Развлечешь, пока ждём!

— Куда? — хрипло вырвалось.

Вместо ответа мужчина повторил пистолетом посыл с приглашением.

— Не советую, мужик! — последовал серьезный голос Гектора, по началу угрожающий, но это, наверное, показалось, потому что потом прозвучал скорее весело и участливо.

— Честно! — Гектор прислонил ладонь к левой груди на черную майку с логотипом спортивной фирмы. Говорил от души.

— Честно, мужик, не советую! — услышала повторный смешок.

Я долго разглядывала насмешливую улыбку, ехидно искаженное морщинками вокруг глаз и рта мужское лицо. И не понимала пока, о чем собирался поведать:

— Там совсем туго! — отсек ладонью воздух, подводя черту, и с воодушевлением продолжил. — Понимаешь, бревно и то сексуальнее себя ведет под тобой! Лично проверено. Одним слово... — вздохнул красноречиво, покачивая разочарованно головой из стороны в сторону. — Биться об скалы не советую!

И гаденько заржал, а мужчина-грабитель, к удивлению, одобрил слова — вторил смехом. Я долго слушала мужские смешки над своей внешностью, а потом уткнулась в пол. Постаралась отрубить эмоции, выключить. Кто он такой, чтобы его мнение было важным для меня? Что-то черное заполнило тело, особенно когда Гектор пренебрежительно взял за бедро и толкнул назад, к себе за спину. И в заключение прикрикнул:

— Херли встала, пока дяденьки взрослые разговаривают!?! Пошла отсюда!

Толчок был сильный, поэтому спиной влетела в стул, стоявший неподалеку.

Пытаясь отвлечься от мерзкого ощущения увидела на полу осколки разбитой текилы. Руки хотелось чем-то занять, поэтому присела аккуратно вниз.

А недоноски пусть чем хотят занимаются.

Больше не следила за разговором, аккуратно подбирала большие осколки и старалась отвлечься от мерзкого ощущения.

— Какие же бабы тупые!!! — услышала грозный, шипящий шепот, а мое плечо сжали пальцы. Постарались подтянуть меня... поднять с корточек.

— Не тронь меня! — вырвала плечо из пальцев, но привстала. Словно змея передо мной, гадкая, лживая змея, при прикосновении к которой обожгусь ядом. Со всей силы шлепнула по наглой руке ладонью и отошла максимально подальше от Гектора, глядя в недовольные, презренные глаза. И всем видом демонстрировала, чтобы держал дистанцию, которую сейчас выстраивала в виде двух официанток и нескольких барных стульев.

Даже смотреть омерзительно на его лживое, насмешливое лицо. Не хочу отравиться от него ядом. Нет, он слишком горький. Не хочу обилия горечи, утонуть в ней, задохнуться. Это перебор.

Пока ожидали какого-то события, у гостей-пленников ресторана отобрали телефоны. Я присела на барный стул, хотела, чтобы не Гектор уселся на соседний, прогнав одну из официанток и заняв ее место, а любой сосед, но лишь бы не он. Молчал с важной рожей, глубоко погружившись в мысли. Я бы предпочла, чтобы Гектор исчез, обратно кувыркнулся в дверь, желательно головой.

Я должна была думать о собственной безопасности, и просчитывать, как выбраться, но не могла. Не могла выбраться из эмоционального кокона, в котором намертво укуталась. Вроде смотрела вперед, но мужское колено слева жутко раздражало и рука его на барной стойке и запах. До сих пор вонял своим одеколоном, хотя прошло столько часов.

Хотелось, как маленькой девочке, заткнуть нос и затопать ногами, а лучше сказать, чтобы не смел притрагиваться ко мне.

Зачем все это? Неужели настолько принципиально свиданки устраивать? Не было женщины, которая бы отказала? Настолько важно само удовлетвориться? Гектор все больше и больше разочаровывал.

Зачем интересно мы нужны преступникам? Уже более часа пленники, включая меня, сидели без дела, когда, наконец, произошло хоть какое-то движение. Телефон позади нас зазвонил. Рабочий. Небольшой.

— Мы не причем! — как обычно насмешливо заговорил Гектор с грабителями. — Это сзади нас! — указал большим пальцем правой руки за спину.

Пока грабитель отвечал, Гектор одну руку положил на сидение моего стула, рядом с попой. Касался ведь пальцами, касался, задевал бедра в белых шортах. Я как можно сильнее выпрямилась и под села на краешек стула, избегая мужских прикосновений. Вторая рука Гектора удобно устроилась на столе передо мной, так что я опять оказалась в своеобразной ловушке.

Гектор наклонился и прошептал на ухо, одарив теплым дыханием:

— Можешь до потери сознания обижаться! Не действует на меня, смирись. Обижалки ваши — мимо! — чиркнул по воздуху ладонью и вернулся в исходное положение, руки убрал от меня.

— Ну и отлично! — ответила я, изобразив самую ужасную, фальшивую улыбку и

подарила ее мужчине. — Можешь сам с собой сколько угодно ходить на свидания и завтраки!

Руки скрестила под грудью и ждала дальнейшего развития событий. Позади нас шел разговор по телефону, по центру возле мини-сцены располагались оставшиеся грабители тихонечко что-то обсуждавшие.

Потом действия начались слишком быстро, я не успевала анализировать. Только голоса закричали в помещении ресторана, выстрелы, звон разбитого стекла — какофония ужасного беспорядка.

Я рефлекторно зажмурилась, когда на пол возле окна посыпались осколки стекла. А через разбитые окна первого этажа запрыгнули черные тени под названием Каратели.

Единственное освещение было над барной стойкой, а остальное помещение находилось в некой темной ловушке, поэтому рассмотреть повнимательнее представителей высшей расы было крайне сложно. Но очень любопытно увидеть их при исполнении!

Слева от меня тоже раздался шорох, тихий вскрик. Гектор цепью обернул шею мужчины, прежде разговаривавшего по телефону, и поставил пленника на колени. Тот начал задыхаться от недостатка воздуха, при этом держась за звенья и пытаюсь снять с себя.

— На пол! — услышала приказ Гектора и не сразу поняла, к кому относилось. Но увидев темный взгляд, осознала, что очередной раз мне. — Живо, Диана!

Пришлось подчиниться. Интуиция дико заорала лечь на пол и прикрыть голову руками. Примерно тогда же бутылки за барной стойкой стали взрываться от множественных выстрелов.

А Каратели не подумали, что рискуют людьми — мы как бы заложники?!

Судя по громким звукам, бой в самом разгаре, а я любопытная девочка и очень хотелось увидеть, поэтому подползла поближе к краю барной стойки, встала на колени и подсмотрела.

— Верни свою задницу на место! — прошипел сзади Гектор, которые держал своего пленника в удушающем захвате и не мог сдвинуться с места, поэтому я довольно обернулась на него. Собственно, я стояла на четвереньках и демонстрировала ягодицы в обтягивающих, белых шортах. Надо было еще нагло хвостом покрутить!

Сейчас вот...буду повиноваться!

Выглянула за барную стойку и стала подсматривать за Карателями, любопытно же, что представляли из себя наши главные враги.

— Я тебя цепью выпорю, два дня встать с кровати не сможешь! — продолжал угрожать сзади ненавистный объект.

Я не слушала, а наблюдала. Каратели при исполнении снимали с себя капюшоны, но поскольку перемещались в бою быстро, то рассмотреть их личности было сложно. Каратели безоружны, а люди с пистолетами, но последним это не помогало. По навыкам обороны в сравнении с Карателями меня можно представить несмышленным ребенком. А потом, залюбовавшись на одного из Карателей, пропустила момент, когда обхватили поперек живота и затащили обратно за барную стойку. И злобно цыкнули на ухо!

Гектор одной рукой держал за шею мужчину-человека, а меня держал поперек туловища и что-то кричал громко.

Мне не померещилось, я видела знакомое лицо. Со зрением всё нормально.

— Андрей — Каратель? — поверить не могла тому, что спрашивала.

А Гектор замолчал, перестал повышать голос. Вылупил глаза, как застывшая статуя,

которая не умеет двигаться, моргать и вообще дышать. Как будто вся жизнь из него вышла и остался равнодушный камень.

— Сам в шоке! — услышала комментарий.

Не могла поверить. Не знал? Что-то странное было во взгляде Гектора, незнакомая эмоция плескалась в нем. Испуг? Нет, слишком сильное чувство для Гектора. Неуверенность, да? Мужчина отводил взгляд. Гектор отводил взгляд от меня?!

— Андрей ушел с тобой. Ты на работу. А он — Каратель? Кем ты работаешь? — не знаю к чему вела, просто делала выводы по ситуации. И не задумываясь, спрашивала.

В процессе затянувшегося молчания раздался очередной выстрел, а потом женский испуганный выкрик:

— Андрей!

Гектор резко поднялся вместе с мужчиной, которого держал, выглянул из-за барной стойки, а потом обернулся назад. Сильнее сжал концы цепи, перекрывая кислород человеку в своих руках, плотно держа, сдавливая его горло, пока тот кряхтел, пытаясь глотнуть воздуха.

— Гектор, зачем? — удивленно вскочила. Глядя как на пол медленно оседал с закатившимися полуоткрытыми глазами мужчина и как резко поднимался сам Гектор.

Бросил один уверенный взгляд на меня и перехватил поудобнее цепь. Направился вдоль прохода вглубь помещения, руку оттянул вправо, играючи раскачивая цепь влево, потом вправо. А та красиво, описывая круг в воздухе, наматывалась вокруг кисти, и обратно раскручивалась. Мужчина будто предупреждающе играл инструментом или проверял насколько оружие слушает импульсы головного мозга — приказы?

А рука...а мужская рука...рука Гектора покрылась твердыми буграми. Корявые вены изуродовали кожу.

Никогда не видела, как танцуют с оружием в руках. А Гектор танцевал с оружием, идеально балансируя между соперниками, а цепь как продолжение тела, была примерно в метр длиной. Действовала эффективнее ножа, или пули.

От пуль мужчина молниеносно уходил, ловко кланяясь вперед или назад, кружил вокруг врага, как ястреб над бесполезной пищущей мышью. И было ощущение, что доли сил не вкладывал в сражение.

А цепь била в первую очередь в наиболее уязвимые точки: висок, кадык, глаза, когда сразу на поражение, когда оставляя возможность очнуться.

А я стояла, любуясь кровавым зрелищем, и не реагируя.

Когда бой был закончен, люди медленно захлопали Карателям в благодарность за спасение. Гектор присел на одно колено возле Андрея, расположившегося на полу в окружении коллег.

Люди медленно преклонялись, падали на колени, один за другим. Жуткое зрелище порабощения властью Карателей.

Некоторые говорили, что у нашего зама начальника по округу нет имени. Его никто не видел и в лицо не знал. Поговаривали — его кличка внушала страх одним звучанием. Ходили слухи, что его лицо ужасно-уродливое и если его увидишь, никогда больше не забудешь. Вечно будет преследовать в кошмарах.

А другие утверждали, что на самом деле наш зам начальника по округу — толстый старичок, который постоянно сидел в кожаном, богатом кресле и считал деньги.

А третьи уверяли, что никто не видел зама в живую, потому что не успевал. Если его

видишь — значит тот вышел на охоту. Перед смертью жертва слышала красивую мелодию, звон будто прелестных колокольчиков. И это — цепь!

— Виктор Михайлович, сука, какойдохлый цирк!?! — Гектор поднял однокурсника за шкуру с коленей. — Ты-то, гад, не смеивставать на колени! С тобой хоть подраться можно было! Вставайте, жалкие людишки!

Жалкие людишки! Он всегда так говорил, подсказывал ведь, что считает себя высшей расой. А я — глупая и помыслить не могла. Если бы не отец, если бы не чертово стекло-защита!

Я чувствовала одну сплошную боль во всем теле, пока внимательно наблюдала за Гектором, окруженным толпой Карателей и людей. А внутри, наверное, в груди трепетало от болезненных уколов.

Колени подкосились, не думала, что темнота настигнет очень скоро, как и сказала гадалка Рада. Коленями упала видно на осколки, потому что сильно зажгло кожу на них. И не поняла почему отключилось сознание, не помню за собой подобной слабости. Веки покорно прикрылись, а головой ударилась обо что-то твердое.

Эмоциональный перегру..

POV Диана

Я как проснулась на больничной койке, так и продолжала сидеть на ней до сих пор, головой прислонившись к бетонной стене. Смотрела в окно палаты, где за пределами помещения кружил легкий снег. Красиво сверкал на фоне лучей полуденного солнца, блестел, раздражал уставшие веки. Я должна была выспаться, но нет, тело не мое, чужое, тяжелое, не слушавшее веление разума.

На соседней кровати место пустовало, это успокаивало, давало время побыть в одиночестве, чтобы подумать. Подумать — сложить два плюс два. Когда преподаватели на острове спрашивали учеников, я первое время отвечала — восемь, шесть, любую цифру, но не четыре. По одной простой причине — из вредности или желания выделиться. Надо сказать, сработало — я была очень известная из-за моей мнимой тупости. А закончилось всё очень быстро, лишив меня и чувства юмора и активности в будущем, папа просто на недельку закрыл дома на ключ. Конечно, я могла вылезти из окна, но не стала этого делать. Нарушенный приказ — не есть хорошо.

Угораздило меня потерять сознание. Какой позор! Слабые людишки падают в обморок, а Клейменные не падают, они так умирают. Третий обморок — третья стадия самоуничтожения. Первой предсмертной стадией я себе, пожалуй, жизнь сократила на десяток лет. Еще две стадии — и... Мою болезнь уже не отмотаешь назад.

Гектор, наверное, долго будет смеяться, какая я слабая девчонка, еще и глупая, и страшная.

Гектор...Гектор...Гектор...

Головой постучала по бетонной стене, легко-легко, словно пытаюсь выбить полученные знания изнутри черепа. К сожалению, не забывалось, я отчетливо помнила изуродованную руку Карателя с цепью.

Я подняла собственную, разглядывая тонкие полоски-вены, чуть выступающие на светлой коже. Вертела, вертела запястье неверяще. Я эти вены осколком разрежу?

Я не могла дойти до такого или не смогу. Это бред глупой шарлатанки Рады. Зачем это делать? Это самое низкое, что возможно сотворить с собой.

Колени обхватила руками, сцепив их в замок, валялась в белом, больничном халате длиной до бедра и ожидала прихода тети. Врач проверил кровь, основные медицинские показания оказались в норме. (У Клейменных и людей тела идентичны, а у Карателей жизненные показатели выше нормы. Их тела крепче от природы.)

Мужчина в очках с легкой проседью темных волос показался очень добрым и улыбчивым, шутил в процессе осмотра, чтобы не смущать юную девушку. Поделится новостью — что, наверное, меня принес мой Единственный? Это так... странно прозвучало, заставило смутиться, отвернуться от врача и лепетать какие-то слова-оправдания.

Тетя должна была вскоре после осмотра прийти и забрать домой, хотелось переместиться в свою кровать под одеяло и не вылезать до конца своих дней.

Когда раздался стук в дверь, головы по-прежнему не отрывала от стены, плясь на призывный свет из окна и красивые, пушистые снежинки. Они сильно притягивали чистотой и мягкостью. Возникало желание схватить их и скушать.

— Да! — разрешила тете войти.

Не сразу туда посмотрела, но когда увидела, вылупила глаза.

Гребанный Клейменный...а нет...гребанный Каратель.

Я морально не была готова к разговору и встрече с ним и с его спокойной, непробиваемой улыбкой. Ее не сотрешь, не возьмешь платок и не закроешь ему рот и кирпичом даже не разобьешь. Идеальный у Гектора контроль над эмоциями. Как бы глаза не выдали меня теперь.

Гектор вошел в помещение в распахнутой, коричневой кожаной куртке и привычных джинсах с цепью. Цепь — колокольчики призывно зазвенели. Я запомнила мелодию смерти от зама. Я, конечно, не уверена в его статусе, но, если мыслить масштабно, и ведь не зря Гектор настолько самоуверенный. Не мог быть рядовым Карателем.

Макушкой прислонилась к ледяной стене и не шевелясь, наблюдала как хищник спокойно вышагивал по маленькой комнатке, выглядывал в окошко, открывал поллучше шторы, чтобы солнечный свет больше проникал внутрь, как раздевался медленно, кидал на одинокий стул верхнюю одежду. И каждый шаг...каждое движение, как последние шаги...приближение к помосту смерти...на гильотину, где отрубят голову.

Шаги громко звучали в голове, как ликующий рев толпы, жаждущей зрелища.

Я смотрела за передвижением его ног, кроссовок и видела, как дребезжала цепь на бедрах, создавая звуки. А когда присел на кровать рядом со мной, сердце замерло, льдом покрылось в ожидании, в преддверии последующих событий.

— Не спящая красавица, ты бледня бледней. Ужасно выглядишь! — услышала очередной комплимент, а Гектор наклонился выискивая мой взгляд, а я не могла поднять. Блуждала им по белым стенам или полу больничной палаты.

При первой встрече Гектор показался обычным на внешность, может немного симпатичным. Со временем стала привыкать и теперь да, пожалуй, находила привлекательным. Особенно улыбающегося, но когда не дарил эту эмоцию то становился «страшным», слишком звериные, острые черты пугали.

А сейчас сердце чуть быстрее застучало в груди под прочной броней-ребер, когда все-таки на секунду наши взгляды встретились.

Эй, эй, потише, сердце! Я же отдала тебя Артему давным-давно. Не возвращайся!

Едва заметила небольшое движение руки Гектора в моем направлении, я аккуратно, не пугая зверя, отсела назад к большой, пуховой подушке. Ноги подтянула к себе в виде некой баррикады между мной и мужчиной. Этим действием пыталась держать дистанцию.

А Гектор полу боком поудобнее устроился на кровати, ладони поставил с разных сторон от моих щиколоток. Рядом на покрывало положил пластиковую коробочку. Я прежде не замечала, что в руке у него была коробочка. А внутри...внутри нее что-то красное. Ягоды большие и такие ярко-красные почти бордовые — насыщенные ягоды клубники.

Я люблю клубнику, и ни разу не встретила ее в магазинах Приама, а то бы давно купила.

И столько было разочарования, горького мерзкого разочарования осело на языке, на гортани, во рту.

Хотелось сплюнуть эту горечь, пусть даже и на Гектора. Этот человек... оказался Карателем. Нет. Он не человек. Он — яд для Клейменных.

Меня должно было выворачивать наизнанку от его поцелуев, а я как дешевая Роза растекалась податливой лужей перед ним. Тошно внутри, тошно смотреть на его красивые полные губы с маленькой полоской шрама. Вспоминать, как он запускал язык мне в рот, а-я

то даже несколько раз, помню, не выдерживала и довольно стонала от его ласки.

Тошно, когда Гектор подал лицо ко мне, с явным намерением и сейчас поцеловать.

Я отвернула голову в бок, глядя на батарею рядом с кроватью, ощущение, что сейчас стошнит, если прикоснется.

Гектор остановился, когда отвернулась, его губы замерли напротив моей щеки. Сам мужчина долго дышал, овевая кожу щеки своим запахом. Затем поближе подтолкнул коробочку со спелыми ягодами с непрекращающейся, самодовольной полуулыбкой или ухмылкой.

Понятно, почему все бабы за ним бегали, понятно откуда столько самодовольства.

Гектор пальцы положил на щиколотку, отчего возникло желание спрятать ноги под бедра, я их и попыталась подтянуть под себя, но он не позволил — ухватил посильнее и потянул за одну ногу, потом вторую. Вынуждая приблизиться к нему, встать на колени рядом с его бедрами. Но я притормозила соединение моей груди и его, оставив стену — невидимую стену в виде воздуха и двух рук на мужской футболке.

Гектор все пытался улыбкой разрядить обстановку. Подтягивал, подтягивал меня за запястье поближе, а я отворачивалась и отворачивалась, прячась в собственных волосах, которые мешались и попадали нам на лица, смешивали наши цвета волос.

С трудом Гектор пробрался сквозь мою стену-баррикаду, кончиком носа погладил щеку, пробрался к уху, в ямочку за ухом. Лизнул, вызвав небольшую нервную дрожь в пальцах, которыми я прикасалась к мужской груди и в особенности футболке. Вроде отталкивала ладонями его тело подальше от себя, но пальцы сами собой сжимали ткань мужской одежды.

— Не целуй меня, — попросила, прошептала, когда губы Гектора следом за языком невинно поцеловали чувствительную кожу за ухом, везде-везде где дотягивались до моего отвернутого сопротивляющегося лица. Аккуратно-аккуратно целовали, как дорогое сокровище или нежные лепестки цветов, которые могут опасть, если к ним плохо прикоснуться. Но в поцелуях четко распознавалась цель — подавить мое сопротивление.

Гектор не выполнил приказ, не перестал целовать. Более того, его руки не бездействовали, одна легла на бедро, другая — на поясницу, каждая занялась своим делом: трогали, сжимали, гладили. Халат задрался сзади до поясницы и уже там на оголенных ягодицах продолжилась нетерпеливая пляска рук.

— Нам постоянно что-то мешает! — со смешком заметил Гектор.

Так мало между нами дистанции: ни метра, ни двух. Мы опасно близко, даже дыхания соприкасались, только губы пока нет.

Если бы не отец, я бы не смогла посмотреть в черноту его глаз, окунуться в нее; не смогла бы подойти к мужчине настолько близко, дышать на его щеку, чувствовать его ответное; я бы не знала Гектора, и вкус его поцелуя, и всего, что было.

— Не трогай меня. — пряча взгляд на мужской шее и плече потребовала, потому что предыдущие замечания он не желал понимать. Как будто мои слова — пустота.

— Не трогай! Не смотри на меня! Забудь...забудь...забудь...забудь! Будто ничего не было! Мы никогда не встречались! — говорила просьбу-молитву его шее, лбом прикоснувшись к теплой, притягивающей коже, которую хотелось погладить ладонями, вдохнуть, позволить ей меня укутать. Гектор оторвал губы от моей щеки и, наверное, услышал. — Омерзительно, когда ты притрагиваешься ко мне! — четко произнесла, подняв взгляд в черные-пречерные, суженные глаза. Мужское дыхание было горячим, прерывистым,

а пульс явно ускоренным.

— Я почти, как обычный мужчина. — ответил со смешинками вокруг глаз. — Кровь красная, имею чуть больше силы. Представь, сколько плюсов: к примеру, сломается замок в железной двери, и спецов не придется вызывать! Снесу ее к херам! — засмеялся Гектор. — К деторождению приспособлен, габариты вполне подойдут и обычным женщинам. Не бойся не проткну, максимум визжать заставлю.

— Прекрати свои тупые шутки! — приказала, подтолкнув его в грудь пренебрежительно и отсела, как можно дальше к подушке. Пригладила неловко волосы и халат, который мужчина задирает. — Ты задушил человека на моих глазах! Скольких ты убил за свою жизнь?

— Ни одного человека. То, что творится между Клейменными и Карателями — это отдельная тема. Мы существуем в другом мире, отличном от твоего!

Наконец, он был серьезным, наконец, убрал тупые шуточки, глаза были предельно уверены, возможно, разочарованы моим поведением.

Он продолжал объяснять, как нерадивому ребенку:

— Мы живем в мире, где сила решает, кто прав. Любой может вызвать меня на поединок, любого могу я. И это не делает меня убийцей! И тебя эта сторона моей жизни не касается! — жестко высказал. Гектор поднял на меня голос? Удивительно, я помнила его злой голос, тот был скорее тихим, шелестящим, а это выкрик, который заставил встрепенуться.

«Не касается!» — горько усмехнулась я, отводя взгляд в сторону соседней кровати, пряча там стремительно увлажнившиеся глаза. Да уж, не касалось ... Как только узнает правду, скорее всего, перережет горло. И забудет о какой-бы то ни было увлеченности мелкой девчонкой.

Гектор вновь потянулся, указательным пальцем прикоснулся к моему виску легко, трепетно, как невесомое перышко:

— Эй! — тихий шепот раздался на ухо. — Ты боишься меня? — палец погладил щеку.

А я не выдержала, щелкнула по его руке, которая нечаянно задела коробку с клубникой, стоящую на кровати. От чего упаковка со стуком слетела на пол, несколько раз перевернувшись. Упаковка смялась, а несколько из ягод вывалились. Красивые, насыщенные спелые ягоды, как маленькие шарики, подпрыгивали по грязному полу, а мы с Карателем наблюдали за этим действием.

Любимой клубнике я и ответила:

— Ты одной рукой способен задушить, если тебе что-то не понравится. И закон будет на твоей стороне, никто и слова не скажет.

— Зачем мне это делать с тобой?

— Потому что по-другому не умеешь! Твои руки оставляют синяки на коже, и даже поцелуями всегда уродуешь шею! — обернулась я наконец, строго говоря в надменное, уверенное лицо. — Ты — чистая ненависть! И ты...ты...грязное чудовище!

Последнее слово прозвучало громко и эхом отозвалось в больничной палате. Слово «чудовище» стояло между нами, вспыхивало и исчезало, как маячок. Оно разделило нас налево и направо. Оно заставило Гектора подняться с кровати без какого-либо ответа на мои высказывания, присесть на одно колено на пол возле кровати и начать собирать клубнику обратно в коробочку.

Я не понимающе смотрела за его действиями.

— Я сама соберу! — не смогла сдержать этой напрягающей идеальной тишины.

— Не стоит, — мягко сказал Гектор, рукой при это махнул, чтобы не мешалась. А я смотрела за его темной макушкой сверху вниз.

Когда коробка вновь наполнилась ягодами, моим любимыми ягодами, мужчина поднялся с совершенно нейтральным, спокойным взглядом и мягко прошел грязной обувью по ковру к выходу. Возле двери странно остановился ко мне спиной, при этом повернув голову вниз и влево. А я не понимала почему остановился, сама же в тот момент принимала поспешные отвратительно тяжелые удары собственного сердца, как наказание, наказание за слова.

Тогда же Гектор, развернулся вновь ко мне передом к двери спиной, держа на расстоянии вытянутой руки — упаковку ягод.

Мужчина вновь подарил мне свою самую лучшую улыбку, похоже искреннюю и произнес:

— Конечно, Диана, будет так, как ты хочешь! — улыбка исчезла, оставив звериные черты на лице.

Мужская рука мгновенно изуродовалась венами и даже открытый участок шеи и правая сторона лица — стали страшными, прямыми доказательствами его принадлежности к Карателям. А сильные пальцы жестко смяли небольших размеров коробочку до состояния маленького, неровного круга. Сквозь прозрачный материал упаковки было видно кровавое месиво красных ягод, которым выпустили внутренности.

— Всё, что угодно, для тебя, Диана! — тихо поведал Гектор без улыбки, и выбросил мои любимые ягоды в черную урну, стоящую возле входа. Потом пренебрежительно отряхнул ладони друг об друга, вновь улыбнулся.

Я услышала его разговор будто самого с собой:

— Черт, Гектор — одуванчик не сработал! Впервые на моей памяти! — и засмеялся.

POV Артем

Транспортные магистрали оказались заблокированы Карателями, любые входы и выходы из округа. Через посты я даже не пытался пройти. Оставался один вариант — пережить несколько дней в подвале, то место, которое показала Клейменная, зараженная венерическим заболеванием. (как смертельное проклятье за неверность своему Единственному). И не важно, что тому Единственному она даром не нужна — изнасиловал и отдал друзьям по пьяни. В подобные моменты проклинал родство с Клейменными, есть среди нас много мрази, которая пользовалась силами для личных целей и главное в ущерб другим.

Захарий — папаша Дианы такой же, всеми пользуется для личного блага, хорошо не подослал Клейменных в людском мире для расправы со мной, хоть оставил возможность одному сдохнуть помойной крысой.

И в эти три дня, которые я помирал с голода в подвале с отбросами Клейменных, в помещении было на удивление активно. Вместе с капельками воды, стекающими на пол, я слышал шепот любопытства, бурное обсуждение. Не желая того, рефлекторно подслушивал. А один из парней, примерно моего возраста, правда в очень плохом виде: грязной, замусоленной, местами дырявой от старости одежде, охотно отвечал на мои вдохновляющие поддакивания.

— Вчера ночью, говорят, Приам хотели взорвать! — с энтузиазмом рассказывал парень. Я моментально наострил уши, молчал, чтобы не спугнуть. Кто владеет информацией тот

владеет миром.

— Прямо взорвать!? — не веряще с воодушевлением ломал комедию, интересуясь.

— Да! Только ТССС! — парень поднес палец ко рту, испуганно пробежался взглядом по редким группам Клейменных, будто те могли услышать и наказать его за длинный язык. А ему видно одиноко, поэтому охотно делился информацией. Лицо парень прятал в капюшоне. Может быть изуродовано?

— Все в порядке оказалось, — ответил парень, при этом жадно кусал булку с мясом, черствую. Продемонстрировал это, постучав пирожком по своему колену.

Я тоже жутко хотел жрать, но...нет. До черствой булки, валявшейся в подвале, еще не пал.

— Отель заминировали, но бомба не сработала, Каратели подоспели вовремя...

— А кто же постарался? — перебил я.

Парень пожал плечами, откусывая очередной добротный кусок булки. Честно, чуть не стошнило, но я сдержал лицо нейтральным.

— Не внаю... — прошепелявил тот, пока жевал. — Кто угодно это может. Может террористическая организация? Может зам соседнего округа угрожает нашему заму? Ну там делишки ему подпортить перед следующими выборами. Они же все на ножах между собой, то и дело пытаются убить друг друга? А может эти... — Клейменный пощелкал пальцами в воздухе, вспоминая, что хотел поведать. Потом прикрыл рукой рот и засмеялся, озвучил писклявым голосом, имитирующим женский. — А может, Розы! Даешь больше мужиков! Голосуем за трах везде и всюду! Хотим подцепить богатого мужика!

Я поддержал шутку, тихонечко посмеиваясь, только смеяться отнюдь не хотелось.

Вечером этого же дня после того, как стемнело я вернулся к тете Дианы. Святая женщина! Вот реально святая женщина!

С объятиями набросился на тетушку, повис на ней, навалившись всем телом.

— Эй, сопляк! Слезь! Раздавишь! — она пыталась скинуть мои руки, но я приклеился намертво. Когда тетушка перестала бестолково бороться с объятиями, просто похлопала меня по спине, по плечам, как ранимого малыша. — Ладно, ладно, здоровый мужик вроде, не плачь!

Я отцепился от нее и вместе с ней удовлетворенно засмеялся.

— Фу! — сморщила она свой острый нос и пренебрежительно помахала рукой возле лица, будто прогоняла воздух. — Только от тебя несет, как от сточной канавы, даже не хочу знать, где ты был! Бегом мыться, а я за Дианой.

— А что с Дианой? — я остановился при входе в зал, уже собирался покинуть тетушку.

— Ничего хорошего, Артем, ничего. Приболела немного. Сама расскажет, если захочет.

Я успел привести себя в порядок, немного отдохнуть на мягком диване в зале, посмотреть передачу по телевизору, но сил приготовить ужин пока не было.

Тогда же прибыли Диана с Катей. Пока женщины тихонечко раздевались, разувались и шептались, будто по секрету рассказывая друг друга какие-то тайны, я вышел в коридор.

— Вау! — улыбка озарила лицо Дианы. У нее всегда искреннее, честное лицо, по нему легко угадать о девичьих мыслях. Или вероятно, что я за годы наблюдения научился понимать ее настроение. — Я очень рада, что ты живой! — попыталась пошутить она, но глаза вдруг спрятали на кроссовки, которые стаскивала с себя. Что-то показалось странным, что-то в ее взгляде почти сразу изменилось, потухло. Сначала она правда обрадовалась, а

потом будто замерзла, застыла, плечи согнулись покорно, как под тяжестью неподъемного груза. Когда окончательно разулась, Диана с улыбкой подошла поближе, но в улыбку не верилось. Фальшивая маска.

— Что? Страшно выгляжу? — вдруг выдала она странную фразу — вопрос.

Диана хоть и без грамма косметики, но природа дала ей все необходимые краски для лица, идеально белая, ровная кожа, без каких-либо угрей или веснушек, мягкие губы бантиком, аккуратный нос, загнутые черные ресницы, зеленые очень необычные и притягивающие огромные глаза на лице. Что еще требовать? Да, сегодня прибавились синяки под глазами, да веки ее припухли, но она всё равно...

— Ты для меня всегда самая красивая. — тихонечко сказал ей.

Тетя сделала вид, что является предметом декора или ничтожным кроссовком или пальто, которое она решила быстро повесить в шкаф, но то неожиданно рухнуло с вешалки на пол, и Катя, махнув на него, удалилась. Оставив нас в откровенной тишине поделиться чувствами.

Диана пробормотала, обняв руками за голову, и, прижавшись щекой к моему плечу:

— Спасибо, Артем!

Она — жутко странная. Хоть и обнял, поглаживая растрепанные, прохладные после улицы волосы, но поведение подруги показалось странным. Очень странным.

Не знаю, какой сделала вывод тетя, но она неожиданно засобиралась из дома на какое-то срочное дело в девять часов вечера. По голосу Кати и ее наставлениям отчетливо понял, она специально оставляла нас наедине:

— Ребят, вы покушайте обязательно! — дала последний указ.

Я пошел провожать Катю, которая подняла пальто с пола (оно так и продолжало валяться с их прихода). Тетюшка стряхнула возможные пылинки с одежды и добавила чуть тише, будто по секрету:

— Так ты, иждивенец! — начала она, просовывая руки в пальто. — Значит, остаешься за психиатра! — она специально подошла и ткнула мне в грудь указательным пальцем. Чуть не проткнула. Я потер место, куда тетюшка жестко ударила пальцем.

— Вино на самом верхнем шкафчике! Спаиваешь ее! И восстанавливаешь моей племяшке прекрасное настроение! — тетя нарочито искусственно улыбнулась, явив яркую эмоцию, продемонстрировав как надо. — Чтобы она завтра, как солнышко, сияла! Ясно!?

— Чего же не ясного! Не надо мне очевидные вещи говорить! — озвучил я и скрестил недовольно руки под грудью. — Я умею женщинам поднимать настроение!

На последней фразе подмигнул Кате.

— Охо-хо-хо! — тетюшка насмешливо сделала губы трубочкой, выдувая воздух. Засмеялась на пустом месте. Потом подошла в расстегнутом пальто и, подняв руку, взъерошила непокорные пряди темно-белых волос. Потом еще и еще устраивала беспорядок на голове. Как с псиной — пришла ассоциация.

— Чтобы без детей! И запечатываний! — прозвучало последнее наставление, а она взяла, поцеловала кончики своих пальцев и прислонила мне ко лбу со шлепком. Слава святой земле, помады на ее губах не было.

На столь оптимистичной ноте тетюшка покинула свою же квартиру, оставив нас с Дианой наслаждаться обществом друг друга или скорее тишиной. Тишина была, как живая, а подруга как мертвая.

Несколько лет назад пришлось научиться готовить. Первое время пока искал работу

платил Дине подобным образом — уборкой и готовкой.

Я приготовил легкий ужин. Диана сидела за столом и весело рассказывала, как вчера побывала на том самом взрыве, о котором рассказывал сегодняшний Клейменный. Диана старалась казаться веселой, непринужденной, весело хохотала, но едва отворачивался, ее улыбка гасла.

Я на острове очень тщательно изучил ее эмоции, и сейчас прекрасно видел, что она моментами выбывала из этой комнаты, из кухни.

С тарелками, наполненными любимыми Дианиными спагетти с кетчупом уселись на пол возле дивана, включили комедию по телевизору. Кушали и сидели рядом, а Диана иногда коленом насмешливо била по моему, так мы по-детски дрались, пока ели. А она немножко, но посмеивалась с набитым ртом.

Комедию мало смотрели, сосредоточившись на внезапном двойном одиночестве. Весь мир, людской, Клейменных, Карателей, существовал за стеклом, где холодно и страшно, где светила сегодня полная странно-желтая луна. А здесь были мы и только мы. Вырубив фильм на середине сеанса, я конечно, внял совету тетушки и достал вино с бокалами. Это идеальное лекарство от депрессии.

Диана сначала отнекивалась:

— Я один раз выпила настойку на острове у одной бабули... после чего два дня на улицу бегала после каждого глотка воды или еды! Меня полоскало два дня! — насмешливо фыркнула она.

— Сравниваешь... Там пятьдесят пять градусов, а здесь десять от силы! — я приподнял бокал с кровавым напитком вина и протянул ей. — К тому же, ты выпила пол литра! От такого и я бы умер!

— Откуда ты знаешь? — засмеялась Диана и прикрыла стыдливое лицо. Но бокал все же приняла.

— Я за тобой следил! — сделал страшно — ужасные глаза, изображая неизведанное существо, которое питалось кровью невинных девственниц.

Диана продолжала хихикать, доверчиво положив голову мне на плечо.

Редко ощущал такое теплое чувство: комфортно, уютно сидеть вдвоем в темноте зала, спиной ощущать диван, а в ладони ее пальчики, которые были ледяные, но я их массировал и согревал, ускоряя кровотока.

Не знаю, сколько просидел с ощущением, что я там, где и должен быть, рядом с самым невероятным источником тепла в жизни.

Диана расслабилась: закинула ноги на диван, а сама валялась на спине и вспоминала наши деньки на острове. И мечтала оказаться там опять.

Диана лежала на полу, глаза периодически закрывала, боролась со сном, зевала после плотного ужина и красного, горячительного напитка. А я, мать твою, уже о розовых слонятах подумал, о пушистых зайках и о крокодилах в болотах и о баранах всяких, пока Диана валялась головой на моей ноге.

— Я мыться! — услышал после не помню какого по счету бокала вина.

Отчасти я был рад что она перестала на мне валяться и пальчиками щипать за штанину или ноготком царапать. Выше моих сил, я аж ладонью глаза прикрыл, чтобы скрыть огонек в глазах, буйство пожара в крови, хотя и так крошечная темнота.

Передо мной стоял вопрос жизни и смерти: сдохнуть от спермотоксикоза или поднять настроение Диане еще чуть больше. Не долго мучился с решением, надо быть идиотом.

Через пять минут после отбытия Дианы в ванную помолился святой земле, чтобы дверь оказалась открытой.

Забыла! Она забыла! И белье не взяла переодеться, то есть в любом случае бы голой щеголяла мимо комнат. Вино — это прекрасный напиток, очень раскрепощающий и дарующий счастье.

Я долго находился возле входа, не привлекая внимания девушки, стоявшей в душе под струями горячих потоков воды и хватающей губами эти капельки. Как божественный нектар дева с наслаждением вкушала жидкость, приоткрывая пухлые губки. Вода по-хозяйски скатывалась по идеально-гладкой коже и нагло пробиралась в нежные складочки между ее ног. Там должны быть только мои руки.

Телу стало невыносимо жарко в душной квартире, поэтому скинул удушающую футболку и бросил на раковину рядом.

Как чертова вода ласкала ее кожу, ее ноги, ее бедра, особенно там как посмела прикасаться к ее телу. Это я должен там целовать, лизать шелк бархатистых складочек между ног.

Запотевшее стекло в душе мешало наслаждаться Дианой, и она была отвернута лицом от меня. Позволяла видеть только гладкую линию спины и округлую попку, так и манящую, чтобы ее помяли.

Зашел под душ, Диана лишь вздрогнула от звука захлопываемых дверей. Пульс ее подскочил, ладонями чувствовал отчаянно, испуганно забившееся сердце под девичьей грудью. Прикасался к Диане, на что член до боли каменел.

Личные барьеры полетели в унитаз, смылись сегодня водой в канализацию. Взял член одной рукой, другой аккуратно раздвинул Диане ноги и просунул — получилось так, что она сидела на нем, обхватывала ляжками с двух сторон. Я подал тело вперед и чуть назад, проводя всей длиной члена по девичьим складкам, смоченным водой. Не понятно возбуждена Диана или нет, поэтому проложил пальцами небольшую дорожку между ее грудей, вниз, ниже, ниже, по животу, прессу, по маленьким завиткам волосков, по сжавшемуся телу.

— Ммм, — Диана довольно повернула голову, глаза прикрыты, словно она не здесь, а в другом месте. — Я об этом мечтала, — развернула тело, представляя возможность трогать себя между ног.

— И я мечтал, — хрипло закончил, обхватывая ее повернутое лицо, и наконец, поцеловал.

POV Диана

Как же жарко и не понимала по какой причине? Тело, как в теплой ловушке под лучами тридцатиградусного солнца, даже спина вспотела. От мерзкого ощущения я открыла припухшие, тяжелые веки. Напротив — пустовавшая с недавних пор кровать Алины.

Я лежала на левом боку, под подушкой сложив ладони лодочкой. И как-то вдруг тяжело показалось грудной клетке, ребрам, дышать полной грудью было затруднительно. А между ног странно жарко, живое тепло.

Я часто сплю голой, но под одеялом обычно, а сейчас без. А между моими скрещенными ногами покоились пальцы, мужские пальцы. Рука Артема была накинута на ребра, от этой тяжести и было трудно дышать, а сзади тело. Мужское тело прикасалось к попе и спине!

Как все моменты предыдущего вечера всплыли в голове, закружились, аж затошнило от круговерти эмоций. А может это с похмелья?

Я аккуратно скинула мужские пальцы за спину, прислушавшись к ровному дыханию позади. Святая земля Клейменных, ну почему ты меня покинула! Мне мало дьявольского стресса! Бочком я аккуратно сползла на пол, голыми бедрами уселась на холодный пол. Подскочила и бегом в ванную просыпаться и собирать разжиженный мозг в нормальное состояние.

В душ залезть я не решилась, лицо помыла, не глядя в зеркало на саму себя.

— Убейте меня! Убейте! Возьмите пушку и прострелите висок!

По своей комнате шла на носочках, дабы не разбудить Артема, а он повернулся в этот момент на спину, явив самые интимные части тела, еще и колено согнул. «Мол, наслаждайся!» Я ладонью прикрыла глаза и на ощупь отправилась на выход.

Вчера стыд отсутствовал напрочь, а сегодня я была бы не против самоуничтожиться. Согласна и на третью стадию болезни, причем прямо сейчас.

В кухне налила кофе, ходила, как трусливый зверек, чтобы не разбудить Артема, вообще не представляла, что ему сказать.

Время было семь часов утра. Включила маленький телевизор на кухонной поверхности стола и прожигала его пристальным вниманием. Наверное, моим взглядом можно сжечь, как не воспламенился экран, я не поняла. Кружка с кофе тоже огненная и лицо горело. Я дико начинаю ненавидеть огонь!

Минут через десять моего пристального изучения двух точек в телевизоре, дверь на кухню открылась, предоставляя Артема босого в одних трусах.

— Приветик! Ты уже проснулась? — заметив меня, Артем улыбнулся опять своей улыбкой, призванной покорить всех дам. В ту, в которую я влюбилась на острове. А сегодня хотелось позорно сползти под стол и сверху накрыться скатертью.

Кивнула согласием на вопрос, а Артем вальяжной походкой подошел сбоку и поцеловал в щеку. А я как вцепилась пальцами в чашку, так и застыла, как бы не хрустнули кости от усердия. А потом одеревенело привсталала с места, ножки стула противно закрипели, нарушая идеальную, мертвую тишину. И пока я разворачивалась меня мягко взяли за затылок и потянули на себя. Я смотрела и хлопала ресницами, пока посторонний язык в моем рту командовал и выдавал зигзаги внутри.

Это что это?! Что это!?

Смотрела в полуприкрытые глаза Артема и задавала молчаливо вопросы.

Это мы типа образовали «парочку!»?

Я отскочила назад, бедром врезалась в стул, за спинку схватилась, чтобы тот не упал на пол. Артем удивленно смотрел.

— Я это...это, — долго не могла найти ответа, потом показала на дверь пальцами. — Срочно надо! Туда! — указала на выход еще раз. — В университет!

Я позорно похлопала Артема по плечу, дружески, с намеком: «успокойся, друг, все нормально.»

— Так время раннее? — спросил Артем.

— Сегодня тест, а лекций у меня, как обычно нет, надо у кого-нибудь взять и хотя бы прочесть! — я готова была себе аплодировать. Я сказала четко, даже не заикнулась и удалось впервые за утро улыбнуться. Правда, это с трудом напоминало улыбку, скорее кривая ухмылка.

Артем может что-то странное и чувствовал, но помалкивал, пока я ускоренно одевалась и выбегала на лестничную площадку.

Я с облегчением встала возле лифта, оценила кучу людей, спешащих вероятно на работу, и решила пробежаться, разгрузить мозг, проветрить щеки.

Начала спускаться по лестницы и в пролете — возле подоконника и нескольких горшков с цветами обнаружила мужчину в позе — со скрещенными ногами, и в черной одежде с капюшоном на голове. Я прибавила шагу, чтобы побыстрее исчезнуть и не видеть черное, страшное пятно.

Пробежала пролет, держась за перила, и рванула дальше.

А вслед ... вслед раздался стук подошвы о бетонные ступеньки. Завернув за очередной пролет, стрельнула взглядом вверх. Так и было — на расстоянии двух или трех метров следом шел Каратель.

Всю дорогу до университета темная фигура следовала по пятам, шурша обувью по мягкому насту снега. И этот звук очень сильно отдавался в голове. Однажды была схожая ситуация, припомнился момент, когда направлялась на День Рождения Артема, а меня преследовали неизвестные личности. А возможно, и тогда были Каратели?

Гектор? Почему неизвестный Каратель преследовал меня? Черный капюшон проводил до университета, остановился возле лестницы, в здание не вошел. Как охотник с собакой на цепи.

Эля с Алиной при выходе за ворота университета молча переглянулись, не решаясь спросить в чем дело, а Каратель на расстоянии метра и в любом случае услышал бы разговор.

Я не успела рассказать о последних новостях и в особенности о Гекторе. Так странно, раньше девочки были первые, кому рассказывала мысли. А в людском мире уже давно не доверяла тайны. Как будто связующую ниточку отрубили между нами, мы больше не связаны.

По внимательным глазам подруг поняла — меня ждет допрос с пристрастием, с кровавой пыткой. Пока возвращалась домой, опять испытывала мощное давление от Карателя. Не выдержала и сорвалась, резко остановилась в пустом переулке. Слева забор, а справа ряд кирпичных домов и мы вдвоем.

Развернулась. Каратель остановился, капюшон чуть наклонен, скрывая половину лица, поэтому виднелся один его подбородок и нос.

— Почему вы за мной ходите? — спросила строго.

— Мне не разрешено с тобой разговаривать... — получила ответ от мужчины.

— Вы уже заговорили, — с ехидцей заметила.

А мужчина подобрался, выпрямил спину, как будто стал выше от этого жеста. Теперь объясняться точно не станет.

Каратель проводил до квартиры и остановился на лестницы возле окна, там же, где увидела его с утра.

Как только забежала домой, нервно, но очень тихонечко начала кричать на весь дом:

— Катя! Артем! Спец собрание!

Мой возглас, конечно, вызвал легкую суматоху в квартире, Катя выбежала из кухни в фартуке (готовила ужин), Артем из комнаты выбежал, руки в карманах шорт, грудь голая. Вел себя расслабленно, не понимающе ожидал продолжения.

— У нас на хвосте Каратель! — объявила я.

Тетя равнодушно подняла грязные руки к лицу, затем протерла их полотенцем, смахивая грязь. Сразу понятно не поверила мне. Артем тоже не реагировал, тактично помалкивал.

— Я серьезно! — шепотом сказала и показала на дверь. — За мной хвост в виде Карателя! В глазок посмотрите!

Тетя вздохнула обреченно будто имела дело с неадекватной особой, но послушно пошаркала к двери. Сколько мы не пытались не смогли рассмотреть в глазок. Оттуда открывался вид на лифт и начало лестницы, а Каратель находился слева.

— Я серьезно! — шепотом еще отчетливее проговорила. — Артем не смей выходить на улицу!

— А почему тебя преследует Каратель? — совершенно верно спросил Артем. Это единственный вопрос, на который не было ответа. Я смотрела и смотрела беспрерывно то на тетю, то на Артема.

— Не знаю... — выдавила неуверенный ответ. И всем понятно, что соврала, в очередной раз запутавшись во лжи. Сначала Алине врала про Гектора и в результате к чему привело? Мы больше не сможем быть подругами.

Гектору врала и вру (об Артеме не рассказывала). Может если бы он знал, что мне нравится другой, отступил бы? Все-таки мужская солидарность должна быть, я чья-то, не его. Запретная территория. Может надо было в свое время сказать и было бы проще?

И сейчас опять врала, глупо, неоправданно соврала тете и Артему.

В напряженном состоянии провела две недели. Гектор исчез из жизни, но оставил на память странного Карателя. Зачем установил слежку, я думала мы решили вопросы для себя? Влечение к Артему, благодаря постоянному контролю со стороны Карателя, вновь испарилось. У нас не было времени думать о любви, пока за стеной находился наш личный палач. Особенно нервозность сказывалась на Артеме. Иной раз казалось, он удовлетворенно вздыхал, когда я направлялась в университет или на работу.

Алине я, наконец, рассказала про принадлежность Гектора к Карателям, она лишь переспросила:

— Ты уверена, что он Каратель?

— Глазенками своими видела, — пальцами указала сначала себе на глаза, потом на Алину.

Больше вопросов у подруги не было, поэтому надолго отстала с расспросами.

Я не думала о Гекторе. Почти. Пыталась этого не делать. Может по ночам, оставаясь в темной комнате, сама с собой и темнотой, и ворочаясь с боку на бок, не находя себе места, чуть-чуть думала и задавалась вопросом, куда пропал. В университете тоже не видела — занят может? В связи с терактом, вероятно, много проблем. Или не хотел меня видеть, но это правильно. Я тоже не хотела его видеть!

Только после этой фразы я сильно сжимала веки, чтобы не видеть ничего, особенно его лица, а иногда и подушкой накрывалась, чтобы не слышать постороннего голоса в голове, его веселого, задорного смеха, который сильно раздражал.

В начале ноября Гектор объявился при выходе из университета, когда мы с девочками прощались на парковке после занятий.

Этот голос не исчезал из головы:

— Абрамова! — увидела его возле черной машины с открытой дверцей, локтями облокачивался как раз на дверь, подбородок положил сверху. — Садись, подвезу! — кивнул на машину. Поняв, что не реагирую, повторил. — Живее!

Сам уселся на водительское сидение. Я поймала взгляд Алины, надеясь прочесть ее эмоции, но сложно прочесть или она тщательно скрывала?

Потом обреченно побрела по очищенному от снега асфальту, опустив нос вниз, боясь подскользнуться. И как смотреть на Гектора?

Про машину ничего толкового не могла сказать, только то, что это черная, сравнительно большая машина, кажется подобные называли «джип». Колеса высокие и зверь какой-то нарисован на значке автомобиля, остальное не известно.

Как истинный НЕ джентльмен Гектор сидел в автомобиле и ждал, когда сама открою дверцу и сама залезу в чужой автомобиль. Аккуратно уселась на черную кожу сидения, скромно прикрыла дверь, на соседа стараясь не смотреть, а руки не знала, где спрятать.

Такая куча мала в голове.

Я его две недели не видела и его запах перестал сильно тревожить, а сейчас опять весь автомобиль провонял им.

— Привет! Ты знала, что в обществе положено здороваться при встрече? А? Правильная девочка? — услышала вопрос на ухо. Машина тихонечко заурчала и покатила в неизвестном направлении. Надеюсь в направлении дома.

Я локоть поставила на дверцу автомобиля, изучая людей и машины за окном, а не раздражающего водителя.

— Привет, — все же выдала на последнее замечание, игнорируя мужской облик. До дома ехать не более пяти минут и то по причине плотности автомобильного потока в середине дня.

А тишину между нами можно было пощупать, та сильно давила. А Гектор молчал... где бы записать?

Дорога показалась очень долгой: попадали под каждый светофор и стояли в идеальной тишине, музыка отсутствовала в салоне. Хоть бы радио включил, чтобы не чувствовалось это напряжение, а Гектор будто прислушивался к нашему неловкому дыханию. Интересно он когда-нибудь нервничает, его что-нибудь мучает? Скала и та эмоциональнее.

Как дурак смеется, а по сути не понятно, что скрывал за улыбкой.

Припарковались возле дома, тогда же я поблагодарила и попыталась самоустраниться, просочиться сквозь дверь. Дергала и дергала нервно за ручку, а та не открывалась.

— Там кнопка сверху. На себя потяни. — донесся спокойный голос водителя.

Я осмотрела дверь на предмет волшебной кнопки и с радостью обнаружила.

Откуда мне было знать, как открывались двери в машине? Я редко передвигалась в маршрутках и всего несколько раз в такси, а там двери были всегда открыты.

С радостью и приближающимся чувством свободы потянула кнопку на себя, хотела и дверь открыть, на ходу благодарила за поездку:

— Спаси...

Перестала благодарить, когда раздался щелчок на двери. Обернулась назад, слушая водителя:

— Я разве разрешал тебе покинуть автомобиль? — Гектор отстегнулся, пока я сражалась с дверью, развернулся полу боком, спиной опирался на свою дверь. В спортивных теплых штанах и куртке, даже шапку не удосужился снять.

— А разве я должна спрашивать разрешение? — задала вполне логичный вопрос.

Он мне как бы не друг, не сват, не Единственный.

Его прежние улыбки пропали, теперь при общении он был невероятно серьезный. Не представляла, как себя с ним вести, а эти черные, злые точки вместо глаз и вовсе заставляли чувствовать себя, как под прямым обстрелом из снарядов.

— Ты ненормальная девушка! — от его фразы я покрылась холодным потом, по спине и шее прошла волна дрожи. Эта фраза из уст Карателя звучала крайне страшно, а если он что-то заподозрил?

Но Гектор после некоторого молчания пояснил свою речь и волна дрожи покорно спала. Я успокоилась чуть-чуть:

— Ты сидишь в тачке за восемь лямов и еще мне не отсосала!

От его хамских словечек, как обычно, возникло желание отгородиться, и я вновь устремила взгляд на лобовое стекло, где на тротуаре работали дворники и чистили снег.

И зачем Гектор молчаливо пялился, чувствовала его внимание на глазу, щеке и шее. Ногой нервно постукивала по коврику кроссовком.

Что ему от меня надо? Мы разве не всё выяснили?

Это молчание жутко тяготило, вибрировало в каждой точке тела, я не знала куда спрятать руки, куда пальцы, куда смотреть и вообще, что делать. Чтобы как-то прийти в себя и отвлечься от изучающего, я бы сказала «кушающего» взгляда повернулась к Гектору и надменно спросила:

— Зачем подослал Карателя?

— Он докладывает мне о твоём поведении.

— Поведении? — вырвался вопрос, а левая бровь поднялась на лоб. Отдельно только левую бровь могла приподнимать, правую не удавалось.

— Совершенно верно, — кивнула непробиваемая морда и начала очерчивать пальцем невидимый круг в воздухе. — Понимаешь, если вдруг... около тебя... в пределах трех метров окажется существо мужского пола, я этого принца на белом коне немедля устранию!

Вроде Гектор говорил в шутку, но не улыбался, отчего угрозы звучали страшнее, и даже перебивать не хотелось, хотелось открыть дверь и выбежать отсюда, скрыться от преследовавших глаз.

Мужчина поменял положение тела: локти поставил на высокую панель между нашими креслами, приблизившись к моему уху, поймал мой взгляд и, строго глядя, начал выдавать по очереди резкие фразы, как предупреждения:

— Я возьму секатор, представляешь садовый секатор, его используют чтобы перерезать

твердые ветки? — при этом Гектор отсоединил указательный и средний палец и свел их, потом развел в разные стороны, изображая ножницы.

— Так вот... этим секатором я ему отрежу сначала член! — Гектор свел пальцы, намекая что отрезал. Челюсть у него при этом твердо сжалась. И с каждым его движением-отрезанием пальцами в воздухе понимала, что Гектор не шутил...

— Потом отрежу ему яйца! — произнес собеседник, вновь резко свел пальцы, а его голос становился чуть увереннее и злее.

— Потом перейду к пальцам! Затем к кистям! Потом по локти отрежу! Ворам раньше руки отрубали, он и будет потенциальным вором, который позарился на мою.

Я отвернула лицо, чувствуя, как эти фразы звучали мне в щеку, дыханием сбивая пряди волос. Мужчина горячо шептал с огромным вдохновением:

— А затем отрежу ему язык, нос и напоследок выколю глаза, которыми он успел увидеть тебя. Ты — либо моя! Либо ничья! Поскольку от первого отказалась...второе тебе обеспечу. Ты у меня сдохнешь старой девой! — жестко прошипел-прорычал на ухо. — Ясно!? — а это уже почти выкрикнул на ухо.

Последняя капля терпения вытекла из организма вместо с моей фразой, сказанной в запале. Развернулась, глядя с презрением:

— Я, видно, пропустила момент, когда ты стал для меня кем-то важным, имеющим право приказывать? — подчеркнула этот момент и улыбнулась. Правда улыбка полна яда и снисходительности. Раз уж он теперь серьезный, то я буду шутить.

Я отчаянно задергала ручку на двери, рычажок попыталась подцепить, но как назло не получалось. А Гектор не реагировал, пока раздавался раздражавший, клацающий звук, а потом щелкнул по панели рядом со своей дверью.

— Свободна! — приказал, тогда же двери разблокировались.

— И не ори на меня! — с облегчением вырвалась в белую сказку, где было хоть и холодно, и мокро, но лучше среди холода, чем в огне глаз. Они меня ненавидели, сжигали в салоне автомобиля, едва не до шрамов. Правильно, и я их ненавидела.

POV Гектор

Который день подряд в кабинете, я не мог побыть в столь желанном одиночестве. Перед столом очередной посыльный от Ежа, с требованием прислать патруль Карателей для поимки какой-то шайки Клейменных в округе Питер. Мужчина в строгом, деловом костюме с ухоженной бородой громко вещал, а голос противный, прокуренный, даже не возникало мысли слушать его речь.

Другое слово кричало во мне, оно чертовой отравой сжигало кровь, внутренности. Выворачивало кишки, плоть, от этого нестерпимо болело тело и голова.

— Что ты со мной делаешь?!

Сжал виски посильнее, прогоняя тупую ноющую боль.

Отдаленно слушал посла, как сквозь пленку видел оупевшее лицо постороннего человека. И как сквозь шум воды слышал речь. Все мысли о другом или другой.

Я удобно устроился на кожаном кресле за рабочим столом. Достал перочинный ножик из ящика и подбросил острый предмет вверх на уровень люстры. Отражаясь в свете тот должен был упасть на стол, воткнувшись носом строго в твердую поверхность. Вспарывая плоть...разрезая материал.

Это идеальная практика на самоконтроль. Всегда получалось, но не сегодня...

Посыльный в пятый раз тяжело сглотнул подступившую панику, перестал докладывать в ожидании развязки полета ножа. Нож, красиво сверкая, описал серебристый круг и упал со звоном на пол.

Самоконтроль уничтожен...

Я раздраженно подхватил нож и всадил острием в твердую поверхность стола, оставив как знамя силы и власти.

Андрей прокашлялся, дабы призвать меня к порядку и вниманию, сам он занял место в углу кабинета в сером костюме и очках. Пресса его одолевала последний месяц на износ, поэтому ему приходилось быть красивым и аккуратным.

— ...мы просим вас о содействии. Не могли вы прислать специалиста какого-нибудь, у вас часто зимы, а у нас впервые подобные Катаклизмы. Вы поможете?

Я отвлекся от стального ножа, красиво сверкавшего при свете дня. Какой призывный блеск, как Диана. Что-то сигналил вокруг нее, какое-то невидимое поле приглашает окунуться внутрь, пройти ее грань, прикоснуться к ней. Это желание уже задолбало мучить.

— Вы поспособствуете нам в поимке? — в очередной раз повторил посол. Видно повторять ему надоело.

— Нет! — ответил без лишних раздумий.

— Как нет? А зачем же я столько распинаясь, столько повторял? Я три раза историю повторял!

Я ровно встал из кресла, руками опершись о стол, затем не спеша обогнул предмет мебели и остановился напротив посла. Ростом собеседник оказался ниже.

Как смеешь...как ты смеешь не хотеть меня! Меня! Не желать, как я тебя! Я не помню за последний месяц и минуты, когда бы не вспоминал тебя! Как ты смеешь не любить меня! Развернув корпус, вытащил из стола нож, преодолевая небольшое сопротивление деревяшки, и воткнул в шею послу. В момент удара, когда протыкаешь кожу, кровь почти фонтаном

бьет, если попасть в вену. Я и попал, держа нож за рукоять, глядя на расширившееся от ужаса глаза темноволосого мужчины.

— Твою мать!!! — услышал отчаянный возглас Андрея, который быстро прикрыл дверь из кабинета. А я держал рукоять ножа и посол держал — мой согнутый кулак с холодным оружием, словно приостанавливая или пытаюсь вытащить мешавшую убийственную занозу.

Когда мужчина захрипел, закатывая глаза, я вытащил нож из артерии, позволяя телу упасть на пол.

— Андрей, я похож на чудовище? — спросил глухо.

Красная кровь скатывалась на пол. Идеальный цвет для моего настроения! У меня такая же ненависть после встречи с девчонкой. Как же раздражала. Как же раздражала нервные клетки! Все тело до сих пор знобило. И нож дрожал в руке, предвкушающей трогать не холодную сталь, а теплую девичью кожу.

Посыльный аккуратно опустился на колени, со специфичным звуком упав на пол, а мои руки в крови. Капля крови скатилась по указательному пальцу, по разрезу ладони, прямо по линии жизни.

Разве не ясно, Диана? Ты — моя...моя...моя...только моя. Ясно!?

К ночи пришел с работы в одинокую, холодную, однокомнатную квартиру, как и в сотни из других похожих дней. День за днем одно и то же, но сегодня были небольшие изменения: квартира пропахла ароматным запахом поджаренной курицы; свет ярко заливал небольшую прихожую и голубые сапоги на стальном каблуке валялись на коврик для обуви.

Ясно, Ольга. С тяжелым вздохом разулся, сбросил куртку и пошел в направлении маленького зала и оттуда на кухню. Но Ольгу обнаружил раньше, она аккуратно пристроилась на диване в зале. На стеклянном столе напротив девушки располагался мой компьютер, правда, включенный, судя по быстро сменявшимся кадрам на экране.

Я демонстративно встал в зале, плечом опершись о косяк двери и ждал...ждал реакции на свое появление. Тишина прозвучала в ответ на вторжение.

— Кхе! Кхе! — издевательски прокашлялся, наблюдая как Ольга вздрогнула, обернулась обнаружив чужое присутствие. Как убийца, пойманный возле трупа с орудием в руке, резко принялась нажимать на клавиатуру и второпях оправдываться под звуки клавиш:

— Извини...я это... почту хотела проверить. Думала ты не разозлишься? — вопрос повис в воздухе, пока обходил диван и пока Ольга сворачивала открытые окна на экране компьютера.

Встал напротив стола, руки скрестил под грудью и опустил голову вправо, с другого ракурса изучая свою девушку. Комментировать происходящее пока не спешил.

— Извини, Гектор, неудобно получилось... — проговорила понуро Ольга, опустила карий взгляд покаянно к себе колени, которые плотно прижала друг к другу.

Само раскаяние...Удобно устроившись на диване, я закинул ноги на столик, подвинув комп в бок. Голову положил на спинку дивана, глядя на яркую люстру, как переливчато игрался свет на белых капельках дождей. И здесь этот свет, мать его... белый, раздражающий свет. Абрамова, отстань от моих мыслей, блядь! Исчезни на хрен!

Я громко выдохнул воздух вверх, прогоняя кипевшее внутри напряжение. Все это гребанное цунами эмоций! Откуда столько во мне? Откуда столько крутится внутри и не дает трезво мыслить?

Лет с тринадцати не помнил настолько мощной волны внутри себя. Если бы мог, я сам

бы себя устранил от работы, признав негодным. Свой личный тест на профпригодность бы не сдал, признаюсь — я эмоционально не стабилен.

Ольга улеглась на меня, тоненькими пальцами массировала, поглаживала мне грудь. Очень приятно и тепло даровала успокоение, которого почти не осталось. Я обреченно положил подбородок ей на макушку и ответно помассировал. На что Ольга фыркнула в грудь и щекой потерлась, пытаясь быть еще ближе или, вероятно, согреть.

После некоторого молчания, когда запах из кухни стал сводить желудок судорогой, призывно запиликала печка, оповещая о конце заявленного времени готовки. Мы оба очнулись, я уже хотел привстать, ожидал, когда Ольга поймет намек свалить с плеча и груди.

— Эмм...Гектор... — неуверенно позвала она, а девичьи пальцы нервно щипали-теребили футболку и растягивали ее. — Можно спрошу?

— Валяй, — обреченно ответил.

Ох, как не любил разговоры по душам. А ты меня любишь? А я самая красивая? А что к мне чувствуешь? А когда станем официальной парой, а то подружкам стыдно рассказать?

Я морально приготовился к допросу. Во мне осталось пара капель терпения, остальное спокойствие нагло выхлебала Абрамова, оставила на доньшке самоконтроль.

— Кто она? — спросила очень тихим голосом Ольга.

— Кто? — переспросил я тупо, хотя смысла тянуть не было.

Ох, Абрамова, ты даже сейчас ухитрилась, не находясь рядом, выжрать мое терпение, оставшиеся капли в некогда водоеме.

Ольга начала рассказывать моей футболке, боясь поднять глаза, шептала и шептала заготовленную речь:

— Я сначала подумала, что это ну...девочка какая-нибудь моделька на заставке на компьютере — может джинсы рекламирует? Профессиональная фотка: осень, листва, ну и она во всём джинсовом. Потом вспомнила, я как-то раз у тебя на телефоне видела фотографию светловолосой девочки, я делала нашу фотку и чисто случайно в галерее обнаружила ее.

Я уже не просто выдыхал напряжение из тела, я и пальцами подбадривал себя, барабанил так отчаянно по подлокотникам диванам, будто от того, насколько много настучу, зависела моя жизнь. Боялся, что в диване оставлю вмятины от пальцев. А если меня подключить к электричеству... высока вероятность замыкания.

— Ты роешься в моем компьютере и телефоне! — подвел спокойно итог, пока Ольга на секунду замолчала, собираясь с мыслями.

— Прости, Гектор, — повысила вдруг голос, подняла карие доверчивые глаза, состроила наивное личико, нахмутив брови, и часто-часто захлопала ресницами. — Прости, правда не хотела, — обняла за шею, сильнее прижимаясь ко мне.

Повисла, вцепилась намертво, будто боялась я исчезну, крепко-крепко обхватила со всех сторон, как плюшевую любимую игрушку. Затараторила, опасаясь, что если замолчит, духу не хватит:

— А на рабочем столе в отдельной папке я обнаружила еще несколько ее фотографий. Там и вовсе на одной она передевается полуголая. Хотя и лицо ее наклонено, но понятно, что это та же блондинка. Ии...по обстановке похоже, это ваш университет.

Ольга замолчала, пряча лицо рядом с моим плечом, шептала на ухо.

А я собрал последнюю каплю моего терпения в прежде огромном озере и со смехом пояснил:

— Ольга тебе нечего беспокоиться! — фыркнул насмешливо. — Вот если бы у меня на заставке оказался темнокожий мужик из округа Питер с огромной ялдой! — и я продемонстрировал руку по локоть с зажатым кулаком, обозначив размер. — Тогда бы нам надо было плакать с тобой! — засмеялся над подобным предположением.

Раз уж никто не желал настроение поднимать, сам себе поднимал. Аккуратно высвободился из тисков Ольги и привстал с целью пройти на кухню, где сладко пахла курица. Все-таки есть хотелось, а тут опять разговоры.

— Она тебе сильно нравится?

Еб, твою мать! Твою мать! Твою мать! — мысленно проорал.

— У тебя даже моих фотографий нет, парочку и то, где мы с тобой вместе и которые я сфотографировала....

Я остановился в проходе перед кухней, широко расставив ноги, руками вцепился в пряди волос и сжал, будто хотел снять скальп вместе с ними. Разодрать череп голыми руками, и если подключить силу Карателя, я бы с удовольствием это сделал.

Развернулся, не отсоединяя рук повысил голос:

— Что тебе рассказать? В каких позах хочу ее трахнуть? Имя, фамилию, сколько лет? Тебе легче станет от этого? Тебе, блядь, легче стало от того, что нарушила мое личное пространство!?

Ольга вздрогнула от громкости, трусливо сжавшись в напряженную статую, я прежде не повышал на нее голос. Вздрогнула будто ударил ее, закусил щеку изнутри, машинально сделала шаг назад к дивану, боялась, что подниму руку за длинный язык.

— Прости... — последовала мгновенная реакция. Заморгала, а по щекам, по черным ресницам мелко скатывались соленые капли, чаще и чаще. — Прости, Гектор, не знаю, что на меня нашло! — а когда глаза полностью стали водно-зеркальные, Ольга прикрыла рукой лицо. — Прости...

Руки я убрал с волос, медленно, восстанавливая привычное сердцебиение, дыша приятным запахом еды.

— Пошла от-сю-да! Всё, Оля! Всё! — четко проговорил привычным тихим голосом.

Развернулся, уходя прочь с этого места. Прочь, пока ещё владел ситуацией. С трудом восстановил голос, с огромным трудом сдержал на цепи свой гнев, пылающий внутри. Это последняя капля терпения.

— Гектор! — взвизгнула она.

Твою мать! Что за приступы идиотизма? Соседи Карателей на меня вызовут.

— Что? — взревел, опять повышая голос до немыслимой высоты. — У нас был уговор, ты не трахаешь мозг мне, я — тебе. А теперь пошла отсюда, ключ не забудь оставить!

Указал на дверь, приказывая убраться отсюда, чтобы запаха духов от нее не осталось, все упоминания чтобы исчезли. Чтобы эта квартира забыла о ней, а я с легкостью забуду. И не вспомню завтра.

— Гектор, пожалуйста! — она почти до ультразвука повысила свой гребанный голос, навалилась на меня, сгребая за талию, голову доверчиво приложила к груди, слушая мое сердцебиение, слушая и слушая как потерявшая рассудок. Худенькое тельце сотрясалось от сдерживаемых рыданий. — Не бросай меня. Я же люблю тебя...

Поведал тихий голосок такой скрипучий надломленный, как у плохого инструмента, потерявшего струну, ржавого, прогнившего.

— Любишь, Оля? Любишь?

Погладил ее по макушке, как бы успокаивая по темным жестковатым волосам, пока подруга всхлипывала, а моя футболка намокала ее слезами все сильнее. Чувствовал на груди мокрое пятно.

Я приподнял Олю за подбородок, вынуждая посмотреть на себя вверх, стер по возможности размазанную тушь под ресницами:

— Тише, девочка, тише. — успокоил ее. Оля доверчиво смотрела, с надеждой глубоко внутри глаз. Прекратила плакать, смотря на меня и прикусывая губу, намекая, чтобы поцеловал ее. — Забудешь!

Приказал ей глядя в глаза, на что они в момент закрылись слезами. Оля скривилась в районе живота, когда я мягко ее выпустил из объятий, уходя прочь, оставляя наблюдать за своей спиной. Вошел в кухню, свет мягко озарил одежду, особенно темные влажные следы от слез на груди. Просто прекрасно! Снимать ее срочно, но сначала есть.

Я вздрогнул, когда раздался треск, звон, звук проливающейся жидкости. С едва сдерживаемым матом рванул обратно в зал и застыл в проходе, наблюдая прелестную картину, как на моем ковре разлилась лужа, лепестки желтых роз плавали на ней и сломанные стебли цветов и сотни, сотни маленьких осколков на поверхности.

Блядь... сжал пальцы в кулаки, потому что в противном случае я за себя не ручался, предел контролю, я сука не железный.

— Что это, твою мать, значит? — спросил сквозь зажатую челюсть, зубы закрипели друг об друга. Я ненавидел этот звук, как же ненавидел и сейчас скручивало от него.

Оля стояла в море красивых осколков, с зареванным лицом, пряди волос прилипали к мокрым щекам. Вокруг глаз черные страшные круги, и совершенно заплывший взгляд.

Смотрелась, как замершая, безжизненная фигура. Отвратительное лицо, как у безвольной куклы. Ольга медленно присела, глядя на меня, а пальцами нащупала осколки... осколок, сжала его в кулаке твердо.

— Если ты посмеешь уйти от меня, — рука с осколком медленно стала подниматься. — Я перережу себе вены!

Осколок остановился напротив вены, напротив бурного потока крови.

— Давай! — подбодрил ее. От выкрика Оля вздрогнула, словно правда ударил ее тяжелым кнутом и рассек тело. Возможно, грудь или сердце?

— Давай!

Еще раз повторил, а девичье лицо перестало быть отрешенным, исказилось эмоциями, когда продолжил:

— Если тебе насрать на твою жизнь, то почему другим должно быть не насрать! Ты — слабое, мерзкое создание! Тебе плевать на всех, кроме себя! Создала видимость любви и купаешься в ней! Где твоя любовь? Где она? Раз в неделю появляется!?

Ольга нашла в себе силы перебить, едва слышно, но перебить.

— Это не так... я люблю тебя... — осколок задрожал возле вены, а потом опустился по бедру, упал со звоном на пол.

Как же я устал от девичьих закидонов, сколько можно давить на жалость!? Я, блядь, не жеребец, которого можно на привязи держать. Я волен выбирать куда идти и что делать.

— Умойся и уходи, Оля! — тихо приказал ей, не глядя. Тошно от ее вида, от устроенного концерта, от выдуманных эмоций. — Уходи! — прикрикнул, когда подруга замерла в одном положении, сцепив пальцы в замок.

Оля послушно направилась в ванну, а я напоследок громко озвучил в спину:

— Надеюсь приступов шизофрении больше не будет, а также попыток суицида, иначе прямо сегодня запихну в психиатрическую клинику...и твоему отцу сообщу!

Пытаясь восстановить хоть какой-то контроль, хоть какую-то каплю спокойствия прошел на балкон, на чертов воздух с огромным желанием вдохнуть его побольше и выкурить смертельную дозу табака, чтобы мозг навеки отключился. И чтобы там никого не было...ни цветов, не разбитой вазы, ни тупых девочек, ни Абрамовой.

Окончательно достали женщины! Сколько таких суицидниц перевидал, уже даже не трогало, поначалу ведь велся, что натворят глупости. Наивный придурок.

Презираю жалких женщин!

На заставке компьютера любимая фотка. Не знаю каким образом она была сделана в раздевалке университета. Белокурая голова наклонена немного, поэтому лица не мог увидеть, но я пальцем провел по очертаниям красивого лица. Диана надевала майку через голову — ткань была одета через шею и остановлена выше груди. Темные спортивные штаны, к сожалению, были на ней, скрывали столь запомнившиеся мне при первой встрече ноги. Я провел пальцем по экрану, по ровному прессу, интересно ее мышцы сильно сократились бы от моих прикосновений? Тонкая-тонкая талия, ее не двумя, наверное, одной рукой мог сжать, и на фоне талии кажутся очень соблазнительными округлые бедра, да и грудь на удивление выглядела массивно по сравнению с худыми руками и животом.

Жаль не достали дальше твои фотки. Я хочу видеть тебя обнаженной, не только видеть, но и чувствовать руками и всем телом и внутри тебя хочу быть.

Чем я заболел? Что за маниакальная жажда иметь тебя в своем пользовании? Ты — хорошая девочка, сидишь дома, ходишь в университет и на работу. НЕвыносимо!

Мы не виделись много дней, не считая короткой встречи в машине, с того памятного дня в больнице, когда стал для тебя чудовищем.

Ты сожгла мои мысли и оставила одну — маниакальную жажду завладеть тобой! Ты либо моя! Либо ничья!

Нарушь мой приказ, дай повод найти тебя.

Десять часов вечера, а я один на диване, прогнал Ольгу, сидел озаренный тусклым сиянием ноутбука. Кромешная тьма везде, а на экране — схема Приама, состоящая из квадратиков-домов и линий — дорог. Обычная программа слежки и на ней красная точка — Диана, как красная тряпка для меня. Дико раздражает.

Точка стояла на одном месте, а я хотел, чтобы двигалась немедленно. Вышла из дома. Если так поздно выйдешь из дому, я обязательно рвану за тобой.

Каждую ночь сидел и после работы время от времени посматривал на эту красную точку.

И наконец-то... на двадцать шестой день точка запрыгала на экране дома Дианы и двинулась в неизвестном направлении. Смена на работе у нее начиналась раньше...

Я довольно привстал с дивана, натягивая капюшон поплотнее на лицо, скрываясь во тьме, экран закрыл и погрузился в абсолютный мрак комнаты.

— Думаю мне не понравится, куда ты идешь... но я очень рад этому.

Главу 33

POV Диана

Как-то поздним вечером заваривала чай. Передо мной белые кружки, которые соприкасались гранями между собой, терлись друг об друга. А сзади твердая грудь и мужские бедра напирала весом и вдавливали меня костяшками бедер в стол.

— Давай пошалим, пока Кати нет? — прозвучал интимный голос на ухо, который согревал жарким дыханием и обещал подарить наслаждение. Руки змеями двинулись вдоль моего тела сжали, будто укусили, одна закончила движение на груди, придавив ее до легкой боли. Хотелось треснуть по ней, чтобы был нежнее, это же не резиновая плоть!

Пошалим, Артем? Я неспроста в девять вечера после дневной смены в Приаме решила перемыть сантехнику в ванной, а теперь «вдруг» чай захотела. Я тяну время до прихода Тети! Где она!?

Претерпев легкие мурашки и поднимающуюся изнутри протестующую волну, с трудом сдержалась, пока мою грудь мяли (по-другому не скажешь), как мягкую подушку, взбивали ладонями. Вторая рука потянулась к моим спортивным шортам. Ткань очень легкая, эластичная, ощущение что потрогали самое интимное местечко без какой-либо преграды. Артем лицом уткнулся мне в шею, нюхая мой запах, как собака жадно вдыхал и выдыхал. Потянулся за резинку шорт, стремясь внутрь, пробраться под белье. Святая земля, у меня даже в горле закипело негодование, кожа горела от чужеродных прикосновений.

— Артем! — резко поднырнула под его руками. — Не сейчас! Я устала после дурацкого бассейна в отеле. Там столько недовольных, пьяных клиентов со всякими претензиями, до сих пор отойти не могу!

— Эх! — театрально закатил глаза к потолку и руки сложил у голой груди. Всем видом показывал, как его жестоко обидели. Я сейчас должна была почувствовать себя виноватой, полезть обниматься и вероятно целоваться.

Да что же я так злюсь!? Бесило, что Артем месяц прятался у нас, что не искал пути отступления. Артем не мог оставаться у Кати до конца жизни. Как-то ведь нужно искать выходы, а он не двигался.

Первое время оба побаивались Карателя за стеной квартиры, но тот не нарушал личное пространство. Домой, слава святой земле, не заходил. Постепенно и Артем привык к этой мысли, поэтому последнюю неделю страстно одолевал...Постоянно трогал, вечно играл как в шары, вверх-вниз подкидывал, у меня не резиновая грудь! И мне ведь бывает неудобно! И когда между ног начинали вдруг лапать по середине фильма или когда в ванную пытались вломиться, чтобы помыть меня! Я зверела... в подобные моменты!

К сегодняшнему дню поняла одно — меня использовали все, как средство контрацепции. Захотели недели, захотели сняли. Все...все...каждый... всем что-то нужно, а с меня хватит...

Действительно хватит. Я мечтала о тишине и спокойствии, как на острове, где хорошо и я была сама себе госпожа. Прав был когда-то Артем — мы менялись здесь. И ощущение, что больше нет рядом тех людей, которых знала прежде.

Прошел почти месяц спокойствия, с Гектором не виделись, это и к лучшему, мы далеко, разделены друг от друга, между нами слово «чудовище». Возможно, я была резка в больнице, но так... надо, чтобы он успокоился, остыл. Как и предполагалось, Гектор оставил в покое и

это самое главное, конечно, было озвучено одно условие — быть одной. Лучше одной, чем убитой Карателем.

После встречи с Гектором сразу начала искать квартиру, чтобы исчезнуть отсюда, затеряться подальше от отца с его Единственным и от остальных. Нашла квартиру на самом конце Приама, почти возле поста с соседним округом. Но долгое время не решалась на бегство, когда осуществить план и так чтобы хвост-Каратель не знал?

Мои последние деньки адаптации плавно подходили к концу, я потихоньку собирала вещи в спортивную сумку пока Артем не видел. Артем должен понимать — его я не смогу с собой взять, это равнозначно смерти.

Я расправлю крылышки и полечу туда, где никто не будет знать. Оборву все связующие ниточки и с Артемом, и с Тетей, и с Алиной, и с отцом. И, надеюсь, с Гектором.

Девятого декабря у Люды было намечено празднование Дня Рождения. Однотруппница принудила к веселью. Правда, скажу для справедливости меня не пришлось долго молить, это была идеальная ночь, чтобы попрощаться с Элей и Алиной, а заодно и осуществить побег.

А обмануть Карателя-охранника легко. Гектор же сам говорил, что я ненормальная. Так каким образом мог опростоволоситься и не подсчитать, что легко спущусь с шестнадцатого этажа по пожарной, железной лестнице?

Да, подумаешь... ветер выбивал дух из тела, и трепал волосы, загоняя их в глаза и рот.

Да, высота немислимая и начинала кружиться голова у простых смертных, но не у Клейменной, которая с подобной высоты смотрела с верхушки острова.

Да, Гектор недооценил, что имеет дело с Клейменной, у которой практически полностью отсутствовал страх.

Кто кого, Гектор? С тобой иногда весело соревноваться в хитрости.

День Рождения встречали в доме Люды, расположенном в центре города, на одной из самых богатых улиц. Три нищие дамы (в лице меня в джинсах с рюкзаком, Эли и Алины) встали возле черного, железного забора и позвонили в домофон.

Открыл калитку охранник-Каратель???. Целый Каратель для охраны, а Люда у нас видно девочка богатая, но помалкивала об этом, строила из себя бедную? Интересно... шар земной, человеческий крутится.

Озираясь по заснеженному мини-парку перед двухэтажным желтоватым дворцом, прошли по очищенной от снега асфальтовой дороге к крыльцу. Открыли не запертую дверь дома и окунулись в свет. В блаженный свет.

Это как после абсолютной тьмы оказаться на верхушке нашего острова. Как после грешной земли оказаться в Раю на небесах. Я протерла заслезившиеся от обилия изыска и блеска глаза. Каждая точка в холле и в зале либо белоснежная, либо цвета слоновой кости, даже ковер под ногами из белого зверя, возможно медведя.

— Привет, девочки! — веселый голос донесся с лестницы.

Люда сегодня в университете была крашенная рыжая, а сейчас она стала малиновая! Малиновые волосы до лопаток красиво закручены спиральями и подпрыгивали в такт бегу хозяйки, пока та спускалась по ступеням. Ярко-красное платье плотно обтягивало фигуру девушки от груди и едва прикрывало бедра. Глаза были эффектно подведены черным карандашом, губы розовые-розовые. Облик, конечно, кричащий, но ей шло и Люда казалась крайне улыбчивой и радостной, особенно по сравнению с тем днем, у позорного столба.

— Давайте... давайте... Раздевайтесь! — одноклассница поцеловала нас по очереди. — Я все та же Люда! Можете пощупать! — насмешливо подставила голую руку.

А ведь будет действительно жалко от всего этого отказаться...и от девочек в том числе. Последний день, последний и — свобода. Но если не обрежу все ниточки с прошлой жизнью, меня легко найдут и отец, и Гектор.

Потом весело готовились к празднику: одевались, красились. Алина накручивала мне крупные кудри, вела себя как когда-то на острове, наряжала как любимую куклу. Будто не существовало между нами недомолвок и Гектора.

Платье я одолжила у тети: по росту подходило, а вот по груди не очень (разрез треугольный и глубокий) часть черного бюстгальтера была представлена всем желающим. Я пыталась подтянуть платье вверх, но, к сожалению, не получалось — тогда приоткрывалось белье снизу. Юбка платья, как колокольчик, при ходьбе высоко поднималась и возникало желание придержать руками ткань сзади. Люда одолжила черные босоножки, на шее — подвеска с черной капелькой, на руке — браслет. Глаза подвели черным карандашом, и от этого я смотрелась менее пучеглазой.

Вечеринка. Первая в моей жизни вечеринка с толпой молодежи.

Постепенно начали появляться приглашенные гости: девушки и молодые люди, а мы с девочками облюбовали места за столом, пока остальные поздравляли Люду.

Алина в желтом платье, которое даже менее откровенно, чем мое, а Эля в строгой черной юбке и белой рубашке — создавалось впечатление, что после праздника отправится на работу.

Девочки пили шампанское, а я что делала? Как обычно ела. Взгляд сразу вычислил клубнику, и пока наслаждалась ягодой и млела от удовольствия, мечтательно закатывала глаза. Кто-то исполнил мои давние мечты. Пока на губах таял этот вкус, вспомнилась уничтоженная клубника.

Гектор ведь не мог знать, что это моя любимая ягода? Случайно угадал? Всем девочкам клубнику таскает?

Во время празднования царила спокойная, веселая, дружеская атмосфера. Напротив, за столом и справа молодые люди наперебой рассказывали смешные истории. Своей улыбкой располагали к себе. Приятно, когда на тебя восхищенно смотрят и рассказывают смешные истории, лишь бы увидеть твои эмоции. А взгляды на грудь я пыталась игнорировать, бывали иногда слишком откровенные, скользкие, мерзкие. Их хотелось стереть салфеткой с тела.

— Диана, может на балкон покурим? — предложил сосед через стол.

— Не курю, — отказалась. Надо быть полной идиоткой, чтобы не понять к чему вел разговор.

Я выдержала обаяние Гектора! Мысленно воздела палец к белому потолку. Меня улыбочками не пронять.

— Я тоже не курю, — кивнул сосед справа.

Это запахло тухлым. Перевела взгляд с соседа через стол на соседа справа, очень долго строила невидимую линию от одного к другому, а потом по направлению к себе. И что это получилось? Треугольник. Опешив от мерзких ухмылок, теперь точно хотелось принять душ и очиститься от грязных взглядов.

— А я это... — произнесла уверенно, руку закинула на плечо Алине сбоку, прижала резко ее макушку к себе. Алина пила в этот момент шампанское из высокого изогнутого бокала, на мои действия невинно хлопала ресницами. — Я это... ее того самого...люблю!

Жить без нее не могу! — добавила для пушшего эффекта и чмокнула Алину в ее кудрявую макушку для убедительности. — Да, любовь моя? — спросила у черных волос.

Подруга все это время лежала на моем плече головой, вцепившись зубами в тонкое стекло бокала, и хлопала ресницами в недоумении.

— Дддааа! — подтвердила она, клацнув невольно зубами об бокал. Обе вздрогнули от противного скрежета и лицо вдобавок перекошилось от раздражавшего звука, зато мужчины больше не донимали и Алину тоже. Любвеобильные соседи встали с мест и вдвоем пошли курить.

Я гаденьким довольным взглядом сопровождала их выход на балкон. Давайте, давайте, покурите вдвоем! Отчего-то люди верили моим словам и не только люди, но и Клейменные на острове. Раньше было достаточно пустить скупую слезу и меня жалели на острове. Все за исключением отца, тот не верил моим глазам, улыбкам и слезам. Слишком черствый.

Постепенно свет затушили, оставили легкий голубоватый, включили музыку. Молодые люди танцевали под музыку, в тот же момент обнаружила белую надпись «Гектор» на голубом фоне экрана телефона. Прозвучало громче, чем колокола, которые доносились из церквушки по соседству с тетушкиным домом. Музыка телефона нервно стучала по ушам, пока я поднималась с места, решая где бы ответить на вызов. И стоило ли?

Сосредоточенный, темный взгляд преследовал постоянно, контролировал. Мне часто снился странный взгляд, и я просыпалась в холодном поту, от страха подпрыгивала в кровати, усаживалась, а потом долго не могла успокоить сердцебиение. Я и сейчас рефлекторно изучила зал, пытаюсь обнаружить известного человека.

Пока звучала музыка на телефоне, вбежала наверх лестницы. В коридоре второго этажа остановилась, там ярко горели светильники. До того места музыка не добиралась, людей тоже мало, поэтому смогла ответить на вызов.

— Алло! Что надо? — грубо начала я, вперившись взглядом в пустую стену напротив, сверля ее сосредоточенным взглядом. Как самое важное в этом мире. Одновременно пыталась успокоить внезапную дрожь от полученного вызова Карателя в двенадцатом часу ночи. Он же не мог узнать, где я? И даже если так, что с того?

— Алло — алло! — услышала веселую насмешку. — Как поживаешь, прелесть моя? Я соскучился! Ты где?

Ты где? Прозвучало странно. Как будто знал, что не дома.

Я крепче вцепилась в трубку пальцами, не зная, что ответить напряженной тишине между Клейменной и Карателем. В этот момент донесся шум сливаемой воды и дверь из ванной комнаты приоткрылась, явив коридору нового человека.

Он — длинный и рыжий с веснушками, поэтому я хорошо запомнила Семена (мой сосед справа). Улыбнулась ему, прикрыла ладонью динамик телефона, чтобы Гектор не слышал разговор.

— Сюда? — спросил сосед, кивнув на дверь с табличкой, изображающей туалет. Я покачала головой из стороны в сторону. — Пойдем потанцуем? Хорошо с высокой девушкой танцевать, а то иногда шея затекает с маленькими!

Парень подхватил мою руку, которой придерживала динамик, и потянул на себя.

Я в отчаянии замотала головой из стороны в сторону вместо ответа, будто боялась Гектор услышит нас или увидит на том конце включенного телефона. Я хорошо помнила его крик в машине: «Либо — моя, либо — ничья!»

— Сем, без меня! — шепнула тихонечко, едва слышно.

А потом вздрогнула от выкрика в трубку:

— Звездец...

Дальше не расслышала, потому что не послушные пальцы уронили телефон на паркет. Поспешила поднять, но вызов от удара сбросился. Вот незадача! Я успокаивающе положила руку на лоб и смотрела то на удивленного, крайне озадаченного Сему, то на свое платье и грудь видневшуюся в вырезе платья. От ударов испуганного сердца она тревожно то поднималась, то опадала.

Быстро сбежала в ванную и уселась на джакузи, пальцами вжавшись в белую пластмассу и легко забарабанила по ней, прогоняя тревогу. Надо было в тишине подумать.

Он не мог знать, где я. Ведь не мог? Карателя я оставила на лестничной клетке, наверное, там и стоял до сих пор. Откуда Гектор узнал, где я? Или это был блеф, чтобы я раскрыла свое настоящее местоположение? Тогда почему не перезвонил, чтобы до конца узнать?

А может меня кто-то сдал? Но кто? Алина? Очень смешно...

Только стук в дверь заставил отмереть и выйти обратно в коридор, гостю понадобился туалет

Спускаясь, по дороге встретила страстно увлеченную друг другом пару, лежавшую на ступеньках. Едва не наступила девушке на руку, в последний момент остановила каблук над ее пальцами.

— Прошу прощения! — в ужасе воскликнула и максимально по кругу постаралась их обойти. А они меня как не видели, так и не видели. Всё с человеческим миром понятно! Махнула на них рукой, продолжив путь по лестнице.

«Что естественно, то не без оргазма!» — скоро тошнить от этой фразы начнет.

Тяжело топала по ступеням, опустив нос вниз, а когда спустилась на белый ковер медведя поняла, что музыка в динамиках звучать перестала. И зал затих. Или показалось?

В общей сложности, около двадцати человек в яркой, праздничной одежде, пребывало в гостях у Люды, а сейчас их разбавляли мрачные тени в знакомых скрывающих облик капюшонах. Семеро.

Я не отрывала руки от перил, замерла на секунду.

Возле одного из стульев, руками держась за спинку мебели, был Гектор. Я ни разу не видела его в рабочей форме, но поняла, что это он. Возле него... всё не такое, какое-то опасно притягивающее. И чтобы снять напряженность в собственном теле, подошла к столу, поближе к остальным гостям, скрываясь за плечом Алины, чтобы не видеть Карателей и особенно одного из них.

Тело покрылось дрожью, будто холодный ветер подул в затылок. Обняла невольно себя руками, стремясь прогнать раздражавшее ощущение.

Хватит смотреть на меня. Чувствовала, что смотрит. Чувствовала. Его взгляд сильно оведал холодом. Пугал. Раздражал. Волновал. Пытал. Но не оставлял равнодушной.

Гектор снял капюшон, явив лицо людям, зацепил меня взглядом, но равнодушно отвернулся. Будто я пыль, ничтожная грязь... Разговаривал с нашей именинницей, поэтому я постаралась расслабиться, взять себя в руки. Может быть, я ему не нужна.

— Гектор, это тупая курица-соседка! Кому ты веришь?! У нас всё чисто! — Люда нервно заправила волосы за уши. — Ну, пьем и пьем! Остальное прилично всё!

— Ой, не знаю... не знаю! Оргии у вас всякие, алкоголь, может травка? — покачал недовольно головой Гектор и уселся на один из стульев, который придерживал до этого.

Вальяжно. Я предпочла изучить молчаливых гостей, испуганных появлением работников правоохранительных органов, но местоположение Гектора невольно отмечала внутренним радаром.

— Прям протокольные рожи через одного. Особенно одна блондинка!

На этой фразе я подняла глаза на Гектора и поняла, что не один он смотрел на меня. Неведомым образом я единственная гостья-блондинка и когда это дошло до гостей разразился громкий смех: издевательский, долгий и нудный.

А мне одной не до смеха.

— А что, с такими моськами самые лучшие террористки! Никогда не подумаешь! — продолжил кто-то версию.

— А помните в поезде у нас смертница была блондинка в розовой мини-юбке с собачкой! — добавил женский голос Карательницы, при этом женщина похлопала Гектора по плечу и тот поддержал воспоминание легкой улыбкой.

— Вы пришли поиздеваться? В ваши обязанности входит врывать на празднование Дня Рождения? — спросила нервно. — Я бы сказала, что у тебя Гектор — самая протокольная рожа, которую только можно увидеть! У тебя на лбу, — я показала двумя пальцами, как будто изображенную надпись. — Написано отчетливо: «Пытаю невиновных и топлю котят в речке!»

Кто-то засмеялся, но тут же быстро замолк, увидев укоряющие взгляды Карателей. Люда ненавязчиво постучала пальцем себе по виску, намекая об отсутствии смекалки. Не терплю, когда он издевается, не нравится мне его самомнение, всегда хочется опустить ему планку.

На мое замечание Гектор не реагировал некоторое время. Снисходительно посматривал вероятно решал, какую кость первой сломать. Обещание мщения четко было изображено на лице, в виде застывшей маски. Молча поднялся, раздраженно скрипнув стулом по полу. Этот звук заставил сморщиться на миг от громкости и едва не отступить.

Ко мне шел...

Считала удары сердца и звук шагов мужчины в моем направлении.

— Без обид, — услышала голос, прежде чем Гектор оказался совсем близко.

В тот же момент дыхание перехватило, забылось в груди, когда холодная сталь их орудия уткнулась в висок, а чуть прохладная ткань толстовки и спортивных штанов прикоснулось к моему теплому телу. Контраст вызвал вновь легкое волнение и напряжение нервов. Мужская ладонь имела наглость улечься на правое бедро.

— Проверьте всех, мало ли! — Гектор отдал приказ другим голосом, холодным, безэмоциональным. — Все сумки, вещи проверьте на наркоту!

— Гектор, это не смешно! — вскинулась Люда. — Ты мне не веришь? Я такой фигней не страдаю! И друзьям не позволяю.

Мы стояли в абсолютном молчании: Клейменная, напротив нее Каратель, одежда прикасалась друг к другу, а у моего виска прибор, реагирующий на энергию.

Не зная того, Гектор попал в десятку. Черная точка его толстовки сужалась перед глазами, все сильнее и сильнее давя. Засасывала паника, я хоть и не пользовалась сегодня силой, но сталь, эта сталь у виска морозила. И прикосновения Гектора заставляли замирать тело.

Одно нажатие на этот металлический прибор и окажусь на полу, с окровавленными мозгами на ковре.

Одно слово. Я скажу ему: «Слышишь Гектор!» Глядя в эти темные глаза, не знающие жалости; вроде сейчас они любопытные, может быть заинтересованные, а когда скажу: «Гектор, я Клейменная — позорная тварь, питающаяся людьми!» И тогда... Молча, уверенной рукой, Гектор нажмет на прибор, приводя механизм в действие, орошая ковер красной кровью, довольный, что поймал очередную Клейменную.

Подняла затуманенные глаза на Гектора, а он ждал этого, сразу поймал в сеть, зацепил и не отпускал, посадив на цепь.

Почему, не умеешь читать мысли? Прочитай в моих глазах — эту правду. Потому что самой не хватит смелости озвучить свою сущность.

— Чисто! — услышала комментарий в лицо.

Висок отпустила прохлада, а мужские руки не отпускали. Гектор убрал металлический предмет в карман широкой, черной толстовки, а сам аккуратно прикоснулся к завитку моего белого локона, погладил его, наматывая пружинку на палец.

Я, избегая его прикосновений, восстановила дистанцию между нами. Отошла назад, строго глядя на Карателя. Это расстояние между нами нельзя прерывать! Приказывала ему покорно отступить, не прикасаться. Гектор чуть опустил упертый подбородок, на его щеки легли тени от ресниц.

— Бесишшь... — прошипел. А потом замолчал, когда с лестницы спустился Каратель, держа в руке небольшой прозрачный пакет с неизвестным содержимым.

— Вот нашли! — поведал тот.

— Что нашли? — перебила я.

— Что-что, наркоту! — насмешливо ответил капюшон, кивнув головой. — Эй, ты рыжий в красной рубаше! Какая у тебя одежда? Черное пальто?

— Нет. Черный пуховик, — пояснил Сема.

— Точно! — добавил Каратель и пальцем на него пренебрежительно указал. — В твоей и нашли.

Как? Как могли? Я молча озиралась по сторонам. Семена взяли за руки. Тот пытался объяснить, тараторил, а мужчины на все оправдания спокойно заломили ему руки за спину до болезненного выкрика. Парень пытался оправдаться, доказать что-то, но Каратели его попросту не слушали.

— Ребят, это не может быть Сема! Я за него ручаюсь! — защищала Люда, лезла, сопротивляясь властям, пока ее аккуратно не оттолкнули назад, чтобы не мешала процессу.

Все это странно смотрелось... Сема — наркоман... хотя я его не знала прежде, но он производил хорошее впечатление. А Гектор равнодушно взирал на это зрелище.

— Уходим! — донесся его приказ.

Сему вывели в коридор.

А я мечтала оказаться подальше отсюда, от гостей и, в особенности, от Гектора. От его взгляда, больше не чувствовать его присутствия. Он давил мощью. Каждый раз напоминал, что рядом со мной личный палач. Слава святой земле, он уходил, оставлял в покое.

Моя левая рука вдруг была сжата до сильной боли, отчего я не сдержала болезненного стоны, а Гектор потянул вперед — на выход.

— Ты за мной! — поведала его черная спина в теплой толстовке.

— Больно! — попыталась вырвать руку, а ему плевать на мою боль.

— Гектор! А, Диана? Куда? — Эля с Алиной переглядывались и передвигались следом. Люда рукой жестикулировала. — Диану-то отдай!

— А эта особо опасная! — произнес Гектор, освободил руку, но пальцами зачем-то прикоснулся к моей ладони. От этого жеста я вздрогнула и вырвалась.

— Я не пойду с тобой, — прокомментировала.

Успела заметить гневный прищур, мгновенно обозначившийся массивный подбородок и даже вену, вздувшуюся на виске. А потом его рука сделала замах и обняла меня под бедрами, потянула сразу на себя, чуть поднимая ткань шуршавшего красивого платья на бедрах. Телом прислонил к толстовке, не давая пыли или воздуху пробраться между нами. Тело к телу, одежда к одежде, и только мои ладони, отталкивали нежеланное тепло.

— Сопротивление властям! — прорычал едва слышно мне и, видно, девочкам. — Плюс нарушенный приказ! Одевайся или голой вытасу на улицу!

Выбора особо не было, как только одеться и пройти с ним в черный, уже знакомый автомобиль.

POV Диана

В машине моргала и чувствовала это отчаянное удушье, которое тисками сжало горло.

Что Гектору надо? Что ему надо от меня? Темнота и тишина были опасны и единственное, о чем мечтала — чтобы оставил в покое, забыл обо мне. Навеки. Потерял память.

— Зачем ты везешь и куда? — спросила, чтобы нарушить сильное напряжение.

В лобовое стекло почти полная тьма, легкий наст снега на дороге, дворники на лобовом стекле не успевали смахивать легкие снежинки. Фары освещали небольшой участок дороги, а курс путешествия быстро менялся. Гектор только и успевал крутить руль. Время позднее, а от скорости поездки сердце неистово заходилось в груди, паника поднималась изнутри. Я вцепилась ногтями в подлокотники.

— Что тебе надо, Гектор? — скорость движения опасно увеличивалась. — Что ты ко мне пристал? Великий Приамский царь!

— Заткнись! — в этот же момент швырнуло в сторону, я при резком повороте врезалась плечом в дверь автомобиля. — Заткнись, понимаешь!

Гектор отнял внимательный взгляд от дороги, словно демонстрируя, что может случиться. Управлял машиной слепо руками, а я испуганно смотрела на дорогу, пока он тихо добавлял.

— Ты сейчас должна послушно заткнуться и молчать, пока мой гнев будет остывать! Ясно?

Спустя несколько напряженных секунд игнорирования дороги Гектор начал опять смотреть вперед, а я успокоила голос, обреченно спрашивая в абсолютном мраке у водителя:

— Тебе ведь не отказывают, да? Как так... — размышляла я тихо в салоне автомобиля. — Мелкая соплячка посмела отказать, да? Все ноги раздвигают, а она не раздвинула. Гордость задела?

— Нет... — услышала вдруг тихий, приятный голос. Немного интимный в обстановке машины. На секунду Гектор отнял взгляд от темной трассы, от фар, освещавших дорогу, и даже сквозь тьму я увидела эти черные, блестящие во тьме глаза, как у хищника. Они опасно мигали, пока животное готовилось к удару.

Путь резко закончился на неизвестной парковке. Гектор, поставив на ручник машину, поведаль тихонечко с улыбкой, с мерзкой... опасной улыбкой.

— Я же сказал: либо — моя, либо — ничья! — и не было в голосе сомнений или жалости, только желание сломить и подчинить ничтожную девчонку.

Я сквозь небольшую замутненность от нервных слез повернула голову в бок и ослепла от множества фонарей. От слепящего света... от этого места.

В нижнюю губу вцепилась зубами, пытаюсь ее прокусить насквозь, прорвать плоть и пусть кровь хлынет из ран, главное, чтобы унять внезапную дрожь по всему телу. Перестать видеть, а голос пропал, тяжесть в горле мешала говорить. Я еле прошептала, вцепившись в черную кожу кресел ногтями.

— Я... я ... не выйду отсюда...

— Выйдешь... — ответил тихий, спокойный голос, давая понять, что понесет меня, если я откажусь. — Я три раза предупреждал — не крутить своим хвостом! Мне отказываешь, а

Семенчику едва яйца не облизываешь...

— Что за бред? — вскинулась я, оборачиваясь. — Какой Сема? — (я с ним немного посидела за одним столом и послушала анекдоты на ухо, но Гектор не мог этого знать). — Да тебе-то какая разница? Чем я заслужила такое отношение?

На последний вопрос почти не хватило сил, он прозвучал как жалобный испуганный писк побитой псины.

Гектор резко взял за затылок и потянул на себя мою голову, прикасаясь лбом к моему, глядя блестящими во тьме опасными глазами:

— Ты не слышишь меня, Диана, не слышишь! — четко произнес, как простую истину в губы. — Когда научишься послушанию, все вопросы решатся. А сейчас — выходи или понесу!

— Я... я... не выйду от. сю. да... — прошептала ему в губы. Пыталась донести информацию и до его глаз. Аккуратно высвободила свою голову из его руки или Гектор позволил, не столь важно. Важно, что это место не исчезало по мановению руки или по желанию Клейменной. Обернулась вновь вправо, изучая место перед зданием, где припарковано небольшое количество машин в поздний час. Долго смотрела сквозь мутное, местами грязное стекло автомобиля. Но видела только это место...это темное место. Бетонное здание в несколько этажей и широкую лестницу, приглашающую подняться к округлой железной двери. Там внутри наше личное кладбище.

Я видела это здание в интернете, а в живую обходила стороной. От этого места опасно веяло холодом и неизвестными потоками энергии.

Дверца машины внезапно открылась, а передо мной появился Гектор. Протянул руки и пальцами поманил, намекая, чтобы спускалась в его объятия.

Я покачала головой и подтянулась влево, как можно дальше от Гектора и его рук, и холодной ночи, и промозглого ветра. Ветер завывал в салоне и подхватывал кудри, и мешал иногда обзору.

Я понимала всю тщетность, бесполезность сопротивления, но не могла... Не могла туда послушно спуститься.

— Гектор...пожалуйста, нет... — посмотрела умоляюще на него. — Не надо...

Ни грамма понимания моего страха, ни грамма сожаления — мужчина перевел взгляд мне на ноги и платье, ухватил сначала за колени, пальцами не спеша повел по колготкам вверх к бедрам, там и ухватил за ягодицы поудобнее и вытащил из машины.

Холод ночи сковал и руки, и ноги. Из рта валило жаркое, мое отчаянное дыхание, как будто в последний раз. Все тепло уходило в холодную ночь. А я держалась за шею Гектора, намертво пальцами, наверное, до красных линий-следов от ногтей. Обернулась назад на здание за моей спиной, пока он меня нес, поддерживая под бедрами:

— Пожалуйста... не хочу туда... — спрятала взгляд в вороте мужской толстовки, еще крепче вжалась, ощущая знакомый одеколон и запах его тела, пытаясь вжаться в него, ища спасения как маленький, испуганный ребенок. Этот животный страх завладел каждой нервной клеткой, не давал связно мыслить.

Слышала звук его кроссовок по ступеням, покрытым коркой льда, пока Гектор поднимался по лестнице. А я еще сильнее зажмурилась, чтобы исчезнуть отсюда уснуть... уснуть...забыться. Или наоборот проснуться, и чтобы это оказался страшный кошмар.

— Свободные нижние есть? — услышала вопрос от Гектора. Возле входной металлической двери в окошке сидел охранник на посту. К нему и обращался мой пленитель.

Чтобы унять внутреннюю дрожь и замаскировать стон, рвущийся из горла, зубами закусил кулак. Невольно всхлипнула и едва в голос не завывала, когда холодная стальная дверь скрипнула.

Тогда же охранник-Каратель на посту назвал номер:

— Пять.

В помещении стало очень светло, а меня трясло, подкидывало на каждом шаге Гектора. Трясло и трясло... сильнее и внутри, и снаружи. Когда спустились по лестнице, в маленький узкий коридор пальцы задрожали на его шее. И даже просьбу остановиться больше не могла произнести. Открыла рот чтобы произнести что-нибудь, умолять... а вместо слов зубы позорно застучали друг об друга.

Раздался скрип не смазанной, ржавой двери или железной калитки.

— Пришли, — услышала на ухо тихий, спокойный голос. Гектор попытался меня поставить на холодный пол, а я не давалась. Вцепилась в его шею, намертво, прося защиты от темного места. Я никогда не просила помощи, всегда старалась своими силами решить проблемы. Сегодня просила мысленно, вопила, глазами, руками, чтобы взял и унес из этого страшного места.

А он меня снял с себя.

— Тихо... тихо... спокойно... — шептал, пока отдирает мои руки от себя. — Ты же хотела познакомиться с чудовищем...

С трудом отнял мои, будто примерзшие ко льду пальцы, от своей шеи. А у меня было ощущение, что отняли необходимый для жизни воздух. Заткнули шершавой ладонью рот и нос и тихо приказали «сдохни». Как тогда — лучшая подруга.

Свет в помещении отсутствовал, а стук моих каблуков эхом отозвался от стенок каменной тюрьмы. Я медленно отошла в глубь камеры, подальше от Гектора, окунаясь в тьму личной могилы. Двумя кулаками сжала виски, прогоняя инстинктивный страх.

А голос Гектора звучал тихо и наставительно:

— Я надеюсь вся дурь останется в этой камере и все наши разногласия...

— Ты не посмеешь... — перебила, выкрикивая, а кулаки убрала от висков. Пар витал перед лицом пока я кричала, здесь ужасно холодно в тонкой куртке и колготках. Я чувала кровь, пот, вонь, от Клейменных из соседних камер. Смрад витал по камере и противно забирался в ноздри и горло. — НЕ посмеешь!!!

Покачала головой, словно не верила, что оставит здесь. Ведь не оставит гнить в камере? Опустилась на корточки, пряча голову в коленях. Одна во мраке, и только Гектор пока еще находился в проходе коридора. Сзади него горел светильник, а он сам в ореоле света, а тело — тьма.

Он не оставит здесь, ведь правда? Как отец не оставит одну во тьме?

Здесь холодно и одиноко. Пусто. Уныло. Я хочу домой, в свою теплую кровать на острове, где всегда грело теплое солнце.

Дверь резко скрипнула, приводя меня в сознание, и я поспешила поднять взгляд на выход, где за спиной мужчины в коридоре виднелся небольшой свет. Единственный свет, пока теплившаяся надежда. Гектор с той стороны держался за железные прутья двери. Последний раз взглянул на меня, одиноко стоящую на коленях и отвернулся. Без слов... А я резко подскочила с корточек, бегом преодолела расстояние до двери, вцепилась в ржавые прутья личной камеры.

— Выпусти!!! — шибанула ладонями по прутьям, вызывая множественное эхо по всем

камерам нижних палат. В ответ раздались крики узников, хриплые стоны соседней — замученных Клейменных.

— Гектор! — крикнула, но его спины не было видно, пропала во тьме коридора. А потом и вовсе...

Раздался щелчок. И коридор погрузился в абсолютный мрак.

— Выпусти! — долбанула опять по прутьям. — Черт тебя подери! Выпусти! Гребанный Каратель!

Долбила и долбила по прутьям, создавая дикий шум на весь коридор. Невзирая на боль в руках, на возможные ссадины, которые нанесу. Лишь бы слышали, лишь бы не тишина и холод. А стоны Клейменных помогали прочувствовать праздник ужаса и страха.

— Заткнись! — почувствовала чужое дыхание через клетку своей тюрьмы. Тогда же что-то тяжелое, может быть пистолет или их прибор ударил по прутьям рядом с пальцами.

Ужасная дрожь и отдача ударила в ладони, и я послушно отступила в глубину камеры.

Это был неизвестный охранник-Каратель, его лица не разглядишь. Я и камеры не видела, и пальцев, слышала один звук — стук собственных каблучков по камню.

Десятки голосов Клейменных жили со мной в ту ночь, пели в унисон. Они стонали то от боли, то от сумасшествия. А я опустила колени в капроновых колготках на холодный пол, сняла кожаную куртку и накрыла себя сверху от крошечной тьмы... прячась от нее в коленях. Она как будто живая — эта тьма. Живая субстанция, что тянула ко мне грязные руки.

— Пожалуйста... Гектор... — прошептала коже ног. Руки перекрестила на груди, убаюкивая себя... — Выпусти меня...

Просила сама у себя...

— Я боюсь темноты, — прошептала в тишине шепотом, чувствуя, как слезы падали на колени, как холодный пот заливал спину, а меня трясло не переставая. Мерзко и холодно.

И все одинокие часы, борясь с рвотными спазмами, расчесывала руку с татуировкой ногтями, как умалишенная, чтобы не ощущать темноты, как единого живого организма, нападающего со всех сторон. Хищника, жрущего спокойствие.

Как вспышка молнии озарила сознание.

— «Темнота... решетка...» — пророческие слова гадалки Рады.

Слушала стоны и еле слышный предсмертный плач Клейменных всю ночь, а тело трясло и трясло.

Я пряталась от темноты под курткой много времени. А может и мало... но для меня казались вечными эти минуты или часы одиночества. Мой кошмар ожил, самый ужасный страх, мой единственный страх.

Не знаю, когда раздался щелчок двери. Слышала сквозь куртку шаркающие по бетону шаги. А я не двигалась. Ноги, согнутые в коленях, жалобно ныли от неудобной позы.

Руки, подхватившие за талию, узнала сразу. А в тот момент было все равно. Пусть кто хочет берет.

Гектор снял с меня куртку и поставил на шаткие, непослушные ноги. Свет заливал тюремную камеру, а напротив моих глаз, только немного выше вновь равнодушное, холодное лицо.

Больше не унижусь до мольбы перед тобой.

Пустыми, непроницаемыми глазами, без отрыва смотрела на мужчину. А зрачки жгло от яркого света после абсолютного мрака. Я не плачу, я не жалею себя, просто... я не

виновата, что глаза слезились от яркости.

— Дурь вышла? — поинтересовался глухо.

А я не кивнула, не отвернулась, просто смотрела, как деревянная кукла. Полностью выпотрошенная, иссушенная. И ноги не держали, и если бы не Гектор упала бы обратно на колени на холодный пол перед Карателем. В ноги после подъема прилила кровь, они противно загорелись, загудели. Потом мужчина перекинул меня на плечо, как когда-то в университете. И понес свой трофей, придерживая кистью бёдра и платье, чтобы то высоко не задиралось.

А я немного была наклонена вперед — вниз головой, равнодушно глядя на бетонный пол, на редкие светильники на стенах, загоравшиеся, пока мы поднимались обратно по лестнице.

Я — первая Клейменная, которая покидала темный дом. По крайней мере после заточения в нижних палатах никто живым не выходил. Дальше один путь — самосожжение.

В машине, закутавшись в полы собственной куртки, прятала нос и, поджав ноги к телу, пыталась согреться. Печка в машине вроде работала, а тепла не было. Лед в крови, вся кровь заледенела в жилах, даже слез не было — тоже, наверное, внутри превратились в застывшую глыбу.

Светофоры на дорогах горели оранжевым и мигали выключенные. Но на улице начинало светать, вероятно часов пять-шесть. Гектор, как обычно, выполнил угрозу. Сказал, научит послушанию — вот учил. Научил одному — что ему нельзя верить.

Когда отец посадил в темницу, я не просила его остановиться, потому что знала — бесполезно. Я для него эксперимент. Мои мольбы, как об твердую стену рикошетили вниз, в пустоту. А сегодня ночью зачем-то просила Гектора остановиться, зачем-то жалостливо умоляла, будто поверила на секунду, что в нем есть что-то человеческое. Что значу для него чуть больше, чем очередная дырка. Тайно надеялась, что для него я — особенная. Каждой девочке хочется быть особенной. Я жестоко ошиблась.

Гектор взял меня за лицо, чем отвлек от мыслей, и повернул от стекла к себе. Смотреть тошно в его глаза, в груди болезненно закололо. Заледеневшее сердце. Оно тоже покрылось тонкой корочкой льда, чтобы впредь не было больно. Когда тебя учат, когда тебя наказывают... И не понятно по какой причине. За то, что крутила хвостом?

Я мягко высвободила подбородок и отвернулась вновь к окну.

— Диана, надеюсь, ты все поняла? — поинтересовался Гектор, пока мы ехали под звуки включенных поворотников, создающих своеобразный треск в тишине машины.

Говори сам с собой Каратель. Это лучше всего. Потому что ты умеешь слушать только себя драгоценного, а на остальных плевать...

Лед оттаял, почему-то слезы подкатили к глазам, и я, прикрыв ладонью лицо, полубоком смотрела в окно, изо всех стараясь не создавать ни звука, чтобы этот урод сбоку не увидел.

Куда теперь везет? Какое наказание следующее?

Даже не надеялась попасть домой.

Я и не попала. Оказалась возле серого двадцатиэтажного здания в неизвестном районе, а мое тело несли большие руки. Вновь, как трофей, перекинули через плечо. И сапоги снимал с меня, присев на одно колено, и куртку снимал, пальцами прикасаясь в процессе к моей голой коже, и на руках нес по коридору. А я равнодушно провожала взглядом коричневые стены неизвестной квартиры, бра, освещавшие путь. Диван увидела в зале. А

потом темнота вновь, а под спиной — мягкость, в которую аккуратно погрузили.

Наступило столь желанное тепло, как же хотелось заснуть навеки. Подальше отсюда.

Лишь бы не видеть эти руки, что упёрлись ладонями по бокам от моей талии. Лишь бы кровать не прогибалась под тяжестью его веса. Не видеть колена в спортивных штанах, рядом с ногами. Не чувствовать приближения и наклона мужского тела.

Лишь бы не Гектор скатил мое тело на лопатки, разворачивая для своего любопытного взгляда. Колено просунул по краю подола платья, заставляя раздвинуть ноги шире.

А я в ответ смотрела на его кадык, на дрожавшую жилу, бьющуюся нервно от сердцебиения. И когда после небольшой запинки Гектор наклонил лицо с явной целью поцеловать — я отклонила голову на подушке и посмотрела в бок на коричневый шкаф с одеждой.

Больше не будет дури? — спросил он. Больше ничего не будет, гребанный Каратель...

Его, как и прежде, не остановил отказ. Огненное дыхание обожгло ледяную кожу. Легкий свет горел от светильника на тумбочке и освещал нас. Лучше бы выключил, чтобы не видеть красивого, но равнодушного лица.

Сначала Гектор лизнул за ухом — похоже, это моя эрогенная зона. Как и в прошлый раз я сильно вздрогнула от навязанной ласки, а потом привычно зашипела, и вцепилась в плечи, обтянутые толстовкой. Прогоняя мужское тело и настойчивые губы, которые вновь уродовали шею. Ставили очередной кровавый засос — клеймо.

Как будто мало страха и боли на сегодня? Глаза воздела к потолку, отчаянно заморгала, заерзала под мужчиной, но обещала себе больше не умолять.

Не хотела...не хотела, чтобы его грудь давила, чтобы его руки держали, одна за бедро, вторая за руку.

Светильник на тумбочке...если до него дотянуться, можно ударить ему в затылок.

Руку подтянула по покрывалу вперед, максимально тихо, чтобы Гектор не заметил, пока был занят. Но резко замерла, когда мужские губы прекратили насиловать шею. Заметил?

Бретельки платья мужчина медленно снял с плеч, стягивая лиф под грудь, оставляя меня в черном бюстгальтере. А язык его оставлял влажную дорожку на коже, там, где в ложбинке лежал маленький кулон с капелькой.

Сначала застудил, а теперь пытался отогреть, заставить кровь закипеть? Нет, Гектор, так не получится. От его языка я только извивалась, ерзала под мужским телом и руками, держащими за локти.

Затем Гектор запустил руки под юбку платья, задрал ее до живота, и быстро снял капроновые колготки, чтобы не мешались. Выкинул на пол рядом с кроватью.

Бедра развел в стороны, ложась животом на кровать, напротив моих раздвинутых и согнутых в коленях ногах.

Я почувствовала опасное дыхание на бедрах, поэтому надсадно проговорила, глядя в отчаянии на потолок:

— Мне холодно!

— Я согрею... — поведал тихий голос. А затем ощутила небольшой укус губами ткани нижнего белья между ног. А трусики кружевные, легкие, поэтому каждое прикосновение губ и дыхание сильно чувствовалось.

Вновь повторил укус губами, будто хотел съесть.

— Мне действительно холодно! — повысила еще раз голос.

Дыхание перестало мучить между ног. Гектор оперся на локти и встал на колени,

вероятно глядя на меня. А я не хотела на него, максимум ему в плечи на толстовку.

— Сейчас ванную сделаю, — проговорил и, наконец, оставил в тишине и покое. Одну в холодной постели.

Наконец-то без него, не видеть его проклятых глаз, они всегда смущали. Не хочу их больше видеть, не хочу ничего от них чувствовать. И мужской запах не хочу отныне чувствовать, пусть выветрится любое упоминание о нем.

POV Гектор

Сидел на ванной, включил воду, слушая быстро льющийся поток. Регулируя теплоту не смог не отметить, что жидкость теплая, а у Дианы кожа невероятно холодная. И она сама бледная, а лицо бесстрастное. Я всегда мог увидеть целую радугу эмоций на ней. Гнев Дианы никогда не раздражал. Она кричала, злилась, ругалась, но зла не таила по-настоящему. А радость я редко видел на ее лице, пожалуй, только в университете рядом с подругами.

А сейчас не было эмоций, лицо расслаблено полностью и тело ватное, почти мертвое и голос холодный. Надо было успокоиться, и Диане, наверное, отойти от Темного дома. Зато будет послушной девочкой, метод кнута всегда работал. Метод пряника ей прежде не понравился. Я не маленький мальчик бегать за девочкой, приставлять охрану и следить за ее передвижениями. Я должен быть уверен, что Диана не осмелится на глупости. Семен — хороший повод научить поведению со мной, правильному поведению.

Паренька немного проучили по почкам, посидит за решеткой три дня, это максимум, на который могли задержать без возбуждения уголовного дела. К тому же, человек. Наркотиками и сроком припугнули, от Дианы будет держаться за километр, как и ближайшие его дружки.

В ванной комнате становилось жарко, поэтому снял толстовку. Жаль ванная маленькая, вдвоем там явно не поместимся.

Нервный трепет по всей коже, предвкушение разлилось горячей волной, лицо покрылось жаром. Успокойся...Гектор...медитация, до десяти досчитай... всегда срабатывало. Столько ждал этой возможности, никуда уже не денется.

Моя — хм...звучит ведь «моя».

Когда ванна наполнилась почти до краев досчитал вновь до десяти и вышел в свою комнату. На черной большой кровати должна была лежать Диана, но там...пусто!

Вмятина на покрывале, где лежала изящная фигура Дианы, а в комнате пусто.

Резвым шагом вышел в зал, молча озираясь по сторонам в поисках пропавшей добычи.

Внутри поднимался вулкан, спящий вулкан медленно просыпался, а горячая лава побежала по венам.

— Ах ты...маленькая...

Вернулся в комнату и отметил, что колготки по-прежнему валялись на полу возле кровати.

— ...хитрожолая сучка.

Из коридора пропали сапоги и куртка.

...Я блядь как мелкий юнец, купился на ее слезливые глазки. Твою мать!

Не выдержал. Отсоединил со штанов цепь и, сжав ее в кулаке, швырнул в стену. Хорошо, не включил силу Карателя, а цепь со звоном ударила о стену, а затем спокойно упала на пол. И мой гнев-горячая лава слегка вышла и стены квартиры целы. Вцепился в волосы,

массируя виски и расхаживая перед диваном из стороны в сторону.

Честно, порой себя чувствовал неадекватным рядом с ней.

Досчитал вновь до десяти.

Ладно... пусть успокоится... привыкнет к мысли, кому принадлежит.

POV Диана

Ненавидела лед, холод, морозный ветер и снег. Проклятый снег, падающий крупными хлопьями на волосы, делал их мокрыми патлами, которые противно лезли в глаза и липли к щекам. Падая он и на ресницы, затем скатывался по щекам грязными дорожками от растекшейся туши. Выше сапогов голые бедра также покрывали струйки растаявшего снега. Не рыдать...не рыдать. Уговаривала себя, сцепив зубы до неприятного скрежета. Пока бежала по пустым улицам прочь от Гектора, редко встречала прохожих ранним утром. Продолжала спешить, несмотря на высоту каблуков и слой льда под ногами. С виду такой чистый, невинный, а на самом деле жгуче холодный и оставляет после себя одну неприятную дрожь. Как Гектор...

Знала, что бежать бесполезно. Куда?

Охранник в тетиной квартире. На остров не пробраться, потому что все выходы на трассы из округа заблокированы Карателями для поимки Артема.

Это Его проклятый округ Приам. Никто здесь не поможет. Если только стать невидимкой, но и это не поможет, найдет способ сделать обратно видимой. Ему необходимо достичь цели, а я встала на пути к ней. Взбрыкнула, не дала себя оседлать. Как какое-то чертово животное.

А как эффектно дурачка из себя строил, обаяние пускал. Я — святая простота, поверила, что он может быть «милым». А вся его показная милота была для цели.

На шестнадцатый этаж бежала через ступеньку, преодолевая расстояние в максимально короткие сроки. На нашем этаже Карателя не обнаружила. Это великолепно...великолепно. Надеюсь, Гектор его хотя бы накажет за промах, а у меня появится маленький шанс на побег.

Поспешно забарабанила в дверь квартиры в ожидании открытия. Когда открыл заспанный, полуголый Артем, потирающий со сна глаза, я молча ввалилась в коридор. И от ужаса, охватившего тела не могла пошевелиться, остановившись в коридоре. И моргнуть боялась, а если вдруг моргну и Артем исчезнет. До меня только сейчас дошли вполне очевидные опасные мысли.

Если... если...ОН узнает, что Артем ко мне прикасался...

А если ОН узнает, что я скрывала беглого Клейменного, мало того — Артема Твардовского, который является вроде как моим...моим любимым?

— Убирайся отсюда! — жестко схватила Артема за локти, пододвигая его тело к себе поближе. Пробуя на ощупь, будто боялась, что он не настоящий из плоти и крови и в любой момент может исчезнуть. — Немедленно собирай вещи и уходи из этой квартиры!

Если Гектор придет сюда за мной и обнаружит Артема...

— Диана? — недоуменно спросил, не понимая моей паники или вероятно думал, я пьяна. Сладко зевнул потянулся, высвобождая свои руки из плена.

А я резко отодвинула его прочь, разулась и бегом через зал в наши комнаты. Достала сумку, скидывая туда последние необходимые вещи: зубную щетку, пасту, расческу. Артем вслед за мной прошел, продолжал игнорировать мои поспешные сборы, очевидные приказы — убраться отсюда. Видно не собирался задумываться о побеге.

— Диан, что случилось? Ты странная...

— Нормальная, — ответила. Руки дрожали пока застегивала сумку на молнию, наскоро

вспоминая, что могло понадобиться. — Артем. Сюда придут Каратели, не знаю, как скоро. Я не шучу!

Взяла вещи из шкафа и побежала переодеваться: волосы в хвост собрала и запихнула под кепку, чтобы не привлекать внимание к внешности. Остальное — стандартный набор, рваные джинсы, кроссовки, футболка и куртка. В комнате сидел по-прежнему Артем, пальцами массировал голову туда-сюда, расслабляясь или обдумывая информацию.

Честно, хотелось пинка ему дать, чтобы вылетел в окно. И, наконец, начал шевелиться. Сколько можно повторять! У меня руки не переставая дрожали, все тело конвульсивно дергалось. Быстрыми резкими движениями я пыталась скрыть эту внутреннюю дрожь, но голос вряд ли скроешь. Он тоже был сиплым и необычным.

— Артем! — повысила голос, на что друг вздрогнул. — Я не шучу! — указала пальцем на дверь. — Если тебя и меня обнаружат здесь, нам с тобой не жить! Понимаешь!?

Начинавшую бурлить во мне панику, подавила тетя, с растрепанными волосами и еле приоткрытыми глазами. Только встала и в одном халатике стояла в проходе.

— Что за шум, а драки нет? — перебила назревающую драку.

Попыталась разрядить обстановку между нами, наладить контакт, но успокоить получалось плохо. Ничто не поможет. И я это понимала.

— Тетя... — я задыхалась от паники. Надо было срочно куда-то ее деть из себя: вылить, вытащить, выдрать. Хоть кому-то рассказать, тетя — единственный понимающий человек, который мог дать совет.

Пряди с левой стороны лица я подняла и отогнула в сторону, показывая шею. Синяк должен был проявиться.

— Очередной засос. — пояснила, глядя на тетю, а Артема, сидевшего на кровати, игнорировала. — Помнишь джинсы рваные... засос? Я рассказывала про мужчину? — неуверенно спросила, зная, что рядом внимательно слушал мой друг, который, наверное, после этого и не будет больше другом.

Я и его обманывала. Всем вру и врала.

Поделом мне. Заслужила в отместку.

Тетя с виду проснулась, встала поровнее и прошла вглубь комнаты.

— Ну и? — серьезнее спросила она.

— В общем он... оказался Карателем и это он поставил другого Карателя следить за мной, чтобы не...ну чтобы у меня никого не было.

Кажется, теперь всю правду сказала. И взгляд справа не возможно было не почувствовать, он оглядел с козырька кепки, вдоль шеи, по животу, ногам и остановился на полу. Подводя итог полученным знаниям. И больше Артем ни разу не одарил взглядом, встал и куда-то пошел вялой походкой, как будто до сих пор не понимал всю серьезность ситуации.

— Гектор зовут. Знаешь такого? — спросила у тети.

Та от полученного вопроса ресницы подняла высоко, едва не до лба, приоткрыв ясные глаза и невинно поинтересовалась:

— Это такой миленький мальчик, у которого в арсенале имеется обворожительно-убийственная цепь для Клейменных, как для собак? Он ею нас обычно душит?

Сзади раздались еле слышные шаги, я не успела ответить, зато Артем перебил:

— Шрам на губе, двухметровый брюнет?

Тетя кивнула и поинтересовалась:

— Тоже его знаешь?

— Столкнулись в ресторане Приама. От него неприятная энергия исходит... — добавил Артем.

— Да... когда рядом с ним нахожусь кожа горит от его присутствия. Непробиваемая аура. Скорее всего именно он и хочет тебе гвоздик в горло на главной площади всадить, — и тетя постучала воображаемым молоточком по гвоздю. — А если он имеет виды на нее, — Катя указала на меня, а потом перевела взгляд опять на Артема. — То ты — двойной труп!

В ускоренном темпе начали собираться. Тетя давала последние наставления: отдала свой старинный телефон вместо подаренного папой (на случай, если по нему возможно отследить); во внутренний карман куртки Катя просунула небольшой флакончик.

Пока Артем обувался, родственница шепнула на ушко:

— Яд... без цвета и запаха. Добавляешь в питье или еду, не распознается, через десять минут остановка сердца. Для человека — одна чайная ложка. Для Карателя — весь флакон.

Это было последнее наставление от тети, а стеклянный флакон долго холодил через футболку кожу живота. Всю дорогу до квартиры.

Пока что теплился последний огонек надежды, скромное маленькое пламя согревало внутри. Я еще способна спастись от его рук. Для него никаких преград, никаких сомнений. Для достижения цели сделает всё. Сказал накажу — наказал. И плевать, что Диане больно. И, честно говоря, я просто обреченно отсчитывала сначала каждую секунду, потом минуту, чуть успокоившись, а затем часы свободы. Стоя на одной из остановок на окраине города, оборачивалась в след прохожим, казалось все следили: и люди, и Каратели.

Квартиру, где хотела пожить я наметила давно, но с хозяйкой договор не успела подписать, поэтому в ожидании женщины целый день провела на остановке. Изредка расхаживала по незнакомым улицам, один раз зашла в кафе погреться. Пожилая дама — хозяйка прибыла только на следующее утро, когда я совсем замерзла от ночной прохлады и с трудом владела пальцами на руках и ногах.

Порадовалась, что квартира находилась на двадцатом этаже, как можно выше и выше от земли, чтобы никто не мог найти.

Первые два дня не находила покоя, пряталась в небольшом зале, с красным, обитым тканью диваном, шторы на балконе наглухо закрыла, а сама на полу на ковре, для того, чтобы если кто-то пролетит по небу не заметил. Меня сильно рассмешила эта глупая мысль впервые за три дня. Тихонечко захихикала посреди идеальной тишины в квартире. Как будто Гектор умел летать. В тот же момент поднялась и впервые решила выйти из квартиры. Я не ела два дня надо было купить что-то покушать и думать, как действовать дальше.

На третий день смогла ночью заснуть на несколько часов, а не просыпаться через каждые десять минут и нервно осматривать свою кровать. В спальне было маленькое окно, а на пластиковом подоконнике несколько горшков с цветами, которые отбрасывали тень на кровать. Как длинные щупальца, те подбирались к ногам и пытались схватить. Я закрывалась под покрывалом и погружалась в абсолютный мрак, прячась от всего и всех подальше.

Одиночество — как на острове, только здесь холодно, а там тепло.

Через неделю я немного успокоилась, вздохнула более расслабленно. Решила посмотреть вакансии для молодой девушки без высшего образования. Смею предположить мой потолок — официантка.

Вышла из душа в одном розовом полотенце, с мокрыми волосами, включила сбоку на стене небольшой свет. Кромешную тьму не любила, хоть небольшой источник света

постоянно требовался. Налила сок и смотрела через белую тюль на огни ночного Приама. Отсюда открывался вид на серую кирпичную стену, пролегающую кольцом между разными округами. Стены высокие и с колючей проволокой не одно столетие защищали нас друг от друга. Все четыре округа возглавлял Наместник. А власть в округах поделена между тремя ветвями власти. Первая ветвь — это Каратели, исполняющие функции правоохранительных органов. Вторая — ученые, отвечающие за здоровье и процветание народа. Третья — политики.

Три ветви считаются равнозначными, но на самом деле кто сильнее, тот и прав, поэтому естественно владельцем округа считается зам начальника Карателей, а в нашем случае это... Гектор.

Я настолько осмелела, что теперь в полный рост стояла (а не сидела на полу) лбом прикасалась к холодному стеклу балконной двери. От дыхания на нем появилась белая пленка. В одной руке держала бокал с соком, другой рисовала на стекле солнышко. Тогда же в отражении мелькнуло что-то...движение или блеск. Отражение того, что происходило сзади...за спиной...в зале.

Резко развернулась, к стеклу прислонившись разгоряченной спиной после теплой воды.

И так холодно стало, мурашки прошлись по черепу, по спине, по почти голому телу, скрытому одним полотенцем.

Я не заметила, когда выходила из ванной, черной тени, которая вальяжно развалилась на красном диване, широко расставив ноги. Локоть Каратель положил на подлокотник, а пальцами поддерживал щеку и наблюдал, видимо, за мной. Ни одного шага, движения, и неслышно дышал. Он весь в тени, только кроссовки видны.

Я, как и всегда неуклюжая, вечно врезалась то в стулья, то в двери, а сейчас пальцы стали непослушные и из онемевших рук выскользнул стеклянный бокал с соком, разбиваясь рядом с ногами. И было не важно, попадет на голые ноги или нет. Весь ковер усыпан осколками и брызгами от сока, а я держалась за ручку двери и единственная мысль кричала тогда во мне. Открыть не заметно ручку двери и вырваться на волю, снять эту цепь, это давление на себя. Сбежать опять от Гектора, освободиться.

В одном полотенце в морозную ночь? Да? Спросила сама у себя. И сразу поняла глупость своих желаний, еще была возможность рвануть из квартиры, но для этого необходимо пробежать перед Гектором.

Видимо путей спасения не было.

И тогда обреченно отняла руки сзади от двери, разглядывая осколки стекла. Мои попытки сбежать заранее были обречены тоже разбиться вдребезги. Я аккуратно переступила горсть осколков и встала чуть дальше, руки сложила на животе, стараясь стать увереннее.

И одно глухое напряженное молчание между нами.

— Как меня нашел? — спросила. Хотя не удивлена.

— Жучок на куртке, — скупое ответил, а сам смотрел и смотрел. Во тьме не было видно, что именно разглядывал.

Понятно, куртка — одна единственная, других не имелось. А когда мог прицепить? Скорее всего, когда под предлогом поорать на меня, подвез из университета до дома.

В полном молчании я разглядывала ковер и мужские ноги на нем.

Он с самого начала знал, где я была эти дни, но зачем-то выжидал. Или боялся увидеть очередную истерику с просьбами и мольбами не трогать? Хватит, остатки самоуважения я

себе пожалуй оставлю.

И долгое долгое молчание воцарилось, а стук часов на стене отсчитывал напряженные секунды и стук моего сердца, что громко отдавалось в горле.

Вскоре я устала от издевательского и изучающего взгляда, тогда же постаралась, чтобы голос не дрогнул:

— Ну что ж... раз между ног у меня бриллиантов точно нет, как ты сам говорил, — я руку подняла на скрученный узелок полотенца на груди, развязала его, лишь на секунду помедлив, а потом распахнула розовое полотенце, сняла его с себя и положила аккуратно в бок на подоконник.

Конечно, надо было его красиво, как в фильмах бросить под ноги и гордо продемонстрировать грудь, но возбудить Гектора — это самое последнее, что хотела.

Руки аккуратно опустила по бедрам, но хотелось прикрыться, я с трудом заставила себя не горбиться под внимательным взглядом и плечи не опускать. Я находилась на свету, а Гектора почти не разглядишь. Это спасало, потому что напрямую не видела черных глаз, они сливались с темнотой. Так проще находиться обнаженной под тщательным осмотром.

Но через несколько секунд раздался щелчок на стене рядом с диваном. Свет залил желтоватым цветом фигуру Гектора, да и в зале стало светлее. Любопытный взгляд сильно напрягал, без зазрения совести рассматривал от кончиков волос до пальцев ног. И главное не спеша, словно у него вечность для осмотра, для любования.

Надеюсь вид ему не понравится, выдающихся объемов не имелось, на бедрах местами косточки виднелись, кое-где ребра от постоянного стресса. Между ног имелась маленькая дорожка из волос, от самого центра между складочками до верха. А мало ли, вдруг ему совсем гладенькие нравятся? Будем надеяться.

— Вот это другое дело, — Гектор указывал ладонью прямо на меня, но если мысленно провести линию от его глаз, до меня то понятно, что смотрел именно туда — между ног. — Ты из тех девушек, которые нормальных слов не понимают? ... Подойди сюда, — поманил, опять, как животинку.

При этом продолжал изучать низ живота или ноги, не знаю. А я пренебрежительно отвернулась, руки сложила на груди, словно мне смотреть противно на него. Хотя так и было.

Бегу...мне надо раздвинуть ноги, еще и облизать его с ног до головы. Делать я ничего не буду.

— Такое ощущение, что я буду бить тебя, а не «любить», — послышался обреченный вздох на весь зал. Я в момент напряглась, руки опустила вновь, едва сдерживая неконтролируемую вспышку изнутри. И вместе с этими вспышками выплевывала в надменное, холодное лицо, которое наконец-то обратило внимание что у меня есть лицо, а не то, что между ног.

— А меня не надо «любить»! — недовольно почти выкрикнула. — Я не прошу никого себя любить! Ты — самое мягкое, можешь заняться со мной сексом. А точнее, подойдет обозначение — трахнуть, натянуть или отшпилить!

Они часто с друзьями в университете, не стесняясь никого, обсуждали подобными терминами половой акт.

— Трахни меня уже и оставь в покое, уберись из моей жизни! Хорошо!?

Когда Гектор поднялся с дивана, инстинктивно захотелось прижаться спиной к балконной двери. Рядом осколки на полу, на которые наступила черная подошва кроссовок.

В тот же момент большие ладони подхватили за ягодицы и приподняли над полом, а потом аккуратно поставили себе на ноги.

Это для того, чтобы не поранилась... поздно вато сообразил, я уже могла порезаться.

Голая грудь касалась его жесткой толстовки, от которой веяло прохладой с улицы. И все мужское тело казалось жестким, ни грамма мягкости. И бедра, и живот, и ноги — все сплошь твердое, натянутое, я по сравнению с ним более мягкая.

Когда его губы наклонились вниз с намерением перейти к активным действиям, я рефлекторно вздрогнула. Закаменела, предчувствуя вновь боль, но в ответ — только аккуратные поглаживания языком того места, где до сих пор алел засос.

Если Гектор снаружи камень, то от его ласки я стала каменной. Каждый нерв протяжно загудел, застонал, сделался прочным и болезненным, когда его задевали. Каждая мышца в теле напряглась от мужского приближения.

С горечью прошептала ему на ухо, пока Гектор целовал шею:

— Ты молодец, Гектор, правда. Всего добиваешься в жизни, не важно какими методами и по трупам пройдешься, если понадобится. И не важно, чей труп будет валяться под тобой.

Нес Гектор бережно в своей излюбленной позе, меня передом к себе, чуть приподняв на уровне пола. Очень аккуратно целовал за ухом. То покусывал губами шею, то зализывал, то носом проводил, будто дышал запахом. Я намеренно убирала лицо в сторону, чтобы не поцеловал. Пока вроде не замечал этого жеста — не хотелось целоваться с его предательскими губами. От одной мысли в груди жалобно кольнуло, будто невидимой иглой поранило сердце.

Молча оглядела входную дверь из квартиры, которая отдалялась все дальше и дальше. Бежать? А куда? Везде найдет. И единственное, что могла от себя сделать — попытаться испортить ему удовольствие.

И чтобы целовал — не хотела, и чтобы заботливо укладывал на кровать — тем более. Я молчала, пока Гектор включал светильник на стене и захлопывал дверь в комнату, оставляя нас в интимной обстановке полумрака. Попутно разувался, снимал через голову толстовку, футболку и смотрел на меня, лежавшую на темном покрывале. Скорее всего на тело, представленное любопытному взору.

Я же не могла ответить взглядом. Больше не хотелось доверчиво обманываться. Опять предаст, опять бросит, как жалкую шавку на цепи.

Порадовалась, что Гектор остался в штанах, хоть не смущал. Сама забота... Как в нем могла сочетаться нежность и жестокость? Для меня плохо сочеталась.

Когда присел на кровать, сминая матрас весом, взял за макушку, за мокрые пряди волос, подтягивая мою голову для поцелуя, я машинально вырвалась, отчего Гектор мазнул языком по краешку губ и щеке.

Наверное, взбесила. Раздался утробный рык, напоминающий рев зверя.

— Эй! — грубо развернул за голову, безотрывно глядя. Приблизился почти нос к носу, сверкая недовольными карими глазами, которые продолжали гипнотизировать и подчинять себе. — Смотри на меня!

Чувствовала недовольство, в его пальцах, с силой сжимающих волосы, в ладони жестко придерживающей за макушку, и в напряженном теле. Оно напряглось, натянулось, мышцы отчетливее выступили на второй руке, которая опиралась на кровать рядом с моими бедрами.

— Не хочу... — тихо ответила, не отрывая от него взгляда. — Не хочу...

Как теперь довериться этим глазам, которые невзирая на мольбу закрыли дверь за решеткой и оставили одну во тьме, ну прям как мой папа. В наказание неизвестно за что.

Как теперь довериться его рукам, которые позорно закрыли в той темной клетке. Как дикую тварь, не имеющую права выбора или слова.

Как, Гектор? Хотелось спросить у его глаз. Но вместо этого произносила «не хочу», как заведенная. Пока не завладел моим ртом, не запустил язык глубоко внутрь, лишь бы заткнуть вырывающиеся слова. Наказывал языком. Потом аккуратно положил мою голову и спину на прохладное покрывало. Сам лег рядом, рукой поддерживал голову, лежал полу боком и смотрел на мое тело. А я на его пальцы, ладонь, которая проверяла меня на мягкость и гладкость. Она шершавая легла на грудь, погладила сосок, заставив его насильно сжаться.

Не хочу... не хочу...мысленно повторяла, закрывая глаза, стараясь исчезнуть из этого места. Подальше от больших рук, которые посадили в клетку. Сейчас нежно гладили, а потом запрут в темноте.

Палец медленно изучал мой живот, заставляя сжиматься мышцы в тугие прочные узлы, дальше двинулся вдоль узенькой тропинки волосков по направлению вниз. Медленно-медленно, наслаждаясь контролем, а потом палец легко раздвинул складки между ног и нырнул глубоко-глубоко внутрь, опять задевая какую-то болезненную ниточку или скорее девственную преграду.

Отчего я потянулась назад, желая сбежать подальше от ласки.

Гектор не дал вырваться, зажал другой рукой, присаживаясь на кровать.

— Хорошая девочка, — услышала довольные нотки от обнаружения моей девственности. А потом палец вынырнул и двинулся ниже, ниже и опять болезненный рывок «туда». Я резко опять подскочила. Дернулась назад, испуганно посмотрела на довольные губы.

— Расслабься, — прошептали они. — Не бойся...

И Гектор вновь поцеловал, медленно с наслаждением и не спеша, как будто вечность для нас...Какой не бойся? С этим словом и пальцами изучающими тело, и языком, ласкающим чуть ли не каждую часть тела, я лишь сжималась внутри в тугий комок оголенных нервов.

Как желать тебя дальше? Как не бояться? Как, Гектор?

Нет во мне больше ничего к тебе... только, наверное, страх... убил все хорошие эмоции, которые были к тебе. Посадив на цепь в тот день.

И оставил только безэмоциональное тело. Тело хочешь? Бери. Но мои эмоции больше не получишь, ты их жестоко убил, как и всё, к чему прикасаешься.

Я только сжималась от его рук, вздрагивала и натягивалась.

Как раздевался окончательно и надевал презерватив я не пожелала смотреть. Изучала стены комнаты, которые служили эту неделю убежищем. А сейчас замирала от простой истины: вот сейчас ... еще секунда и возьмет меня. Руки поставил по бокам от талии, бедрами навалился сверху между ног, головкой члена потерся о немного влажные складочки. Хочешь не хочешь, но предательское колючее тепло я все-таки чувствовала внизу живота от непрошенных ласк.

— Черт, Диана, ты слишком напряженная, — услышала сквозь темноту.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть Гектора, быть подальше. Если не физически, то хоть мысленно.

Почувствовала, как вставил головку члена внутрь меня, чуть-чуть растягивая. От

неприятного давления я сморщилась и встала на локти. Веки распахнула, наконец, открыла. Невольно увидела темные глаза, которые сразу взяли в плен. Гектор навалился сверху телом, языком играясь внутри моего рта, облизывая, вынуждая отвечать, играть в любовную игру. И тогда же резко повел бедрами, максимально порвав меня внутри.

Мой вскрик потонул, захлебнулся в поцелуе, таком же глубоким, как и движения бедрами. Не стал ждать, не дал успокоиться, улечься волне боли, начав двигать бедрами, так же сильно, как и до этого. До конца вынимал член, словно давал глоток воздуха и тут же резко врывался до отказа, заставляя от каждого толчка болезненно охать, ногтями впиваться в его плечи с желанием и ему причинить такую же боль.

Я вывернулась от поцелуя, убрала губы, дыша отчаянно, как будто не любили, а действительно резали с каждым ударом плоти о плоть. Гектору удалось еще глубже нырнуть в меня и задержаться в этом положении максимально растягивая, давя, тогда же укусила его за плечо, с силой сжав челюсть на мужской коже.

Мужчина вздрогнул от укуса. В ответ опять резко, как будто наказал, повел бедрами, возбуждая небольшие отголоски первой боли.

— Справедливо, — услышала на ухо смешок. — Кровь за кровь.

POV Гектор

Взял ее руки, вцепившиеся в спинку кровати намертво, зажал, чтобы не сопротивлялась и наращивал темп. Сильнее и сильнее подавал бедра, внутрь, глубже, без остатка взять Диану. Где никого не было. Быть единственным. Жестко владел девичьим телом, чтобы всегда помнила обо мне. Видел, как мышцы ее живота сжимались от каждого глубокого рывка бедрами, как закусывала губы. И болезненные стоны слышал, понимал, что это не наслаждение, а вязкая боль разливалась внутри ее тела, но остановиться не мог. Хотел быть в ней. Сильнее, глубже, чтобы слышать ее стоны.

А Диана назло пыталась убрать бедра, подтягивалась назад, но безуспешно. Я хватал ее за ноги и фиксировал в одном положении.

— Расслабься, Диана, — просил ее, жестко врываясь в нетронутое лоно, но темпа сбавить не мог. — Я хочу тебя.

Не знаю с какой целью пояснил.

— А я нет, — простонала сквозь зубы, ногтями вцепилась в мои руки, которые держали ее бедра.

Этот ответ взрывался в голове еще некоторое время, эхом отдавался во всем теле, в руках, в пальцах, которыми держал ее.

Как же раздражал ее голос...ее запах, ее тело. Бесило, что сопротивлялась, не отвечала. Она застывшая, вздрагивающая. Где ее эмоции? Где гребанный ответ? Я помнил, как она раньше извивалась от прикосновений, и как хотела меня. Я способен понять, когда девушка хочет, и она хотела. Хотела...хотела...а сейчас какого?

Почему отторгала? От этих вопросов трещала голова, и руки сильнее сжимали девичье тело, стараясь вызвать в ней отклик. Насильно его вызвать. Но не получая, я лишь сильнее и сильнее злился и ускорял темп.

— Так и быть, как хочешь!

Вытащил член из нее. Снял презерватив.

А Диана громко дышала и дышала. Манящая грудь начала облегченно вздыматься, когда покинул девичье тело.

— Давай по-другому.

Взял Диану опять за бедра и подтянул ее ноги ближе и выше, закинул себе на плечи и приставил жаждущий член, пульсирующий от боли и желаний, к другому местечку. С рывка зашел, Диана не успела испугаться. Закричала, подтянулась на локтях и рванула назад, попытавшись избежать близости.

Ее испуганный голос раздавался в груди, но я не останавливался. Пусть...главное не атрофированное тело. Диана опять сквозь закусенную губу застонала.

— Гектор! — услышал возглас.

Лишь бы не равнодушие. Давай, ответь мне. Почему ты зажатая?

Врывался и врывался в нее, стремясь прогнать зажатость, боль, равнодушие. Ответь, мать твою.

— Моя, — говорил, трогая вспотевшее тело Дианы. Мое собственное тоже покрылось испариной. А Диана лежала изможденная, глаза полуприкрытые, тяжелые.

— Пусти, — шептала она.

— Хочу в тебя кончить, — глухо пояснил, наклонив тело к ней. Поцеловал девичью шею, а потом завладел мягкими губами. Всего пару рывков и кончил, правда не туда, куда хотелось бы.

Пока изливался, Диана сжималась вокруг члена, но не от удовольствия, а вероятно от боли.

POV Диана

Лежала на боку. От непрерывной боли пульсировала каждая точка в теле, оно словно не мое, а чужое, его использовали и только сейчас отдали обратно. В груди заболело и неприятно зажгло на глазах. Между ног и вовсе горело, лоно болезненно пульсировало от постороннего вмешательства. Колело, болело, зудело, скулило. Мышцы ног, бедер жалобно ныли внутри, а я сжимала ноги, пытаясь унять эти ощущения, но тщетно. Не помогало. После нескольких минут спокойствия и тишины, сзади почувствовала вновь движения.

— Эй, — услышала мягкий голос и почувствовала дыхание на плече, а потом и вовсе поцелуй. Губы Гектора ласкали мою кожу. — Умеешь же выбесить, — тихонько засмеялся на ухо, а я пялилась в стену, в закрытую дверь, мечтая убежать через нее.

Мужская рука легла на живот, заставив мышцы опять сократиться, а меня замереть. Пальцы Гектора вновь двинулись вниз, особенно один заскользил по маленькой дорожке волосков.

— Я честно умею лучше, — поведал томным шепотом на ушко. Палец нырнул опять опасно низко и ухватил между ног.

Не знаю, как удалось? Откуда взялись силы и решимость, мужскую руку скинуть с себя, резко подняться в положение сидя, свесив ноги с кровати. Хотя от такой позы боль взорвалась с новой силой, как спящий вулкан, она зажгла тело.

Я встала с постели, с трудом вытащила покрывало из-под мужского тела, обернулась, сухо посмотрела на любовника. Старалась ничего не чувствовать, и не показывать боль, что жгла внутри.

Волосы поправила и произнесла:

— Всё супер! Взял «свое», теперь иди! — кивнула в сторону балкона и окна, откуда гость вероятно пришел ночью. Наверное, сломал ручку на балконе.

Нашла силы посмотреть в бесстрастное, молчаливое лицо и раздвинуть губы в улыбке. А потом, наконец, открыть дверь, и, невзирая на боль в груди, вдохнуть побольше кислорода. И направиться в душ. Смыть чужеродные прикосновения, запах мужского тела. Всё-всё с

себя. Прочь, любые воспоминания о предателе.

Лучше бы Артему отдалась в отеле Приама, или в тот день в душе надо было сбегать за презервативами в аптеку и довериться другу. Кто угодно лучше, чем этот предатель.

POV Диана

Дрожащими руками желтой губкой стирала с кожи мужские, нетерпеливые прикосновения, горячие поцелуи, следы ласк. Они хоть и невидимые, но я помнила жесткие, шероховатые ладони на груди, на ляжках и в особенности между ног. Поначалу они гладили, а потом жестко держали, не щадя кожу.

Я терла и терла губкой свое тело, которое вернули обратно, попользовались и отдали. Возможно от трения оставляла красные царапины на коже, но пусть, лишь бы не чувствовать больше прикосновений. Когда подняла шершавую губку к ногам, где Гектор особенно трогал, в голос застонала. От пены раздраженная кожа сильно защипала, поэтому поспешно отняла губку, прислонившись рукой к запотевшему стеклу душа, и продыхивала-пропускала жжение.

Надо было обычным мылом, а не гелем для душа стирать присутствие Гектора с себя. Я максимально растерла кожу, будто пытаюсь снять ее с себя, заменить на новую, которой он не касался.

И отсчитывала секунды. Одну, вторую, третью... и так много раз подряд. И молилась, святой земле — лишь бы ушел, лишь бы добился «своего» и ушел. Оставил в покое.

Надо быть последним извергом, чтобы продолжить экзекуции после нашего акта. Это явно не занятие любовью, зачем люди так называют? Это обман, не любовь движет ими.

Возвращалась из душа в одном полотенце, одежду забыла захватить перед бегством, слишком опасалась, что Гектор остановит.

Слегка подрагивающей рукой приоткрыла дверь, невольно скрипнув ею на всю квартиру.

Пожалуйста...уйди...оставь меня...не хочу тебя больше видеть. Никогда не хочу.

В зале по-прежнему горели два светильника: один — я включила, другой — Гектор с целью рассмотреть предложенный десерт или поздний ужин.

Пусто в зале. В форточку завывал морозный ветер, но от этого лучше — тело остывало от огненных ласк. А другая дверь в комнату открывала вид на пыточную кровать, где по-прежнему горел свет. Гектор включил его, чтобы видеть нас, наши тела, нашу близость.

Насмотрелся? Достаточно удовлетворился?

Балконная дверь оказалась цела за исключением защелки, которая теперь не работала после грубого вмешательства.

Я облегченно прилегла в одном полотенце на диван. Чтобы унять боль, поджала ноги к животу. Способ помогал, унимал последствия акта. А зубы позорно стучали и стучали друг об друга. И тело дрожало, может от холода (я не вытиралась после душа) может существовала другая причина — нервы.

Почему у меня все неизвестно, как происходит?

Почему у Эли нормально? Учится, работает, мужчинами пока не интересуется, но и так довольна жизнью, улыбается, радуется.

Алина вроде бы тоже отошла. Поначалу влюбилась, обожглась, но недолго горевала. И, кажется, перестала злиться. Ведь была свидетельницей, когда Гектор вытаскивал из дома Люды, но подруга обходила стороной тот момент. Алина теперь улыбалась и порой пыталась найти ко мне ключик, отпереть из темницы прежнюю спокойную и вечно

улыбающуюся Диану. Которая не таила зла.

А я — неудачница. Без работы, без места учебы, влюблена была в одного, а потом и не знаю, куда это пропало? И главное любила одного, а целовалась с другим в те же моменты. Это наказание свыше за развращенность? Как папа правильно утверждал...

Часа через два, гипнотизируя телевизор невидимым взглядом, неуклюже поднялась все еще ощущая обжигающие укусы боли между ног. В комнате на тумбочке пронзительно зажужжал мобильный телефон.

Передвигаться было тяжело, поэтому не спешила. После звонка раздался своеобразный звук смс-сообщения:

«Боли?»

От прочтенного сообщения сильно сжала трубку. До неприятного ощущения. До хруста пальцев. Страстно мечтая об одном — раздробить старинный, мобильный тети.

Как он, черт его подери, меня вычисляет? Откуда узнал номер? Я покупала новую сим-карту перед бегством, отрезала все ниточки, связывающие с прежней Дианой.

У него ведь нет камер здесь в квартире? Не мог дойти до подобной низости?

Я машинально огляделась в поисках подозрительных вещей: старинный телевизор, толстый, маленький, (не как у тети тонкий, с огромной диагональю); рядом с балконом на полу до сих пор лежали осколки битого стекла от бокала; диван; светильники на красных стенах; несколько горшков с цветами и три выхода из комнаты.

Ванная комната. Не мог же туда поставить камеры?

О чем я думаю? Это совсем психиатрическая клиника, ДАЖЕ для Гектора.

Очень глубоко и часто дышала, оглядывая беспокойным взглядом комнату.

Что тебе, черт тебя подери, НАДО? — громко и крайне раздраженно выкрикнула на всю комнату? — Что еще НАДО?

Спрашивала у балконной двери, которая вечером впустила мужчину в личное убежище. Хотелось рвать и метать, разворотить каждую деталь в квартире, до чего прикасался Гектор и особенно диван, на котором мужчина сидел, разорвать ногтями, ножом и кровать выпотрошить, где он меня имел, как какую-то последнюю...конченную Розу. Словно я — мерзкое отродье, которое требовалось сжить со свету, взять и уничтожить.

Потом до вечера вновь впала в состояние апатии, валялась и смотрела в одну точку на телевизоре, а там комедия о влюбленной парочке, видимо, смешная потому что на фоне смеялись, а мне хотелось заткнуть уши.

Почему все смеются, почему все счастливы? Я тоже хочу смеяться и быть счастливой.

Позже стемнело, а я по-прежнему в одном полотенце в позе эмбриона, за день не поменяла позиции.

Вновь услышала вибрацию телефона.

Только бы не он. Сердце опять жалобно заныло в груди, как побитое палками, как в тот момент, когда Гектор остервенело зажимал мои бедра и до отказа обрушивался, вдавливал весом в кровать, не давая вылезти. И каждый раз до моего протеста, до небольшого вскрика, слушая мой голос. Будто желал удостовериться, что я равнодушна к наказанию. Не равнодушна. Ты прав. Ты преуспел в этом.

«Я врача прислал, открой ему.»

И по сообщению вновь приказывал жалкой девчонке. Рабыне его прихоти.

Пошел ты со своими указаниями! Знать не желаю, видеть не хочу! Я готова переехать к отцу в соседний округ, когда обещал забрать? Обещал единственного предоставить? Теперь

все равно. Пусть и этот предлагаемый единственный — Каратель, всё равно. Хуже быть уже не может, верно?

В дверь раздался громкий звонок. Я затихла в момент, вероятно перестала дышать, присев на диване, а рядом лежал телефон с смс, на которую не успела ответить.

Неспешно направилась открывать незваному гостю. Распахнула дверь, было все равно кто и в каком состоянии увидит.

— Да?! — громко спросила, обнаружив на пороге квартиры взрослого мужчину, предположительно старше отца, одетого в темное пальто до колен. Воротничок-стойка, на голове лысина, темные глаза скрыты линзами очков.

Когда открыла, гость стряхивал с плеч белые пушинки снега, а потом отвлекся от занятия и улыбнулся:

— Здравствуйте, Диана Абрамова?

Не ответила, просто стояла, опершись на дверную коробку, и смотрела на нарушителя спокойствия. И единственное желание в тот момент наверное, было четко видно в моих глазах — жажда мщения, яркий убийственный огонь должен гореть. Мужчина осекся и неуверенно продолжил:

— Меня прислал Гек...

— Идите вы и ваш наниматель! — на эту фразу хватило всего запаса легких, чтобы громко прокричать в белом, пустом коридоре на радость зевакам-соседям. Квартиры находились на расстоянии двух метров и мой крик долго стenal в каждом уголке. Но на следующем слове я на секунду запнулась и озвучила уже менее уверенно:

— На-хер! — голос дрогнул по середине слова.

До чего я докатилась? Взрослого мужчину-врача, желавшего помочь, послала и гордо закрыла дверь.

Не в силах стерпеть разъедающей жалости к самой себе. Я четко оставила кадры воспоминаний и щедро их воспроизводила в течение дня.

Стерев позорные слезы с кончиков ресниц, поморгала, не позволяя себе плакать.

Присела на красный диван резко и тут же поясницу, бедра, ягодицы — тело прострелило молниями боли. Стреляло и стреляло, а я сцепила зубы, чтобы не застонать. Сидеть невозможно — улеглась на бочок, опять сжавшись в позу эмбриона.

Взяла телефон и яростно стала набирать ответ — послание «самому доброму представителю живых существ», в котором от живого существа, наверное, только тело. Я не знаю, почему у Гектора теплая кожа? Как циркулировала кровь, если сердце у него не работало? Не билось. Отсутствовало напрочь.

«Я здорова НЕ благодаря тебе. Отстань от меня и своих людей больше не подсылай. Не желаю тебя видеть! Никогда! Никогда! Никогда!»

Отправила сообщение быстрее, чем пожалела или испугалась последствий. Физические раны — это ничто, главное, чтобы не добрался глубже, там, где удары не заживали и оставались навечно корявыми рубцами-напоминанием. До сердца.

На следующий день не вынесла давления стен, неудачного убежища — квартиры, воспоминаний на кровати, его парфюма. Запах Гектора провонял всю квартиру. Срочно необходимо с кем-то поделиться, иначе рисковала утопиться в жалости к самой себе, потонуть в ее грязных водах.

Я устала от одиночества, был жизненно необходим кто-то...хоть кто-то, чтобы выслушал. Единственный Клейменный, которому доверяла — это тетя.

Окна в квартире оставила нараспашку, а сама, наскоро одевшись, поспешила на улицу. Может быть там больше не буду одинокой, люди гуляли по улицам и создавалось ощущение, что кто-то рядом, близко. Я не одна, со мной кто-то еще и поможет в трудную минуту.

Сегодня — рабочий день, поэтому Катя, скорее всего, в ателье. Весь путь я пристально рассматривала людей в округе и пыталась вычислить среди них Карателей. Гектор следит или нет? Или я слишком высокого о себе мнения и мужчина, удовлетворенный полученным, оставил в покое?

Надеюсь.

Поменьше думать, а то слишком много думала, надо было попытаться забыть, представить, что это иллюзия, страшный кошмар. Всё закончилось: его тело перестало пытаться, больше не давило, не приковывало к кровати, не вдавливало в темное покрывало со всей силой, не давая пошевелиться. И его руки, странно, но не оставили следов от пальцев на бедрах, а в тот момент казалось — зажим был не человеческий, что выпустил силу Карателя.

Ателье «У Кати» — какое глупое название, однако. Я мысленно усмехнулась, когда увидела желтую, безвкусную надпись на кирпично-красном двухэтажном здании. Строение находилось за маленькой калиткой. Ателье, скорее, напоминало маленький дом: каменная лестница приглашала к стальной двери, рядом висел домофон на стене, куда я и позвонила.

Тетю заранее о приходе не предупредила.

— Алло! Алло! — весело прозвучал голос неизвестной дамы.

— А Катя на месте? — поинтересовалась у домофона.

— Племяшка? — сразу прозвучал вопрос. — А заходи! Вы, как две капли...

Услышала размышления прежде, чем связь отключилась, а дверь щелкнула и открылась, приглашая окунуться в полумрак.

Помедлив на пороге, шагнула внутрь теплого помещения. Золотистый цвет залил стены и пол огромного холла. Снаружи дом выглядел маленьким, а оказалось — просторное помещение.

— Эй! Аллооооо! — протянула я. — Катерина! — позвала тетю.

Никто не отвечал, будто бы госте не рады хозяева.

Сняв куртку и, перекинув через руку, аккуратно направилась по чистому полу, исполненному в форме больших, желтых квадратов. Свое отражение попутно разглядывала на идеальном полу.

— Катерина! — позвала тетю, а в ответ прозвучало любопытное эхо, повторившее имя.

Насколько могла быстро забралась по лестнице наверх. На втором этаже обнаружила окна во всю стену от пола до потолка. А с другой стороны две деревянные двери цвета нашего белого песка на острове. От одной из них доносился приглушенный шум голосов, еле слышный, скорее намек на разговор.

Приоткрыла дверь со словами:

— Извините за вторжение, но Катю никто...? — замолчала, оглядев комнату-помещение с гостями.

Небольшие стеклянные столы для двух-трех персон находились внутри, а в окна лился солнечный, приятный свет, озаряющий прекрасных дам в помещении. Около пятнадцати-двадцати женщин, предполагаю возраста от тридцати до сорока (старых бабушек не имелось, но и молодых девушек не обнаружила) находились здесь. На вид создавали впечатление утонченных леди.

Моя тетя, как и всегда, прекрасно выглядела в синем, брючном костюме, обтягивающем

стройную фигуру, под пиджаком не было рубашки, глубокий треугольный вырез демонстрировал внушительную грудь. На шее дорогое кольцо, (простых железок Катя не носила), длинные серьги-капельки, каблуки-шпилька. У тети прическа под каре, волосы аккуратно уложены, ни единого волоска не выбивалось из прически, у меня же пряди нередко вставали иногда торчком, иногда лезли в глаза, в рот. Бардак на голове постоянно имелся, а тетя — идеальная ухоженная Роза.

Мазнув взглядом по помещению, я заметила на нескольких гостях татуировки — Розы. На щиколотке одной, на шее у другой, а у тети на руке.

— Радость моя! — Катя высоко подняла небольшой фужер с прозрачной жидкостью и помахала им приглашающе к себе. — Дамы, знакомьтесь, это мое единственное сокровище, — тетя радостно улыбалась, и мне того же очень хотелось. Улыбаться. Просто улыбаться.

Гектор Гектором, но родственницу очень радостно видеть.

Женщины развернулись, разглядывая и оценивая, видно я не сравнима с идеальным обликом тети. Нет, если меня похоже одеть, то, наверное, блесну.

Катя приобняла и смачно поцеловала в щеку, от чего оставила на коже отпечаток от розовой помады. А потом пару минут, пока собеседницы допытывали о всякой ереси по поводу потенциального единственного (что поделать, это первая тема, которая возникала у женщин, тем более у Роз при взгляде на молодую девушку), тетя слюнявила палец и стирала след от помады. Как курица наседка над цыпленком, или как мать над ребенком. А я не против, что трогали и кудахтали. С виду, конечно, пыталась взбрыкнуть, надменно фыркала, но в груди потеплело от заботы родственницы.

— Диана, — обратилась одна из женщин, разрез глаз у нее узковатый, намекающий, что она не коренная жительница Приама. — Я своему единственному сказала, чтобы оставил тебе местечко в университете. Как проблемы решишь — возвращайся, — тепло улыбнулась собеседница. При этом глаза ее стали еще уже, превратились едва не в одну тоненькую полосочку.

— Спасибо, — ответила.

Не совсем поняла о чем речь, но поблагодарила.

— Ее единственный — твой ректор. — довольно шепнула тетя на ушко.

Весь разговор Катя меня постоянно дергала, теребила, как любимую куклу, и рассматривала на предмет целостности.

Когда гости потихоньку начали покидать помещение, тетя продолжала разговаривать со мной:

— Снова пустой дом, хоть каждый день вечеринки устраивай, а я не хочу. Готова все вечеринки променять на твое возвращение, — со смешком размышляла она, изредка отвлекаясь на прощальные взмахи ладонью с очередной Розой.

Я промолчала на признание, но в груди становилось всё теплее и теплее. И Гектор забывался, неприятные воспоминания меркли.

Жаль тетя не появлялась на острове во время моего взросления.

Для многих Клейменных остров ассоциировался с тюрьмой, в которой те были заточены прежде чем их выпустили в человеческий, реальный мир. У меня не было подобного чувства. Наоборот — ощущение, что отрезали важную нить, когда покинула детский мир. В человеческом мире я не чувствовала притяжения к земле, не полюбила его и к людям относилась с равнодушием. Может со временем удастся привыкнуть?

— А что у вас здесь было? Я думала ты только вещички шьешь?

— Собрание Роз! — заговорщически прошептала она и выпучила страшные глаза, едва не вылезавшие из глазниц. Она тоже пучеглазая, как и я.

Я засмеялась над неловкой попыткой тети пошутить, в перерывах между смешками спросила:

— И что было на повестке дня? Какой цвет лака в тренде будущей зимой?!

— Очень смешно, — пробубнила обиженно тетя. — Между прочим я тебе место в университете смогла оставить...

Веселые эти Розочки.

После небольшого чаепития я рассказала тете о своих проблемах, а она молча слушала мои словоизлияния, только иногда поправляла мои светлые пряди волос и ненароком гладила макушку или щеку. Главное — она слушала. Просто слушала...

Не говорила, что я виновата, ведь крутила хвостом, как всегда обвинял папа по поводу Артема.

Катя не винила, как Алина.

Тетя не равнодушно слушала, как Эля, смотря в тот же момент на экран компьютера и кивая головой.

Тетя слушала и игралась с моими волосами, иногда заправляя их за ушко.

Очень тепло с ней. Она как будто отогрела, растопила колючий холод внутри, не давала внутренне замерзнуть. Я не заметила, как стала немного улыбаться, даже призналась по поводу Гектора.

— Мне было больно первые три раза, — пояснила вдруг тетя.

— Три!? — ужаснулась я. — НЕ...не...я больше не выдержу таких сексуальных марафонов. Хватило! Спасибо! На всю жизнь назанималась! — отрезала рукой в воздухе, подвела черту и чтобы никто не смел ее пресекать.

Как вспомнила те моменты, тут же между ногами предательски заныло, как будто ощущая вновь мучительные проникновения внутрь.

А вдруг наши тела изначально не созданы друг для друга? Что, если мое тело инстинктивно прогоняло Гектора, потому что чувствовало в нем Карателя?

После обеда мы покинули ателье, закрыли тщательно окна, входную дверь, спустились по лестнице. Перед домом находился тротуар из красной плитки, а на против четырехполосная дорога, а за ней небольшой парк.

Возле обочины были припаркованы автомобили, и, когда мы спустились по лестнице, из темной машины вышла тень, в черной куртке, шапке и джинсах со звенящей цепью на бедре. Гектор захлопнул дверцу и, опершись бедром о машину, молча прикурил. Взгляд от меня отвел.

А мне опять стало холодно и страшно, как маленькой девочке в абсолютной темноте, словно сейчас возьмет и опять запрет. Я тоже опустила взгляд вниз, как и он, на тротуар между нами.

Первой мыслью было сбежать, но подставлять под удар тетю не хотелось.

Звук чиркнувшей зажигалки прозвучал, как опасный выстрел, я вздрогнула. Выпрямилась из последних сил, словно будут стрелять, как раз в мишень в лице меня.

— Как ты с ним рядом находишься, Диана? — шепнула тетя на ушко, пока выходили из калитки, дверцу она придерживала, пока я заторможено, на непослушных ногах шла на

казнь. — У меня на расстоянии нескольких метров кожа горит от него...

— Диана! — услышала зов, тетя в тот же момент замолчала. Молча меня осмотрела, при этом, лоб ее покрылся морщинами, брови сошлись между собой.

— Не бойся, всё будет хорошо, — прошептала тетя и поцеловала в щеку на прощание, опять стирая свою помаду с кожи. А потом развернулась, идя по тротуару:

— Здравствуйте, молодой человек! — обратилась она к Гектору, при этом держа дистанцию до Карателя, метра три не меньше, лишь бы не ближе. — Не обижайте мою девочку.

— Здравствуйте! — сухо поздоровался Гектор. — Разумеется.

Над его «разумеется» хотелось горько засмеяться, прогоняя, смывая неприятное ощущение в груди и гортани. Он напрочь заполнил меня этой горечью, влил в вены. Как я не лопнула от перенасыщения горечью? Не знаю.

В абсолютном молчании оба ждали, пока тетя заберется в свою машину. Я остановилась возле калитки. Гектор возле машины, между нами целый тротуар и редкие прохожие. Необходимая дистанция с Карателем, чтобы не прикасался, так я чувствовала себя спокойнее.

Взгляд, наконец, подняла на Гектора, когда тетя покатила по аккуратной дороге. От гипнотических глаз загорелось желание отвернуться, сжаться или забежать обратно за калитку или в дом спрятаться. Хотя нет, в закрытом помещении страшнее один на один. Здесь спокойнее, много людей, день.

Что еще ему надо? Только эта мысль донимала теперь. Уже получил, что хотел?

— Это не смешно, Диана, подойди ближе. Я не хочу орать через весь тротуар, — опять последовал приказ господина, бедром навалился на дверцу водителя и протирал идеально-чистую на вид черную машину. Должно быть с машиной он так не обращался, ее он, смотрю, вылизывал, не позволял очернить. Похоже, я хуже вещи, Хоть меня и использовали, но не стремились сохранить в первозданном виде.

— По доброй воле я к тебе не подойду! — четко и громко ответила, наблюдая как прошла пара молодых людей, на вид лет шестнадцать. Счастливые влюбленные держались за руку и мило ворковали. Парень в этот момент приобнял девушку за бедро и, они смеясь, продолжили путь. Чертова любовь! Почему все такие влюбленные и довольные ходят? А где моя такая же любовь?

Гектор промолчал, но громко и демонстративно, будто уставший с работы, выдохнул лишний воздух из легких. Курил спокойно в этот момент, молчал некоторое время. Курил и курил, пуская в воздух кольца дыма. Я бы могла засмотреться на длинные, массивные ноги и бедра, да и в куртке разворот его плеч казался огромным — мальчик с картинки. Если бы не знала, что это красивое изображение из ночного кошмара.

Собеседник пальцами сжимал сигарету, а, остальными массировал лоб и виски. И, кажется, говорил, я слышала его голос, но между нами по тротуарной красно-серой плитке прошла очередная группа молодежи и громко засмеялась. Я на них отвлеклась. А когда обратила внимание на Гектора, увидела его поднятое лицо и взгляд, застывший в немом вопросе. Складывалось впечатление, что он ждал реакции на сказанные слова.

Неужели что-то важное сказал, а я не слышала.

— Что ты сказал? — переспросила равнодушно, стараясь ничего не чувствовать, представить перед собой манекен. А передо мной и стоял красивый, самоуверенный манекен, с холодным, колющим взглядом.

Я опять в чем-то виновата? Уж больно недовольным был Гектором, во всем теле сквозило недовольство или гнев, движения были его резкие, порывистые. Гектор обычно действовал более четко и уверенно, а сейчас носком кеда отбивал ритм по льду, и пальцами постоянно тер то лоб, то курил и о чем-то думал.

— Говорю — я «передавил»! — ответил, глядя в глаза.

Я повторила его взгляд. Не отниму позорно. Какая-то дуэль взглядов воцарилась между нами, от которой зависело умру или не умру.

— Да уж... «Надавил» знатно! — предпочла ответить в свою пользу. Надеялась хоть чуть-чуть хоть немного, хоть где-то он засомневается в своих действиях, хоть где-то заколет совесть и мужчина извинится за грубые действия. Ему нипочем. Извинений не услышала, в ответ — не дрогнувший внимательный взгляд из-под черных ресниц.

Что я, собственно, хотела, чтобы глыба из камня ожила и у той появилось сердце?

Слишком много хотела.

Отвернулась от Гектора, прячась от морозного воздуха.

— Я иногда забываю, что имею дело с девушкой, а не с убийцами или Клейменными...

Как близко к правде он сказал. Ведь действительно поступал также жестоко, как поступали с Клейменными? Святая земля, а если бы он узнал кем являлась на самом деле!?

— Очень мило, что пояснил, — не смогла сдержать своего длинного языка. НЕ могу порой промолчать; знаю, что для собственного здоровья проще промолчать, но не в силах. — Если это все признания, то я ухожу? — я уже сделала облегченный шаг, готовый сорваться на бег, когда его ответ заставил притормозить, мысленно вращая в тротуарную плитку кроссовками, боясь сдвинуться.

— Это не всё. Еще одно незаконченное дело...

Что еще надо? Что еще? Рефлекторно обняла руками себя, стремясь спрятаться, будто сейчас прикоснется вновь. И станет очень холодно.

— Ты не дала мне шанса. Одно... — ветер завыл над ухом, вместе с его сухим тихим голосом, и проник внутрь. — Гребанное... свидание...

— Я похожа на умалишенную? — не стала слушать этот гипнотизирующий голос, вскинулась раздраженно даже на предположение. Он серьезно думал, что соглашусь? Если только связанную цепью потащит и с кляпом во рту.

— Нет. Ты похожа на трусливую «девочку», — пояснил он, при этом уголок губ опять насмешливо вздернулся. Пренебрежительно, как господин над своим жалким рабом. — Что боишься взрослого дяденьку? Встала за километр? Сопли жуешь по ночам? — продолжал он насмешливо выдавать предположения и ведь бил поганец по всем нервным по точкам, попадал каждой фразой в цель. Дротиком, кровавым концом попадал вглубь моего избитого и жестоко истерзанного сердца. Не было слышно, как капала кровь из разбитого органа? А я внутри чувствовала и слышала. Стало только больнее от слов.

— Ты...ты! — я даже ухитрилась палец поднять и пренебрежительно ткнуть в его сторону. — Ты последний мужчина на земле из-за которого буду плакать! — гордо прозвучало признание. Немного пафосно, но пусть. А Гектор не оценил, лишь засмеялся над неуклюжей попыткой защититься.

— Так отчего рыдаешь? Девственности ее лишили. Открою секрет — каждая женщина на земле рождается девственницей...

— Это потому что ты никудышный любовник! — выпалила. Люди ходили по тротуару между нами и очень забавно прекращали говорить, прислушиваясь к любопытному

перекрикиванию. А я продолжала несмотря на то, что и Гектор замолчал, и люди остановились. — Я не знаю, какая идиотка распускает слухи, что ты крутой любовник и о твоих выдающихся частях тела. Хочу тебя огорчить — это глупые слухи! Не верь им! Твои умения очень завышены! — покивала я головой для убедительности. Очень вдохновенно рассказывала.

— Отлично, — подвел итог разговору и открыл дверцу машины. И одной ногой уже собирался забраться внутрь. — Позвоню и тогда поближе к выходным договоримся. Подбросить тебя до дома я не предлагаю, ведь маленькая девочка испугается ехать с опасным дядей? — насмешливо указал в сторону двери, будто приглашая.

— Я не боюсь... п... п... просто у меня аллергия на твой одеколон. Жутко пахнут! — и пока не спала решимость грозно зашагала по тротуару прочь. Шагала и шагала гордо, громко отбивая кроссовками по плитке. Так жарко, в груди бушевало целое пламя, щеки подкоптились после разговора с неадекватным Карателем. Умел выдернуть из равновесия, заставить кипеть и гореть это пламя.

POV автор

пятьдесят дней до дня X

POV Диана

Не было другого выхода. Нет. Его нет. Я в темном помещении без единого просвета за глухой решеткой, в которую посадил Гектор. И нет выхода. Он не даст отпереть замок.

Быстро перемещалась по улице прочь от мужчины и его автомобиля, сорвавшегося резко с места и покотившего в неизвестном направлении. Попутно оглядывала людей. Самых обыкновенных. А они, как серое пятно, сливались перед глазами. Невзрачное серое пятно, не важное, бессмысленное.

«Он не отстанет. Есть только один выход — пузырек с ядом!» — настойчиво долбилась мысль в голове. Сильнее и сильнее. К горлу подступила кислота. Рвотные позывы сократили мышцы горла, но благо еды в организме не было, поэтому не стошнило на тротуар. Я жадно схватывала кислород из воздуха, чтобы опустить обратно кислоту, проглотить ее. Когда стало легче, стремительнее продолжила путь домой.

С трудом добралась до места обитания, но лифт оказалось не работал, от того пришлось идти пешком до квартиры.

Первым делом прошла на кухню, включила ледяную воду под краном, чтобы прогнать с тела бисеринки пота. Вся кожа, несмотря на мороз на улице, покрылась неприятной влагой.

Я опустила голову под ледяные струи воды, стремясь прогнать наваждение.

Он не сдастся и у меня нет выхода, как только «избавиться» от Карателя.

По мере приближения выходных становилось все хуже и хуже. Эта мысль убивала, морально давила, постоянно тошнило. А в пятницу перед назначенным свиданием я просто смирилась. Наглоталась успокоительных в пределах допустимой дозы, чтобы не трястись и в двенадцать дня была невероятно спокойна, когда выходила на дорогу перед домом. Краситься не стала, волосы не укладывала, все равно ветер завывал и устраивал беспорядок на голове.

А Гектор сегодня в спортивных, темных штанах, без цепи (хоть это успокаивало — карать не будет) и в очках, потому что солнце слепило глаза и заставляло прищуриваться.

— Добрый день! — Гектор нарисовал демонстративную улыбку, когда я прошла мимо него в сторону пассажирского сидения. — У нас сегодня так и будет бойкот? Вроде договорились — один гребанный день! — раздраженно начал выговаривать, при этом палец подтянул вверх в сторону светло-голубого чистого неба и яркого, слепящего солнца. Будто просил милости этим жестом.

Я лишь мазнула по нему невидящим взглядом и молча проигнорировала. По-хозяйски открыла свою дверь и залезла в темноту салона, скрываясь от осуждающего Гектора и его позы — с раскрытыми в стороны руками, просящего милости у неба о снисхождении или себе о терпении со мной.

Затем сосед залез на водительское сидение, удобно устроился, локоть положил на мое кресло, а я пока пристегивалась.

— Так и будет? — повторил раздраженно на ухо.

— Да, — кивнула я и улыбнулась в издевательской, широкой, довольной улыбке. — Мы договорились свидание с двенадцати до десяти. В людном месте! — важно указала пальцем ему в плечо, ткнув. — Никаких приставаний с твоей стороны! — второй раз указала на мужскую куртку. — Просто совместное времяпрепровождение! — еще раз ткнула его и

перестала улыбаться. — Вези, куда хотел и расходимся в разные стороны.

Всю дорогу молилась, чтобы нашелся выход. Пока Гектор пытался разговорить, я спасалась односложными ответами, а шум крови в ушах заглушал слова мужчины. Гектор видно заметил холодное равнодушие и перестал навязывать беседу. Обреченно замолчал, поэтому ехали мы в глубоком молчании, только мелодичная музыка играла на радио. Я думала он любитель тяжелого направления музыки? А звучала мелодичная.

В машине царило напряжение, опасно вибрировало и вроде хотелось избавиться от него, но и говорить не получалось. От этого острее слышала, осязала, видела каждую деталь в салоне.

Шуршащий звук, который создавался от прикосновения его пальцев к кожаному рулю с изображенным знаком какого-то животного (леопард, гепард), похоже на кошку в прыжке. Шорох куртки, его глубокое дыхание. Звуки сильно напрягали нервные клетки. Видела боковым зрением мужские колени широко раздвинутые в удобной позе, длинные грубые руки. Сразу вспомнилось как они держали за бедра, не давая сдвинуться.

Прочь...хватит...Диана. Уговаривала себя и встряхнула головой, прогоняя плохие воспоминания.

А потом уловила легкий аромат, свежий и удивительно ненавязчивый. Огляделась по салону автомобиля. Может вонючка в салоне? Освежитель или как они назывались? Вроде нет. Аромат сильный и к неожиданности приятный.

Не выдержала, посмотрела в сторону водителя, пока тот не замечал любопытства или делал вид, что увлечен дорогой.

Это запах парфюма. Новый запах парфюма. Он запомнил мое тупое замечание по поводу того, почему не сажусь к нему в машину? Что аллергия на его парфюм? Неужели поверил? Я же из вредности, хоть как-то оправдать страх быть рядом с ним.

Я несколько раз интересовалась, куда едем, но заканчивалось это словом «сюрприз». Не любила неизвестность, отчего свидание лишь сильнее напрягало.

В одном крупном гипермаркете приобрели очень странные вещи: сланцы, гель для душа, губка, полотенце? По мере того, как покупали товары я все сильнее и сильнее начинала пугаться и недоуменно поглядывать на Гектора. Но из вредности молчала. Хотел свидание, он его получает. С бездушной куклой, как и секс. Сомневаюсь, что ему понравился тот секс, если только он не совсем моральный урод и насильник. Все-таки порой и человечность в нем видела. Хотя?... не знаю, иногда казался милым. Настоящее это или вымышленное? До сих пор не поняла.

Мы передвигались по широким коридорам мимо бутиков в неизвестном направлении. Я руки, спрятав в карманы джинсов, Гектор наоборот довольно расслаблено, небрежно окидывая людей, (а особенно девушек) взглядом.

Я чувствовала пристальное внимание хищниц к объекту рядом со мной. Мне тоже доставалось, но более холодное, стремящееся стереть меня долой из магазина — подальше от любопытного кареглазого мужчины.

Гектор шел опасно близко, едва не касаясь бедром, обозначив нашу близость. Манера одеваться у нас похожая, максимально комфортная и удобная, что сдавало с потрохами по поводу принадлежности к иным расам, а не человеческой. Мы — высокие. И сколько я не встречала девушек, занимавшихся в выходной день шопингом, не заметила ни одной выше себя. Несколько были почти моего роста.

— Сюда, — Гектор внезапно взял за локоть и на полпути заставил резко свернуть влево,

в один из бутиков. С трудом угодила в поворот, едва не вмазалась в стеклянную дверь.

— Поаккуратнее нельзя? — недовольно прошипела, когда ввалились в помещение с одеждой. С очень откровенной одеждой.

— Ты же со мной не разговариваешь, — процедил в ответ сквозь жестко зажатую челюсть, намекающую как зол или недоволен. А потом наигранно улыбнулся подходящим продавщицам. Я, когда была привязана к позорному столбу, также купилась на его улыбку, в ответ едва не растаяла от благодарности его мерзкому величеству.

— Дамы, добрый день! Помогите моей девушке купальник выбрать?

Прежде чем я поняла, успели подтолкнуть в примерочную. Во-первых, врезалось вслух — «моей девушке». Ох, как красиво пел Каратель. Во-вторых — купальник. Зачем?

— Что-нибудь посексуальнее можно? Никаких горошков, цветочков и слитных?

— Конечно, молодой человек. Присаживайтесь. Каталоги принести?

Сначала раздраженно слушала шорохи, шепот двух дев и Гектора, а когда уловила тишину, распахнула шторку и недовольно посмотрела на мужчину, вальяжно расположившегося в плетеном кресле напротив примерочных. Он как раз резко перелистывал предложенный журнал.

— Я сама себе выберу купальник, — шепнула, пока женщины отошли. Гектор только надменно повел бровью, отняв внимание от журнала.

— Ага. Сейчас. У тебя отвратительный вкус, — протянул кавалер, а я глотнула поток ругательств, когда прибыли продавщицы.

Из предложенного откровенного разврата — кошмара выбрала красный купальник с железками-кольцами на груди между чашечками лифчика, на спине как будто золотая цепь скрепляла ткань, а трусики стягивались кольцами по бокам.

Наше свидание было намечено в развлекательном центре, высотой с десятиэтажный дом в форме круга. Из стеклянных темных стен здания выходили толстые разноцветные трубы и крутились вокруг центра, а в какой-то точке вновь возвращались внутрь помещения. На ярко-голубой вывеске, с изображенным солнцем, виднелась надпись — «Водный парк».

Если бы...если бы хоть на секунду представить, куда бы мечтала пойти на свидание с молодым человеком, лучшего варианта не возможно представить.

Я была в предвкушении, если бы только убрать конкретного представителя мужского пола подальше отсюда. В нетерпении замолчала, пристально рассматривая все в округе. Едва ногой не стучала по кафелю в ожидании Гектора, пока тот переоденется. Поначалу стеснялась, как покажусь в купальнике. Трусики — одно название, спереди маленький треугольник ткани, едва прикрывавший дорожку волосков между ног, на ягодицах купальник тоже очень короткий и облегающий. А лиф приподнимал грудь, больше обозначая ее. Я даже не прикрылась стыдливо полотенцем, учитывая, что полуголая перед Гектором.

Лишь бы поскорее оказаться вновь в своем мире. И пусть там нет солнца. Там вода...

У Гектора промелькнуло удивление, когда обнаружил, что вышел позже меня из раздевалки. Я в рекордные сроки совершила переодевание.

— Пошли, копуша, — буркнула кавалеру и первая направилась по стопам гостей в купальниках. Только потом поняла, что взгляд сзади припекал на бедрах. Явственно его ощущала на оголенных лопатках, талии и ногах. Обжигал не слабее солнечных лучей, главное, чтобы рубцов не оставил.

Не хочу твоих касаний, ласк. Не трогай меня. Не осматривай с любопытством, не ласкай невидимо. Ты не разбудишь меня. Не воспламенишь больше, угольки давно погасли. Дуй, не

дуй, бесполезно.

Это место...я потонула в воспоминаниях детства. С головой нырнула в приятные воспоминания — особенно картина густых деревьев по серпантину острова. Только те пахли, а в водном парке нет, но выглядели все равно живыми. Вода струилась из стен и в некоторых местах создавала мини-водопад. Множественные острова, реки, искусственная лагуна с голубоватой водой. Запах, конечно, не похож на наш, здесь пахло противно — химией.

Но само ощущение очень похоже...как дома.

Одних воспоминаний хватило, чтобы подарить мне улыбку, раскрасить лицо приятными эмоциями.

— Я почему-то знал, что Водный парк тебе понравится больше, чем кафе или кино, — услышала замечание Гектора, что вывело из легкого помутнения. Спустило вновь в человеческий мир, на плитку водного парка. Рядом с Карателем.

Да...на острове не было посторонних людей, там была представлена сама себе.

— Пошли! — взял за руку, сплетая свои грубые пальцы с моими тонкими и очень холодными. Потасил мое слегка сопротивляющееся тело в сторону развлекательных горок. Ладонью пытался вызвать некий отклик, подарить необходимое тепло. Успокоить, заставить забыть. Как забыть? Выпить таблетки от памяти? Существовали бы они и я бы с удовольствием приняла и забыла каждый момент, связанный с Гектором.

Мужчина сразу как зашли замуровал с ног до головы своей властью, полным контролем. Держал за руку и направлял по нужному курсу, тела очень близко, руки, кисти соприкасались, едва не ногами при ходьбе. Как будто обозначал территорию, давал понять чья собственность. Эта аура сильно давила и снова портила настроение, которое едва начало подниматься при появлении в парке.

Я не зверушка, которую надо держать на привязи. Захочу и уйду. Вбежала первая на лестницу, с удовольствием вырвав ладонь из цепких мужских пальцев.

Гектор вновь предпринимал попытки развеселить, тем самым проверял крепки ли воздвигнутые стены до сих пор.

Стояли на одну из горок. Очередь собралась огромная на высоту трехэтажной лестницы. Я локтями, опершись на металлическую ограду, рассматривала помещение парка. Оно огромное, к нему прилагалась карта, но Гектор уверил в своей осведомленности каждым туалетом в парке и каждым камушком.

— Внизу находятся общие бассейны и детские, а вон там! — Гектор напирал сзади, по бокам на изгородь просунул руки, физически воздвигнув барьер между мной и парнями справа и слева. Ставил границы собственности. Пальцем указал через плечо вперед — на второй этаж бассейнов. На ухо шепнул, рассматривая меня сбоку. Опять этот ласкающий, будто возрождающий взгляд. — Там места для молодежи, алкоголь. Музыку слышишь?

Ладонь опустил на плечо, погладил его, и всю руку не оставил без навязанной ласки. Затем остановил пальцы на бедре, на золотых кружках трусиков, зацепил их, и отпустил. Создал какую-то мелодию, и в тот же момент легким поцелуем в плечо — припечатал, заклеил, вызвал внезапную дрожь.

Я повела раздраженно плечом, чтобы скинуть назойливую руку. Не надо пересекать границы, не надо нападать на мою территорию. Раздраженно цеплялась в холодную, металлическую изгородь, скрывая гнев и желание сбежать отсюда. Исчезнуть от запаха Гектора подальше и не ощущать его предательское тело.

— А тебе че надо? — раздался неожиданно грубый голос кавалера. — Глаза убрал, пока не лишился.

И он раздражен, судя по голосу. Нам плохо вместе, мы только раздражаем друг друга, выводим из равновесия. Едва сдерживаемый гнев карих глаз был обращен к соседу справа от меня. Паренек в ответ настороженно взирал на Гектора и крутил неопределенно головой.

Мы долго купались и получали удовольствие, катаясь по безбашенным ветвистым горкам. Я иногда кричала, смеясь выныривала с полным ртом и носом воды. А Гектор вылавливал, поднимал над уровнем воды и давал плевать хлоркой себе на плечо. Как маленькому ребенку отирать глаза от противной химии. Я смеялась, не сразу ощущая близость мужского тела, нежеланные прикосновения, а потом просила отпустить, вновь выстраивая нерушимую стену.

Ты серьезно подумал, что меня возможно отогреть? Ты поставил на один уровень с животным, которое имеешь права тыкать в пол, сажать на цепь, а теперь согреваешь? Я выстраивала невидимые баррикады вокруг нас, а Гектор бился и бился об них, невзирая на неудачи, улыбался и вновь пытался прикоснуться ко мне. Потрогать кожу, теплая она или ледяная. Нет. Кожа теплая, но внутри холодно.

После трех часов беготни по горкам и заплывам по бассейнам Гектор, удивленный моей выдержке, озвучил:

— Я уже устал, а ты будто отдыхала все время.

Тогда пришлось поубавить азарт.

— Я тоже устала, просто никогда здесь не была, — ответила частично правду.

Гектор утащил во взрослые бассейны, рассчитанные, в первую очередь на молодежь.

Как только зашли по лестнице на второй этаж, я поняла почему для взрослых.

— Не желаешь снять? — ехидная морда двигалась впереди, но насмешливо обернулась в след одной из молодых девушек. Демонстративно оглядел объемную, голую грудь миниатюрной блондинки, что прошла мимо нас. Та, завидев Гектора, призывно заулыбалась. Ее грудь при ходьбе колыхалась и покачивалась. А Гектор продолжал за ней наблюдение.

Кобеля не знаю, что исправит. Палка, кнут и цепь.

Здесь женщины через одну без верха купальника. Я удивленно отметила бассейны, рассчитанные на небольшое количество гостей, где купались мужчины и девушки, занятые в тот момент страстными объятиями и поцелуями. Ах, эти Розы недоделанные!

На островке между бассейнами, как на пьедестале, располагался бар с искусственными пальмами из тростниковых ветвей, напоминавший бунгало на острове.

Одним словом, взрослые бассейны — это место распития алкоголя и занятия сексом. Пара купающихся в одном из миниатюрных бассейнов была страстно увлечена друг другом, настолько что девушка очень странно то поднималась из воды, то опускалась, сидя верхом на мужчине.

Очень откровенная и смущающая атмосфера приняла нас Гектором.

— Выпьешь что-нибудь? — равнодушно поинтересовался кавалер.

И опять его рука попыталась пробить преграду, нарушить границы, по-хозяйски легла на бедро. Я ускорила и спустилась по лесенке в маленький пузырящийся бассейн.

— Сок клубничный, — каверзно улыбнулась.

Пусть, хоть треснет. Удивлюсь, если найдет.

Через двадцать минут я сидела и недовольно попивала клубничный сок через соломинку, а потом раздраженно крутила мякоть ягоды в бокале. Всё у него получалось.

Хоть когда-нибудь не получалось?

Очень раздражали полуголые девы и ничего не стесняющиеся мужчины. Атмосфера царила грязно-развратная. Я лишний раз боялась поднять глаза от напитка или от чистой воды под носом.

А Гектор мало интересовался окружением, похоже ему нравилось наблюдать за моей реакцией, молчал, пил голубоватый коктейль.

— Ей богу, ты как из прошлого столетия вышла. Или под колпаком держали? Я думал в интернате обстановка более раскованная?

Вопрос вновь проигнорировала. Опасные хищные искорки появились в его взгляде, да и в жестах сквозила раскованность. Словно окунулся в свою среду, а меня, наоборот, напрягал звук поцелуев.

Телу стало жарко в собственной коже, хотелось ногтями содрать ее себя или кому-то позволить это сделать. Целующиеся и увлеченные пары действовали мощнее любого возбуждающего средства. Напиток мой вроде без алкоголя?

Щеки вспыхнули огнем, появилось огромное желание помахать рукой возле лица и согнать это ощущение. В очередной раз наткнулась на Розу, чью обнаженную грудь лапал мужчина, заставляя едва не извиваться на его ногах. Под пузырьками воды происходил процесс, который мне запомнился лишь болью.

Я резко отвернулась, опять рассматривая красный напиток в руках. Сосредоточилась на холодном стекле, желая получить успокоение или охлаждение.

— Вай, Гектор! — этот возглас явно принадлежал девушке.

— Виинии! — а это восторженная вторая девушка.

Донесся всплеск воды, а на голову опустился фонтан брызг, в глаза и нос попала вода. Я пока стирала и отплевывалась, поставила бокал на бортик, а потом увидела картину — мой предположительный «парень» в обнимку с двумя рыжими девушками. На одном плече — одна, тянула его на себя. На другой стороне — другая тянула, как любовный трофей.

Шея у него кренилась то влево то вправо, но Гектор стойко сохранял контроль — равновесие сидя в бассейне. А девушки идентичные по внешности, разницы между ними не заметно.

— А мы... — начала одна певчим голосом и присосалась округлыми губками к щеке Гектора.

— Соскучились, — добавила вторая и тоже засосала мужскую щеку.

Они дополняли слова друг друга? Одна начинала разговор, другая заканчивала.

Смотрите, помада разъест ему кожу. И донесся противный звук чмоканья.

Одна отсосалась, чтобы произнести Гектору в ухо:

— Ты больше не приходишь к нам, — и опять присосалась.

— Да вашу... — произнес Гектор, но, хочу заметить, мат сдержал. При мне не сдерживался. Высвободил с трудом руку от одной дамы, потом от другой. — Так! Спокойно! Кто малолеток сюда пустил?

Он обоих держал за руки чуть ниже плеча, отодвигая от себя.

— Андрюша пропустил, — жалобно поведала одна, надув губки уточкой, изображая обиженного ребенка, у которого отняли конфету.

— Андрюша!?! — переспросил Гектор. Словно папочка, увидевший дочерей в логове разврата. — Андрюша, твою мать! — повысил голос.

И развернулся. Пару секунд ему потребовалось для осмотра ближайших бассейнов и

обнаружить едва заметную руку над толщей воды.

— Забирай своих малявок! Давайте-давайте! — подтолкнул одну, следом вторую в сторону лесенки. Девочки понуро опустили плечи, силы их заметно покинули, грудь опустилась вместе с протяжным грустным выдохом. Губы еще больше надулись. А теперь и правда похоже было, что девушки совсем юные.

Вскоре наш бассейн окружила компания. Андрея нашла, неловко кивнула в ответ на его приветствие. Он казался спокойным человеком, мирным, особенно по сравнению с Гектором, а я его однажды обозвала гомосексуалистом и не извинилась. Андрей тоже не зная, как со мной общаться — отвернулся. Всклопоченный, как общипанный воробей.

— Вау! Вау! Я поражен! — услышала ледяной голос, пробирающий холодком до груди. Он заставил пальцы посильнее сжать прозрачное стекло с клубничным напитком. Надо мной возвышался светловолосый мужчина с бородкой, чья улыбка показалась радостной и предвкушающей. Словно увидел экзотическое блюдо, что не довелось раннее испробовать, а теперь навострился.

— И вновь я ВАС встретил и в какой компании. — тихонечко услышала сверху, а мужской взгляд был направлен вниз — на вырез купальника.

— Эй! — донесся недовольный голос Гектора. — Глаза убери!

Вроде слова относились к Карателю, а карие пылали предупреждением в первую очередь мне. Я как Клейменная, пойманная за использованием силы, встрепенулась, прижалась лопатками к холодному бортику, и едва не по шею залезла под воду.

Как будто сотворила что-то ужасное.

Я тебе ничем не обязана.

— Пошли отсюда! — через несколько секунд произнес сухо Гектор, встав из бассейна, вода красиво схлынула с его тела.

Я тоже была не против покинуть логово Карателей. Их в последнее время становилось все больше и больше, опасно обходили со всех сторон, как сейчас вокруг бассейна, пресекая пути отступления и сдавливая удавку на шее.

После этого с Гектором оказались наедине — в небольшой комнате один на один. Чего я меньше всего жаждала. Закрытое vip-помещение, при входе располагались два массажных стола, а справа глубокий бассейн.

Я быстро забралась в бассейн, присев на приступочек и развалилась, закрывая глаза и пытаясь отрешиться от происходящего. Только бы свидание закончилось спокойно, только бы поскорее все это закончилось, и я стала свободной. Только бы Гектор отступил. Не хочу использовать яд.

— Не смотри...так... — прошептала сквозь бурлящие потоки воды в бассейне. Шум сильный, но Гектор слышал, будто ждал, когда заговорю.

Его взгляд с моей груди переместился на губы в момент слов. Обласкал невидимо.

— Как...так? — мужской голос тоже глухой, едва нарушал тишину между нами.

Я поджав колени к груди пыталась спрятать возбужденную грудь, уж слишком пристальным было внимание, горячим, ласкающим, возбуждающим. Невидимое тепло, жар шел от Гектора даже с расстояния, на котором мы находились друг от друга. Стопы я положила на приступочек и чувствовала массирующие пузырьки. Приятная сонливость охватила тело. Я, локти положив на бортики позади себя, рассматривала в небольшое окно рядом с собой высокие деревья, запорошенные снегом. Посмотреть в глаза Гектору боялась, если посмотрю — случится не поправимое. Стержень решимости надломится.

Хоть и не видела Гектора, но была уверена, где в данный момент пребывал его взгляд. Наверное, взгляды отработаны до совершенства, знает, как и куда посмотреть, чтобы лишить девушку покоя и сна. Я — очередной объект исследования, не поддающийся контролю.

— Целовать тебя нельзя, обнимать нельзя, делать комплименты нельзя... уж позволь я сам буду решать, куда смотреть? — раздражение проявилось в его голосе.

Вероятно, я нарушила некоторые планы. Испортила настроение, судя по пальцам отбивавшим нервную дробь, мелодию по бортику бассейна. Твердые пальцы, покрытые заметными корявыми венами, замедлились на секунду, а потом начали потирать белый, скользкий кафель рядом с бассейном. Туда-сюда медленно водили, размазывая влагу по поверхности пола. Я бы сказала с чувством, с лаской. Потом все медленнее и медленнее, но с нажимом.

В жар бросило, хоть все ниже живота находилось под холодной водой, но то что сверху покрылось горячим потоком.

А в памяти так некстати всплыли некоторые «милые» моменты из общего прошлого. Возможно не милые, но запоминающиеся точно.

Темнота пожарной лестницы и поцелуй. По желанию и согласию и нас было не оттянуть, если бы не вмешалась Алина.

Вспомнился диван — я на коленях в цепи, как в наручниках, и Гектор, лапающий где хотел и как хотел.

Вся кровь прилила к лицу. Гектор это явно заметил. Кожу ласкал внимательный карий взгляд, который заставлял лишь сильнее волноваться. А я гипнотизировала колени, пытаюсь унять неожиданное, ускоренное сердцебиение. Оно било и било в грудь. Заставляло вену на шее отчетливо пульсировать и стало быть Гектор заметил безумство пульса. Мужчина фиксировал любое изменение моего тела, знал где и как последует реакция.

Если говорила-следил за моими губами.

Двигала ногой — ласкал кожу колена взглядом.

Улавливал мое дыхание немного ускоренное, запыхавшееся, как после длительного бега.

Когда грудь стала тяжелой, от холодной воды затвердели чувствительные соски, Гектор особенно сильно акцентировал на этом внимание и дал это заметить.

— Диана... — сквозь шумный поток крови в ушах услышала зов. — Иди ко мне.

Мужская рука с бортика поднялась и медленно-медленно поманила к себе.

— Я хочу...тебя. — голос привычно проникал в самые потаенные части тела. На большом расстоянии, даже не прикасаясь ни одним пальцем, языком не притронулся к коже. Одного взгляда достаточно и вновь это невидимое, проклятое поле между нами засасывало внутрь. — Я очень...хочу тебя.

Еще тверже и настойчивее произнес голос и пальцы вновь поманили, а с них скатывались капли, разбиваясь о голубоватую воду, которая соединяла нас. Дотрагивалась до его обнаженного тела и моего.

— Нет! — немного грубо выпалила. Подтянула колени еще ближе к себе, обхватила их, стремясь защититься. Согнать наваждение, непролазный туман в голове, который не давал нормально слышать. Весь мир затих и единственный голос звал.

Раздался скрип двери, тогда же рука Гектора покорно опустилась вдоль тела, скрылась под водой.

— Простите за вторжение! — молодой человек вошел внутрь со стуком каблуков по

полу. Наконец-то новые звуки между нами, не только наше шумное дыхание. Официант снял с подноса овальное, хрустальное блюдо с фруктами. Спелый цвет клубники первым привлек внимание, остальные меркли по сравнению с его яркостью. Зеленую стеклянную бутылку со звоном поставили на пол рядом с бассейном.

— Вам открыть? — поинтересовался молодой человек.

— Справимся, — небрежно бросил Гектор и махнул рукой, намекая, чтобы оставил наедине.

Бокалы официант аккуратно поставил рядом, предоставляя нам возможность налить в них напиток самостоятельно. А сам удалился, напоследок пожелав приятного дня.

Нам тяжело друг с другом, опасно, не комфортно. Весь день потребовал огромного запаса терпения и сил сдерживать нервное состояние.

Всю дорогу ехали в ошеломленном молчании, а я мысленно отсчитывала каждую секунду до дома. Между нами очень темно и тихо в салоне. Локоть я положила на дверцу автомобиля, боясь опять попасть под притяжение темного взгляда.

— Какая-то хрень у нас, да? — услышала тихий вопрос. — Ничего не получается...

Почему-то ощущение что тяжелая рука невидимо легла на сердце и сжала его. Больно стало и горечь подкатила.

— Да, — ответила сквозь эту горечь, прикрывая рот пальцами, словно сейчас стошнит.

А может есть? Есть этот выход? Его вопрос и тихий вывод дали хрупкую надежду на лучшее.

Я боялась лишней раз вздохнуть пока ехали в темноте ночного Приама.

И слов нет между нами, только тишина. И нам неудобно от нее. Я с трудом сдерживалась, чтобы не развернуться в сторону водителя, а он в ответ бросал короткие взгляды. Мое тело ощущало их.

Когда припарковались, я сразу взялась за дверцу автомобиля.

— Куда бежишь? — последовал вопрос и мгновенно дверь заблокировалась, не давая сдвинуться с места.

Я резко развернулась.

— Опять? — гневно выпалила, нахмурилась, готовая вновь взорваться. — Гектор?

Гектор наклонился над моими коленями, отчего я сразу вжалась в сидение подальше от него. Не надо прикасаться.

Покопался в бардачке и достал оттуда черный, длинный футляр.

— Честно говоря, не думал, что свидание так отстойно закончится. Это тебе...

Во тьме автомобильного салона между нашими лицами блеснула цепочка, довольно толстая, в половину мизинца, наверное. Толстое плетение колоска сверкало белым и желтым цветами от света ночного фонаря с улицы. А на конце украшения кулон в форме буквы «И».

— «И» — вновь вспышка воспоминания — предсказание от гадалки Рады. Женщина до конца не произнесла слово. Или это была буква?

— Расстегни куртку, — попросил или приказал Гектор, не столь важно. А я послушно распахнула полы верхней одежды, наклонила голову, давая мужчине надеть цепочку.

— И что означает это «И»? — спросила, рассматривая тяжелое, мужское плечо рядом с носом, вновь запах Гектора окутал. Какие бы духи на нем не были, все это вместе смешивалось в приятный аромат от мужчины.

— Догадайся. — прозвучало коротко на ухо. Серьезно и явно без цели играть в угадайку. — Когда-нибудь, наверное, скажу. Здесь, — мужчина взял кулон с моей груди, от

этого жеста вновь непрощеная дрожь всколыхнула тело, но я ее вытерпела, не дав понять, что взволнованна откровенным шепотом, рассказывающим тихо секрет:

— Здесь маячок. Если когда-нибудь будут проблемы с законом: ну окажешься, например, в Темном доме, или в какой-нибудь из наших мелких контор, или в суде. В таких местах есть специальные округлые, оранжевые кнопки. Они всегда стоят при входе на пунктах пропуска. Требуешь с охранников, чтобы приложили это украшение — и ты на свободе. Депутаты, некоторые крупные шишки имеют статус неприкосновенности, я тоже имею. Ты неприкосновенна — никто, кроме меня, тебя судить не может.

Страшные слова прозвучали от Гектора. «Никто кроме меня, тебя судить не может!» Он и есть главный палач в моей жизни.

Я, как во тьме, глухая и слепая выходила из салона автомобиля и вновь в абсолютный мрак улицы с вещами в руке. Сил не было попрощаться или поблагодарить за свидание. И даже не удивлялась откровению Гектора, я была просто счастлива, растревожена. Из предательских глаз хлынули облегченные слезы, скатываясь по прохладной коже. Ледяной ветер обжигал и выбивал новые и новые слезинки.

Выход есть. Он отпустил. Мне не придется его травить! Невероятная волна облегчения сшибала с ног, еле поднялась по ступеням в собственную квартиру. Как умалишенная улыбалась, входя в одинокую квартиру, уселась на ботинках на грязный коврик, а плечи подрагивали от нахлынувшего и опустошающего облегчения.

Выход для нас с Гектором есть.

POV Диана

Столь поздно? Кто это мог быть? Едва успела переодеться в белую футболку, а шорты застегивала на бегу. Настойчивая трель звонка заставляла торопиться.

Да кто такой неугомонный! Распахнула дверь, готовая громко негодовать. Я не обязана стоять под дверью в ожидании гостей. Замерла, когда темный взгляд насквозь пробил грудь, прострелил сквозь ребра и попал в сердце.

Гектор взялся за дверь и распахнул ее шире. Вошел в квартиру, оттесняя меня в глубь коридора.

Я мысленно застонала, но вслух промолчала, отходя назад. Пятясь... пятясь... прочь из этого места.

— Не... я так не могу... — протянул Гектор, сдернул шапку с головы и скинул на стоящий пуфик. Туда же с сильным грохотом поставил бутылку вина. А я медленно отходила прочь от него, снова и снова, выстраивая бесполезные границы, которые он постоянно нарушал. Нежеланный гость быстрым движением расстегнул куртку и бросил на то же место, куда и шапку.

— Я не умею быть смирным мальчиком! — снял один кроссовок, потом второй и медленно пошел вперед на меня по ковру. Не спеша, зная, что некуда особенно бежать.

— Гектор, уйди, пожалуйста, — в кои-то веки я его просила. Очень сильно просила уйти, сдаться и исчезнуть из моей жизни пока не поздно, пока можно. — Пока есть выход...

— Нет выхода, — отрезал резко. Медленно наступал шаг в шаг по моим следам. Я не оглядываясь дошла до двери, нащупав ручку, зажала ее. А толку? Не сбежать далеко. А Гектор продолжал:

— Не было выхода. Как только прошмыгнула, вот кстати в этих самых шортах и боднула меня... не помнишь? — понять не могла о чем он бормотал, забалтывал. Сбивал с мыслей. Я дверь со скрипом открыла и зашла задом в зал. Гектор за мной, стремительно сократив расстояние до нескольких ничтожных жалких шагов.

— А потом еще банкой шарахнула по руке и пивом облила, — продолжал серьезно рассказывать, изобразил правой рукой замах и, видимо, полет той злополучной тары.

— Я тебя не прощу! Все равно не забуду твое скотское отношение... — продолжала я медленно семимильными шагами капитулировать, а потом поняла, что уже на середине зала, а дальше путь либо на балкон, либо в комнату.

— Я залижу прощение... очень активно...

— Блииин, — взвыла от раздражения, вцепившись в волосы пальцами, как за последнее спасение. — Ты хоть когда-нибудь бываешь серьезным? — отцепила пальцы и взмахнула руками в его направлении.

— Я сейчас нереально серьезный...

И я это видела в сверкающих жадной получить трофей глазах. Его тело, словно готовое к прыжку, накалено до предела, опасно замершее, прежде чем схватить.

Руки вроде спрятал в карманах спортивных штанов, но видно, что держал сжатыми в кулаки, словно сдерживался.

— Продолжай путь... — кивнул за спину. — Не останавливайся. Конечная цель — кровать.

Сзади меня дверь в комнату. На ту кровать, в которой боялась теперь спать, неприятные воспоминания остались в ней.

— Я постараюсь аккуратнее в этот раз. Скажешь остановиться — остановлюсь.

— Я сейчас прошу остановиться! — в отчаянии вспыхнула, пытаюсь достучаться.

— Это правило действует только во время секса, — с последним словом подхватил за руку, подтянул на себя, приближая наши тела, к холодной после улицы одежде. Обхватил затылок, прислоняя сухие прохладные губы к моим уже согретым.

И все забылось и понятно, что дороги назад нет. И выхода нет. В сотый раз повторила себе. И вместе с его языком в глубине рта, появилась вновь горечь. А в груди жестко забилося сердце. Пиная и пиная. Проклинаю меня.

— Давай вина выпьем. Я боюсь... — проговорила в его язык. Сквозь глубокий, жаркий поцелуй его губ, жаждущих прикоснуться. Слиться вновь, максимально близко. Стереть границы между нами.

Гектор признал мою капитуляцию, отнял губы и язык. Более спокойно погладил меня, перебрал пряди светлых волос при свете, будто любуюсь. И еще раз аккуратно поцеловал в губы, без языка, будто не настаивал ни на чем. Словно печать поставил на устах или успокоил.

Вино принес из коридора, открыл, а я пошла на кухню на ватных, едва послушных ногах. Руки дрожали в тот момент, когда включала свет над кухонным столом, когда доставала два бокала. К горлу вновь подступили рвотные позывы, а я прикрыла губы пальцами, будто сейчас действительно стошнит. Разлила трясущимися руками вино, слегка пролив на поверхность стола, промахнувшись.

Нет выхода. Он его не оставил. Так будет правильнее. Так надо. Он не отступит и я не могу простить.

Этого следовало ожидать еще в тот день в больнице, когда узнала о его генах, о его расовой принадлежности.

Сквозь внезапное мутное пятно от слез на глазах потянулась к шкафчику над головой. Достала маленький флакончик, что дала тетя, заполненный сухими листьями трав. Открыла его и высыпала содержимое в кровавую жидкость.

Ощущая, как кислота и горячая вязкая слюна заполнила рот и губы.

— Диана, ты скоро? Помочь?

— Нет! Иду! — это последнее слово, которое смогла спокойно выговорить, а потом потеряла кислород.

Мы не должны быть рядом.

Листья мгновенно растаяли в одном из кровавых бокалов, не оставив намека на присутствие. Остановка сердца через десять минут?

И всем Клейменным станет легче, если убийца исчезнет. Если Гектора не станет. Он столько из нас убил и столько еще убьет. Если выживет он, то, наверное, умру я, когда узнает обо мне.

Я погладила холодный подарок Гектора, красивую букву «И». Все тело скрутило в невидимую пружину, мышцы задеревенели, стало физически больно.

Соберись, Диана...Соберись. Он не защищен. Твой злейший враг подставил спину под удар. Решительно подхватив два бокала одеревеневшими пальцами, вышла в зал. Улыбку не смогла изобразить на лице при виде мужчины, она затерялась, умерла где-то внутри.

Гектор встал с дивана с улыбкой, а я напротив него протянула кровавый напиток.

Предлагая вкусить смертельный дар.

Мужчина согласно поднял руку, принимая мой дар...

С горечью во рту приняла вкус победы.

Гектор больше не посадит на цепь, как грязное животное, не изуродует тело засосами и не причинит боли, не возьмет грубо, наплевав на мои желанья.

Это цена моей желанной свободы. И свободы Артема.

Я долго стояла напротив Гектора с занесенной рукой, а кровавый бокал оттягивал тяжелым грузом, клонил вниз на пол. Я безотрывно смотрела и смотрела в темные глаза, на серьезное, сосредоточенное лицо, без тени улыбки, ровное, без морщинок, только в уголках глаз морщинки-смешинки. Гектор молча ждал пока передам бокал, сжав руку в локте.

Это правильно? Так и должно быть?

Но почему сердце настолько сильно дрожит внутри? Под толстой броней из ребер? Почему не могу разжать пальцы на холодном стекле бокала?

Так надо...так надо...как мантру повторяла, изучая мужские губы рядом с собой и маленькую полоску шрама на них.

— За нас? — услышала голос, который всегда опасно вибрировал в теле. И сейчас дико завибрировал, опасно заломил в пальцах, сжимавших бокал.

А Гектор ждал с протянутой рукой и не понимал, отчего медлила.

А это «нас» — болезненно пинало со всего маху в грудь, и терпеть уже не вмоготу от этих ударов. Вот этого «нас» не было и не будет.

Что важнее — глупые сопли или жизнь, моя и Артема?

А горло, глаза, нос зажгло, и боюсь, мои глаза засверкали в темноте не пролитыми слезами. Пальцы разжали хрупкий бокал и выронили, не давая Гектору до конца взяться за ножку. Красный напиток, как кровь, пролился на ковер.

В момент удара бокала о пол, Гектор подхватил за бедра и поднял вверх, прислоняя меня высоко к плечу и к груди. Не дал осколкам поранить. Но бокал к неожиданности не разбился, остался целым, а кровавый напиток все-таки забрызгал черные носки мужчины.

Я опиралась ладонями в твердое плечо, а через несколько секунд обреченно обняла Гектора за шею. Носом уткнулась в теплую кожу, пахнущую так притягательно, что путало мысли. Мое сердце громко барабанило в мужское плечо. А на затылке ощущала теплые, успокаивающие поглаживания, Гектор медленно пальцами зачесывал мои волосы, перебирал их или гладил.

— Ну его...это вино, — услышала на шее бархатный голос. Легкие поцелуи за ушком согревали, пальцы успокаивали, как маленького ребенка.

А я погрузилась во тьму, прикрыв глаза.

Когда Гектор принес на кровать и включил светильник на стене, я аккуратно легла, рассматривая мужчину перед собой и молчала.

Я его чуть не убила...чуть не убила. Едва не заставила его сердце навсегда остановиться. Почему-то от этой мысли затрясло.

Я закрыла глаза и растворилась в ощущениях, поддалась им. Расслабилась, пока мужские пальцы снимали футболку, расстегивали молнию шорт. Гектор трогал не спеша каждый сантиметр кожи, гладил и гладил, успокаивал. Я не заметила, когда полностью погрузилась, утонула в его прикосновениях. Поцелуи на бедрах...тяжелое дыхание на коже...аккуратные прикосновения языком между ног, легкие облизывания чувствительных

складочек снизу до верха. Сначала вздрогнула, показалось немного щекотным, а потом жгучие волны стали зарождаться от языка, и его пальцев.

POV Гектор

Медленно-медленно она начинала раскрывать, доверять. Ноги шире раздвинула, отдаваясь моим рукам, губам и языку. От каждого поглаживания приподнимала бедра, прогибалась в пояснице навстречу ласке, помогая и подсказывая ритм. Диана стала невероятно влажная, но не от моего языка. А я удовлетворенно слизывал ее возбуждение, понимая, что она желала меня, значит расслабилась, доверилась.

Тихий стон...один...второй... немного стеснительный раздался, который наполнил собственное тело жгучим удовлетворением.

— Не сдерживайся, — успокоил Диану, намекая, чтобы не стеснялась своего голоса.

От ее стонов сам покрывался дрожью. Каждый стон дрожал на коже и вызывал мурашки, отдавался в нервных окончаниях. Я улегся рядом боком на простыне, не удержался — поцеловал Диану в колено, ощущая бархатную, мягкую кожу губами и языком. Ввел в Диану, в самое жаждущее место палец, проверяя насколько готова для любовных утех. Насколько желает и истекает по мне.

Мокрая, мягкая моментально обволокла теплотой мой палец, сжалась будто бы больно.

— Больно?

— Н...нет, — хрипло ответила и сама сделала движение бедрами. Приподнялась и опустила. Повторила движение, ускоряя мой кровоток, заставляя второй рукой нервно поглаживать возбужденные розовые соски. Видел ее красивое лицо, возбужденное от ласк, белые зубки, покусывающие губы едва не до крови. В промежутке между невольными вздохами она насаживалась на палец. Будто прогоняя боль.

Второй, третий палец ввел в нее, изнемогая от желания вставить в нее член. На максимум. До ее вскрика, до отчаянного вздоха, но терпел.

Диана раскрылась для меня, горячая, чертовски мокрая и жаждущая меня.

Загнать в нее член — единственная мысль вертелась в голове, когда Диана внезапно открыла глаза. Приблизила лицо ко мне, обхватила за затылок и поцеловала. Несколько секунд не понимал, как реагировать. А потом отвис, наконец, жадно набрасываясь на ее губы и рот. И услышал, как она глухо застонала мне в рот. Сжала мышцами лона мои пальцы, обхватывала, сокращалась и еще бешенее отвечала на поцелуй, пожалуй, так как никогда раньше. А ее бедра продолжали более плавные движения на моих пальцах, плывя на волнах оргазма. Девичье дыхание звучало прерывисто, а сама Диана улыбалась сквозь закрытые глаза, улыбалась мне. Прикасалась щекой к щеке.

Твою мать... два раза передернул член и кончил ей на живот. Диана перестала улыбаться и смотрела не понимающе на это действо.

— Когда-нибудь у нас получится нормальный секс. С третьего захода точно.

Нельзя давать власть бабе, нельзя! Знал это правило почти с рождения. Нельзя...нельзя, пока прикрыв глаза одной рукой, вторую положил на простынь и раздраженно по ней барабанил. Я ждал пока маленькая нахалка наиздевается надо мной. Маленьким невинным девочкам очень интересно на живом примере изучить особенности мужского тела. Вот Диана этим минут пять — десять (я потерял счет времени) занималась, тоненькими пальчиками скользила мне то по груди, то по животу, а потом и вовсе обнаглела. Кусала

пухлыми губками за ухо, а пальцами заманчиво игралась с членом.

Я втянул воздух сквозь зубы и прошипел:

— Женщина, да оседлай ты его уже! — не выдержал, распахнул глаза и рукой указал вниз. — У меня сейчас член треснет!

Диана уселась, ноги подогнув под себя, ладони поставила на колени. Улыбаться перестала, брови нахмурила обиженно, на лбу пролегли морщинки обиды и недовольства. А девичья грудь призывно покачивалась перед глазами. Приглашала облизать и взять в рот напряженный сосок.

— Мне же интересно, как ты реагируешь на меня! — прозвучали невинные слова.

— Член видишь! — указал вниз. — Вот как реагирую! Запомни! Мне прелюдии не нужны! Я с одного слова готов.

— Бу-бу-бу! — улыбнулась нахалка. Перекинула ногу и уселась мне на живот. А я сразу довольно отметил, какая она «там» мокрая, вязкая.

Диана руки поставила по бокам на простынь и смотрела на меня сверху-вниз, довольная, как сытая кошка, создавала утробное, возбуждающее мурчание. Как же она реагировала на ласку... закачаешься.

— Ты, как старый дед, бубнишь!

Я был оскорблен до глубины души замечанием о преклонном возрасте.

POV Диана

— Садись... — повторил Гектор спустя несколько секунд в губы, обдав горячим дыханием. Рукой видно держал член и шлепнул меня им призывно по ягодицам.

— А презерватив? — почему-то очень стеснительно было произнести это вслух.

— Не бойся, выну в ответственный момент. Давай... — приказал Гектор. Просунул руку между нашими телами, подушечкой большого пальца приласкал меня между ног, задел складочки и особенно эрогенную точку, призывая забыть обо всем. Потом взял член и повторно щелкнул по ягодицам, отчего я вздрогнула и качнулась вперед. Грудь тоже всколыхнулась вслед, а Гектор воспользовался моментом, поймав сосок губами. Заставил этой лаской прикрыть глаза от наслаждения и ощутить, как множественные молнии-прострелы пробивали тело, каждое нервное окончание. Они согрели между ног, вновь заставили там пылать.

— Проверено. Десять лет пользуюсь этим методом. Выну!

Губы отпустили грудь, а язык продолжал лизать соски в перерывах между словами. Гектор рукой обхватил за затылок, опять поглаживая мне волосы, щеку. Подушечкой пальца провел по моим губам, дожидаясь пока лизну в ответ и закушу кончик пальца.

Как в тумане, звуки, картинка расплывались перед глазами. Ощущала только ласкающие руки Гектора, его запах, который пробирался в нос, оседал на кончике языка. Я сегодня много слизывала его запах с кожи.

Как тесно стало внутри лона, когда медленно опустилась на член. Мужские пальцы погладили место соприкосновения наших тел и отступили.

— Больно? — услышала тихий вопрос.

Гектор сел поудобнее на кровати, а я на нем, сверху до предела. Странное ощущение, очень жарко как под лучами огненного солнца, и очень горячо внутри от члена. Больно, но очень приятно больно.

— Нет, — покачала головой из стороны в сторону.

Коленими уперлась в кровать, а Гектор придерживал за ягодицы. После ответа любовник приподнял за бедра, намекая чтобы двигалась.

В процессе движения серьезный, строгий, ласкающий взгляд медленно изучал мимику моего лица.

Ему правда интересно, что я чувствую?

— Меня Илья зовут. — я удивленно остановилась, перестала двигаться на члене. — Илья Смирнов, — поведал тихий голос.

Стало напряженно от его признания. Оба замолчали, приостановились, не зная, как отреагировать. А что было сказать?

— Диана, — улыбнулась ему в губы, пока целовала. — Диана Абрамова, приятно познакомиться.

И он улыбнулся краешком губ сквозь поцелуй. Нахально. Дерзко. Самодовольно.

А мы ведь действительно не знакомились. Илья знал мое имя, а я его и не спрашивала.

Мы точно — Не люди, только вовремя секса познакомились.

Любовник помогал задавать темп движений. И мы целовались, целовались, как остервенелые, как будто в последний раз. То ли целовались, то ли кусались, то ли выпивали, то ли поглощали друг друга. Мужские пальцы жестко держали за ягодицы, от этого легкая боль пронзала кожу. Соски при движении постоянно терлись о его жесткие волоски на груди.

Я вся в его запахе, а он в моем. Тела оставляли вкусы друга друга, соединялись. И между нами витал новый аромат в комнате. Похоти, секса, страсти, не знаю, чего еще. Тела потные скользили друг об друга.

Пальцами цеплялась в его шею и плечи, корябая и корябая. Простонала, когда захватили горячие спазмы оргазма. По телу разлилось тепло и искорки удовольствия, заставляя постанывать мужчине в губы. А потом Илья резко насадил на член до конца до легкого дискомфорта и зажал бедра в таком положении.

Мужское дыхание становилось тяжелее, а мышцы лона сокращались и сжимали член.

— Твою мать... — Гектор строго посмотрел на меня, взял за подбородок кончиками пальцев. — Я кончил.

Я не удержалась от смешка и удивленного Гек...ааа он Илья. Илья.

— Конечно в твоём возрасте каждый раз — как последний! — почему-то было очень хорошее настроение. Хотелось улыбаться и смеяться.

— В тебя! Без презерватива! — строго сказал на ухо. А я открыла глаза оглядела мужчину перед собой, словно очнулась ото сна, от приятного эротического сна и окунулась в холодную реальность. Смеяться перехотелось. Соскочила с члена.

— О, неееееет!

Опустилась на прохладный пол горячими ступнями. Когда встала ощутила, как между ног стало влажнее, будто что-то вылилось.

— Ты не пошутил! — констатировала очевидный факт, а рукой начала раздраженно царапать шею.

— Нет...нет...нет... — повторяла. Сделала пару шагов в одну сторону, вернулась обратно. А потом возникла мысль. — Пошла я ванную!

Илья пресек бегство, резко взял за руку и дернул на себя, укладывая лопатками на простыню. Колени я согнула в коленях и смотрела в потолок и молилась святой земле, чтобы произошел какой-нибудь сбой в природе. Ну мало ли бывают сбои?

— Зачем в ванную? — спросил Илья.

— Вымыть тебя из себя! Ну мало ли? — пожала плечами. — Может не подействует? — жалостливо спросила в поисках поддержки.

Лицо рядом со мной совершенно спокойное, ни одна черточка не изменилась. Любовник внимательно смотрел в глаза, потом одарил тело лаской. Руку опустил между моих ног, пальцами легко играясь, размазывая уже не только мою влагу в глубине лона, но и его.

— Бред...хоть обмойся, — пошевелил пальцами во мне, как у себя дома. Я ноги сжала, блокирую наглуую ладонь.

— Ты...ты вообще понимаешь, что произошло? Почему ты такой спокойный? — подняла я голову от кровати.

Не знала, что чувствовать, плакать, или истерически смеяться? Или начинать активно думать, хотя... поздно. Как? Как этого избежать? Как избежать процесса происходившего в организме?

Сейчас... в этот самый момент меня намертво запечатывало с единственным теперь мужчиной. С которым нельзя! Не было жжения внутри лона, никаких изменений, но они должны происходить? А может повезло? Ну бывали же случаи, когда нарушалась привязка? Мало ли не совместимы? Пожалуйста...пожалуйста...пусть так и будет?

Святая земля...прикрыла глаза ладонями от этого страшного места, пытаюсь спрятаться.

Не помогало. Как? Всего один глупый момент?

— Илья? — спросила, отняв руки от лица. — Как?

А мужчина равнодушно повел бровью и, достав одеяло из-под нас, накрыл обоих сверху по самую голову. Во тьме хриплый голос поведал:

— Завтра решим. Мне рано на работу.

POV Диана

Я боялась, что не засну, но, к удивлению, накрыло, отрубилась замертво, как после длительных, тяжелых тренировок. Проснулась, когда Илья пытался разбудить. Во сне я вцепилась ему в руку, а ногу закинула ему на живот, блокируя возможность сдвинуться, и тихонько посапывала, уткнувшись ему в плечо носом.

— Диана. — позвал тихим голосом.

Я ошеломленно пыталась понять, где я и что делаю, но ногу убрала с мужского живота и перевернулась на другой бочок, обхватывая подушку руками. Желая опять забыться сном. Когда места на кровати стало больше и исчезло мужское тело, открыла глаза и уставилась на тумбочку рядом. Илья пошел в ванную, а я осталась одна. Подорвалась в кровати и уселась, смотря на смятую кровать, на свое голое тело. Оно с виду не изменилось, только каждая точка на коже пылала от ночных ласк.

Нет. Нет...нет...нет... перевернулась на живот и спряталась в подушке лицом. Святая земля, ну за что ты так со мной? За что? Я обречена. Я в полной пятой точке. А может, не сработало? Пойти поверить на ком-нибудь. К мужчине какому-нибудь прилечь под бочок?

Прокричала-простонало сдавленно в подушку.

— Диана? — услышала зов неподалеку. Подняла раздраженный взгляд на объект своих страданий.

— Оденься! — пробубнила, схватывая подушку и кидаясь ею в мужчину своих кошмаров. А он шагнул в сторону, отчего подушка пролетела мимо цели в зал. — Это ты виноват! Как можно было?! Ты обещал вынуть! — опять уставилась на мужчину, уже вполне проснувшаяся.

Илья удобно устроился плечом на двери и не стеснялся своего обнаженного тела, руки сложил под грудью и еще, кажется, раздраженно окинул меня взглядом.

— Знаешь...даже обидно. Я самый плохой вариант для серьезных отношений?

Без комментариев, просто без комментариев! Как глаза не загорелись и как огнем в него не стрельнула не знаю. Схватила последнюю подушку и кинула в мужчину, целясь в определенное место, самое причем косячное. Жаль...согнул ногу в колене и успел подхватить подушку. А я носом в кровать пропыхтела в отчаянии.

— Я тебя ненавижу! — сдавленно прошипела от досады. В ответ подушка прилетела по мягком месту, заставив ойкнуть от неожиданности.

— Самое пылкое признание за всю мою жизнь! — заявил любовник и нагло вышел из комнаты.

Странно просыпаться с мужчиной в одной постели. Странно совершать водные процедуры, одеваться при нем, а любопытный взгляд постоянно норовил зацепить. Илья озорно и довольно улыбался мне в след, как мальчишка. Странная улыбка появилась, такая самодовольная.

Пока я готовила яичницу, Илья подпирал ладонью щеку и смотрел сбоку — смею предположить, мне на бедра и ноги в узких шортах.

Слишком много эмоций. Вчера был водоворот эмоций: адреналин, страх, гнев, которые я намеренно вызвала своим отчаянным желанием убить. Столько темного испытала, а потом вовремя секса всё выпустила из себя. Позволила испариться из тела плохому, улетучиться

под успокаивающими руками и целующими губами. А потом вновь как удар по голове — запечатанная. Всё. На всю жизнь со своим главным врагом.

Сейчас опять нашло опустошение. Не хочу ничего чувствовать. Надо время подумать, и срочно. Как жить дальше?

Но Илья не давал этого сделать. Посадил к себе на колени боком и привычно погладил щеку и волосы.

— Ну и что мы такие грустные? Как будто Апокалипсис по меньшей мере наступил?

Я с трудом, но перевела взгляд на насмешливого Илью, кое-как изобразила полуулыбку и вновь на стол с теплой яичницей на тарелке. Уж это я научилась готовить. Иначе бы совсем с голодного обморока померла.

— А ты почему спокойный? Тебе оно нужно? — Илья на все вопросы молчал. — Слушай, может какие-нибудь методы есть? Пока только ночь прошла? Может таблетки? Выпил и процесс успокоился? — с надеждой спросила у более опытного.

Вместо ответа Илья доходчиво объяснил, показал на примере, что необходимо каждый день преподносить на завтрак, ведь это залог хорошего настроения на целый день. МНЕ надо в первую очередь раздеться и принять положение лежа спиной на столе, предварительно, конечно, очистить поверхность от ненужных вещей. Ноги согнуть в коленях, стопами упереться опять же в стол, руками так и быть держаться за краешки, чтобы не сильно скользить. И с улыбкой принимать любые сексуальные изыски и извращения над телом.

Но, если я такая неженка и мне неудобно лопатками и позвоночником скользить по столу, могу принять позу — лежа на столе животом и широко опять же раздвинуть ноги. И принимать все те же манипуляции.

У него волшебные пальцы. Как у клейменных, искусный дар возбуждать до состояния полного отключения от реальности, когда чувствуешь и не думаешь совсем. Опять заласкал до потери сознания, и вместо завтрака была приготовлена я на кухонном столе с задранными ногами в разные стороны. А Илья с по истине стальной выдержкой максимально долго исследовал блюдо в лице меня, заставляя вздрагивать и постанывать от удовольствия.

Залог бодрости...точно. Илья-то после окончания бодро убрал член в спортивные штаны (даже не раздевался), шлепнул по заднице, а я от неожиданности испуганно ойкнула. Садист! Силы не рассчитал, ну если у меня на попе останется его ладонь! Потрясла кулаком в уходящую спину. Та развернулась, любовник подмигнул и ответил на срочный вызов от Андрея.

А я лежи на столе, обмазанная его семенем! Просто прелестно, опять идти мыться. Кое-как стерла с себя все эти дела. Ноги с трудом держали, подкашивались, поэтому пришлось держаться за стол. Нельзя столько заниматься сексом. А Илья, как новенький! Бодренький! Все силы выжал и довольный ушел разговаривать. Ощущение что ноги у меня больше никогда не сдвинутся. Ужас! Какие тупые мысли.

Диана, переставай чувствовать, вновь думай. Думай! Думай! Шевели мозгом, а не тем, что между ног сладко ныло и потягивало.

Голая прошла в зал. На светло-бежевом ковре рядом с диваном увидела грязное пятно от вина. Его вряд ли вычистишь, осталось напоминанием о кошмарной ночи. Голос Ильи доносился из коридора, не громкий, что-то спрашивающий.

Он даже не представлял, что я его сегодня едва не отравила. Он подставил спину, доверился, а я готова была этим воспользоваться. И я должна была так сделать, больше шанса не будет уйти от наказания, когда Гектор узнает, что я Диана. Только не Абрамова, а с

порядковым номером 676 и тогда мне конец. Отчеств у нас нет. Отец не давал отчества, я не принадлежу никакой семье. Просто одинокая особь — Клейменная сама по себе. Гордая птичка, которую пнули из гнезда, сказали «лети». В процессе полета камнями подбили крылья и лечу я сейчас еле-еле.

Какой выход из ситуации — признаться Гектору и ждать кары? Теперь точно не убежать никуда. Его не испугала перспектива содержания меня и устройства моего личного блага? Или не собирается к этому серьезно относиться? Он из тех, что запечатали и пнули подыхать в подворотне?

Впрочем, не столь важно. Я не смогу долго скрываться.

Звонок на сотовый вывел из дум, заставил отнять взгляда от кровавого пятна на изуродованном отныне ковре. Кто мог позвонить?

С удивлением на старом, сером телефоне обнаружила набор неизвестных цифр.

Подошла к двери балкона и тихо ответила:

— Алло...

— Алло! Привет! — раздался резкий, но запыхавшийся голос хорошего знакомого. Собеседник похоже бежал по улице: шум машин, сдавленный голос людей на фоне. — Диана мне нужна твоя помощь! Срочно! Тетя сказала твой адрес и мне нужно отси...

— Не смей! — в ужасе воскликнула. — Не смей сюда приходить! — повысила голос и замерла возле окна, разглядывая пролетающий мимо самолет в небе. Вслед за ним тянулась белая полоска-дорожка. А гул мотора долго ревел и заглушал тишину в зале. Когда звук стал тише, за спиной донесся вкрадчивый голос:

— Диана?

В ответ на зов и тишину в трубке я медленно отняла телефон от уха и также медленно сбросила вызов. Боялась нарушить спокойствие неосторожным движением. Телефон зажала жестко в ладони, опасаясь, что его сейчас вырвут. Аккуратно также развернулась грудью к Гектору, постаралась чтобы плечи понуро не опустились, выглядеть гордо. Надеюсь, бешено пульсирующая жила на шее не выдавала меня.

Улыбнулась призывно, прижала мобильник к груди, к красивому украшению с буквой «И» — единственному аксессуару.

— Да? Ты закончил разговор?

— Я, да...а ты? — Илья задумчиво протянул продолжение. Илья был в спортивных штанах, руку положил в карман, вторая спускалась небрежно по бедру. Голос спокойный и лицо полностью нейтральное-равнодушное. Мне показалось обманчиво спокойное. Это состояние похоже на «чересчур спокойный». Гектор либо веселится, либо злится. Его лицо обычно полно эмоций.

Я несколько секунд стояла и, не замечая того, напряженно стучала мобильником по голой груди и по украшению. Когда это поняла, заставила себя остановиться.

— Да, закончила, — пояснила нейтрально. — Знакомы...знакомая из университета интересовалась, почему долго не появляюсь.

— Знакомая? Или все-таки знакомый?

— Похоже на допрос. Очередной допрос.

Вибрация в руке заставила вздрогнуть. Илья тоже слышал ее, потому что посмотрел мне на грудь и средство связи.

— А это кто? — кивнул. — Тоже, наверное, знакомая?

— Да, — ответила, постаравшись чтобы голос прозвучал достаточно твердо и уверенно

в собственной правоте.

Илья поднял свободную руку и опять поманил пальцами:

— Дай посмотрю.

— Это смешно, — наигранно заулыбалась. — Ты будешь проверять мои звонки и смс? У меня есть право на личное пространство. Все-таки границы надо знать? Как бы мы не были близки....

Я осеклась, когда Илья резко отошел от входа и быстро направился ко мне. Очень решительно и агрессивно.

Если обнаружит смс? Оно, наверное, от Артема? И если Артем заявится?

От страха звуки затихли в голове и рассуждать было некогда. Насильно заставила себя двигаться, распахнула дверь на балкон и голая вылетела на бетонный, ледяной пол. Зашвырнула телефон в голубое, светлое небо без облаков. Целилась в спящий шар над головами. Я не успела от страха ощутить порывы зимнего ветра на обнаженном теле и мало заботилась, был ли кто-то на соседних балконах.

Едва серая точка мобильного успела вылететь по заданной траектории, как рука Ильи перехватила на животе, больно сдавив и отняв от пола, обратно забросила в зал.

Илья развернул меня. Обнял-пережал тело со спины, сжатый кулак положил на ягодицы и плотно придавил к себе. Заставил встать на цыпочки, а голову наклонил, лбом почти прикоснулся к моему. Взгляд у него злой, тяжелый, всегда давил, сложно его сдерживать, но приходилось или будет еще сильнее давить.

— Ты нормальная!? Нормальная!? Нормальные девушки не выбегают голые и не выбрасывают телефоны, лишь бы их единственные не прочитали смс? — потом сменил тон голоса на более мирный. Вроде успокоился или обуздал внезапный порыв бешенства. — Я всегда понимаю твои эмоции. Лицо очень «говорящее». И сейчас ты нагло о чем-то соврала.

Что оставалось сделать? Задумчиво закусить нижнюю губу зубками и обхватить Гектора за шею, скользя голыми сосками по легкой поросли волосков на его груди.

— Почему злишься? Не волнуйся, это не любовник! — закончила с сарказмом. — Любовника я прячу в шкафу.

Гектор поддержал мой наигранный смех усмешкой, потом внимательно посмотрел мне на грудь. На красивый кулон — цепь, погладил букву «И» пальцами, соблазнительно прикасаясь к голой коже. Большим пальцем надавил на сосок на левой груди, ожидая когда затвердеет, откликнется на ласку, вновь протер. Потом приостановил сексуальные манипуляции и посмотрел внимательно мне в глаза. Тихо-тихо прошептал, как по секрету одной лишь мне, но это прозвучало гораздо убедительнее, как если бы кричал.

В его голосе сквозило предупреждение и в первую очередь опять мне:

— У меня появляется иногда странное ощущение. Оно периодически возникает..., — размышлял Илья, пожимая широкими плечами будто в недоумении. — Отчего же ты столько времени сопротивляешься? И никак не желаешь влюбиться в меня? Так вот если вдруг...это конечно не реально...я тебя разве что не до пеленок прошерстил... — Если вдруг вот это сердечко, — и он указательным пальцем постучал по моей груди, чуть выше соска, вызывая барабанной дробью отголоски и эхо во всем теле. Илья вновь повторил, глядя с легким прищуром... — Если вдруг это сердечко кому-нибудь принадлежит. Я заберу Твое сердечко у Него и возьму Себе. А ЕГО! — повысил голос. — А Его сердце я возьму и раздавлю ЯСНО?

— Как только у меня появляется смутная надежда, что ты вполне нормален. Человечен.

Что с тобой можно разговаривать, как ты тут же всё портишь! — пихнула его в голую грудь, вырываясь из объятий, и удалилась прочь из зала, громко хлопнув дверью. За очередным всплеском злости я спрятала нервную дрожь в теле.

Что будет? А если телефон упал куда-нибудь на обочину перед домом и Илья найдет его? А по номеру телефона сможет узнать от кого звонок?

Святая земля...если он найдет Артема.

Мои вещи Илья снял на кухне и бросил на пол. Не возвращаться же через весь зал голой за тряпками, поэтому пришлось довольствоваться скромным халатом в цветочек. Руки предательски дрожали на застежке лифчика, пока поспешно натягивала на тело белье.

Что опять натворил Артем?

Илью не было слышно за дверью, пока не раздался аккуратный стук.

Я послушно опустила руки по обнаженным бедрам и прислушалась к тишине.

— Диан? — приглушенно донеслось за дверью.

Затем зазвучала напряженная тишина.

Но дверь Илья не открыл, не нарушил личное пространство. Это хорошо! Потому что не представляла, как смотреть мужчине в глаза, как дальше врать? Не люблю врать, а теперь еще меньше хочется, особенно ему.

— Дело важное, не знаю, когда освобожусь, — пояснил спокойно, а потом опять повысил раздраженно голос. — А ты еще выбросила чертов телефон!

По идее надо было открыть дверь, впустить мужчину, а невидимый механизм внутри тела сдерживал. Остерегал от опасности. Дверь — реальная стена, между нами. Илья не открывал и я не открывала. Так и ждали друг от друга шага к капитуляции.

Не хотелось в ссоре заканчивать наше утро, только вроде отыскали шаткий баланс в отношениях — правда он основывался исключительно на кровати и на раздвинутых ногах. Я нашла в себе силы затолкать обиду глубоко внутрь, аккуратно свернула ее прежде и спрятала в тайник. Надеюсь, больше не даст о себе знать гадкая обида.

Как преодолеть дверь-стену с Ильей сейчас не знала. Я не могу выйти и сказать, кем являюсь? Как объяснить выходку? Я бы тоже удивилась если бы Илья, вел себя подобно мне — голый вылетел на улицу и выкинул телефон.

Пока Илья и я ждали шага друг от друга, успела надеть халат и повязать на талии пояс, не удержалась, фыркнула, представив картину, как Илья голый вылетел бы на балкон.

— А мне ни хрена не смешно! Слушай...собери вещи. Я заберу тебя из этой клоаки... Как ты здесь живешь? Одно дело завершу и приду за тобой.

После его слов услышала отдалявшиеся шаги по ковру. Я специально подошла к двери поближе, чтобы слышать Илью. На железной ручке держала пальцы, но так и не решилась открыть дверь-стену между нами, пока не хлопнула входная, известив о том, что Илья покинул мое скромное жилье. И я осталась одна в гордом одиночестве наслаждаться ранним утром.

Но наслаждаться ли?

Едва Илья ушел, переоделась в другую одежду — свитер и джинсы, волосы собрала в хвост. Взяла единственную кожаную куртку с целью снять жучок. Раньше не считала нужным, теперь необходимо избавиться от слезки. Месторасположение жучка (белой, стальной кругляшки несколько сантиметров в диаметре) обнаружила легко — на сгибе левого локтя. Внутри рукава жучок прикреплялся четырьмя ножками-руками к ткани,

обхватывал крепко. И как Илья ухитрился в машине его прицепить? Я и не заметила, когда «кругляшка» вживилась в одежду.

Отцепить жучок от куртки не смогла, как не пыхла и злобно не фыркала. Удалось подцепить отростки-ручки вилкой, и то от усердия погнула зубчики.

Жучок слетел на пол, но предварительно оставил четыре дырки в моей куртке. Теперь в рукавах будет завывать ветер.

Какое-то шевеление...трепыхание привлекло внимание на ковре. Опустила взгляд. Запрыгнула на диван. В ужасе ладонью прикрыла рот и промычала что-то нечленораздельное, боясь криком спугнуть соседей.

Жучок начал шевелить ножками, валяясь на спине, как будто пытался во что-то воткнуться.

Какая мерзость! Какая отвратительная у Карателей техника! То жучки, то эти энергопоисковые приборы в их арсенале.

Жучок был отправлен в мусорный бак.

Какая мерзость! Причитала пока ранним утром выбиралась на улицу, в хорошую погоду.

На обочине возле дома отметила отсутствие знакомой темной машины, значит, слежки не было.

Если Артем придет ко мне домой — это будет феерия ужаса. Это будет самое ужасное, что может случиться. Адовый кошмар! Апокалипсис! Самый ужасный исход событий.

Поэтому следовало срочно перехватить Артема или хотя бы попытаться найти.

POV Диана

В воскресенье маловероятно, что Катя будет в ателье, но это все равно по дороге к дому тети, поэтому забежала.

Повезло, тетя была в ателье и самое главное — одна. Больше никого в двухэтажном доме.

В момент моего появления Катя рассматривала бумажки на рабочем столе, карандашом задумчиво постукивала, подрисовывала линии, в другой руке держала линейку. Под творческим вдохновением пыталась создать новомодный шедевр.

— Привет! — поздоровалась она.

Рисунки имели больше ценности, чем появление растрепанной, с красным румянцем на щеках родственницы.

— Теть, зачем сказала мой адрес Артему? Я чуть не спалилась перед Гектором!

Я опустила на ближайший стул рядом со столом и пыталась отдышаться. Не малое расстояние пробежала до ателье.

— О! Даже так... — карандаш тетя опустила. Локоть поставила на стол и подперла ладонью подбородок. Задумчиво разглядывала меня с усмешкой. — А что это у нас делает Гектор в девять утра? Вряд ли свидание настолько рано начинается, скорее заканчивается?

Не было ответа. Уговаривала себя мысленно не краснеть, но чувствовала, как вспыхнуло огнем тело. Нет. Это не из-за воспоминаний о ночи, уж больно жарко в помещении у тети. Я куртку распахнула на груди, рукой помахала возле лица. Безрезультатно пыталась согнать жар с щек.

Отвечать не пришлось, Катя добавила:

— Я не говорила Артему адрес — телефон сказала, да район назвала — Прудневка. А он как полетел! Ко мне домой сегодня заявился, всклокоченный, как будто неделю не расчесывался, оброс, как нищий! Тараторил, тараторил. Среди бессвязной речи поняла, что у него на хвосте патруль.

— И Гектор сказал, что у него важное дело. Не связано ли оно с Артемом?

— Всё может быть... — загадочно протянула тетя. Распрямилась. Аккуратно собрала листы в стопочку. Рассматривала их с минуту.

Потом ее голос прозвучал холодно и отстранено:

— Я удивлена, что Твардовский оказался живучим. Думала раньше схватят, но, молодец, упертый мальчик! Желает жить, далеко пойдет! Отец передал сообщение, оно касается всех Клейменных. Я передаю тебе: *«Двадцать четвертого декабря ровно в 23:30 быть в центральном парке в районе отеля Приам. Либо на торжественной казни очередного Клейменного, либо в здании Карателей. Это, конечно, если хочешь «выжить». Остальные инструкции получишь в тот вечер. Передай мое послание всем Клейменным, которых знаешь.»*

— То есть? — я слушала и слушала загадочное послание отца и недоумевала. Какая очередная блажь ему взбрела в голову? — То есть мне надо привести Артема в здание Карателей, чтобы спасти?

Очень смешно, а тетя с чувством юмора!

— Именно! — ничуть не дрогнула Катя. Взяла драгоценные листы с эскизами и пошла

на выход к двери. Каблуки стучали по полу и отдаляли ее от меня. И все? Никаких объяснений?

— А почему я должна исполнять указания отца? Мы разошлись в людском мире, он мне больше никто?

Катя остановилась возле двери, переступила с ноги на ногу. Поправила синюю, длинную юбку, с разрезом на бедрах, развернулась и лишь тихо осведомилась на мой выпад:

— А почему я должна спать с Наместником? С шестидесятипятилетним дряхлым, лысым стариком, которой собственный член не может рассмотреть за брюхом? Думаешь я больная? Люблю напиваться до потери сознания перед каждым походом в его постель? А? — прикрикнула она во второй раз за все время. Первый раз, когда Алина пыталась задушить. — Думаешь, я люблю изображать оргазм? Моя еда — похоть! — пальцем она жестко ткнула в грудь. — Учитывая, что питаюсь похотью, блевать тянет от его похоти, как будто помоев нажралась!!!

Тетя напряженно выдыхала воздух. Руками беспорядочно вертела перед собой, потом прикрыла глаза, временно отстраняясь от событий и реальности происходящего. В том числе и от раздражающей особи. Потом тетя обреченно открыла глаза и спокойно закончила мысль:

— Потому что твой отец дал указ — спать с Наместником. В послании было главное: «если хочешь жить». А Захарий не швыряется словами. Если предпочитаешь играть в обижалки, милости прошу! — тетя издевательски низко поклонилась почти в пол.

А затем оставила меня одну в пустом кабинете среди вороха тканей, наброшенных на столы. В углах комнаты швейные машинки. В помещение было светло, благодаря широким окнам, в которые я долго смотрела, не решаясь сдвинуться с места. Не желая верить в сказанное. Отец ловко ударил: «Если хочешь жить». Какой идиот ослушается подобного приказа? Значит, придут на празднество.

Осталось загадкой — это фальшь? Попытка привлечь, сплотить как можно большее количество Клейменных для его личных целей или же действительно стремился нас спасти и отчего в первую очередь?

Отец все делал для собственной выгоды и какова его цель сейчас? Но, в любом случае, выхода не было, необходимо найти Артема. Для него это точно последний шанс, последняя возможность на спасение. По-другому ему не протянуть в человеческом мире. Поэтому немедленно отправилась в общежитие к Эле. Одинокие три кирпично-красные пятиэтажки в форме буквы П были повернуты друг к другу. Вход в здания охраняли коменданты, находившиеся за стеклянной будкой, требовали назвать фамилию и расписаться о входе и выходе. Общежития открывались и закрывались в девять часов утра и соответственно вечера.

Эля и Алина проживали в разных комнатах.

Я передвигалась очень быстро, едва не бегом вдоль серого коридора, сквозь редко встречавшихся студентов.

Надеюсь, Илья не знает, где я. И надеюсь за то время, что отсутствовала он не возвращался, иначе вряд ли объясню, почему после странного звонка убежала, едва он покинул пределы квартиры.

Эля делила место жительства с третьекурсницей, которая тихонько посапывала отвернутая к стене, накрывшись покрывалом по самую макушку. Вероятно, тяжелый день. Маленькая комната вмещала две кровати, компьютерный стол, и деревянный шкаф возле входа. За компьютером я обнаружила Элю. Без лишних звуков и приветствий пальцем

поманила подругу, чтобы не привлечь внимание соседки. Эля недоуменно оглядела меня, но послушно направилась на выход из комнаты. Неожиданно. Я давно не навещала ее, давно не звонила. В университете не была. Ощущение, что черты лица Эли размылись в памяти. Это новый человек, совершенно незнакомый вышел в коридор и встал со мной возле серой, ледяной стены.

— Позвони Роме и узнай, пожалуйста, где Артем или его номер телефона.

— Попробую.

В рекреации возле подоконника, где пока что отсутствовали студенты, мы обосновались. Я наблюдала за пустым коридором, а Эля повернулась к горшкам с длинными зелеными растениями. Общалась с ними, или со стеклом окон.

Мне повезло, Артем прятался у Ромы в подсобке кафе.

План созрел, пока еще бежала в направлении общежития. На поводу у отца идти не собиралась, но явиться туда хотела. Осталось как-то повернуть операцию по спасению Артема не заметно от Ильи. Послание отца в абсолютном молчании напечатала в сообщении у Эли на телефоне и велела передать Роме и Алине.

А следующий звонок надо было совершить самой.

На сайте у гадалки Рады есть номера ее контор и даже почта.

Набрала один из трех и к моей радости ответил бодрый женский голос:

Резиденция гадалки Рады. Секретарь Елена к вашим услугам.

— Елена, — елейный голосом пропела я. — Будь добры соедините с Радой. Вопрос жизни и смерти!

— У вас назначено? У нас все вопросы жизни и смерти! — гордо отбрыкнулась от громких слов женщина.

— Нет. Не назначено. Но понимаете...вопрос НЕ моей жизни и смерти, а ее. И, если вдруг вы меня с ней не соедините, проигнорируете мое обращение, думаю, когда она узнает об этом, то проклянет весь ваш род до пятого колена! — улыбнулась трубке и мгновенной тишине на другом конце связи. Жутко? Но действительно. — А теперь, пожалуйста, будьте любезны из-под земли ее достать!

Я поняла, как надо действовать с людьми: пока не пригрозишь или не пнешь, помогать не станут. После многозначительной паузы секретарь скромно ответила:

— Минутку, будьте добры.

Рада нашлась мгновенно, действительно через минуту. Встретились возле кафе, которое Роман любезно на время закрыл для Артема.

Женщина сегодня выглядела иначе, чем помнилась, будто черты изменились — стали резче. Я ее не узнала, когда та помахала на улице. В солнцезащитных очках — понимаю, что солнце, но зимой? Скрывается? Понятное дело, популярная женщина на весь человеческий мир и главное ухитрялась держать маску Гадалки и не рассекретиться, что Клейменная.

В подсобке кафе было темно: в облаке пыли, в узком помещении среди швабр, тряпок, ведер и подсобных средств для хозяйства. На стенах стеллажи с разными предметами: тарелка старая, отколотая; изуродованная, словно лезвием, картина. Место хлама.

Включив свет в помещении, застыла, пальцами прикасаясь к выключателю. На пыльном полу на ворохе старой, потертой одежды светло-черная макушка. Артем сидел в черных, местами грязных штанах, в коленях согнув ноги и поджав к себе, в поисках защиты. Пальцами сжимал пряди волос. Успокаивался? Или искал выход? Или окончательно потерял рассудок? И здесь обреченно сидел, потому что сдался?

От жалкого вида друга сильно заболело собственное тело. Под костями ребер невидимо укололо. При каждом вдохе я ощущала эту иглу-боль. Не помню, чтобы так больно было когда-то? Наверное, когда отец предал и запер в темноте. А потом, когда и Гектор предал, запер в темноте. И вот сейчас очень больно, но не из-за себя. Из-за Артема. Не хочу, чтобы ему было больно.

Позвала друга. Опустилась вниз коленями на пол, подтянула его голову насильно. А Артем сопротивлялся, скрывал глаза и лицо от меня. Может стыдно, может злился.

Прошептала в макушку, поцеловала темные пряди волос. Жесткие и грязные. Погладила голову. Успокаивая, как ребенка.

Артем почувствовал меня, мой голос, поглаживания на голове. Раскрылся, подхватил за руки ниже плеч. Очень жестко сжал и потянул к себе, лицом уткнулся мне в грудь. Руки сжал крепко за спиной, до хруста в позвоночнике, но я не обратила особого внимания. Продолжала гладить макушку и слушать, как испуганно билось сердце друга. Какой бешеный пульс в его крепких руках и в теплом теле рядом!

— Прочь нежности. Пора спасти беглого! — громко заявила Рада.

Словами заставила меня развернуться, а Артема отнять грязное лицо от куртки. Его нос в черных разводах, щетина жесткая, давно не бритая. Артем молча вопрошал у меня, кто это? Видела вопрос на его лице.

— Осталось протянуть три дня. А она поможет! — кивнула головой на гадалку позади себя. Подушечкой пальца попыталась стереть грязный развод рядом с его носом. Черная полоса не желала стираться. Артем хмурился над моими жестыкуляциями и гордо пытался убрать нос.

— Хватит! Сейчас умоюсь!

Несмотря на просьбы и мольбы, я продолжала оттирать грязную щеку. Успокаивалась подобным способом. Прикасалась к дорогому человеку, чувствовала, что он близко. Жив, здоров. Не в подвале Темного Дома.

Половину дня провели за изменением облика. Несмотря опять же на просьбы Артема побрили его на лысо. Основное требование — изменить лицо. С задачей справилась маска — силиконовая маска, что имелась в наличии у Рады. Прямо на лице во время встречи. Именно она изменяла Гадалку, создавала второй вид внешности, которым она успешно пользовалась многие годы. Маску ей подарил один мужчина — ученый-разработчик как раз этих масок.

Насколько известно, они запрещены к использованию Карателями. Каратели не жалуют любое вмешательство в природу. Суть у них такая. Хотят сохранить естественное состояние мира (аборты запрещают, а силиконовую грудь, пожалуйста). Но технику признают, любят гаджеты: пистолеты свои, и жучки у них отнюдь не нормальные. Кто знает, какой техникой еще владеют?

Любые вмешательства в жизнь, в организм они не терпят. По этой причине Клейменные для них противоестественны. (Мы можем руками творить энергию). Я слышала о такой истории — лет десять назад проводились изучения естественной привязки пары — запечатывания женщины. Ученые пытались нарушить эту связь. Не знаю, чем закончилось исследование, но поговаривают, что появилось средство, способное нарушить эту связь. Каратели, конечно, запретили его к использованию, поэтому лекарство продавали подпольно за бешеные деньги.

Пока я размышляла, Рада прислонила силиконовую маску к лицу Артема к краям волос

на лбу вплоть до ушей. Силикон слился с его кожей, на миг показалась что маска ожила. Завибрировала, пошла волной и впилась в края кожи, плотно обтягивая мужское лицо, как прозрачным пакетом — пленкой. Артем вздрогнул после вмешательства.

Изменения происходили постепенно. Брови набухали, нависли над глазами, от этого лицо Артема стало старше. Крылья носа сжались, визуально уменьшились, оттенок лица приобрел желтоватый цвет. Губы стали тоньше.

Когда изменения прекратились, Артем перестал морщиться. Распахнул руки в стороны, с улыбкой вопрошая о результате.

— Больше ты не красавчик! — подвела я итог.

— Дело сделано! — подтвердила довольная Рада, отряхнув ладони друг об друга. Будто самолично производила операцию по замене лица Артему.

А мне Рада тоже сделала подарок — длинный парик каштановых волос, как раз пригодится на праздник. Осталось загримироваться. Еще бы платье подарила, но эта мысль пришла слишком поздно.

— Запомни, Диана! — важно пальцем женщина повела перед носом, а потом ткнула в кончик. — Номер 5! И только попробуй обмануть! Моя душа будет преследовать тебя до конца твоих дней!

В закрытом кафе посетителей не было. Кожаные диваны пустовали, за барной стойкой не было официанта. Рада остановилась возле двери, придерживала ее открытой. Колокольчик пел прощальную песню, ветер врывается внутрь кафе, но издавал другую мелодию.

— Эй! — позвала я Раду, прежде чем она ушла. — Предсказания не изменились?

— Нет. Действуешь, как по указке.

Действую по указке. Плохо. Не хотелось бы действовать по указке. Хотелось изменить свой конечный итог.

Когда в Приаме окончательно стемнело, мы с Артемом покинули кафе. Необычно видеть Клейменного счастливым. Когда последний раз его видела спокойным, раскрепощенным, вдыхающим морозный воздух полной грудью? Не помню. Улыбался луне на небе, освещавшей людную улицу и сотни машин, сигналиющих поздним вечером.

Маску требовалось снимать периодически, потому что настоящая кожа испытывала нечеловеческие нагрузки. Артем рисковал сжечь кожу, но это небольшое неудобство, осталось потерпеть три дня до праздника.

Тетя была по-прежнему в ателье поздним вечером. Праздник — значит надо выглядеть красиво. Артему пожертвовали черные джинсы и черную рубашку. Лысый Артем поразил тетю, но та отмолчалась, сразу поняла, кто заявился.

А мне тетя выдала платье. Старинное платье, которое Катя надевала три раза, поэтому смело пожаловала племяннице.

Около семи вечера я на цыпочках, аккуратно продвигалась по направлению к дому. Молча озиралась по сторонам, боясь наткнуться на пристальный и недовольный взгляд. И как объяснить отлучку? К Эле ходила? Как вариант. Возле входа в подъезд подозрительных личностей в лице Карателей не обнаружила и в квартире тоже тихо. В комнатах проверила, мало ли — забрался по пожарной лестнице на балкон? Ручка сломана и не мешала проникнуть посторонним в квартиру.

Но тишина. Илья не появлялся. Ночью смотрела телевизор в ожидании Ильи. Ночь тоже не пришел.

Наверное, занят поимкой Артема.

На следующий день решила сходить в университет, мало ли, появится. Но при выходе из подъезда обнаружила знакомого Карателя (узнала по размеру плеч и росту), тот который следил целый месяц. Он одиноко курил возле лестницы и провожал жителей дома взглядом.

— Здравствуйте, а я по вам соскучилась! — улыбнулась насколько могла широко и радостно. Каратель не оценил, продолжал смачно курить, то засовывая сигарету меж губ, то высовывая. Раздраженно.

Молчание прозвучало вместо ответа.

— Не подскажите, где найти Гектора? — попытка номер два тоже не увенчалась успехом. Подохла, бедная, едва ее осуществила.

Каратель отвечать не пожелал. Я очень тяжело выдохнула и обреченно побрела по улицам в направлении университета. Хотела увидеть Гектора перед завтрашним вечером. Было важно увидеть его до этого момента. Он, как источник вдохновения: посмотрела бы и решила, как действовать. Пока была в раздразе эмоций. Приказ отца не нравился, но и Илье тоже не могла рассказать.

Но ни в университете, ни в квартире по возвращении мужчину не обнаружила. И на следующий день до обеда так и не встретила. Осталось много недосказанного между нами. И не понятно, что ждать? Переспали и переспали, а дальше по сути закономерный вопрос. Может быть, всё для Ильи? Цель достигнута? Я добровольно капитулировала, нашла силы простить его поведение. Почему он не приходил больше?

POV Диана

Шесть часов вечера. Двадцать четвертое число.

Состояние-штиль. Полный эмоциональный штиль, за несколько дней успела поволноваться, поштормить, а теперь устала переживать. Смирилась. Раскрасила лицо ярко: губы светло-розовой помадой, веки светло-салатовыми тенями под цвет глаз. Тональным кремом изменила цвет кожи, волосы собрала в пучок, а сверху заколола парик, чтобы при ветре не съезжал. Накладные волосы длинные достигали талии, пряди аккуратные, не естественно прямые спадали по плечам.

А платье сильно прилегало к телу, подчеркивало формы. На груди слева и справа два темных прямоугольника скрывали соски, а остальная часть верха — черная ткань в сетку. Подол у платья длинный, обтягивал бедра и ноги вплоть до колен. А ниже платье раскрывалось, как русалочий хвост. Без рукавов, но придется потерпеть. Вызвала такси и приготовилась к бегству.

Предстояло самое главное — пройти мимо Карателя. Открыла дверь из подъезда, волосы заправила на лицо. Отправилась, уверенно цокая каблуками и стараясь гордо держаться в куртке. Кожей ощущала внимание Карателя.

Если сейчас оторвется от перил и пойдет за мной, значит маскарад не удался. И объясняй потом по какой причине и куда шла?

Распахнутая куртка на груди демонстрировала откровенное вечернее платье.

А потом вспомнила — гребанный я Клейменный! Куртка! Он мог по куртке вычислить! Сколько раз рассматривал мою спину, пока преследовал по улица.

Святая земля... пусть попа и ноги, в обтягивающем платье, будут интереснее, чем верхняя одежда. Привлекут внимание Карателя больше, чем старая, потертая куртка.

Стук каблуков сильно вибрировал на натянутых нервах. Под ногами — последняя ступенька. С сильным выдохом опустила стопу на нее, но преследовавших шагов сзади не расслышала.

— Хорошего праздника, цыпа! — донеслось в спину.

Это Каратель! Это Каратель! Как отреагировать? Не знала то ли сбежать вперед, взять подол юбки и убежать? Но не поворачиваться лицом? По лицу мог узнать!

Поэтому выбрала проигнорировать тонкий подкат к молодой, ухоженной «цыпе» и быстро направиться к дороге, на которой ожидало желтое такси с ромбиком на крыше. С разгону влетела в салон, несмотря на каблуки и рост. На этот раз хоть не ударились макушкой.

— Езжайте быстрее! — поторопила водителя, а сама как бы невзначай оглянулась на вход в подъезд.

Давно стемнело, очередные соседи вышли из подъезда. Молодая, наряженная пара спешила на главную площадь рядом с парком.

За неделю до Нового года проводилось празднество. Сегодня годовщина победы Карателей над Клейменными, день когда нас прогнали, почти полностью истребили. Загнали, как крыс, и заставили искать другое место обитания. Мы не всегда жили на островах, раньше спокойно делили территорию с Карателями в людском мире.

Главная площадь находилась рядом с парком напротив здания Карателей. Широкая

центральная дорога разделяла парк и офис Карателей.

Когда выходила из такси, рядом сразу оказалась рука склоненного мужчины в черном костюме. Тот помог выйти и указал рукой в направлении парка и площади.

Под ногами вилась черная широкая дорожка-ковёр, направлявшая в глубь парка. По бокам стояли люди в черным костюмах (и не холодно им?) склоняли головы перед гостями.

Передо мной неспешно брела пожилая пара, держась за руки. А дальше по центру огромная, зеленая елка, украшенная к Новому году. Всего неделя до торжественного события. Одни праздники.

Елка высокая размером с трехэтажное здание, по бокам от нее горели до сих пор работавшие аттракционы. Если пройти сквозь светящийся огнями парк, то оказываешься на площади, где будет сегодня выступать известная группа музыкантов, которая не так давно создала музыкальный шедевр (как оценили музыкальные критики). Песня «Rozenrot» — гимн Карателей с недавних пор. Какая великая честь! Гимн себе придумали! В клипе мужчина-вокалист изображал Клейменного, которого целый ролик истязали палачи, а люди радовались казни.

Такси мое уехало, этот звук и отвлек от мыслей. Я обернулась назад на широкую дорогу, которую рассекали скоростные автомобили. На противоположной стороне дороги черная машина въехала в парковочный карман, ее крышу прикрывали запорошенные снегом ветви дерева. На автомобиле изображена кошка. Я хорошо запомнила эту кошку. Не часто встречала крупные черные машины с такой эмблемой. Номера, к сожалению, не помнила.

С водительского места появилась широкая спина в кожаной куртке. Возникло желание спрятаться, но здесь открытая местность — не спрячешься. Разве что за очередным подъехавшим такси?

Я чуть согнула спину и голову за желтым такси, чтобы Илья не заметил. Он в черных брюках, куртка нараспашку, непокорные, черные волосы развивались на ветру, а (мой Единственный?) убирал их пальцами с лица.

Он должен быть занят поимкой Артема? Раз ко мне не забежал. Но наверное, сегодня важная встреча — годовщина победы. Я не должна удивляться, что прибыл сюда. Но я удивлена и немного раздражена равнодушным отношением. Немного...до легкого скрежета зубов и до сжатых пальцев на дверце такси.

Это всегда так? Ночь провели и гормоны успокоились?

Машина пикнула на сигнализацию, а Илья, убрав руки в карманы брюк, направился по тротуару в сторону тяжелой, стеклянной двери. Возле здания Карателей приглашенные гости занимали свободное пространство, курили на свежем воздухе и мешали входу и выходу. Илья приблизился к толпе, оттуда сразу отделилась одна женская особь, в голубой, пушистой шубе. С большого расстояния я разглядела только ее темные короткие волосы примерно по плечи, и ноги в капроновых колготках. И что заметно — женщина одного роста с Ильей. Она подошла к нему, нарушая личные метры, и обняла моего Единственного за шею. Руку с сигаретой положила на мужское плечо и говорила ему почти в губы. Обдавая дыханием, едва не целуя.

А Илья руки засунул в карманы брюк, выражение его лица не видно.

Как на невидимкой нитке потянуло вперед, когда оба зашла в здание Карателей. Илья галантно придержал ей дверь, пока та заходила. А я поспешила на зебру, разлинованную на очищенной от снега дороге.

Я добровольно шла в здание Карателей! Более того скоро должен подъехать Артем, а я

уходила! Но любопытство подталкивало в спину, заставляло идти быстрее. Платье не позволяло делать широкие шаги, поэтому приходилось частыми, но короткими. Хвост платья противно бил по ногам.

Гостей при входе в здание гордо проигнорировала, будто местная.

И что я могла сказать? Здравствуйте, у меня тут Единственный ходит в обнимку с женщиной, пустите пожалуйста? Приходилось импровизировать.

Едва влетела через стеклянную дверь в здание, справа обнаружила охранный пункт. Мужчина средних лет в темно-синем костюме сидел на посту. Сама серьезность, грация и спокойствие.

— Добрый вечер! — кивнул он.

— Извините, а не подскажете на каком этаже празднество? — постучала ноготком по столу рядом с мужчиной. — Я опоздала немного! Ух, у вас очень жарко! — распахнула полы куртки и ловко стянула. Ладонью помахала возле розовых щек — после мороза они всегда такие.

— Ваш пригласительный, пожалуйста! — завел шарманку мужчина.

Трюк с соблазнением не прокатил, ясно. А я после ночи с Ильей чувствовала себя самой красивой, если не на всем свете, то в Приаме точно.

— Понимаете, в чем дело, — руки сложила на его столе, и грудь навалилась на кисти, почти на ухо мужчине зашептала. — Мой единственный где-то там! — указала пальцем в потолок над нами.

— Я его рассердила, понимаете... пока волосики распрямляла, — взяла прядь темных идеально-гладких волос и подняла на уровень наших лиц. Поджала обиженно губы. — Потом макияж наносила, а он рассердился и не дождался. Ушел на банкет, а билеты у него! Ну, пожалуйста! — сморщила лоб. — Будьте любезны, пропустите.

— Не положено без пригласительных, позвоните, пусть спустится! — сухо проинформировал мужчина и отвлекся от разговора.

Сзади к столу подошла пара гостей и протянула билеты. Охранник записывал имена, проверял подлинность пригласительных.

А я отвернулась боком, убрав глупую улыбку и надутые губы.

Ну, твою мать! Как сказал бы Илья!

Ногтями постучала по столу, барабанной дрожью стараясь заставить мозги функционировать. Что предпринять? У кого-нибудь пригласительные выкрасть? И тогда меня сожгут на площади, как чучело чудовища, в Темный День.

Обычно я питалась страхом и не замечала процесса. Кормежка происходила автоматически. Где-то отдаленно, как за гущей воды, слышала бурчание человека, мысли испытывающего страх. Кушала и не обращала на это внимания. И сейчас я чувствовала человека, который испытывал несколько страхов. Я пошла по этой волне, подключилась, зацепилась за нить. Слушала и слушала, делая мысленно громкость больше в голове.

Эмоциональный контакт с охранником не обрывала. А он — человек! Какое везение! Ну и чего глупый человечек боится?

Когда гости оставили вновь нас с охранником вдвоем, я опять локти поставила на стол.

— Девушка, извините, но я правда не могу! — жалобно пролепетал мужчина. Будто ему действительно хотелось бы пропустить.

На миг совесть погрызла внутри, даже возникло желание заткнуть свой рот, но нет. Я заткнула совесть поглубже и подальше в глубину себя. Пусть там посидит, нечего каждый

раз вылезать наружу.

Потом озвучила:

— Ваша запечатанная — страшная женщина! Сковородкой вам зуб выбила как-то раз...

— Откуда вы...? — перебил ошеломленный охранник. Распрямылся на стуле, став вдруг выше, заозирался в поисках, вероятно, своей женщины.

— Каждый сосед в вашем доме знает эту историю, — отмахнулась я. Правда, сказала это наобум. В страхах мужчина это не шептал. — Ваша запечатанная ооочень разозлится, когда узнает, что вы еще одну женщину запечатали и у вас скоро родится ребенок!

— Проходите! — отмахнулся мужчина, взгляд спрятал на столе. Точнее, на экране компьютера рядом с собой.

— Спасибо! Вы — чудо! — захлопала в ладоши от вдохновенного состояния, как будто дали необыкновенный подарок, о котором долго мечтала. Эйфория затопила, заставила вспорхнуть по лестнице, несмотря на высоту каблука и неудобство платья.

Я лично пришла в логово Карателей! Глупее поступка в жизни не совершала!

На третьем этаже массивные, дубовые двери были открыты и впускали гостей в зал, залитый ярким светом. Народу на празднество пришло много, приходилось передвигаться аккуратно между плечами гостей. Ближе к центру зала я вынырнула, где оказалось свободнее. Из круглого фонтана текла вода. Толстая струя била вверх, а потом проливалась в небольшой бассейн, образуя озеро. Гости подносили фужеры к жидкости и попивали ее. Алкоголь?

Потолки в зале высокие, ощущение, что в несколько этажей. А на одной из стен были вылеплены, как из скалы, две объемные руки, присоединенные кулаками друг к другу — герб Карателей. От одного знака мне стало прохладно обнаженным плечам и заставило испуганно замереть неподалеку от фонтана и бояться сдвинуться места. Руки Карателей убивают живьем, разрывают на части Клейменных. Это и означал жест-герб.

Когда первое неприятное ощущение прошло, я опустила любопытный взгляд на толпу людей. И, о, чудо! Увидела Илью в черной рубаше, верхние пуговицы которой раскрыты. Мой мужчина держал бокал и смеялся над чьей-то шуткой. Весело ему? Неплохо разыскивает, я смотрю, Артема.

Святая, земля, я злюсь, что Илья не ищет Артема, а проводит время здесь? Какие глупые мысли! Но мне сказал, что занят и не было времени даже повидаться?

Я тихонько присела на фонтане, стараясь не привлекать внимание, боковым зрением фиксировала Илью и его компанию. Женщина-брюнетка до сих пор рядом с ним, косое каре, одна сторона длиннее, вторая короче. Платье черное, блестящее, сверкало при свете от огромный люстры на потолке. Длина одеяния максимально короткая. Женщина постоянно держала руку на плече Ильи, пока тот разговаривал с мужчинами и ее руку скидывать не спешил.

Затем послышалась медленная музыка из динамиков. Центр зала опустел, отчего стало еще удобнее наблюдать с фонтана. А женщина взяла Илью за руку и потянула за собой танцевать. А он не против.

Можно предположить, что это сестра? Но слишком собственнические замашки.

Женщина тянула его на себя, демонстративно растолкав людей. Обняла его за шею, скорее повисла и прижалась телом. Никаких лишних сантиметров между ними. Бесспорно, близкие люди.

Желание встать с фонтана было почти непреодолимым. Я и не преодолела его!

Медленно встала с фонтана.

А следующее непреодолимое желание возникло почти сразу — туфлей на шпильке вломить Илье по колену, которое в процессе танца (медленных покачиваний под музыку), прикасалось к женской ноге.

Вломить ему по чертовому колену и чем там он еще прикасался к ней! Сломать ему коленную чашечку, чтобы не то, что танцевать больше не смог, но и прихрамывал бы навсегда после этого!

Я развернула тело в сторону парочки. Они медленно раскручивались и теперь Илья развернулся ко мне передом. Я обратно присела на фонтан, скрывая лицо за темными волосами. Если он тут застучает?

Как объясню свой вид? Соберись, Диана.

Пару секунд сидела в ожидании развития событий. Гадала — заметил или нет? Вскоре музыка закончилась, тогда же Илья и его женщина вернулись к компании. А я стянула бокал у проходившего официанта с подноса и наполнила его жидкостью из фонтана. Продолжала наблюдать за гостями и подслушивать.

Сперва я не обратила внимание на собеседников Ильи, потом прислушавшись, удивленно вскинула вновь взгляд на толпу Карателей и видно людей. В компании наш Наместник — толстопузый мужчина, в толстую руку которого вцепилась тощая, рыжая дама с шикарными локонами. Платье на ней красное, соблазнительное, спина голая, откровенный разрез на бедре, грудь вываливалась пока та хохотала.

Хохотала, истерически, наигранно. Как ведьма из фильмов! Жутко наигранный, не натуральный смех над шуткой Ильи. Это не ее настоящий смех. Она не так смеется. Голос — ее! Ее! Голос моей Кати! Это Катя — рыжая! Тетя вела себя, как малолетка! Громко хохотала, рукой постоянно размахивала, ножку поджимала, сгибая в колене. Загадочно улыбалась Илье, что-то у него спрашивала.

Я, как в ином мире, отделила музыку на фоне и слушала только эту компанию, забыла, что надо скрываться. Уже не переставая изучала компанию — следующая пара. Мужчина в джинсах и белой рубашке, в носу заколоты серьги. У одном ухе множественные штанги уродовали кожу и хрящи уха. На голове темная шевелюра. Но там не должно быть волос. Взгляд мужчины остановился на мне, пригвоздив к прохладному фонтану, а я не отрываясь от него медленно поднялась.

Он лысый! Мой отец — лысый. А в человеческом мире он темноволосый с проколотыми ушами, губами и носом! И находился рядом с Ильей. Илья насмешливо бил его по руке, рассказывая какой-то, видимо, анекдот, а отец гипнотизировал меня и давал приказ — стоять на месте. Молча. Чтобы не двигалась и оставалась здесь!

Что это значит?

Наместник и Илья — понятно, самые высшие чины в мире. Тетя — любовница наместника. А отец кто вместе со спутницей?

Не выдержав примораживающего взгляда отца, развернулась и направилась прочь из зала. Отец узнал меня и ждал, что останусь здесь?

Я успела преодолеть все расстояние до двери, когда бегство приостановила жгучая, рыжая красотка — Тетя.

— Останься здесь! — приказала она, блокируя хваткой возможность сбежать. Катя говорила тихо, чтобы не вызвать общественного интереса. Нас не должны видеть рядом. — Я позже тебя проинформирую!

Не удостоив больше взглядом, Катя удалилась обратно в зал. Эффектно виляла бедрами, прикрытыми полупрозрачной тканью откровенного красного наряда.

Два часа я проходила мимо гостей, стараясь не разглядывать интересующий объект. Он все время был с той женщиной. Явно не сестрой, она вела себя слишком раскованно и властно. Будто Илья принадлежал ей: за руку держала, в плечи вцеплялась, обниматься лезла, то в губы чмокнет. Здесь ясно!

Я никогда не задумывалась, есть ли у Ильи кто-нибудь. Я почему-то привыкла, что как только появляюсь я, он переключает внимание на меня и забывает об остальных. Или просто эффектно изображал, что забывает о других?

От мыслей отвлекло внезапное отключение света. Зал погрузился во тьму, не считая огромных окон, в которые светила огромная луна на небе. Там внизу на площади, видной отсюда, раздался крик ведущего праздника, затем включился гимн Карателей на огромном экране.

Приглашенные гости зала привалили к окну, распахнули их, впуская в помещение еще больше звуков с улицы.

Тогда же за руку кто-то потянул.

— Пойдем! — шепнула тетя, направляя вдоль людей. Я вздрогнула от внезапной вспышки среди темноты. Все гости стали видимыми, озаренными белым светом. А позади за окнами грохотал салют.

Я с неизвестной целью разглядывала гостей, пытаюсь среди похожих один на другого, найти единственного, который отличался от других. Но тщетно. Сколько вспышек раздавалось в комнате и в небе Приама, но Илью больше не увидела.

Почему-то было жизненно необходимо поговорить. Увидеть. Он дарил скрытые силы.

POV Диана

Тетя за руку провела на следующий этаж в неизвестный кабинет — два на два, совсем не большой по габаритам. Включила настольную лампу, осветившую разбросанные листы документов. А возле стены — шкаф цвета слоновой кости.

Катя прошла к нему. Достала оттуда вещи и ловким движением забросила мне назад. Я рефлексивно словила добычу.

— Надевай! — приказала Катя. Последним в руки прилетел черный сапог на устойчивой подошве без каблука.

— Зачем?

— Начинаем бегство! — пояснила она. Попутно доставала вещи для себя и в темноте рассматривали их. — Через двадцать минут здание Карателей взлетит на воздух! Следовательно, через 20 минут нас здесь быть не должно.

— Что значит взлетит?

— Переодевайся! Живо! — отдала повторно приказ тетя, взглянув на меня. Рыжий парик с волос скинула на пол, следом через голову стянула с себя платье. Осталась в откровенном, красивом, нижнем белье.

Я последовала совету. Не долго была красавицей. Расстегнула молнию на спине и с неким сожалением вышла из круга платья.

— Помнишь вооруженное нападение на отель Приам в день лжеКлейменных? В трех округах произошли подобные теракты одновременно. На самом деле их цель — отвлечение внимания! В те моменты были заложены три взрывных механизма. По времени мы специально заранее перестраховались. Все три механизма успешны были установлены в тот день в зданиях Карателей!

Тетя закончила одеваться, поправила волосы, подтянула на бедрах темные, тянущиеся брюки, водолазку и черную теплую безрукавку. Катя продолжала пояснять, следя, как я снимала свой парик и одевала темные сапоги, водолазку и безрукавку на тело:

— Через двадцать минут произойдет взрыв. В тот же момент мы с тобой должны находиться возле границы с округом Питер. И не только мы с тобой. Все Клейменные. Представляешь, сколько нас сегодня подойдет к границе? Граница не выстоит, к тому же Каратели будут заняты этим зданием. А за границей, Диана, нас ждет новый мир! В Питере создан новый мир благодаря твоему отцу. Твой отец известен в миру, как Еж — зам начальника Карателей по округу Питер. Более двадцати лет он выстраивал новый мир и я ему в этом помогала. Мы там свободны, Диана! — тетя мечтательно и радостно схватила меня за руку, потрясла немного, пытаюсь донести эту мысль. Дать к ней прислушаться. Понять. Прочувствовать каждой клеточкой.

Свобода! Свобода! Нет бегства. Нет страха быть убитой, не надо бегать по темным улицам, преследуемой Карателями. Не надо бояться, что воспользуешься силой на людях и кто-то заметит. Не надо бояться, скрываться в темных подворотнях. Можешь передвигаться свободно по улицам округа. Напряженно не всматриваться в людей или Карателей, пытаюсь определить принадлежность к той или иной расе.

Этот вкус свободы заполнил тело невероятным теплом. Согрел холодную кровь, заледеневшие пальцы.

— Диана...свобода! — вновь с придыханием сказала тетя на ухо. Вновь тепло согрело шею и лицо.

Это то, о чем мечтали Клейменные. Не жить в тени, освободиться от гнета Карателей.

Тетя смотрела внимательно теплыми, родными глазами, а я только и смогла ответить:

— Нет. Не хочу туда.

— Как нет? — зажим на руках стал сильнее. Тетя встряхнула, как несмышленное дитя. — Глупости, Диана!

— Я не хочу, правда, — руку ее оттянула от себя, с плеч сняла.

— Почему, Диана? Почему? — я слышала испуг в ее голосе. Он был не контролируем, почти осязаем. Ее голос задрожал от этого первобытного чувства, а я наоборот не была напугана. Полный эмоциональный штиль — будто так и надо. Улыбнулась, равнодушно пожала плечами.

— Святая земля... Диана, только не говори, что это из-за Гектора? — спросила тетя.

А я не знала, как правильно ответить. Правда это или нет. Но ответ сам вырвался и я не сожалела о нем ни тогда не сейчас. Еще сто раз готова повторить, что хочу остаться здесь.

— Диана, очнись! — Катя больно впиалась пальцами в кожу, ее глаза округлились, блестели при свете настольной лампы. — Как только вскрыются имена твоего отца и моё, все Клейменные которых прятали... Все ваши имена вскрыются! Диана, он убьет тебя, пойми! Пожалуйста, очнись! Диана!

В жизни бы не поверила. Ее глаза не просто напуганы, а затянулись белой, прозрачной влагой.

— Диана... — говорила она, как ненормальная, снова и снова повторяла в темноте одинокой комнаты мне одной. — Как же ты не понимаешь, Гектор убьет тебя и плевать ему, что грела кровать! Понимаешь! — ее пальцы причиняли боль, до синяков сжимали кожу, но я терпела и согласно кивала на каждое слово.

— У меня есть малюююсенькая надежда...вера, что не убьет! — пояснила свои действия.

А тетя обняла, так сильно и так крепко прижала к своему плечу мою голову, будто в последний раз. Наверное, так и есть. Больше не увидимся.

Перед уходом тети задала ей всего один вопрос:

— Кать, а люди обязательно должны умереть?

— Обязательно должно взорваться здание.

Словно боялась отпустить, боялась потерять из виду. Будто завели в глухой лес, где не видно больше света. Выхода из него нет. Я боялась потерять тетю, поэтому опять затормозила ее бегство.

— Кать, а ты меня любишь? — задала вопрос. Я никогда не слышала этих слов. Никто не говорил. Отец не любил телячьей нежности, подруги тоже.

— Конечно, люблю, идиотка! Мне больше всего хочется вырубить тебя и утащить с собой, но к сожалению, тогда нас двоих поймают.

— Теть, найди Артема...

Отец великолепен. Не оставил выбора, как и всегда. Либо послушаюсь его, либо умру здесь. Рассчитано великолепно, чтобы лишить настоящего права выбора.

Открыв окно некоторое время сидела на подоконнике. Ногу согнув в колене поставила на подоконник, другую свешивала вниз. Ветер пробирался в помещение и играл волосами, забирался под теплую безрукавку и под темные штаны. Пистолетом в правой руке

постукивала по колену. И на кой он мне, если не умею им пользоваться и в добавок мазила. С виду металлический предмет выглядел легким, но руку оттягивал невероятно. Тянуло ее опустить.

Шла по коридорам, натянув капюшон безрукавки на лоб — выглядела, как Карательница со стороны. Раскладной нож в штанах (и зачем тетя дала перед уходом, оставалось загадкой), пистолет в кармане правого кармана. Гости с любопытством провожали интересующий черный объект. Сегодня Каратели снимали маски и выглядели обычными люди, я напротив вошла в полный зал гостей в облике Карательницы. Люди беззаботно смеялись и не представляли, чем закончится праздничный вечер через пятнадцать минут.

Медленно досчитала до пяти...потом до десяти...потом до пятнадцати. Трусливо останавливалась каждый раз. Слова застревали. Зачем мне это? Это глупо! Не могла никак взять, собраться с мыслями и громко прокричать:

— Уходите отсюда!!! — музыка звучала громко. А мой крик прозвучал уныло, еле слышно на ее фоне. Ближайшие ко мне гости оглянулись на странный крик.

— Уходите!!! — закричала. Громче. Громче, пока решимость не спала. — Уходите!!! Больше и больше внимания привлекала криком. Воплем сумасшедшей!

Один... второй оборачивался с любопытством на ненормальную девушку. Постепенно образовывался круг зевак, шепот замыкал со всех сторон.

Я заметила в толпе официанта с бокалами алкоголя. Вырвала поднос из его рук и опустила на пол. Со звоном, треском полетели хрустальные бокалы, расплескалась жидкость на штаны мужчины.

— Убирайтесь отсюда! — с горьким отчаянием прокричала, привлекая больше и больше внимания. Но люди не торопились покинуть помещение, только с любопытством смотрели на представление. На неудачную выходку подвыпившей особы в моем лице.

— Так...так, — донеслось со спины. Показался знакомым голос мужчины. Я медленно развернулась на неуклюжих ногах. Боялась посмотреть назад, увидеть кто там. Хоть капюшон и скрывал мой лоб и частично глаза, но низ лица виден, и фигура, и голос.

Люди послушно отступили, образовав полукруг. Проклятый Каратель с бородкой вездесущ. Именно он вышел на лидирующую позицию. Сзади него шесть Карателей, в том числе женщины. А самый последний по центру, спрятанный ото всех тот, кого больше всего опасалась. Как он отреагирует на мою сущность?

Он в расслабленной позе, широко раздвинув ноги, голова наклонена вниз, смотрел в пол. Взгляд не рассмотришь с подобного расстояния.

— Что здесь делаешь? — пропел елейным, полным сладости тоном Каратель с бородкой.

— Уходите! Уходите отсюда! Сейчас рванет! — я тоже не верила словам. Что говорить про остальных? Эти слова звучали нелепо.

— Красивая девочка, заделалась в террористки? — насмешливо спросил Каратель. Он узнал и каждый узнал. И Каратели сзади оценили шутку — переглянулись, усмехнулись как над глупой девочкой, неразумным ребенком.

Они не станут слушать. Не поверят! Не будут! Я же не знаю, где находится бомба. Пришло горькое разочарование.

Скинула капюшон, чувствуя себя будто голой под наблюдением неизвестных людей. Словно сейчас оценивали обнаженную грудь и бедра. До того было страшно и стыдно, что

руки дрожали, пока лезла в карман безрукавки. Выхватила пистолет.

Испуганная толпа охнула, а я вырвала из людей рядом с собой, красивую, высокую девушку. Схватила ее за шею намертво. Пережала ей жилы, грозила одной рукой переломать хрупкую шею. Затем вжала пушку ей в висок:

— Быстро! Все! Каждый в этом зале пошел на выход! Или! Я! Прострелю этой женщине мозги! Живее! — прикрикнула, когда наблюдающие замолчали, а не начали двигаться, как было приказано. После окрика гости внезапно обрели вновь жизнь, зашевелились.

С задних рядов вышел Илья, медленно продвигаясь сквозь Карателей. А я не отводила от него напряженного взгляда. Впитывала и впитывала губкой его черты лица и движения. А сейчас решалась моя судьба — худшего представления быть не могло. Я же спасала этих людей для Ильи, ведь когда бомба взорвется, меня оправдают. У Ильи будет повод не убивать. Пощадить Клейменную. Это одна маленькая надежда на возможность быть с ним.

— Выполнять! — громко приказал Илья, чем привлек людей в большую активность.

Когда зал опустел, он остался напротив меня. Смотрел на меня, засунув руки в карманы штанов. И не говорил. Не орал. Не материл. Не улыбался. Не сверкал недовольным взглядом. Молчал и смотрел. И я боялась подумать, что он чувствует.

— Девушку отпусти, — тихо сказал Илья, а я не смогла выдержать его холодного, равнодушного взгляда и опустила глаза на пол между нами. На пустой пол. На холодную пустоту. Преграду между нами.

— Пусть все уйдут из здания, тогда отпущу.

— Не выстрелишь! — сказал Илья.

Не верит, что выстрелю? Намекает, что слишком жалостливая? Кишка тонка? Я решительнее перехватила пушку и вжала сильнее в висок девушке.

— Ты своего злейшего врага не смогла отравить. Думаешь поверю, что убьешь ее?

Задали вопрос эти глаза... эти внимательные, проклятые, гипнотизирующие глаза!

Рука от ужасного осознания, от догадки опала вдоль тела, пушка дулом указала на кафель зала.

— Уходи, — шепнула-приказала красивой девушке-пленнице, а сама не могла отвести взгляда от Ильи.

Я правильно услышала? Он знал, что пыталась его отравить? Там в квартире?

— Ты не вовремя себя сдала! Совсем не вовремя! — прозвучала еще одна фраза, которая окончательно ввела в состояние транса.

Голоса Карателей затихли, лишние звуки затерялись на фоне. Запахи, цвета исчезли. Видела расплывающееся пятно перед глазами и Его — Одного. Слышала его горькие фразы, произнесенные шепотом:

«Не вовремя! Не вовремя! Сдала себя!»

— Когда ты узнал? — нарушила молчаливое противоборство между нами.

— До сегодняшнего момента я не был уверен на сто процентов. Всего лишь на девяносто пять. С первого дня, как шарахнула банкой, я заказал на тебя досье. С каждой новой встречей я все сильнее удостоверился, что ты не человек. А финальный удар был в больнице — только Клейменная может Карателя в лицо назвать чудовищем. Я не мог заинтересоваться обычной девушкой...

Знал...знал...с самого начал догадывался о моей сущности, а я глупо, наивно скрывала, боялась.

Как же тело проняло ознобом, передернуло мышцы, невидимо скрутило от боли. И

согнуло вялое тело к полу, к земле. Вот бы упала замертво и больше не вставать.

— П...по...почему? — дрогнул голос, когда спросила. — Почему не сказал, что знаешь? Почему не сдал в Темный дом?

Слишком скоропалительно задала вопросы, потом осознав, что вкладывала в эту фразу. Что хотела услышать в ответ? Он пожалел меня? Хотел спасти? Потому что я важна для него?

Предвкушающе замерла. Сердце счастливо затрепыхало в груди, как пойманное в ловушку его гипнотически-красивыми глазами. Оно взлетело от удовольствия, от надежды под слоем ребер, а потом рухнуло вниз и разбилось вдребезги от равнодушных слов:

— Как-то раз на собрании наш Начальник подал умную мысль — допрос Клейменных не приводит к желаемому результату. Вы самосжигаетесь до того момента, как мы получаем необходимые данные, поэтому необходимо было найти Клейменного и попытаться втереться к нему в доверие. Но вот проблема — я не чувствовал Клейменных, не встречал их, а в тебе мне что-то запомнилось. Не знаю. Прямо сигналило возле тебя. Странная ты! Мне нужны данные о вашем мире. А точнее вход в ваш мир!

— Ты чудовище! — вырвалось.

Я бы еще сотни фраз-оскорблений произнесла, если бы не боль в теле, которая ощущалась физически и не свист рядом с телом. И не взмах кнута.

Кнут рассек воздух и зажал шею удавкой, отчего я стала задыхаться. Открыла рот пытаюсь поймать воздух, но шею стягивало все сильнее и сильнее. Запястья так же сдавливали ленты, держа мои руки, возле плеч.

Ручка у орудия одна, но кнут разделялся на три черные, кожаные плети.

— На колени! — услышала приказ, который был настолько тихим в голове, будто я почти глухая. Светловолосый Каратель рядом, держал рукоять кнута и давил орудием вниз. Заставлял тем самым под увеличивающейся болью и сдавленностью на шее, послушно спадать коленями на пол-кафель. — Гектор, ты с ней закончил? Дай, я поиграю?

— Ее допросом займусь я лично! — расслышала глухой ответ, который заставил, преодолевая боль и удушье, сжать пальцами плети на руках и вспыхнуть. Не морально, а физически направить жар в руки и в лицо. В зрачках вспыхнуло яркое пламя. От пальцев загорелись плети и сожглись вплоть до рукояти кнута.

Каратель пренебрежительно сбросил сторевший инструмент, цокнув недовольно языком. Ах, потерял игрушку.

Руками я оперлась на прохладный пол.

— Андрей, можно меня...здесь? — задала просьбу своему побитому отражению на полу. Андрей где-то здесь поблизости — единственный Каратель, у которого как мне показалось есть сердце. К нему я и обращалась с просьбой подарить вечное успокоение. — Я не хочу в темный дом!

— Нет. Нельзя тебя здесь! — услышала холодный, безэмоциональный ответ Гектора. Больше не Ильи, а Гектора.

Новый Каратель передо мной. Не тот, что страстно любил три дня назад. Словно это не он был глубоко во мне. Будто не он с воодушевлением целовал. Не он обнимал, ласкал мое тело, словно ничего более красивого не встречал прежде. Будто я для него самая красивая и желанная!

Сейчас было равнодушие в его глазах, направленных на меня. Я не выдержала равнодушия.

Покорно опустила взгляд на ладони и колени. На пол, на котором сидела жалкой псиной на коленях. По воле высших созданий ждала правосудия.

Как хотелось испачкать сияющий свет над головой.

Хочу разбить этот свет. Осквернить эту чистоту. Голову или лоб опустить на плитку и рассечь череп. Свою глупую, доверчивую голову навсегда разучить доверять.

Глупая...маленькая...наивная...

Я предала свой род в обмен на это...сидеть, подобно твари, на коленях перед ними.

Я поверила тебе... я простила тебя опять...

Я ВСЕХ предала, каждого, кто был дорог ради одного — твоих темных, прищуренных и насмешке глаз. Надеюсь на тебя. Я верила тебе! У меня была надежда, что получится!

Смех истерически рвался изнутри, из самой глубины тела, из горла, из сердца. И я, отняв лицо от пола, задрала его высоко на люстру. Прикрыла глаза ладонями от чужого любопытства или боялась ослепнуть от света над головой. От люстры.

Я хохотала и хохотала, а смех издевался надо мной. Повторялся в каждом уголке зала. В идеальной тишине. Нас так мало: несколько Карателей и я на коленях. А смех, как дикая песня-гимн обреченности.

Моя глупость привела сюда на колени.

Я перестала надсадно смеяться, а Каратели недоуменно переглядывались, будто вопрошая об умственном состоянии.

Нет. Я в порядке. В порядке.

Ладонью оперлась, поднимаясь с холодного пола. Мне позволили подняться на шатких ногах, которые с трудом держали вес тела. Если толкнуть — упаду навзничь и разобьюсь о пол кровавыми осколками.

За прядями собственных волос скрывалась от Карателей. И только на одного смотрела по центру, не позволяя себе моргнуть или отвернуться. Поглощая эту тьму, запоминая, как чернота проникла сегодня в сердце и заставляла его сейчас гнить и болезненно корчиться.

— Ты идеальный актер... — хриплым голосом говорила и не узнавала его. Как у престарелой женщины, которая доживала последние дни. А мой взгляд, спрятанный за волосами, должно быть безумен. Я сейчас и чувствовала себе обезумевшей. Сильнее ранить невозможно, даже если избить до кровавых соплей или зажать нож и всадить по рукоять сквозь ребра мне в сердце, я бы не испытала большей боли. Сейчас пик!

— Ты так долго добивался моего внимания, бегал за мной, на свидания звал...

Молчание на мое замечание. Я сдула прядь волос с лица и повторила очень тихо, но хрипло. Голос охрип от криков.

— Ааа... теперь понятно, — как обезумевшая пальцами постоянно убирала волосы с лица. Сильно раздражали. — Теперь ясно, зачем был нужен жучок на куртке? Это ведь не для того, чтобы изолировать от других мужчин? А чтобы дать тебе чертов путь на остров!

Опять глухое молчание. Я бы подумала, что Гектор выключился, организм пришел в негодность, временно приостановил работу, но это не так. Мужчина дышал, руки сложил под грудью и спокойно смотрел на меня, на раненное животное, пойманное в ловушку. А он ждал когда убить, пожалеть, не дать больше корчиться в предсмертных муках.

— Оставьте нас... — бросил небрежно своим псам-Карателям и двинулся вперед, как по команде. По отданному приказу.

— За этим запер в Темном доме? Чтобы показать, где такие, как я, должны сидеть? Да!? — дышала громко и глубоко.

— Поэтому взял девственность так будто наказывал, а не любил?

— Проще сказать изнасиловал, чтобы мне было максимально больно?

— ДА?

— Клейменная не заслуживает нежности?

— И за этим, тварь, запечатал? Да?!

Взвыла с болью я. Голос отражался от стен, разбивался о красивые, холодные стены помещения, о герб Карателей.

— Чтобы я стала твоей полноценной зверушкой и сидела на поводке?

— И, в любом бы случае, рано или поздно поведала вход в наш мир?

— Ведь я теперь принадлежу тебе?

А он молчал. Противно молчал, словно я собака, с которой не стоит разговаривать, ведь та только и умеет жалобно скулить, сидеть и лежать. На большее не способная. Она не имеет права голоса. Я сорвала голос, в горле запершило.

Гектор не двигался, стоял на расстоянии трех метров, опасался моего выпада, или удара сумасшедшей.

Пришла внезапная мысль. Достав из ворота водолазки красивую цепочку, полюбовалась на букву «И».

— Ты сказал не снимать. Это ведь не моя защита? Да? — продемонстрировала переливающуюся светом букву «И». — Это очередной жучок? ДА?

Сняла через шею дорогое украшение. Цепь длинная, свободно проходила через голову. Напоследок сжала холодный металл, на секунду опять кольнуло в груди. Что за боль? Я уже испытала максимальную боль. Уже нечем ранить. Мне не жаль эту железку. Отвела руку за спину и отправила в полет красивое украшение-напоминание об Илье. Нет Ильи. Есть Гектор — зам начальника Карателей по округу Приам, в чью ловушку я по наивности попала.

— Отдай своей настоящей женщине!

Я думала, Гектор отреагирует, но он, как стоял молча, так и продолжал стоять. Украшение ударилось ему в щеку. Мог легко поймать, но нет, позволил железке ударить себя, и только потом выставил руку перед собой. Украшение опустилось змейкой в его ладонь. Пальцы сжали холодный металл, пытаюсь раздавить. Да, мне тоже хотелось раздавить все воспоминания о нас.

Я вздрогнула, но заставила себя не бежать, не пугаться, принять все что он сейчас делает.

Гектор остановился совсем близко, протянул руку, большим пальцем пригладил прядь моих волос, бережно убрал, чтобы не мешались. Улыбнулся. Но от этой мерзкой улыбки, ощущение, что змея улыбнулась, готовая к финальному укусу ядом.

Сгиб указательного пальца мужчины прислонил к моей нижней губе, погладил ее повелительно, словно имел на это право.

— Я постараюсь сохранить тебе жизнь, если дашь информацию... — холодно сказал Илья. От его прикосновений раньше становилось тепло, теперь же противно. Гадко. Это не человек. Это — мерзкое отродье.

— Пойдем... — Гектор аккуратно подхватил за бедра и закинул к себе на плечо, заставил перегнуться через себя. — Мой трофей.

Эта фраза. Он постоянно озвучивал ее вслух, давал подсказку кем считал. Военный трофей. Клейменная для Карателя — военный трофей, с которым можно поступать так, как

заблагорассудится.

Резвым движением, пока Гектор быстро шел в направлении выхода (скоро должен прозвучать взрыв) я протянула дрожащую руку и успела выхватить из штанов раскладной нож.

Гектор поздно понял и попытался скинуть с себя. А я нажала на кнопку, раскладывая короткое, но опасное лезвие. Замахнулась орудием. Уже в падении, когда Гектор скинул с себя ударила лезвием ему под правое широкое плечо. Целилась в сухожилие. Порвать его сухожилия, чтобы его чертова рука пришла в негодность! Не навсегда, но хоть сейчас, чтобы потерял способность двигать мерзкими, отвратительными руками! Чтобы никого не мог ими убить.

— Ах, ты ж сучка! — как-то знакомо процедил Каратель. Удивленно, глядя на меня, валяющуюся на полу.

Надо было бежать, но гнев со стороны Карателя примораживал к месту. Гектор взял за рукоять нож и, сцепив челюсть, вытащил лезвие. Отбросил его, как нечто мерзкое, рядом на пол. А рану и черную рубашку зажал ладонью. На черной ткани крови особенно не видно, но небольшое затемнение просматривалось.

Глаза Гектора стали совсем опасными, прищурились на точке перед ним — т. е., на мне. Внимательно смотрели, приняв решение. Мужчина направился ко мне, громко стуча туфлями по полу. Я в последний момент зажмурилась и отвернулась, не желая этого видеть.

Раздался звук. Стук тяжелого предмета. А потом звук падения и звон об пол. Я распахнула веки пошире. Не могла поверить увиденному. Гектор валялся на полу, вокруг его темных локонов капли крови. Вместо него Артем протягивал руку, в другой держал хрустальную вазу. Видно ею и ударил, но от удара об голову та не разбилась.

— Быстрее, Диана! — позвал Клейменный, наклоняясь, обхватил ладонь и дернул с пола. Насильно поставил на ноги. Заставил двигаться. Убегать. Прочь от здания Карателей, от взрыва и моего личного «бывшего» Карателя. Я оставила его истекать кровью на том полу.

И от всей души помолилась, чтобы взрыв разорвал тело Гектора на много-много частиц. Руки отдельно, ноги отдельно. И сердце отдельно. А лучше, чтобы это сердце взорвалось кровью и ошметками. Я бы хотела увидеть, как его сердце, которое не чувствует и не способно к человечности когда-нибудь почувствует боль. Мечтаю увидеть его боль, его разорванное сердце.

POV Диана

Паника давила. Мы с Артемом спрыгнули из окна третьего этажа, чтобы не попасться на глаза Карателям. Вход в здание окружен желтой лентой, чтобы не впускать посторонних и нас не выпускать. В небе вместе с последним салютом стенали голоса. Женский визг доносился до ушей, а потом затихал на секунду, создавая видимость спокойствия, но лишь для того, чтобы следующий выкрик прозвучал еще страшнее и громче.

Я не оборачивалась назад на огромное, возвышающееся, как пика, здание Карателей. Забыла о нем. Но отсчитывала время, на протяжении которого мы с Артемом бежали мимо паникующих людей, Карателей или Клейменных. Сквозь месиво гостей праздника.

Артемом рядом указывал направление к границе. Еще есть шанс. Был шанс успеть. Артемом не бросил, не пошел с тетей, а вернулся за мной в зал. И сейчас я набирала и набирала скорость, игнорируя резь в ребрах. Артемом увеличивал, значит и я до предела увеличивала. Не обращала внимания на сильный ветер, который рвал волосы и обжигал кожу лица.

А потом показалось, что взорвалось небо. И это не фейерверк. От грохота в ушах зазвенело, а сзади за спиной словно с неба обрушились камни. Смесь пыли и крошки кирпича падала на тротуар, на людей. Клубы дыма заволокли темное небо, закрыли собой прочной завесой. И стало еще темнее, чем прежде.

— Диана! — закричал Артемом и потянул резко за собой, дернув в направлении границы. Я не заметила, что остановилась и тяжело сглотнула горечь от осознания, что Гектор был в эпицентре взрыва. Правильно, так и должно быть.

До границы оставалась пара километров. До ворот.

Я перестала рассматривать черное полуразрушенное здание и поспешила за Артемом. К границе вела широкая центральная дорога, по которой мы быстро передвигались, оставив позади здание Карателей.

Широкая кирпичная стена примерно в метр толщиной отделяла или защищала округа друг от друга. В охранной стене Приама всего трое ворот-границ по количеству округов. Только бы успеть... только бы успеть.

— Почему ты не ушел? Дурак! — кричала я. Сердце работало на износ, билось уже где-то в горле, мешало нормально дышать, да и говорить с трудом позволяло.

— А ты бы ушла? Дура!

После этого стало темно не только на небе, но и перед глазами помутилось от слез. Слепо бежала, врзалась в людей или Клейменных, но не смотря на это продолжала путь.

Граница. Вот она: высокая-высокая. Ее не перелезть. Она высотой с десятиэтажное здание. Как личная тюрьма, откуда нет выхода. У нас с Артемом не было сил, дающих возможность перелететь стену или приклеиться к ней и перелезть. Для нас существовал один центральный вход. Только бы Каратели еще не прознали про бегство Клейменных в Питер! Только бы основная масса находилась у здания Карателей и помогала разгрести завалы!

Пост на границе — это три выезда для машин, шлагбаумы и две стеклянные будки. К этому месту с горы в углубление вниз вела широкая дорога-скат. Когда добрались до самого пика дороги, откуда начинался склон, оба с Артемом медленно перестали бежать, обреченно сбавили скорость. Перешли на шаг. Окинули взглядом ближайшее пространство

возле стены — белоснежное поле, покрытое снегом. Рядом со стеной не было построек, одно бескрайнее поле слева направо.

А в низине возле границы заметно слабое мельтешение, словно бой, маленькая потасовка. Отсюда с высоты склона смотрелось, как копошение муравьев.

Все белоснежное поле слева направо, защищая кирпичную стену, охраняла еще стена. Живая. Черная стена Карателей. Как черные точки, но их столько, что на вскидку не подсчитать. Я заправила мешавшие волосы за безрукавку и молча переглянулась с Артемом.

Слова закончились. Из головы выветрились любые мысли. Идти на границу сродни самоубийству. Каратели заткнули дыры, в которые Клейменные ныряли, как крысы. Теперь мы опять в клетке, запертые в Приаме.

— Есть идея, где переждать! Пошли обратно в центр! — скомандовал Артем. — Есть один подвал под землей! — кричал-рассказывал друг, пока мы вновь медленно набирали скорость, до свиста ветра в ушах.

Артем продолжал рассказывать:

— Говорят, в этом подвале под землей есть выходы в остальные округа. Там лабиринт и я не знаю, правдивы слухи или нет? Но это единственный выход. В округе нас перебьют еще до рассвета.

И мы вновь бежали, превышая любые человеческие возможности. Естественно, привлекали внимание скоростью. Особенно опасно стало, когда возвращались к проклятому, полуразвалившемуся зданию Карателей. Широкая центральная дорога была перекрыта заслонами, барьерами.

Бежать... бежать. Остервенело дыша, как в последний раз. Только эта мысль бурлила с адреналином в крови — «Выжить».

И эта мысль заставляла увеличивать скорость! Перепрыгивать чертовы заслоны!

И эта мысль помогала не закрывать испуганно веки, видя ствол, направленный в тебя. Приказы «стоять» игнорировать!

Продолжать бежать, слыша выстрелы в спину, рядом с ухом, с плечом, с ногой. Пули отскакивали от асфальта пока мы бежали, замирая и выдыхая ледяной воздух. Легкие горели, стопы горели, тело подвергалось не человеческим нагрузкам, которых давно не испытывала. Была за нами погоня или нет? Не знаю. Но вскоре стало тише, людей меньше, криков тоже, запах гари еще не распространился до этой точки. А мы бежали и боялись остановиться. Будто если остановимся, то весь запал пройдет и больше никогда не побежим вновь. Я остановилась лишь тогда, когда врезалась в кого-то и от удара упала навзничь и прочертила собой темную полосу на земле, сгребая снег спиной. Резко поднялась, оглядываясь.

— Эля! — дыхания хватило с трудом произнести, стоя в боевой позе. Была готова кусаться, драться, царапаться до последнего, но пыл резко остыл.

— Святая земля! — воскликнула подруга. — Это вы!

Эля приподняла челку, рассматривая меня своим косым глазом, не стесняясь. Словно до конца пыталась удостовериться, что это я. Бросилась ко мне, повисла на плечах.

— Я потерялась в этой чертовой давке. Это было «что-то» на площади. После сигнала Клейменные, как аборигены, озверели и воодушевленные свободой устроили давку прямо на площади. Я так и не пробралась к границе. Это ужасно!

— А Алина? — оторвала испуганную подругу от себя, а та постоянно жалась ко мне в поиске успокоения.

— Не знаю. На площади потерялись. Там зверинец какой-то. Людей живьем топтали!

— Девочки, я знаю, что вам обязательно надо потрындеть! — Артем оглядывался то в одну сторону, то в другую. Взял нас за локти и медленно подтягивал по дороге. — Но понимаете, нам надо удирать. Каратели сейчас озверели! И не надо забывать — мы прихлопнули их зама!

Зама прихлопнули. Я постаралась испытать радость от этой мысли. Очень постаралась испытать облегчение. Он заслужил. Давно это надо было сделать. В тот день, когда пыталась отравить. Он знал, что хочу отравить и был ласков со мной в ту ночь... Не понимаю.

Я рада его смерти. Может когда-нибудь даже схожу на его могилу, если выживу. И даже не плюну на нее, попытаюсь посмотреть еще раз ему в глаза. Не совсем в глаза, а на его памятник — на холодный камень, кем он и являлся.

И вновь бег по темным, пустым улицам. Ровно до того момента, как Черный Каратель с закрытым лицом преградил дорогу и выставил пистолет перед нами.

— Стоять! — приказал женский голос.

Нам троим пришлось медленно перейти на шаг, а потом остановиться и поднять руки перед лицом, отчаянно думая, как поступить.

Как перед казнью, в последнюю секунду жизни начала активно размышлять. До десятков вариантов развития событий проиграла за минуту, пока капюшон не сняли с головы. На против нас оказалась девушка, чьи жгучие, красные волосы были убраны в пучок. Яркие-подведенные широкие глаза подруги со шрамом на щеке смотрели недоумевающе. Но пистолет пока держала направленным в нашу сторону.

— Девочки? — удивленно спросила Люда, направилась в нашу сторону не спешными, аккуратными шагами. Пистолет не убирала.

Пока Карательница передвигалась, я слышала всё глухо. Звуки доносились искаженно, будто пленку видеозаписи зажевали. И ее слова плохо доходили до сознания. Когда подойдет, надо будет заблокировать ей руку, с локтя ударить в нос и выхватить пистолет.

Люда выставила пистолет на вытянутой руке мне в сердце.

— Один... — начала она отсчет.

Я вздрогнула от вынесенного подругой приговора. Эля рядом нервно коснулась предплечья.

— Дваааа... — протянула издевательски Люда.

— Госпожа Карательница, можем договоримся? — весело залепетал Артем. Пытался улыбкой отвлечь внимание на себя.

— Ха-ха! Я не Карательница, я человек! — Люда демонстративно засмеялась и опустила пистолет вниз. — Видела бы ты свою рожу, Диана! Это того стоило! Знаешь, после нападок Роз я всегда ношу с собой оружие! — пистолетом она почесала нос.

А я не моргала. После страшной цифры «два» я больше не прикрывала глаза и видела, как Люда пистолетом аккуратно постукивала по лбу. Подруга смеялась и смеялась, а я не отмирала, продолжала стоять с поднятыми руками и молчать.

Что если бы...

Что если бы... я не встретила Гектора.

Что если бы у меня было сохранено стекло Клейменной.

Что если бы я не спасла однажды Люду возле позорного столба.

Что если бы Артем не спас от Гектора. Каратель, наверное, убил бы меня.

И что если бы Люда не помогла нам в ту Кровавую Ночь. Как ей дали название позднее. Первый день начала новой войны. Война — страшное слово. Никогда не думала, что познаю

ее, испробую ее сладость и горечь, наслажусь вдоволь. Война присутствовала в глупых учебниках, в процессе чтения которых я иногда благополучно засыпала от скуки. Уж больно сказочными казались. А теперь сказка — реальность и отнюдь не радужная.

Округ полностью был закрыт Карателями и пробраться в подвал, куда хотел Артем, не представлялось возможным. Поэтому был один вариант — остров, но чтобы туда попасть необходимо пересечь одну из трех границ. И это Люда нам устроила. Ее папа — крупный бизнесмен. У него неприкосновенность перед властями, вроде той, которую обеспечивал мне Гектор. Правда вранье, это оказался обыкновенный жучок. А я была приятно удивлена, в тот момент, когда дарил букву «И», очень тронута показательной заботой. Наивная я. Надо убить в себе наивность. Тупым ножом выковырнуть из себя эту отраву. Она слишком усложняла жизнь.

Люда перевезла нас через границу в багажнике машины, но это маленькое неудобство по сравнению со свободой.

Остановилась подруга на пустой трассе. Договорились встретиться ровно через неделю в пять утра на этом самом месте и Люда попытается нас провести к тому спасительному подвалу. Необходимо время, чтобы Каратели в округе немного успокоились.

— Спасибо! — поблагодарила, когда обнимала Люду. Понятно, что слова «спасибо» не достаточно, но может когда-нибудь сочтемся. Подруга похлопала по спине и улыбнулась напоследок без ненужных пафосных слов.

— Встретимся здесь же через неделю в это же время. Удачи! — пожелала Люда и помахала на прощание рукой.

Как хорошо! Как же хорошо было выйти из холодного округа Приама и окунуться в тепло острова.

Я наступила кроссовком со снега на белоснежный песок.

Один шаг...два...забежала и остановилась. Вдохнула полной грудью теплый, ласковый ветер. Блаженно прикрыла глаза и раскрыла руки навстречу новому дню. Навстречу солнцу. Я здесь. Я дома...дома...дома. Наконец-то мой любимый остров. Дом.

Опустилась на колени, обтянутые черными штанами, на белый песок, а потом плюхнулась лицом. От моего падения, поднялся столб песка, вспорхнул белым туманом перед глазами, попал на лицо и волосы, противно залез в ноздри. А я засмеялась, как малое дитя. Ладонями загребла песок и швырнула сначала в Элю, потом в Артема. И мы втроем развлекались много минут, купаясь в песке.

— Святая земля...Человеческий Бог! Спасибо! Спасибо!

Мы вновь возвращались каждый в свой дом, по серпантину острова.

Дом. Маленький, бревенчатый домик под сенью высоких, роскошных деревьев. Как давно это было?

Открыла скрипучую, ветхую дверь. Когда ее открываешь, кажется у нее что-то болит. Она плачет и жалуется. Зашла в темноту помещения — кухни и так сладко сжалось сердце, подпрыгнуло внутри от счастья.

Деревянный стол, три стула и маленькое окошко с занавесками — это вся роскошь в помещении. А дальше из кухни вела дверь направо — в мою комнату. Папина — налево.

Мягкая кровать, застланная красным пледом, и маленький шкаф-тумбочка для моего малого богатства. И окно, в которое по утрам светило солнце и будило.

Прошло два дня, решила я постирать вещи, в которых вернулась на остров. Подняла безрукавку, а та оказалась в песке. Правильно, мы же, как маленькие дети, купались в песке. Вспомнила то ощущение возвращения и опять сладко заныло в груди.

Вышла из дома чтобы, стряхнуть песок с безрукавки. И вдруг что-то блеснуло, засверкало на материале верхней одежды. Что это?

Сердце тревожно забилось, предчувствуя опасность.

Нет. Нет. Быть не может. Пальцем потрогала сверкающую кнопку, вживленную в куртку. Царапала ее. Царапала. Подушечками пальцев, ногтями пыталась содрать кругляшку. Убрать с куртки прочь эту ужасную серебристую кнопку, но та не поддавалась, намертво пристала к безрукавке.

Я побежала по серпантину вниз на берег. Смотрела на безрукавку на расстоянии вытянутой руки и жгла. Руками цеплялась в ткань безрукавки и жгла материал. Сгори! Сгори дотла! Красиво полыхало пламя на куртке, на моих пальцах. Сгори! Молилась я.

Но металлический жучок так и сидел на жженном, изуродованном материале безрукавки и ожидал, когда его отследят.

Когда Гектор успел его прицепить? Святая земля, только бы он умер. Только бы это был старый жучок и Гектор не отследил то место, где я перешла на остров, то корявое дерево-дуб в лесу. Умоляю.

POV Гектор

— Я ССССУКА ССССПОКОЕН! ССССПОКОЕН! — кричал Андрею в лицо и терел его за ворот рубахи до боли в сжатых пальцах. Хотелось внутренности из друга вытрясти, хоть на ком-то сорвать бешеное цунами эмоций.

— Я ВИЖУ, КАК ТЫ СУКА СПОКОЕН! Шипишь, как змея! — заорал в ответ Андрей пока я продолжал трясти его.

— Простите, а вы не могли потише? — спросила юная белокурая, невинная дева в костюме официантки. Находилась девушка рядом с нашим столиком, разглядывала нас на предмет адекватности. А я клонил Андрея через стол к себе и орал на все кафе. Привлекал внимание малочисленных постояльцев.

— НЕЛЬЗЯ ПОТИШЕ! — ответили синхронно с Андреем и переглянулись.

А я отпустил ворот друга, поправил его растрепанную одежду и уселся на стул. Удобно развалился, широко расставив ноги.

И пояснил Андрею:

— Я как, сука, удав, которого жестоко убили, а потом закопали в землю. Ноль жизни во мне!

Ладонью бахнул по столу и от этого звука, будто десятки молотков отбили мозги, зазвенели купола внутри черепа. Шорох, постоянное дребезжание в голове. Я не удержался, обматерил весь мир очередной раз и поправил повязку, скрывающую рассеченную, но защитную рану на затылке.

— Успокойся! — повторил Андрей.

Я отстранил руку ото лба и посмотрел очень внимательно на друга. Пожелал ему засунуть его «успокойся» примерно в задний проход.

— Я сейчас реально спокойный! — пояснил уравновешенным тоном, потому что боялся, повышу голос и вновь фейерверки начнут взрываться в черепной коробке.

Взял пачку сигарет, лежащую на столе, устроился поудобнее на стуле, боковую часть стопы закинул на колено другой ноги и закурил. Взял меню и начал листать и одновременно пояснять:

— Вот когда я проснулся в больнице, врач утверждает, что я был крайне неспокоен. Крушил лабораторию, поэтому ему пришлось меня успокоить. Семь санитаров пытались сдержать! — я усмехнулся над рассказом врача, и опять от улыбки-ухмылки голова начала жалобно ныть. — Пятерых я успел «успокоить», шестой, сука, мне в позвонок кольнул какую-то гадость — гнида!

Официантка приняла наш заказ, а в этот момент мое внимание привлекло движение сбоку за стеклом уютного, не изуродованного кафе. На улице намечался очередной концерт, как я называл это зрелище.

— Смотри! — пальцем указал на окно рядом с нами. — Ставки! Кто кого? — подмигнул Андрею.

На улице прекрасная, солнечная погода для конца декабря. Возле кафе — тротуар и редкие прохожие передвигались по улицам. А на дороге припаркована темная машина какого-то неудачника. А почему неудачника? Да потому что на капот его автомобиля только что упало тело Карателя. И как результат, капот всмятку. Владелец машины устанет

страховку выбивать, хотя какая страховка в военное время?

— Я на Клейменных ставлю! — сделал я ставку. Возле машины трое Клейменных напротив них двое Карателей и один валялся без движения на машине.

— А я за Карателей! Сотку ставлю! — решил Андрей поддержать наших.

Тем временем люди в кафе и за пределами кафе останавливались и смотрели за очередной стычкой на улице. Клейменные вылезли из своих нор с целью сбежать в соседний округ, отчаянно сражались за свободу уже несколько дней.

Сначала в стычке за стеклом драчуны махались кулаками. Клейменные пытались ветром — торнадо откинуть Карателей, а тем равнодушно. Энергия разбивалась об их тела, не причиняя боли, поэтому мужчины дрались руками и ногами. Правда Каратели в этом деле больше пока преуспевали.

— Моя работа! — с гордостью отметил, — уж, что-что, а я каждый день заставлял их заниматься. Каждый день следовали обязательные тренировочные бои, перед сменой и после, для поддержания физической формы и боевых навыков.

Заметив преимущество Карателей в рукопашном бою, Андрей начал ухмыляться и довольно посматривать в мою сторону. А потом один из Клейменных, обладающий ветром — торнадо оторвал кенгурятник у многострадальной машины и им ударил одного Карателя, а потом второго.

Мы моргнули с Андреем и машинально отклонились назад, будто боялись, что трупы навалятся на нас. А на стекле кафе одно тело оставило кровавую дорожку и опустилось без сознания на дорогу, следом второе тело Карателя ударилось о стекло и упало. А Клейменные сбежали.

Андрей цыкнул и положил сотку на стол. Будут как раз чаевые.

— А ты не хочешь покомандовать в своем округе? — раздраженно спросил друг и указал на рассасывающуюся толпу зевак перед кафе.

Официантка принесла пиво, с улыбкой продемонстрировала глубокое декольте на белой рубашке. Женщина! Я сейчас женщину не любить хочу, а убить. С особой жестокостью!

Я сегодня в коричневой майке, куртку скинул, а на правом предплечье повязка, которая до сих пор кровоточила, если перенапрягался.

Когда официантка ушла, я с удовольствием отпил светлое пиво с пеной. Какая красота!

— Ни за что! — четко проговорил я. — Я на больничном. Наша система в полной заднице, в рот я имел прикладывать туда силы, когда возглавляют нас такие ТУПЫЕ создания, как Наместник и Ольгердович!

Я опять начал медленно закипать.

— Ты представляешь! 20 лет! 20 лет Еж пудрил мозги Ольгердовичу. Как? — не унимался я и тряс рукой возле лица Андрея. — КАК? Он ухитрился 20 лет притворяться Карателем? Как? Целый округ вырвал из-под носа Наместника! Он полностью вне нашей системы. Вот это я понимаю, мозги! Не зря несколько лет убить пытаюсь, несчастные случаи устраиваю, а он — живой! Вот это понимаю, мозг! А не то, что наш тупой Ольгердович, который даже дочь не может воспитать! Что уж говорить о командовании.

— Ему не с кем посоветоваться. Из замов остался тупой Лис, ты и... — перебил Андрей.

— А мне насрать! — подвел итог. — Я на больничном. У меня эмоциональный срыв! И это сказал врач! — важно пальцем указал в потолок, намекая, что врач — это высшая инстанция и спорить с ним нельзя.

Когда в кафе зашла знакомая я замолчал, но когда ладонь коснулась правого плеча

стукнул девичью кисть.

— Не трогай! — закрыл правую руку в повязке, стараясь защитить больное место.

Оно мое. Это мое. Кровавая рана очень сильно пульсировала. Никто не может ее касаться. Никому не позволено. Только Диана ее касалась. Она оставила шрам-напоминание о себе. И меня бесит, если кто-то на рану смотрит или щупает руками. Бесит! Это мое клеймо.

Подруга присела на соседний стул, важно щелкнула пальцами в воздухе.

— Эй, официантка, водки! Литр!

Андрей и я удивленно переглянулись, а потом на огненно-красную подругу.

— Бухаем ребята! — улыбнулась она, а потом засмеялась среди испуганных клиентов кафе. Мы с Андреем опять переглянулись и продолжали смотреть на необычное состояние Люды.

Я ее с детства такой не видел — смеющейся от души. Скажем так, Люда обычно по натуре спокойная, тихая и очень скучная. Трахать ее трахал, но с ней нереально скучно.

А сейчас Люда — само обаяние. Счастливо смеялась, и раздавала воздушные поцелуи посетителям кафе, которые обращали внимание на ее смех.

— Ты меня сейчас зацелуешь, Гектор! — подарила мне очень яркую и многообещающую улыбку. — Я жучок приклеила к Диане! Я засекала место входа в их мир!!!!

И Люда свистнула в полноту легких, предварительно засунув пальцы промеж губ.

Я несколько секунд вместе с Андреем переглядывался, словно впервые видел Люду.

— Да ну на? — скупой заинтересовался, глядя на рыжую подругу. Не переставая изучал ее и удивлялся. И просто не понимал, где нахожусь? В полном гостей кафе, где каждый замолчал после заразительного смеха Люды. Или, сука, в раю!?

— Да, Гектор! Засекла! — и как взяла мою голову за затылок и присосалась к губам.

Пару секунд смысл сказанных слов не складывался в звенящей болью после сотрясения голове, а потом я вырвался из поцелуя, оттянул за плечи Люду от себя.

— Молодец! А я думал ты совсем тряпка!

И такая эйфория потекла по венам, невероятное тепло окутало тело. Вновь цунами эмоций завертелось внутри от одной мысли.

Один...два...три...четыре...пять,

Я иду тебя искать...

Диана.

Больше книг на сайте - Knigoed.net